СОЧИНЕНІЯ

В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ ПО КОСМОЛОГІИ И РАЦІОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Братства Преподобнаго Сергія.

2-я типографія
А. И. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.
1894.

Пров 38.

Академии Наук СССР

028
37

СОЧИНЕНІЯ В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. КУДРЯВЦЕВА-ПЛАТОНОВА,

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ,

ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ ВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ ПО КОСМОЛОГІИ И РАЦІОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Изданіе Братства Преподобнаго Сергія.

Сергіевъ Посадъ.

1894.

Типографіи Н. И. Снегиревой
въ Москвѣ и Сергіевомъ Посадѣ.

Печатать дозволяется. Марта 23 дня, 1894 г.
Ректоръ Моск. Дух. Акад. Архимандритъ Антоній.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стран.
1.	Матеріалистическій атомизмъ.	1—49
2.	Самостоятельность начала органической жизни. . .	50—115
3.	О происхожденіи органическихъ существъ. Теорія трансформаціи.	116—201
4.	Изъ чтеній по космологіи. Происхожденіе міра. . .	202—358
	I. Матеріалистическая теорія происхожденія міра. 210—264.—II. Дуалистическая и пантеистическая теоріи происхожденія міра. 264—283. — III. Рѣшеніе вопроса о происхожденіи міра съ точки зрѣнія теизма. 283—314.—IV. Опыты примиренія теистическаго ученія о твореніи съ другими теоріями происхожденія міра. 314—358.	
5.	Регрессивная и прогрессивная теорія происхожденія міра.	359—383

МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКІЙ АТОМИЗМЪ *).

Матеріализмъ, какъ показываетъ самое названіе его, признаетъ сущностью и абсолютнымъ началомъ всего существующаго матерію. Итакъ, понятіе матеріи есть основное и существенное для матеріализма; отъ правильности или неправильности этого понятія должна окончательно зависѣть судьба этого философскаго направленія и его состоятельность или несостоятельность въ рѣшеніи дальнѣйшихъ, болѣе спеціальныхъ вопросовъ. Поэтому, при научной критикѣ этого, столь къ несчастію распространеннаго въ наше время, направленія, прежде всего и важнѣе всего изслѣдовать, въ какой мѣрѣ проченъ самый фундаментъ матеріализма,—понятіе его о матеріи. Какъ скоро оказалось бы, что это основаніе далеко не прочно, что все громадное зданіе матеріализма на самомъ дѣлѣ построено не на твердомъ камнѣ, а на пескѣ, то этого достаточно было бы, чтобы произнести строгій и рѣшительный приговоръ надъ всею системою матеріализма. Отъ этого приговора не спасли бы его самые блестящіе, по видимому иногда столь увлекательные, опыты рѣшенія нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, касающихся природы и человѣка; потому что только легкомысліе можетъ увлекаться деталями, внѣшнею отдѣлкою и украшеніемъ зданія, которое грозитъ разрушиться при первомъ ударѣ въ его фундаментъ.

Вопросъ о матеріи, какъ субстратѣ чувственнаго бытія, не

*) Эта статья помѣщена была въ „Приб. къ Твор. Св. Отц." за 1880 г. ч. XXVI.

есть какая либо спеціальная принадлежность современнаго матеріализма; онъ принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ вопросовъ философствующаго ума. Природа, при непосредственномъ взглядѣ на нее, представляетъ намъ безчисленное множество отдѣльныхъ предметовъ съ самыми разнообразными свойствами фигуры, величины, цвѣта, запаха и пр. Но это разнообразіе не есть что нибудь постоянное и неизмѣнное; предъ нашими взорами ежеминутно идетъ самая разнообразная смѣна предметовъ, явленій, свойствъ, состояній. Міръ физическій представляется намъ царствомъ феноменовъ, постоянно текучихъ и измѣнчивыхъ; но разнообразіе требуетъ объединенія; но явленія и измѣненія предполагаютъ *нѣчто,* что является и измѣняется.

Отсюда, какъ скоро умъ человѣка переступилъ границы непосредственнаго созерцанія явленій природы, какъ скоро въ немъ пробудилась первая философская мысль при взглядѣ на природу, тотчасъ возникла попытка свести это безконечное разнообразіе явленій, въ которомъ терялась мысль, къ единству, отыскать общій неизмѣнный субстратъ или основу физическаго міра. Болѣе глубокое побужденіе къ такой попыткѣ, конечно, коренилось въ существенномъ, служащемъ мотивомъ самой философіи, требованіи мысли,—искать единства среди разнообразія предметовъ и явленій, первой и основной причины среди причинъ частныхъ и второстепенныхъ. Все дѣло знанія состоитъ въ сведеніи множественнаго, несвязнаго къ простому, опредѣленному и основному,—и эта цѣль инстинктивно предносилась уму первыхъ мыслителей въ ихъ стремленіи найти первое начало природы. Къ этому, чисто теоретическому, философскому требованію ума, въ свою очередь, присоединялись первоначальныя, конечно, очень поверхностныя, но, тѣмъ не менѣе, имѣвшія очень сильное вліяніе на возбужденіе и оправданіе этого требованія, эмпирическія наблюденія. Самыя простыя наблюденія должны были уже навести философовъ на мысль, что въ основаніи разнообразныхъ предметовъ природы должно лежать что либо болѣе простое и однообразное, *изъ чего* они возникаютъ и *во что* обращаются. Такъ напр. они замѣчали, что растеніе увядало, сгнивало, разрушалось, обращалось въ землю. Естественно приходило на мысль, что земля напр. и есть тотъ первоначальный субстратъ

или матеріалъ, изъ котораго образуются столь разнородныя растенія. Затѣмъ, и безъ химическихъ изслѣдованій, непосредственнаго наблюденія было достаточно, чтобы показать, что и земля въ свою очередь не есть что либо простое и однородное, что и она должна состоять изъ какихъ либо болѣе простыхъ и однородныхъ элементовъ; далѣе, что не всѣ предметы природы подобно растеніямъ разлагаются безъ остатка въ землю и изъ нея возникаютъ. Отсюда попытки отыскать болѣе всеобщую и первоначальную основу бытія, которая служила бы перво-элементомъ какъ земли, такъ и всѣхъ другихъ предметовъ.

Такимъ образомъ, и въ силу существенно принадлежащаго уму стремленія къ единству въ познаніи, и въ силу непосредственныхъ эмпирическихъ наблюденій, неизбѣжно возникалъ вопросъ о сущности, лежащей за многообразіемъ явленій природы и составляющей ихъ основу. Но такъ какъ ближайшимъ образомъ представлявшіяся уму на первыхъ порахъ его философскаго развитія явленія были физическія, такъ какъ изъ круга этихъ явленій не были еще выдѣлены психическія, какъ имъ по существу противоположныя, то вопросъ о первоосновѣ природы касался вообще всѣхъ явленій, какъ міра физическаго, такъ и духовнаго безразлично. Эта первооснова, этотъ субстратъ явленій, такъ какъ вниманіе первыхъ мыслителей было обращено главнымъ образомъ на явленія физическія, представлялся ими по образцу главныхъ и казавшихся имъ болѣе значительными въ экономіи природы физическихъ предметовъ, только въ большей ихъ общности и простотѣ. Для опредѣленія первоосновы измѣнчиваго бытія первые философы обращались къ самой же видимой природѣ и при помощи доступныхъ тѣмъ временамъ наблюденій старались въ числѣ разнообразныхъ предметовъ природы отыскать такой, который бы входилъ такъ сказать во всѣ другіе предметы ея, составлялъ бы необходимое условіе существованія всѣхъ ихъ и потому болѣе соотвѣтствовалъ бы понятію необходимости, всеобщности, первоначальности, которое требовалось идеею перваго основанія бытія. Такимъ предметомъ, такою матеріею однимъ изъ философовъ (Ѳалесъ) казалась вода, другимъ (Діогенъ Аполлонійскій) воздухъ, инымъ (Гераклитъ) огонь; другіе, находя неудовлетворительнымъ объясненіе разнообразія при-

роды изъ одного какого либо изъ этихъ элементовъ, признавали началомъ природы, или неопредѣленное смѣшеніе всѣхъ ихъ, или всѣ эти вещества, но присоединяя къ нимъ, одни землю, другіе эѳиръ. Отсюда мало по малу (окончательно у Емпедокла) образовалось извѣстное ученіе о четырехъ стихіяхъ, имѣвшее столь продолжительное существованіе, какъ въ области философіи, такъ и естествознанія.

Общая характеристическая черта всѣхъ этихъ представленій о матеріи, разработка которыхъ принадлежитъ преимущественно Іонійской, такъ называемой физіологической, школѣ, состоитъ а) въ томъ, что матерія представлялась субстратомъ явленій *качественно* опредѣленнымъ и, притомъ, по аналогіи съ какимъ либо дѣйствительнымъ, видимымъ нами, предметомъ природы, напр. водою, воздухомъ, огнемъ. Качественность составляла необходимый признакъ матеріи, безъ котораго она не могла быть чѣмъ либо опредѣленно, конкретно мыслимымъ, или, точнѣе сказать, представляемымъ. Этотъ качественный характеръ матеріи неизбѣжно оставался, несмотря на стараніе нѣкоторыхъ философовъ утончить, такъ сказать, ее, при мысли о ней сколь возможно отстранить представленіе о наглядныхъ предметахъ и явленіяхъ, напр. объ обыкновенной водѣ, обыкновенномъ огнѣ и пр. б.) Второй характеристическій признакъ разсматриваемаго нами понятія о матеріи тотъ, что она была представляема какъ нѣчто *сплошное*, связно и непрерывно протяженное повсюду, безъ промежутковъ наполняющее міровое пространство. Чувственною аналогіею для такого представленія о матеріи могъ служить воздухъ или вода. Матерія, употребляя принятый для этого въ философіи терминъ, по такому воззрѣнію на нее, есть *continuum*, т. е. сплошь протяженное бытіе. Объясненіе происхожденія предметовъ изъ такой матеріи возможно только при предположеніи ея *сжимаемости* и *расширяемости;* большая или меньшая степень сгущенія и разрѣженія матеріи производитъ различные предметы природы. Дѣйствительно мы и видимъ, что понятіе сгущенія и разрѣженія играетъ существенную роль въ космологіи Іонійскихъ философовъ.

Но на ряду съ такимъ представленіемъ о матеріи возникаетъ въ древней философіи другое, которому суждено имѣть въ послѣдствіи огромное вліяніе на ходъ естествознанія,—это

теорія атомистическая. Она представляетъ совершенную противуположность теоріи матеріи, какъ качественно опредѣленнаго continuum. Вопреки мнѣнію о качественной опредѣленности первовещества, является мысль о совершенной его безкачественности. Матерія сама по себѣ не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ или подобныхъ качественныхъ свойствъ, какими характеризуются дѣйствительные предметы природы. Ей принадлежатъ только количественныя, геометрическія опредѣленія; первоначальныя частицы матеріи могутъ различаться только по величинѣ и фигурѣ. Вопреки мнѣнію о сплошной протяженности матеріи, раждается мысль о ея абсолютной раздробленности на мельчайшія недѣлимыя частицы, отдѣленныя пустыми промежутками; матерія представляется не въ видѣ continuum, но въ видѣ атомовъ.

Атомизмъ—ученіе чрезвычайное древнее. У Греческихъ писателей *) сохранилось преданіе, что родина его на Востокѣ; начало атомистической теоріи они приписываютъ какому то Финикіянину Моску или Оху, жившему будто бы еще до Троянской войны. Но гораздо важнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ это темное преданіе, тотъ фактъ, что въ Индіи въ глубокой древности дѣйствительно встрѣчается атомистическое ученіе и, при томъ, въ видѣ довольно развитой философской теоріи. Оно изложено въ философской системѣ Вайсешика, авторомъ которой признается Канада. Впрочемъ, Канада атомистическую сложность допускаетъ только для предметовъ міра матеріальнаго; духовное начало, безконечный Разумъ, есть второе самостоятельное начало бытія. Къ мысли о существованіи атомовъ Канада приходитъ вслѣдствіе метафизической невозможности допустить продолженіе дѣлимости до безконечности. „Если-бы каждое тѣло, говоритъ онъ, было сложено изъ безконечнаго количества частицъ или, иначе, если бы оно было дѣлимо, то не было бы никакого различія между маленькимъ зерномъ и большою горою, потому что безконечное въ одномъ было бы равно безконечному въ другомъ“. На этомъ основаніи онъ признаетъ матерію вообще сложенною изъ недѣлимыхъ, неразрушаемыхъ вѣчныхъ частицъ или атомовъ. Атомы не могутъ быть предметомъ чувственнаго наблюденія, потому что въ та-

*) Посидонія, Страбона (Lib. XIV), Секста Емпирика (Adv. Mathem.) и др.

комъ случаѣ они не были бы истинными началами, но, подобно другимъ вещественнымъ предметамъ, дѣйствующимъ на наши органы чувствъ, подлежали бы измѣненію и разрушенію. Каждая изъ главныхъ стихій природы состоитъ изъ атомовъ особаго рода; есть атомы земляные, воздушные, свѣтовые и пр. Сочетаніе атомовъ при образованіи тѣлъ и разъединеніе ихъ при разрушеніи происходитъ не случайно, но по правильнымъ неизмѣннымъ законамъ, которые и старается затѣмъ опредѣлить философія Канады.

Нѣтъ никакой необходимости, по примѣру нѣкоторыхъ ученыхъ, приводить эту восточную атомистику въ родственную историческую связь съ Греческою философіею Левкиппа и Демокрита, основываясь на сказаніяхъ о путешествіяхъ этихъ философовъ на Востокъ. Греческая атомистика, на подробностяхъ которой, какъ на достаточно извѣстныхъ, мы здѣсь не останавливаемся, могла возникнуть и самостоятельно, въ слѣдствіе сознанія неудовлетворительности прежнихъ Іонійскихъ представленій о матеріи. Это вполнѣ вѣроятно, хотя при общей скудости свѣдѣній о до—сократовской философіи, исторія философіи и не указываетъ намъ ясно мотивовъ возникновенія философіи Левкиппа въ преемствѣ другихъ системъ, такъ что на первый взглядъ она кажется возникшею внезапно, безъ особыхъ причинъ, что и дало можетъ быть поводъ считать ее плодомъ заимствованія съ Востока. Мысль о генетической связи атомизма съ Греческими, а не Восточными системами подтверждается и тѣмъ, что первые начатки этого ученія замѣтны уже въ философіи Емпедокла и особенно Анаксагора. Оміомеріи послѣдняго, въ сущности, тѣже атомы, только съ качественнымъ еще характеромъ, не атомы вообще, отличающіеся только величиною и формою, но атомы опредѣленныхъ веществъ, напр. воды, золота, плоти, костей и пр. Откиньте отъ Анаксагоровыхъ оміомерій ихъ качественный характеръ и вы получите атомы Левкиппа и Демокрита.

Отличительный характеръ ученія о матеріи большей части до—сократовскихъ мыслителей (Іонійцевъ) состоялъ въ томъ, что они понимали ее, какъ первооснову не только того бытія, которое мы называемъ матеріальнымъ, но всего бытія вообще; они производили изъ своего первоначала не только физическія, но и психическія явленія. Но такъ какъ и первымъ философамъ

не могло показаться удобнымъ производить изъ чисто матеріальныхъ началъ такія явленія, какъ напр. разумность, жизнь, сознаніе, то они устраняли это затрудненіе тѣмъ, что самой своей перво-матеріи наравнѣ съ физическими свойствами, напр. сжимаемостію и расширяемостію, приписывали и духовныя, напр. разумъ. Огонь Гераклита, воздухъ Анаксимена и Діогена были живыми, дѣйствующими, разумными началами, назывались умомъ, Зевсомъ; это ученіе объ одушевленности матеріи,—гилозоизмъ. Когда со временъ Анаксагора начало разумное и духовное было ясно выдѣлено изъ матеріальнаго и противопоставлено ему, какъ противоположное, то точнѣе опредѣлилось и понятіе о матеріи, какъ началѣ пассивномъ, неразумномъ. То и другое начала были поставлены какъ два равноправныя, самобытныя и одинаково необходимыя условія бытія; отсюда возникъ дуализмъ. Но недостатки дуализма не могли укрыться отъ такихъ проницательныхъ мыслителей, какъ Платонъ и Аристотель. Въ ихъ философіи мы находимъ стремленіе, если не окончательно уничтожить понятіе о самобытности матеріи (что было невозможно по коренному характеру Греческой философіи, которой былъ чуждъ тотъ рѣшительный и послѣдовательный идеализмъ, который составляетъ принадлежность новой философіи), то, по крайней мѣрѣ, утончить до послѣдней возможности представленіе о ней съ цѣлью умалить ея самостоятельное значеніе. Такъ Платонъ въ сравненіи съ бытіемъ идеальнымъ, съ міромъ не вещественныхъ идей, называетъ ее чѣмъ то не сущимъ (μὴ ὄν); Аристотель опредѣляетъ ее, какъ бытіе возможное или въ возможности. Но въ системахъ слѣдующихъ за этими корифеями Греческой философіи мыслителей мы замѣчаемъ уже не опыты дальнѣйшаго развитія понятія о матеріи на основаніи началъ, положенныхъ Платономъ и Аристотелемъ, но упадокъ мышленія, возвращеніе къ прежнимъ до-сократовскимъ представленіямъ о ней. Такъ, изъ двухъ наиболѣе вліятельныхъ послѣ Аристотеля школъ, Епикурейская развиваетъ ученіе объ атомахъ Демокрита, а Стоическая останавливается на гилозоическомъ огнѣ Гераклита, какъ первоосновѣ бытія. Въ средневѣковой философіи, по самому характеру ея, ученіе о матеріи не могло возбуждать большаго интереса. Оно остановилось на той точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ Аристотель, а нѣкоторые средне-

вѣковые философы не шли дальше ученія о четырехъ стихіяхъ, которыя признали созданными Богомъ первыми элементами вещественной природы.

Съ обновленіемъ философіи Декартомъ и Бэкономъ возобновляются и два коренныя понятія о матеріи древнихъ,— представленія ея въ видѣ сплошнаго continuum и въ видѣ атомовъ. Декартъ понималъ матерію какъ протяженіе, а протяженіе и мышленіе почиталъ двумя сотворенными субстанціями,—первое основаніемъ физическаго, второе—духовнаго міра. Бэконъ, вообще, хвалилъ атомистическое воззрѣніе Епикура, не входя самъ въ разъясненіе вопроса о сущности матеріи. Возобновителемъ системы атомизма въ новое время обыкновенно считаютъ Гассенди, философа XVII вѣка. Общее многимъ мыслителямъ того времени полемическое направленіе противъ Аристотеле—схоластической философіи, которое его современника Декарта вывело на путь идеализма, направило Гассенди на путь эмпиризма. Что, ратуя въ интересахъ эмпирическаго знанія, Гассенди, также какъ и Бэконъ, возставалъ противъ Аристотеля, наиболѣе эмпирическаго философа древности, это объясняется тѣмъ недоразумѣніемъ, по которому тотъ и другой схоластическую философію, враждебно относившуюся къ положительному знанію, считали подлинно Аристотелевскою. Но какъ бы то ни было, незнакомый съ истиннымъ духомъ Аристотелевскаго эмпиризма Гассенди въ интересахъ послѣдняго обратился къ давно забытой атомистической теоріи, которую онъ обновилъ для своего времени въ своемъ сочиненіи: de vita et moribus Epicuri. Впрочемъ, атомизмъ Гассенди былъ чуждъ того матеріалистическаго характера, съ какимъ онъ является у древнихъ атомистовъ и у новѣйшихъ матеріалистовъ; его атомы служатъ не первоосновою всего бытія вообще, но только бытія матеріальнаго. Какъ самое существованіе атомовъ, такъ и законы ихъ сочетанія и движенія Гассенди производитъ изъ всемогущества Божія *).

Но возобновленный, хотя и видоизмѣненный въ его существенномъ характерѣ, древній атомизмъ не удержался однако же въ общемъ движеніи собственно философскаго мышленія

*) Точно также какъ и Робертъ Бойль (1661), основатель химіи.

въ новое время. Атомизмъ Гассенди представляется явленіемъ спорадическимъ, не имѣвшимъ дальнѣйшихъ результатовъ. Возобновленіе атомистической теоріи въ ближайшее къ намъ время совершилось первоначально не въ области философіи, но въ области наукъ естественныхъ и шло такъ постепенно съ постепеннымъ ихъ развитіемъ, что нельзя указать ни на одно опредѣленное имя, съ которымъ бы можно соединить мысль о возстановленіи атомизма *). Въ началѣ, теорія атомовъ возникаетъ какъ наиболѣе удобная гипотеза для объясненія строго законосообразныхъ, основанныхъ на точной пропорціональности вѣса и объема, химическихъ отношеній веществъ. Она еще нисколько не связывается съ тѣмъ или другимъ философскимъ направленіемъ и совершенно равнодушна къ тѣмъ выводамъ, какія философія можетъ сдѣлать изъ нея относительно вопроса о сущности матеріи или еще болѣе отвлеченнаго вопроса,—о сущности и началѣ бытія вообще. Впослѣдствіи къ атомизму, какъ въ гипотезѣ, достаточно утвердившейся въ области естествознанія **), примыкаетъ матеріалистическое міросозерцаніе, стараясь найти въ немъ эмпирическія для себя основы и наконецъ такъ органически сливается съ нимъ въ ученіи новѣйшихъ матеріалистовъ: Фохта, Молешотта и др , что для недостаточно развитыхъ философски умовъ атомизмъ представляется синонимомъ матеріализма, ученіемъ съ нимъ совершенно тожественнымъ.

Но теорія атомизма, не смотря на обширное распространеніе ея въ кругу естествоиспытателей, никогда не пользовалась сочувствіемъ въ мірѣ собственно философскомъ. За исключеніемъ матеріалистовъ, безусловно къ ней примкнувшихъ, мы насчитаемъ едва нѣсколько, и то далеко не первостепенныхъ, именъ философовъ, которые были бы ея защитниками. Справедливо замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ нихъ (Фехнеръ), что вопросъ объ атомахъ есть можетъ быть пунктъ, въ кото-

*) Свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи новѣйшаго атомизма, см. у Lange, въ его Geschichte des Materialismus. 1874. 11 B. стр. 181 и слѣд.; также Fechner, Atomenlehre, 1864. стр. 222 и слѣд.

**) На сторонѣ атомистической теоріи рѣшительно становятся почти всѣ высшіе авторитеты въ области физики и химіи: Біо, Коши, Пуассонъ, Моаньо, Араго, Берцеліусъ, Грагамъ, Либихъ, В. Веберъ и др. См. Ulrici, Gott und Natur. 1862. 19.

ромъ современное естествознаніе и современная философія вступаютъ въ самое рѣзкое между собою столкновеніе и наиболѣе всего расходятся другъ съ другомъ *). Дѣйствительно, начиная отъ корифеевъ новѣйшей философіи: Канта, Шеллинга, Гегеля, до современныхъ второстепенныхъ философовъ, большая часть ихъ или рѣшительно неблагопріятно относятся къ атомизму или, хотя подъ давленіемъ авторитета естественныхъ наукъ и принимаютъ его (напр. Ульрици), но въ такомъ видоизмѣненномъ и смягченномъ видѣ, что онъ совершенно теряетъ матеріалистическій характеръ. Что касается до философовъ строго идеалистическаго направленія, напр. Фихте, Шеллинга, Гегеля, то понятно, что, по самому характеру ихъ философіи, вопросъ о матеріи, какъ о самостоятельномъ началѣ особаго круга явленій, для нихъ исчезалъ при идеалистическомъ выведеніи всего существующаго изъ одного начала, абсолютнаго. Въ системахъ философовъ, чуждыхъ односторонняго идеализма, мы замѣчаемъ въ настоящее время два главныхъ взгляда на матерію. Одинъ динамическій, родоначальникомъ котораго служитъ Кантъ, по которому въ основѣ такъ называемаго матеріальнаго міра лежитъ не матерія, а силы, разнообразныя отношенія которыхъ условливаютъ разнообразіе явленій природы. Другой,—монадологическій, который не смотря на частныя особенности, лежитъ въ основѣ представленій о сущности бытія у Лейбница и Гербарта. Монады Лейбница и простыя реальности Гербарта суть недѣлимыя, невещественныя, первоначальныя основы бытія, какъ физическаго, такъ и духовнаго міра.

Изъ представленнаго нами очерка различныхъ понятій о матеріи уже можно угадывать, на какомъ изъ нихъ долженъ остановиться современный матеріализмъ. Что ни идеалистическое понятіе о матеріи, ни динамизмъ, ни монадизмъ не пригодны для матеріализма, это само собою очевидно. Итакъ основою матеріалистическаго міросозерцанія могли служить только два изъ представленныхъ нами понятій о матеріи: представленіе о ней какъ о continuum,—субстанціи сплошь наполняющей пространство и представленіе о ней атомистическое. Почему именно матеріализмъ остановился на послѣднемъ, а не

*) Fechner, Ueber die phisyk. u. philos. Atomelehre. 1864. 4.

на первомъ, которое одинаково могло служить для его цѣли, это отчасти зависѣло отъ исторической традиціи, а болѣе отъ того значенія, которымъ пользуется въ настоящее время атомистическая теорія въ области естествознанія. Съ одной стороны, всѣ замѣчательные матеріалисты древняго и новаго міра (Демокритъ, Епикуръ, Лукрецій, Кондильякъ, Гольбахъ, Гельвецій) были атомисты, съ другой, атомистическая теорія есть единственная, которая, возникши первоначально въ области философіи, принята естествознаніемъ, какъ наиболѣе удовлетворяющая его требованіямъ. Для матеріализма, при слабости чисто философскихъ доводовъ въ свою пользу, конечно, было очень выгодно связать свои интересы съ интересами столь уважаемыхъ въ наше время естественныхъ наукъ и поставить дѣло такъ, какъ будто съ признаніемъ или отрицаніемъ матеріализма существенно соединено признаніе или отрицаніе безспорныхъ данныхъ естествознанія. Но на самомъ дѣлѣ эта связь мнимая, а не дѣйствительная. И въ прежнее время и въ настоящее атомизмъ не необходимо роднился съ матеріализмомъ; были и въ древности и въ новое время матеріалисты не атомисты; были и есть защитники атомизма, совершенно чуждые матеріализма, напр. Гассенди, Ньютонъ и въ наше время Фехнеръ. И въ настоящее время далеко не всѣ естествоиспытатели—матеріалисты, не смотря на то, что почти всѣ они допускаютъ ученіе объ атомахъ, какъ наиболѣе удовлетворительную гипотезу для объясненія извѣстныхъ явленій природы. Отсюда видно, что мы должны различать между атомизмомъ, какъ извѣстною теоріею матеріи и атомизмомъ матеріалистическимъ, который и будетъ предметомъ нашего изслѣдованія. Атомизмъ получаетъ характеръ матеріалистическій въ томъ случаѣ, когда атомы а., признаются первоосновою не только матеріальнаго, но и духовнаго бытія, когда изъ разнообразнаго сочетанія ихъ стараются объяснить не только физическія, но и психическія явленія; б., когда они сверхъ того признаются первоосновою самобытною, непроисшедшимъ, вѣчнымъ и единственнымъ началомъ бытія,—словомъ,—началомъ абсолютнымъ. Но очевидно, что оба эти предположенія не состоятъ еще ни въ какой существенной связи съ ученіемъ объ атомахъ самихъ по себѣ. Допуская существованіе атомовъ или матеріи въ этой ея опредѣленности, мы изъ самаго по-

нятія атомовъ, независимо отъ постороннихъ привносимыхъ сюда идей, не можемъ извлечь никакого вывода о томъ, первоначальны ли они и самобытны или созданы какою либо высшею силою, служатъ ли они основою всего бытія вообще или только матеріальнаго. Рѣшеніе этихъ вопросовъ выходитъ за границы чистаго атомизма и вообще не связывается непосредственно съ такою или иною теоріею матеріи. Если матеріализмъ рѣшаетъ эти вопросы своеобразнымъ и ему одному свойственнымъ способомъ, то, какъ уже отчасти можно видѣть изъ представленнаго нами историческаго очерка и что̀ надѣемся яснѣе показать впослѣдствіи, причина тому заключается не въ самомъ атомизмѣ, но въ примыкающихъ къ нему чисто метафизическихъ понятіяхъ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы намѣрены разсмотрѣть атомистическую теорію саму по себѣ, независимо отъ тѣхъ приложеній, которыя дѣлаетъ изъ нея матеріализмъ для рѣшенія вопросовъ о происхожденіи и устройствѣ вселенной.

Главное условіе каждой имѣющей притязаніе на состоятельность въ философскомъ мірѣ теоріи, конечно, должно состоять въ томъ, чтобы основной принципъ ея принадлежалъ къ числу твердо установленныхъ и состоятельныхъ понятій. Если матеріализмъ изъ числа существующихъ представленій о матеріи, (которыя, какъ мы видѣли, очень разнообразны) беретъ для обоснованія своей системы именно атомистическую, то, понятно, она, въ сравненіи по крайней мѣрѣ съ другими, должна имѣть большую твердость и основательность. Это тѣмъ болѣе необходимо, что для матеріализма вопросъ здѣсь идетъ не только о субстратѣ чувственнаго или физическаго бытія, но объ абсолютномъ началѣ всего сущаго, что съ представленіемъ объ этомъ субстратѣ для него соединяется не только рѣшеніе вопросовъ, касающихся природы видимой, ея устройства, состава, но и отвѣтъ на самые жизненные вопросы религіозные, психологическіе, нравственные. Его понятіе о матеріи должно быть не только принципомъ объясненія природы (какъ въ естествознаніи), но объясненія всего существующаго,—принципомъ цѣлаго философскаго міросозерцанія.

Но такова ли атомистическая теорія сама по себѣ, чтобы ее можно было класть въ основаніе подобнаго міросозерцанія?

Сущность атомистической теоріи, если мы отвлечемъ ее отъ тѣхъ разнообразныхъ спеціальныхъ примѣненій къ объясненію различныхъ физическихъ и химическихъ явленій природы, которыя она получаетъ въ естествознаніи, очень проста и имѣетъ неоспоримое преимущество ясности и наглядности предъ другими представленіями матеріи. Въ основѣ различныхъ предметовъ и явленій природы лежитъ безконечное множество дискретныхъ, первоначальныхъ, однородныхъ, не доступныхъ по ихъ чрезвычайной малости наблюденію, абсолютно недѣлимыхъ частичекъ вещества,—атомовъ. Эти атомы, раздѣленные между собою пустыми промежутками, вслѣдствіе взаимнаго сближенія и отдаленія, условливаемаго дѣйствіемъ присущихъ имъ силъ, производятъ всѣ тѣла и все замѣчаемое нами разнообразіе естественныхъ явленій.

Хотя атомы, какъ послѣднія, мыслимыя нами, основанія бытія, по существу своему однородны, но для болѣе удобнаго объясненія явленій природы, атомистическая теорія предполагаетъ различіе между вѣсомыми и невѣсомыми атомами. Вѣсомые атомы—это послѣднія элементарныя частицы чувственно являющихся намъ физическихъ тѣлъ природы; невѣсомые наполняютъ собою какъ промежутки между вѣсомыми атомами въ составѣ тѣлъ, такъ и цѣлыя міровыя пространства между отдѣльными міровыми тѣлами; они образуютъ тотъ видъ матеріи, который обыкновенно называютъ эѳиромъ. Тогда какъ вѣсомые атомы, въ силу присущей имъ силы притяженія (химическаго сродства и др.), въ опредѣленной степени для каждаго производятъ тѣла различнаго рода, невѣсомые атомы, обладая силою отталкиванія и окружая эѳирною оболочкою атомы вѣсомые, не допускаютъ абсолютнаго сближенія ихъ. Кромѣ того, невѣсомые атомы служатъ средою передачи какъ механическаго движенія между міровыми тѣлами, такъ и дѣйствія такъ называемыхъ транзиторныхъ силъ: свѣта, тепла, электричества, магнетизма.

Отъ атомовъ большая часть естествоиспытателей отличаютъ молекулы. Различіе между атомами и молекулами обыкновенно полагается въ томъ, что атомы суть послѣднія, безусловно недѣлимыя, частицы матеріи, а молекулы—частицы, которыя уже сложены изъ этихъ послѣднихъ частичекъ. Такъ напр. послѣднія, малѣйшія недѣлимыя частицы кислорода и водо-

рода (предполагая, что кислородъ и водородъ суть простыя тѣла) будутъ атомы, а послѣднія малѣйшія частицы воды будутъ молекулы, такъ какъ эти малѣйшія частицы уже сложены изъ атомовъ кислорода и водорода.

Доказательства въ пользу существованія атомовъ, какъ первоначальной формы матеріи, двухъ родовъ. Одни основываются на дѣйствительномъ наблюденіи надъ физическими и химическими процессами природы и потому могутъ быть названы эмпирическими; другія имѣютъ въ виду теоретическія требованія мышленія, не допускающія будто бы никакого другаго представленія о матеріи, кромѣ атомистическаго. Остановимъ вниманіе на тѣхъ и другихъ.

1. Безпристрастные дѣятели въ области чистаго естествознанія главнымъ мотивомъ признанія атомистической теоріи матеріи выставляютъ обыкновенно тотъ, что эта теорія болѣе, чѣмъ всякая другая, подходитъ къ объясненію физическихъ и химическихъ явленій; въ этомъ согласны почти всѣ естествоиспытатели. И дѣйствительно, въ этомъ предпочтеніи атомистической теоріи всякой другой, въ большей части случаевъ, нѣтъ никакого вліянія какихъ-нибудь предзанятыхъ философскихъ тенденцій. Мы говоримъ здѣсь о чистомъ естествознаніи, а не о матеріализмѣ, какъ философской системѣ, для которой признаніе матеріальной основы бытія именно въ видѣ атомовъ, конечно, условливается не одними только естественно-научными требованіями, но и интересами его міросозерцанія. Но, несмотря на особенное значеніе, которое долженъ имѣть атомизмъ для этого міросозерцанія, оно однако-жъ не нашло и не представило никакихъ новыхъ или болѣе сильныхъ доказательствъ въ его пользу, кромѣ тѣхъ, кои даны естествоиспытателями, чуждыми матеріалистическаго направленія *).

а) Первое и самое ясное изъ этихъ доказательствъ даетъ физика. Такимъ доказательствомъ служитъ фактъ сжимаемости матеріи и эластическихъ тѣлъ. Эта сжимаемость именно показываетъ, что тѣла пористы, т. е. что малѣйшія частицы

*) При изложеніи эмпирическихъ доказательствъ мы имѣли въ виду преимущественно Atomenlehre Фехнера, 2-е изд. 1864; ср. также: Frohschammer, Ueber die Aufgabe d. Naturphilosophie. 126 - 177; Ulrici, Gott und Natur, 1862. 15—24.

ихъ такъ между собою расположены, что между ними существуютъ пустые промежутки, которые могутъ увеличиваться и уменьшаться отъ нажиманія тѣла, тепла, холода и пр. Мы видимъ напр., что проволока или нить, если ее постепенно натягивать, растягивается больше и больше и, наконецъ, рвется. Это явленіе можетъ быть объяснено только при предположеніи атомовъ, то есть, разъединяющихся и отдѣльныхъ одна отъ другой частичекъ матеріи. По противуположному взгляду на матерію, который видитъ въ ней сплошь протяженную субстанцію (continuum), проволока съ начала до конца должна представляться сплошною и натянуть ее значитъ уменьшить только ея плотность; но въ такомъ случаѣ, какъ ни усиливайте натягиваніе, хотя бы до безконечности, результатъ будетъ одинъ и тотъ же—безконечное только уменьшеніе плотности. Разрывъ проволоки и начало ея дѣлимости діаметрально противорѣчитъ этому взгляду; тогда какъ по атомистическому воззрѣнію это явленіе объясняется очень просто, а именно,—разстояніе между атомами, сначала незамѣтное, постепенно увеличиваясь посредствомъ натягивающей силы, доходитъ до того, что становится наконецъ видимымъ на какомъ-либо мѣстѣ,—происходитъ разрывъ. Также точно, безъ помощи атомистической теоріи, мы не можемъ объяснить и того, какимъ образомъ можно не только разорвать тѣло, но и раздавить его. Если представлять себѣ вещество въ видѣ непрерывно протяженной сплошной массы, то при давленіи слѣдовало-бы ожидать только постепеннаго уплотненія массы и значитъ утонченія ея. Атомистическою теоріею напротивъ легко объясняется, какимъ образомъ связь отдѣльныхъ частицъ, зависящая отъ ихъ расположенія, можетъ быть уничтожена давленіемъ, какимъ образомъ по направленію давленія плотность можетъ увеличиваться, напротивъ, по направленію перпендикулярному доходитъ до нуля и т. д.

б) Второе основаніе къ признанію атомовъ даетъ намъ химія. Атомы, по мнѣнію химиковъ, должны быть приняты потому, что ими лучше всего объясняются правильныя пропорціи, въ которыхъ соединяются тѣла, ихъ эквиваленты и мультиплы. Химическія вещества смѣшиваются между собою постоянно въ опредѣленныхъ неизмѣнныхъ частяхъ вѣса и въ отношеніяхъ, которыя называются эквивалентами и кото-

рыя столь постоянны, что сами служатъ какъ бы критеріями при химическихъ анализахъ. Напр. кислородъ всегда соединяется съ другими веществами въ 8 частяхъ вѣса; поэтому 8 есть опредѣленный его эквивалентъ; водородъ постоянно въ одной части вѣса, поэтому 1 есть его эквивалентъ; сѣра въ 16, ртуть во 100, азотъ въ 14, углеродъ въ 6, хлоръ въ 35 и т. д. Эквивалентами или равнозначущими эти части вѣса называются потому, что въ отношеніи къ химическому дѣйствію, притяженію, смѣшенію, они имѣютъ одинаковое значеніе или одинаковое дѣйствіе. Такъ напр. 16 по вѣсу частей сѣры суть эквивалентъ, значитъ, тоже, что 100 частей по вѣсу ртути, то есть, только 16 частей по вѣсу сѣры связываютъ или соединяютъ съ собою 100 частей по вѣсу ртути; только одна часть по вѣсу водорода соединяетъ съ собою 8 частей кислорода. Такимъ образомъ, химическія вещества соединяются между собою постоянно только въ этихъ твердо опредѣленныхъ вѣсовыхъ отношеніяхъ или эквивалентахъ.

Поэтому, когда случается, что въ химическомъ соединеніи, напр., относительно находится больше кислорода, чѣмъ 8 по вѣсу частей, то это *больше*, эта прибавка, чтобы составилось новое химическое соединеніе, должна простираться уже не на 1, 2, 3 и т. д. части вѣса, но постоянно вдвое или втрое эквивалента 8. Отсюда напр. въ трехъ видахъ соединенія сѣры съ кислородомъ: 1) подсѣрнистая кислота содержитъ 16 частей сѣры и 8 кислорода; 2) сѣрнистая кислота,—16 частей сѣры и 16 (то есть 8 + 8) частей кислорода; 3) сѣрная кислота—16 частей сѣры и 24 (т. е. 8 + 8 + 8) частей кислорода. Эти удвоенные и утроенные въ химическихъ соединеніяхъ эквиваленты называются мультиплами.

Отъ чего происходитъ это явленіе? Химики утверждаютъ, что постоянство и неизмѣнность этихъ эквивалентовъ и мультиплъ могутъ быть объяснены только съ признаніемъ атомовъ различнаго вѣса въ различныхъ веществахъ. Этотъ различный вѣсъ и выражается ихъ различными эквивалентами, составляющими какъ бы единицы, которыя потомъ и соединяются по двое и по трое въ химическихъ смѣшеніяхъ. Такъ напр. эквивалентъ сѣры 16 и эквивалентъ кислорода 8; значитъ, что 8 атомовъ кислорода по вѣсу значатъ столько же, сколько

16 атомовъ сѣры или 100 атомовъ ртути или 14 атомовъ азота и т. д. Только тѣмъ именно, что эквиваленты образуютъ недѣлимыя единства, происходящія отъ неизмѣнности основныхъ частицъ матеріи, и можно объяснить, почему химическія соединенія постоянно имѣютъ мѣсто въ строго опредѣленныхъ, пропорціональныхъ частяхъ вѣса и почему какъ скоро вѣсъ эквивалента въ соединеніи превышается, то это дѣлается не на какую либо часть его, но постоянно на цѣлый эквивалентный вѣсъ; почему напр. чтобы прибавить къ сѣрѣ кислорода для образованія новаго химическаго тѣла, нужно добавить не 3 или 2 части къ 8 (эквивалентъ кислорода), но или 16 или 32. Это происходитъ именно отъ того, что атомы, какъ твердыя и неизмѣнныя единицы, соотвѣтствуютъ эквивалентамъ вѣса и по ихъ сущности не могутъ быть дѣлимы, такъ что химическое соединеніе тѣлъ происходитъ на цѣлый атомъ каждаго изъ соединяемыхъ веществъ, а не на одну какую либо часть или половину его. Такъ напр. въ водѣ атомъ водорода, котораго вѣсъ сравнительно съ другими веществами есть 1, соединяется съ однимъ атомомъ кислорода, котораго вѣсъ 8. Въ киновари 1 атомъ сѣры, котораго относительный вѣсъ 16, соединяется съ однимъ атомомъ ртути, котораго вѣсъ 100. Поэтому и далѣе, если бы нужно было соединить одинъ атомъ сѣры съ двумя атомами ртути, то это соединеніе произошло бы въ отношеніи 16 частей вѣса сѣры съ 200 частей ртути.

Очевидно, доказывая такимъ образомъ существованіе атомовъ, химики исходятъ изъ предположенія, что атомы различныхъ веществъ имѣютъ различный вѣсъ, и что именно эквиваленты, въ которыхъ смѣшиваются эти вещества, выражаютъ соотвѣтствующій вѣсъ самихъ атомовъ. Конечно, точно доказать этого нельзя, потому что нельзя свѣсить отдѣльныхъ атомовъ, чтобы рѣшить, имѣютъ ли они равную или различную тяжесть. Но въ пользу предположенія о различіи вѣса атомовъ, кромѣ ясности и простоты, съ какими при этомъ могутъ быть объяснены пропорціи, въ которыхъ соединяются различныя вещества, повидимому, говоритъ фактъ сравнительнаго отношенія объема веществъ. Именно, если мы химическія элементарныя вещества, изъ которыхъ нѣкоторыя легко могутъ быть приведены въ газообразный видъ, заключимъ въ равныя по

объему вмѣстилища и затѣмъ взвѣсимъ и чрезъ то получимъ относительный вѣсъ газовъ при одинаковомъ ихъ объемѣ, то найдемъ (по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ), что специфическій вѣсъ различныхъ веществъ при одинаковомъ ихъ объемѣ находится въ точномъ отношеніи къ ихъ эквивалентамъ. Напр. хлоръ и водородъ смѣшиваются въ отношеніи ихъ эквивалентовъ какъ 1 (водородъ) и 35, 5 (хлоръ); одинаковые же объемы хлорнаго и водороднаго газа выражаютъ тоже отношеніе ихъ вѣса *).

в) Дальнѣйшее доказательство въ пользу существованія атомовъ находятъ въ явленіи кристаллизаціи. Извѣстно, что нѣкоторыя вещества смѣшиваются при кристаллизаціи, нѣкоторыя— нѣтъ. Такъ напр. поваренная соль и сѣра, если смѣшать ихъ растворы, кристаллизуются изъ этой смѣси каждое вещество отдѣльно и каждое особеннымъ образомъ. Напротивъ, горькая соль и цинковый купоросъ, если ихъ смѣшать, кристаллизуются вмѣстѣ и частицы того и другаго вещества не выдѣляются въ видѣ особыхъ кристалловъ. Вѣроятную причину этого явленія находятъ въ томъ, что сѣра и поваренная соль состоятъ изъ имѣющихъ различный видъ и форму первоначальныхъ частичекъ (атомовъ), которыя, поэтому, и не могутъ притягивать другъ друга и слагаться смѣшанно; напротивъ, горькая соль и цинковый купоросъ состоятъ изъ атомовъ одинаковой формы, которые, поэтому, при кристаллизаціи могутъ смѣшиваться и наслояться одинъ на другой. И дѣйствительно, мы видимъ, что то и другое вещество кристаллизуется по формѣ совершенно одинаково, хотя бы ихъ кристаллизовали каждое отдѣльно; кристаллы ихъ различаются только по цвѣту. Поэтому они и называются *изоморфными*. Соль и сѣра, напротивъ, кристаллизуются въ различныхъ формахъ. Отсюда кажется вѣроятнымъ, что вещества въ своемъ притяженіи и смѣшеніи

*) Одинаковые объемы хлорнаго газа и водорода находятся между собою въ специфическомъ отношеніи вѣса какъ 2, 458: 0, 0693. И такъ оба объема относятся между собою, какъ оба ихъ эквивалента; это ясно видно, какъ скоро мы вѣсъ объема хлорнаго газа раздѣлимъ на объемъ водорода; мы получимъ число 35, 5, которое и есть эквивалентъ хлора (Liebig, Chem. Br. 1, 128). Изъ отношенія между эквивалентами и специфическою теплотою тѣлъ также выводятъ нѣкоторые химики заключеніе въ пользу атомизма. См. Frohschammer, Ueber d. Aufgabe d. Naturphil. p. 132. 133.

сообразуются съ первоначальною формою своихъ элементарныхъ составныхъ частичекъ. Такимъ образомъ мы должны допустить такія неизмѣнныя первоначальныя формы матеріи, т. е. атомы *).

г) Новымъ доказательствомъ въ пользу существованія атомовъ служитъ такъ наз. *изомерность*. Существуютъ сложныя вещества, которыя состоятъ изъ совершенно одинаковыхъ простыхъ веществъ, въ совершенно одинаковыхъ пропорціяхъ и однако же представляютъ намъ очень различныя формы и внутреннія свойства; такого рода вещества называются изомерными. Напр. крахмалъ, сахаръ и древесина состоятъ изъ совершенно одинаковыхъ составныхъ частей, между тѣмъ и по виду и по качествамъ они совершенно различны; точно также разительно отличаются каучукъ, горное масло и свѣтильный газъ, хотя химическій составъ ихъ тотъ же самый, который мы видимъ въ углѣ, графитѣ и алмазѣ Это различіе при тожествѣ химическаго состава можетъ быть объяснено

*) Наблюденія, впрочемъ, показали, что одинаковость формы атомовъ не есть единственная причина совмѣстнаго кристаллизованія веществъ. Кристаллъ напр. нашатыря имѣетъ ту же геометрическую фигуру, что и кристаллъ квасцевъ; но между тѣмъ изъ одной и той же жидкой смѣси они кристализуются раздѣльно. Это явленіе, повидимому, говоритъ противъ предыдущаго и уничтожаетъ силу основаннаго на немъ доказательства въ пользу атомовъ. Но химія объясняетъ причину этого послѣдняго явленія такимъ образомъ, что оно оказывается не противорѣчащимъ первому. Замѣчаютъ, что кристаллизующіяся смѣшанныя вещества всегда имѣютъ подобный химическій составъ; такъ цинковый (бѣлый) купоросъ, горькая соль и др. имѣютъ совершенно равное число слагающихъ ихъ атомовъ. Напротивъ, между нашатыремъ и квасцами, хотя ихъ кристаллы одинаковой формы, въ химическомъ ихъ составѣ находится большое различіе. Именно, атомъ (собственно молекулъ) нашатыря содержитъ по своимъ составнымъ частямъ только 2 сложенныхъ вмѣстѣ атома, а квасцы—30. Этимъ несходствомъ состава и объясняется, почему они не могутъ кристаллизоваться вмѣстѣ. Такимъ образомъ представленное нами обстоятельство не можетъ служить возраженіемъ противъ доказательства въ пользу атомовъ, основаннаго на изоморфизмѣ. Конечно, бываютъ случаи, что и не изоморфныя вещества кристаллизуются вмѣстѣ, но тогда они кристаллизуются постоянно въ формѣ преобладающаго вещества.

Одинаковую силу и значеніе съ представленными нами имѣютъ и приводимыя иногда доказательства, основанныя на взаимозамѣненіи изоморфныхъ веществъ въ нѣкоторыхъ кристаллахъ и на одинаковости отношенія специф. чиселъ вѣса изоморфныхъ веществъ и ихъ эквивалентовъ. См. Liebig, Chem. Br. 4 Auf. B. 1. 140. 149. Froschammer, lib. cit. p. 134. 135.

только тѣмъ, что въ этихъ веществахъ одинаковыя первоначальныя частицы или атомы различно расположены одинъ относительно другаго. При этомъ, есть изомерныя вещества, которыя различаются между собою очень сильно химическими и физіологическими дѣйствіями, и есть другія вещества, которыя не отличаются ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что ихъ кристаллы (впрочемъ, совершенно равные,—оміомерическіе) не могутъ накладываться одинъ на другой и взаимно себя покрывать, — не приходятся одна къ другой правая и лѣвая перчатки, при всей ихъ одинаковости; другое различіе состоитъ въ томъ, что плоскость поляризаціи свѣта у нихъ происходитъ по противуположному направленію, т. е. у однихъ на право, у другихъ на лѣво. То и другое явленіе, повидимому, можетъ быть объяснено только обратнымъ наслоеніемъ ихъ элементарныхъ частичекъ или атомовъ.

д) Наконецъ въ пользу теоріи атомовъ приводятъ еще явленіе распространенія свѣта и теплоты. „Преломленіе свѣта въ тѣлахъ, говоритъ Фехнеръ, въ главномъ можетъ быть одинаково хорошо объяснено какъ при динамическомъ, такъ и при атомистическомъ воззрѣніи. Не только самое явленіе свѣтопреломленія, но и то, что при простомъ преломленіи имѣетъ мѣсто постоянное отношеніе между синусомъ паденія и преломленія, даже общія явленія двойнаго преломленія, одинаково законосообразно могутъ быть объясняемы съ точки зрѣнія какъ того, такъ и другаго воззрѣнія. Однакожъ, главное явленіе преломленія свѣта представляетъ то обстоятельство, что преломленный бѣлый лучъ распространяется въ узкихъ свѣтовыхъ оттѣнкахъ въ видѣ опахала, потому что преломляемость различныхъ цвѣтовыхъ лучей нѣсколько различна. Издавна уже основательнѣйшіе математики и физики признавали, что это разсѣяніе цвѣтовъ не совмѣстимо съ теоріею волно-образнаго колебанія свѣта (Undulationstheorie), и въ этомъ обстоятельствѣ заключалось единственное основаніе, почему многіе этой теоріи предпочитали другую,—прямолинейнаго распространенія свѣта (Emissionstheorie),—теорію во всѣхъ отношеніяхъ менѣе вѣроятную и въ настоящее время совершенно оставленную по многимъ основательнымъ причинамъ. Но теперь новыя изслѣдованія Коши показали, что эта необъяснимость цвѣторазсѣянія съ точки зрѣнія волнообразнаго движенія свѣта

остается только до тѣхъ поръ, пока принимаютъ, что свѣтовыя волны распространяются черезъ эѳиръ, какъ черезъ сплошную среду, continuum, что, напротивъ, законы цвѣторазсѣянія вполнѣ и послѣдовательно могутъ быть соглашены съ законами преломленія съ точки зрѣнія теоріи волнообразнаго движенія свѣта, какъ скоро частицы эѳира мы представимъ себѣ дискретными; при этомъ, цвѣторазсѣяніе при преломленіи окажется явленіемъ столь же необходимымъ, какъ и самое преломленіе. Такимъ образомъ, вопросъ, признавать ли атомы или нѣтъ, есть жизненный вопросъ для теоріи волнообразнаго движенія свѣта, точно также какъ вопросъ, признавать ли эту теорію или нѣтъ, есть жизненный вопросъ для физики" *).

Точно также въ пользу атомистической теоріи приводятъ и явленіе поляризаціи свѣта, которое при теоріи волнообразнаго движенія свѣта объяснимо только при предположеніи дискретности частичекъ эѳира. Далѣе, въ подтвержденіе этой теоріи ссылаются и на то явленіе, что передача или распространеніе теплоты черезъ тѣла и распространеніе ея черезъ лучеиспусканіе тепла представляются очень различными, но, какъ доказалъ Фурье, оба вида распространенія теплоты могутъ быть подведены подъ одинъ законъ и подъ одно объясненіе, какъ скоро вѣсомыя тѣла мы будемъ представлять состоящими изъ дискретныхъ частицъ матеріи, т. е. атомовъ. Наконецъ говоритъ въ пользу атомовъ и то явленіе, что теплота сильнѣе всего лучится по направленію перпендикулярному къ поверхности тѣлъ, а напротивъ въ косвенныхъ направленіяхъ лученіе бываетъ слабѣе. Это явленіе есть естественное слѣдствіе наслоенія тѣлъ ихъ атомовъ; напротивъ, представляя матерію сплошною, мы не найдемъ ключа къ объясненію этого физическаго явленія **).

Мы представили всѣ важнѣйшія эмпирическія доказательства въ пользу атомизма. Теперь мы должны сдѣлать критическую ихъ оцѣнку и посмотрѣть, дѣйствительно ли они доказываютъ то, что имѣетъ въ виду доказать матеріалистическій атомизмъ, —именно, что сущность матеріи состоитъ изъ дис-

---

*) Fechner's, Atomenlehre, p. 22, 23.

**) Подробное изложеніе этихъ и нѣкоторыхъ другихъ доказательствъ въ пользу атомизма см. у Фехнера въ его Atomenlehre, стр. 26—69.

кретныхъ, абсолютно недѣлимыхъ частичекъ, называемыхъ атомами и что эти частички составляютъ абсолютно первую, субстанціальную основу всего бытія.

а. Первое характеристическое свойство атомовъ, на которое указываетъ самое названіе ихъ и безъ чего они перестаютъ быть атомами, есть, конечно, ихъ *недѣлимость*. Но, всматриваясь внимательно въ сущность представленныхъ нами доказательствъ, находимъ, что всѣ они доказываютъ гораздо меньше, чѣмъ предполагаютъ доказать. Изъ всѣхъ физическихъ и химическихъ явленій, указанныхъ выше, строго логически слѣдуетъ только то, что, сколько можно судить на основаніи наблюденій, матерія въ самомъ рудиментарномъ и простомъ ея видѣ должна состоять изъ дискретныхъ частицъ, недоступныхъ дальнѣйшему разложенію при данныхъ средствахъ науки и при данныхъ, нынѣ существующихъ, условіяхъ природы. Но отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы эти дискретныя части матеріи были первоначально и абсолютно недѣлимы; это не болѣе какъ предположеніе, которое еще нужно доказать. Но такого доказательства, очевидно, не могутъ дать намъ никакія эмпирическія наблюденія, потому что предполагаемые атомы по самой своей природѣ не могутъ быть доступны такому наблюденію, не могутъ быть чувственно восприняты, измѣрены, взвѣшены въ ихъ изолированномъ видѣ, не могутъ быть, поэтому, и подвергнуты изслѣдованію, дѣлимы ли они или нѣтъ. Въ дѣйствительности, опыты могутъ быть производимы только надъ сравнительно большими количествами вещества и численныя опредѣленія могутъ вообще относиться только къ дискретнымъ частямъ матеріи, а не къ атомамъ. Составляютъ ли эти дискретныя части, изъ которыхъ исходитъ физика и химія, нѣчто первоначальное и абсолютно неизмѣнное или они способны къ разрѣшенію и измѣненію формы механически или химически, это остается для эмпиріи совершенно неизвѣстнымъ, а разумъ, который здѣсь является на смѣну невозможнаго опыта, напротивъ не можетъ отстранить мысли о возможности дальнѣйшаго дѣленія, хотя бы то и самой малой части, матеріи *).

*) Вообще о недѣлимости атомовъ и неразрушаемости ихъ, которая составляетъ основной догматъ матеріализма, безпристрастные атомисты выра-

б. Второе необходимое представленіе, соединяемое съ представленіемъ о матеріи, какъ объ абсолютно первоначальномъ субстратѣ чувственнаго бытія, есть то, что этотъ субстратъ долженъ быть совершенно простымъ и *однороднымъ*, потому что всѣ дальнѣйшіе виды и формы матеріальнаго бытія, какъ бы они просты ни были, суть уже нѣчто производное, въ послѣдствіи явившееся, а не первоначальное. Если мы признаемъ матерію не абсолютно однородною, но въ разныхъ своихъ частяхъ первоначально различною, по качеству ли то или по формѣ, то будемъ имѣть уже не матерію въ точномъ и философскомъ значеніи слова, но различныя матеріи и вещества. Но съ такимъ признаніемъ утратится и всякій смыслъ философской теоріи матеріи, потому что, вмѣсто искомаго единства и первоосновы чувственнаго бытія, мы будемъ имѣть нѣсколько вещественныхъ началъ, что, конечно, не будетъ нисколько соотвѣтствовать тому стремленію ума къ единству принципа объясненія природы, которымъ и вызванъ вопросъ о матеріи. Прилагая теперь это требованіе къ теоріи атомовъ, мы должны

жаются довольно осторожно и сдержанно. „Послѣдніе атомы, говоритъ Фехнеръ (Atomenlehre, 94), или сами по себѣ недѣлимы и неразрушимы или, по крайней мѣрѣ, въ области физики и химіи нѣтъ никакого средства ихъ разрушить и нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать въ будущемъ ихъ разрушеніе или разложеніе“. Другіе (какъ напр. Либихъ) прямо говорятъ, что недѣлимость атомовъ есть не абсолютная, а только фактическая; она означаетъ только, что они не могутъ быть раздѣлены при настоящихъ условіяхъ природы и недѣлимость ихъ должна быть признана, по крайней мѣрѣ, для земли или для сферы бытія вселенной, которая доступна нашему наблюденію. Атомисты часто любятъ сравнивать атомы, ихъ значеніе въ природѣ и взаимное отношеніе, съ небесными тѣлами, которыя также въ своемъ родѣ составляютъ недѣлимыя единицы, существующія и движущіяся въ опредѣленныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ; міровое цѣлое или вселенная представляется здѣсь въ видѣ тѣла, котораго атомы или недѣлимыя части суть небесныя тѣла, раздѣленныя периферическими промежуточными разстояніями въ большомъ цѣломъ точно также, какъ и атомы дѣйствуютъ другъ на друга не черезъ непосредственное соприкосновеніе и передачу движенія, но на разстояніяхъ. Но подобнаго рода аналогія естественно наводитъ на мысль о дѣлимости атомовъ. Если небесныя тѣла, составляющія, подобно атомамъ, міровыя единицы, отдѣленныя пустыми промежутками, несмотря на такой характеръ, представляютъ собою дѣлимое цѣлое, то почему не могутъ имѣть такого же свойства и атомы, несмотря на безконечную разницу по величинѣ, отличающей наибольшую міровую единицу (небесное тѣло) отъ наименьшей (атома)? Свойства матеріи и въ большомъ и въ маломъ должны быть одинаковы.

предположить, что, если атомы суть дѣйствительно то, что мы называемъ матеріею въ философскомъ значеніи слова, то есть, нѣчто первоначальное и простое, то они должны быть совершенно однородны, тожественны и равны. Только такіе атомы и могутъ быть важны для философіи, признающей атомизмъ, напр. для матеріализма. Въ противномъ случаѣ, т. е. если мы признаемъ атомы неодинаковыми по химическимъ и физическимъ свойствамъ, то сейчасъ явится вопросъ: отчего произошло это различіе? Атомы будутъ уже не всеобщимъ и первоначальнымъ основаніемъ бытія, но чѣмъ-то производнымъ и второстепеннымъ, а главное и истинное начало бытія будетъ уже за ними и выше ихъ; оно будетъ заключаться въ той силѣ, которая произвела различіе атомовъ, иначе, произвела матерію.

Если теперь обратимся къ представленнымъ нами эмпирическимъ доказательствамъ въ пользу атомизма, то опять увидимъ, что они не только ничего не говорятъ въ пользу однородности атомовъ, но именно предполагаютъ совершенно противное, т. е. ихъ разнородность. Такъ напр. существенное предположеніе доказательства, заимствованнаго отъ эквивалентныхъ пропорцій, то, что атомы имѣютъ различный *вѣсъ;* это необходимое предположеніе химіи, хотя она и допускаетъ для объясненія различныхъ явленій существованіе еще другихъ,—невѣсомыхъ атомовъ. Но различный вѣсъ атомовъ можетъ зависѣть только отъ ихъ величины, — и вотъ химія предполагаетъ первоначальную, различную *величину* атомовъ; это предположеніе различной величины и служитъ къ объясненію явленій исоморфизма. Далѣе, когда она говоритъ о явленіяхъ кристаллизаціи и объясняетъ, почему одни тѣла кристаллизуются вмѣстѣ, другія нѣтъ, то предполагаетъ, что атомы имѣютъ первоначально различную *форму* или фигуру. Далѣе, когда она различаетъ атомы и молекулы, то предполагаетъ, что существуютъ первоначально не только атомы вообще, но атомы различнаго *качества,* составляющіе простыя химическія тѣла, т. е. она принимаетъ, какъ первоначально данные, атомы напр. кислорода, водорода, азота и др. Итакъ очевидно, что такъ называемыя эмпирическія доказательства въ пользу атомизма ведутъ не къ признанію атомовъ въ точномъ смыслѣ слова, то есть, однородныхъ, равныхъ и абсолютно первыхъ

единствъ матеріи, но только къ признанію фактическаго существованія ея въ видѣ раздѣльныхъ частицъ, имѣющихъ различный вѣсъ, величину, форму, различныя химическія свойства. Наблюденіе дальше этихъ частицъ не идетъ и идти не можетъ; оно ничего не говоритъ, есть ли это различіе величины, формы, вѣса первоначальное или производное, иначе сказать, суть ли эти дискретныя части, такъ называемые атомы—дѣйствительные атомы, т. е. первоначальный видъ матеріи, или они суть нѣчто уже вторичное и образовавшееся дѣйствіемъ какой либо высшей силы природы. Рѣшеніе подобнаго вопроса, конечно, и не нужно для цѣлей чистаго естествознанія, потому что для объясненія физическихъ и химическихъ явленій безразлично, будемъ мы признавать напр. химическія простыя тѣла абсолютно первыми элементами природы или нѣтъ. Но для философіи, для матеріалистической точно также, какъ и для всякой другой, признаніе абсолютнаго разнообразія началомъ вещей не мыслимо, а въ пользу нужнаго для нея однообразія атомовъ естествознаніе, какъ мы видѣли, не даетъ никакого доказательства.

в. Третье, самое важное для матеріалистическаго атомизма свойство атомовъ, по которому они должны удовлетворять понятію объ абсолютномъ началѣ бытія есть то, чтобы они были *не произшедшими*, абсолютно первыми началами. Но объ этомъ, столь важномъ въ философскомъ отношеніи, свойствѣ атомовъ рѣшительно ничего не говорятъ представленныя нами доказательства. Изъ нихъ слѣдуетъ только то, что атомы суть послѣдняя *форма* матеріи, которую имѣетъ право предполагать естествознаніе на основаніи извѣстныхъ наблюденій; но есть ли эта форма абсолютно послѣдняя или она есть нѣчто произшедшее изъ какой либо болѣе первичной формы, — опытъ ничего не говоритъ и сказать не можетъ. Напротивъ, если мы будемъ имѣть въ виду, что представленныя доказательства предполагаютъ, что атомы разнородны по своему составу, что они имѣютъ различный вѣсъ, фигуру, величину, то на основаніи самихъ эмпирическихъ данныхъ мы скорѣе должны придти къ тому заключенію, что атомистическое состояніе матеріи не есть первоначальное, потому что разнообразію должно предшествовать единство, что различіе атомовъ должно быть обусловлено какою либо неизвѣ-

стною пока для опыта силою или закономъ, сформировавшимъ матерію въ видѣ атомовъ. Атомы въ мірѣ неорганическомъ, какъ самостоятельныя единицы, слагающія тѣла, могутъ имѣть такое же значеніе въ дѣйствительности какъ напр. клѣточки въ мірѣ органическомъ, которыя для органическаго тѣла суть тоже, что атомы для неорганическаго. И въ неорганическихъ процессахъ могутъ точно также возникать, образовываться, преобразоваться и исчезать дискретныя частицы (атомы), какъ въ органическихъ образуются молекулы органическія (клѣточки), такъ что послѣднихъ, остающихся постоянными, частицъ такъ же можетъ не быть на самомъ дѣлѣ, какъ нѣтъ постоянно пребывающихъ, неизмѣнныхъ органическихъ молекулъ, хотя фактически эти послѣднія постоянно находятся въ организмахъ.

г. Еще менѣе на основаніи представленныхъ нами эмпирическихъ доказательствъ можетъ атомистическій матеріализмъ обосновать то свое положеніе, что атомы составляютъ первооснову и сущность *всего бытія,* не только чувственно намъ являющагося, матеріальнаго, но и духовнаго. Объ этомъ ничего не говорятъ представленныя нами наблюденія. Напротивъ, въ нихъ вездѣ идетъ рѣчь только о физическихъ и химическихъ явленіяхъ и, при томъ, неорганической, неодушевленной природы; на явленія не только психическія, но и органическія въ нихъ нѣтъ и отдаленнѣйшаго намека; такъ что если даже предположить, что этими наблюденіями несомнѣнно доказывается существованіе атомовъ, то строго логическій выводъ отсюда могъ бы быть только тотъ, что атомы составляютъ первооснову и сущность міра матеріальнаго и его явленій, — не болѣе. Если же матеріализмъ простираетъ это заключеніе на совершенно не однородныя съ ними явленія органической и психической жизни, то онъ дѣлаетъ совершенно произвольный шагъ, на который нисколько не уполномочиваютъ его эмпирическія данныя.

Если, такимъ образомъ, ни одно изъ положеній существенно важныхъ для матеріалистическаго атомизма не подтверждается существующими эмпирическими доказательствами, то, очевидно, никакъ не можетъ служить въ его пользу и то, часто выставляемое на видъ его защитниками, общее достоинство атомизма, что эта теорія матеріи должна быть принята какъ несомнѣнно истинная потому, что она лучше, чѣмъ всякая другая,

способна объяснить физическія и химическія явленія и что, въ силу этого, она одна изъ всѣхъ другихъ теорій принята современнымъ естествознаніемъ. Это значеніе атомистической теоріи для естествознанія, дѣйствительно, можетъ иногда подкупать въ пользу матеріализма лицъ, не способныхъ къ болѣе тонкому философскому анализу и не могущихъ дать себѣ отчета, въ какой мѣрѣ гипотеза, имѣющая значеніе для объясненія извѣстныхъ явленій въ одной сферѣ знанія, обязательна для другой и для объясненія явленій иного рода. Довольно сказать, что такая-то доктрина принята естествознаніемъ, чтобы заставить вѣрить въ ея абсолютную истину и прилагать ее къ рѣшенію такихъ вопросовъ, о которыхъ естествознаніе и не думало.

Но на самомъ дѣлѣ матеріалистическая философія придастъ болѣе цѣнности атомизму, чѣмъ само естествознаніе; она кладетъ въ основу философскаго объясненія природы такое ученіе, которому само естествознаніе даетъ значеніе не болѣе, какъ гипотезы.

Прежде всего, самое блестящее примѣненіе какой либо теоріи къ объясненію извѣстнаго круга явленій еще не ручается за несомнѣнную истину самой теоріи, если она сама въ себѣ не заключаетъ твердыхъ основаній своей истины, а эта истина только предполагается на основаніи удачнаго объясненія ею явленій. Такая теорія можетъ имѣть значеніе только хорошей гипотезы,—не болѣе. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Ланге: „раздѣленіе матеріи на дискретныя частички (атомы) вовсе не такъ доказано, какъ могло бы показаться, судя по тріумфамъ естественныхъ наукъ, потому что во всѣхъ атомистическихъ теоріяхъ атомы *уже предполагаются* и потому, естественно, находятся снова въ явленіяхъ, изъ нихъ объясняемыхъ. Дѣйствительную, логическую силу атомистической теоріи по началамъ гипотетическо-дедуктивнаго метода можно формулировать такъ: если матерія состоитъ изъ дискретныхъ частицъ, то эти частицы *должны имѣть* такія то и такія то свойства. Но если теперь слѣдствіе, которое выводится изъ теоріи, подтверждается опытами, то изъ этого еще, по законамъ логики, нисколько не доказывается истина самаго предположенія, изъ котораго оно выводится. Можно заключать посредствомъ modus ponens отъ условія къ услов-

ному, но не на оборотъ *). При обратномъ умозаключеніи всегда остается возможность, что тѣже самыя слѣдствія могутъ происходить изъ другихъ началъ и предположеній. Теорія, которая правильно объясняетъ факты изъ даннаго предположенія, конечно, можетъ на столько выигрывать въ вѣроятности, что для нашего субъективнаго убѣжденія можетъ подходить очень близко къ достовѣрности, но только всегда не иначе, какъ при предположеніи, что не можетъ быть никакой другой теоріи, которая могла бы сдѣлать тоже и объяснить данныя явленія иначе“ **).

Но предполагаемая здѣсь возможность инаго объясненія физическихъ и химическихъ явленій, кромѣ атомистическаго, не есть только отвлеченная или мыслимая возможность, хотя и ея по законамъ логики достаточно было бы, чтобы низвести атомистическую теорію съ того пьедестала абсолютной истины, на который возводитъ ее матеріализмъ, на степень простой гипотезы. На самомъ дѣлѣ, существуютъ и другія теоріи матеріи, кромѣ атомистической, которыя, даже по признанію безпристрастныхъ защитниковъ атомизма, могутъ также объяснить многія изъ представленныхъ нами, какъ доказательство атомизма, явленій. Такъ, ревностнѣйшій изъ этихъ защитниковъ въ наше время, Фехнеръ принужденъ сознаться, что явленіе сжатія и разрыва, простыя пропорціи, въ которыхъ соединяются химически тѣла, движеніе въ пространствѣ, могутъ быть объяснены и при динамическомъ воззрѣніи на сущность матеріи ***). Поэтому, безспорно говорящими въ пользу атомизма онъ признаетъ только тѣ явленія, которыя, по его мнѣнію, никакъ не могутъ быть объяснены изъ началъ динамизма; таковы явленія распространенія свѣта и законосообразной связи феноменовъ магнетическихъ и электрическихъ съ другими. Такимъ

*) То есть, логика дозволяетъ заключать отъ основанія къ слѣдствію, но запрещаетъ обратное заключеніе отъ истины слѣдствія къ истинѣ основанія, потому что слѣдствіе можетъ происходить не отъ одного только даннаго основанія. Напр. можно заключать: если печь натоплена, то въ комнатѣ тепло, но нельзя заключать наоборотъ: въ комнатѣ тепло, слѣд. печь натоплена, потому что теплота въ комнатѣ можетъ происходить (напр. лѣтомъ) не отъ одной только топки печи.

**) Lange, Geschichte des Materialismus. 1874. 11 B. p. 208, 209.

***) Ueb. d. physik. u. phil. Atomenlehre, 13.

образомъ число *безспорныхъ* доказательствъ сводится у него къ очень небольшому числу. Но дѣло въ томъ, что главная сила доказательности подобныхъ явленій въ пользу атомизма у Фехнера есть отрицательнаго, полемическаго свойства. Атомистическая теорія должна быть принята потому, что она также или лучше объясняетъ явленія природы, чѣмъ динамическая. Фехнеръ не скрываетъ и слабыхъ сторонъ атомизма, но и здѣсь утѣшаетъ себя тѣмъ, что и динамизмъ также не въ состояніи объяснить явленій, необъяснимыхъ для атомизма (напр. качественное различіе атомовъ) *).

Но слабость и несостоятельность одной теоріи не говоритъ еще въ пользу истины другой. Такое заключеніе было бы возможно, еслибы мы имѣли передъ собою *только* двѣ радикально противуположныя теоріи матеріи: атомистическую и динамическую; въ такомъ случаѣ ложность одной вела бы, конечно, къ заключенію объ истинѣ другой. Но, съ одной стороны, Фехнеръ вовсе не доказалъ еще ложности динамизма, но только меньшую удовлетворительность его при объясненіи нѣкоторыхъ явленій природы; съ другой, кромѣ динамическаго, существуютъ и другія воззрѣнія на матерію, напр. монадологическое или представленіе ея въ видѣ continuum. Мы не видимъ причины, почему бы недоступное для объясненія въ динамизмѣ, не могло быть объяснено съ точки зрѣнія другой теоріи.

Вообще, атомизмъ, кажется, слишкомъ злоупотребляетъ въ свою пользу безсиліе другихъ теорій матеріи объяснить явленія природы. Но это можетъ зависѣть не столько отъ дѣйствительнаго безсилія этихъ теорій, сколько отъ неразвитости и неразработанности ихъ въ настоящее время. Атомистическая теорія въ наше время есть господствующая въ естествознаніи; она близко связана съ его интересами и потому тщательно разработана и примѣнена къ объясненію спеціальныхъ явленій природы естествоиспытателями. Другія теоріи принадлежатъ преимущественно философамъ, для которыхъ нѣтъ особеннаго интереса, исходя изъ общаго, чисто философскаго ученія о матеріи, проводить это ученіе до конкретнаго объясненія частныхъ явленій природы. Опытъ неудачи идеали-

*) Atomenlehre, p. 34. 44. 49. 50.

стической натур-философіи Шеллинга и Гегеля еще болѣе можетъ ихъ останавливать на этомъ пути. Но это нисколько не говоритъ, чтобы и другія теоріи матеріи въ рукахъ опытныхъ естествоиспытателей не могли послужить еще болѣе плодотворнымъ началомъ для объясненія частныхъ явленій, чѣмъ атомизмъ.

Но, несмотря на преувеличенную оцѣнку атомистической теоріи въ сравненіи съ другими, безпристрастные защитники атомизма далеки отъ того, чтобы придавать ему то абсолютное значеніе, какъ принципа объясненія всего сущаго, какое готовъ приписать ему матеріализмъ. Они прямо признаютъ ее не болѣе, какъ вѣроятною гипотезою для объясненія извѣстнаго круга явленій *). Они откровенно сознаются что „физическая атомистика въ настоящее время находится еще въ состояніи большаго несовершенства и заключаетъ въ себѣ множество неразрѣшимыхъ проблеммъ. Каждый, кто не хочетъ выдавать свое мнѣніе о вещахъ за самыя вещи, долженъ скромно сознаться, что о фигурѣ, величинѣ, плотности, послѣднемъ строеніи атомовъ, о точномъ законѣ ихъ силъ, до сихъ поръ въ частности нельзя сказать ничего опредѣленнаго“ **).

Эти недостатки атомизма, сознаваемые самими атомистами, возможность объяснить явленія природы и при другихъ понятіяхъ о матеріи, особенно же, опасеніе выходящихъ за предѣлы чистаго опыта теорій, къ которымъ можетъ подать поводъ атомизмъ (опасенія, которыя и оправдались въ матеріалистической философіи), были причиною, что нѣкоторые вполнѣ

---

*) „Атомистику, говоритъ Фехнеръ, мы сами не хотимъ выдавать за что либо *абсолютно* достовѣрное, ни въ томъ смыслѣ, какъ нѣкоторые философы говорятъ объ абсолютной достовѣрности своихъ системъ, ни въ томъ смыслѣ, какъ для насъ непосредственно достовѣрно непосредственно данное намъ въ опытѣ. И въ атомистической теоріи остается еще мѣсто для *вѣры*, которая во всѣхъ высшихъ и конечныхъ вещахъ должна дополнять знаніе, — въ области предметовъ матеріальныхъ не менѣе, какъ и въ области предметовъ духовныхъ. Я полагаю только, что, при попыткѣ объяснить матеріальныя явленія, должно держаться атомизма, какъ вѣроятнѣйшаго ученія до тѣхъ поръ, пока найдется что-либо болѣе вѣроятное и достаточное“. Atomenlehre, p. 71.

**) Atomenlehre, стр. 78. Сравн. тамъ же стр. 71. 76, 77.

компетентные естествоиспытатели, вопреки мнѣнію большинства, прямо высказывались противъ атомистической теоріи, таковы напр. Карстенъ, Фарадей, Шейнбейнъ, Снель и другіе *). Такъ какъ никто не можетъ доказать, чтобы отрицаніе атомизма у этихъ ученыхъ сколько нибудь служило къ ущербу ихъ научныхъ воззрѣній, то отсюда уже видно, что связь атомистической теоріи съ естествознаніемъ не такъ сильна и рѣшительна, какъ предполагаетъ матеріализмъ. Точно также совершенно лишено основанія и то часто высказываемое мнѣніе, будто всѣ великія естественно-научныя пріобрѣтенія новаго времени совершились, благодаря атомистической теоріи. Величайшія открытія Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона, Гарвея, Линнея, Гершеля и др. нисколько не обязаны своимъ происхожденіемъ атомизму. Равнымъ образомъ не изъ области атомизма произошло и первоначальное открытіе опредѣленныхъ отношеній химическихъ смѣшеній, послужившее основаніемъ современной химіи **).

Изъ всего сказаннаго нами очевидно, что матеріалическій атомизмъ напрасно ищетъ своей твердой опоры въ естествознаніи. Мы видѣли, что о тѣхъ именно свойствахъ атомовъ, которыя особенно цѣнны и важны для философіи, признающей

---

*) Они перечислены у Фехнера, въ его Atomenlehre, p. 10.

**) Карстенъ доказалъ, что Рихтеръ, основатель этого ученія, былъ противникомъ атомистическаго воззрѣнія на природу и что совершенно противъ его мысли Дальтонъ воспользовался его открытіемъ, чтобы дать атомистикѣ мнимо-научное основаніе (Athenäum, 1853. 564).

Мысль о независимости успѣховъ современнаго естествознанія отъ атомизма обстоятельно раскрыта Бранисомъ въ его статьѣ: Ueber atomistische und dynamische Naturauffassung. 1858. Онъ доказываетъ, что атомизмъ собственно ничего не сдѣлалъ для естественныхъ наукъ, да и сдѣлать не можетъ, такъ какъ не даетъ никакого опредѣленнаго понятія о матеріи, никакого взгляда на существо ея. Вліяніе его на естествознаніе, поэтому, никакъ нельзя назвать содѣйствующимъ его успѣхамъ, а скорѣе вреднымъ; потому что представленіе объ атомахъ, хотя и не препятствуетъ успѣхамъ естествовѣдѣнія, но, тѣмъ не менѣе, оно отвлекаетъ его отъ болѣе глубокаго, научнаго изысканія началъ природы. Конечно, съ горечью замѣчаетъ Бранисъ, атомизмъ сдѣлалъ нѣчто, хотя и не въ области естествознанія. Своею проповѣдью объ умерщвляющемъ всякую жизнь въ природѣ механизмѣ, онъ, хотя не намѣренно, далъ для грубаго матеріализма возможность превращать душу и духъ въ грубую матерію и это выдавать прямо за результатъ естествознанія.

матерію абсолютнымъ началомъ бытія (объ ихъ первоначальности, однородности, недѣлимости и пр.), всего менѣе знаетъ точное естествознаніе. Да и надѣяться помощи отъ естествознанія въ рѣшеніи вопроса объ этихъ послѣднихъ, метафизическихъ свойствахъ атомовъ было бы напрасно, какъ потому, что это рѣшеніе лежитъ за предѣлами опыта, такъ и потому, что оно не составляетъ существенной потребности для естествознанія. Приложеніе атомистической теоріи къ объясненію физическихъ и химическихъ явленій нисколько не пострадаетъ и не потеряетъ въ своей ясности и наглядности отъ того, что наукѣ не будутъ извѣстны эти послѣднія свойства атомовъ.

Для естествознанія, какъ мы замѣтили, важны не атомы, а обозначаемыя этимъ названіемъ дискретныя части матеріи, какъ опредѣленныя единицы ея. Такъ для физики нужны собственно не атомы, а молекулы, и всѣ физическія явленія точно также удобно объясняются при помощи послѣднихъ, не нуждаясь въ первыхъ *). Для химіи важны опредѣленныя отношенія между веществами и законы ихъ соединенія, а не вопросъ о дѣлимости или недѣлимости, первоначальности или производности тѣхъ элементовъ матеріи, которые она считаетъ неразложимыми и предполагаетъ по этому при своихъ изслѣдованіяхъ первыми. Вотъ почему слово: атомъ, въ химіи легко и удобно замѣняется словомъ: *пай*, которое означаетъ только относительное количество данной матеріи. Мы, конечно, можемъ называть эти паевыя единства вещества по общепринятой терминологіи атомами, но не должны при этомъ забывать, что выраженіе это, въ той мѣрѣ, въ какой мы ограничиваемся сферою одного только опыта, не можетъ имѣть того смысла, какой соединяетъ съ нимъ матеріалистическая философія,— именно значенія абсолютно первыхъ, недѣлимыхъ однород-

*) О малоцѣнности собственно атомовъ для физики и о недоразумѣніяхъ, какія могутъ возникать въ ней при строгомъ приложеніи атомистической теоріи см. мнѣніе Гельмгольца у Ланге въ его Gesch. d. Materialismus. 210. Въ виду того факта, что для физики и химіи въ настоящее время важны не атомы, а молекулы, Ланге замѣчаетъ что поэтому „нечего и удивляться, что для нашихъ физиковъ и химиковъ молекулы становятся все извѣстнѣе, атомы, напротивъ, въ тоже время все неизвѣстнѣе и сомнительнѣе (стр. 207).

ныхъ по существу матеріальныхъ частицъ *). Вообще, мы должны различать атомъ въ естественно-научномъ и философскомъ смыслѣ слова. Подъ именемъ атома въ первомъ смыслѣ мы должны понимать фактически существующее при данныхъ нынѣ условіяхъ природы единство неразлагаемаго при помощи научныхъ средствъ вещества, — дискретную часть матеріи, называемую простымъ тѣломъ природы, при чемъ еще не предрѣшается вопросъ о происхожденіи, первоначальной дѣлимости или недѣлимости этой части, которая только для цѣли нашихъ изслѣдованій предполагается недѣлимою. Атомъ въ философскомъ отношеніи есть частица матеріи, почитаемая дѣйствительно недѣлимою, первоначальною и тожественною съ другими, совокупность которыхъ и составляетъ матерію вообще. Но для признанія такихъ атомовъ опытъ, какъ мы видѣли, не даетъ никакихъ основаній, такъ что въ этомъ отношеніи связь матеріализма съ естествознаніемъ, посредствомъ которой онъ думаетъ придать авторитетъ своему ученію, оказывается мнимою, а не дѣйствительною.

II., Мы видѣли, что эмпирическія доказательства въ пользу атомистической теоріи далеко не даютъ тѣхъ окончательныхъ выводовъ относительно сущности матеріи, которыхъ ищетъ всякая философская теорія матеріи и которые были бы особенно желательны для матеріализма. Эмпирическое естествознаніе, строго держащееся своихъ границъ, представляетъ намъ атомизмъ только какъ вѣроятную гипотезу, полезную по своей наглядности для объясненія различныхъ физическихъ

---

*) Съ этимъ въ сущности согласны многіе авторитеты въ области химіи. Такъ напр. Кекюле, имѣя въ виду провести ясныя границы между гипотезою и фактомъ въ этой наукѣ, говоритъ: имѣютъ значеніе фактовъ собственно *числа*, выражающія пропорціи смѣшенія химическихъ веществъ, а на терминологію или букву химическихъ формулъ нужно смотрѣть только какъ на простѣйшее выраженіе этихъ фактовъ. Но какъ скоро буквѣ этихъ формулъ, выраженныхъ химическимъ языкомъ, приписываютъ другое значеніе, какъ скоро ихъ разсматриваютъ какъ обозначеніе и выраженіе самихъ атомовъ и атомнаго вѣса элементовъ, какъ бываетъ большею частію въ настоящее время, то тотчасъ возникаетъ вопросъ: какъ велики или какъ относительно тяжелы атомы? Но такъ какъ атомы не могутъ быть ни измѣрены, ни взвѣшены, то, очевидно, что одна только спекуляція, а не опытъ, можетъ вести къ гипотетическому признанію опредѣленнаго вѣса атомовъ (слова Кекюле у Ланге, въ его: Geschichte d. Materialismus. T. 11. 191).

и химическихъ процессовъ природы—не болѣе. Но дѣйствительная сущность атомовъ—для него проблемма, рѣшеніе которой выходитъ за предѣлы опыта.

Итакъ, можетъ быть, то, чего не договариваетъ естествознаніе, доскажетъ намъ наука о сверхъопытномъ (метафизическомъ), — философія? Можетъ быть, отъ философскихъ доказательствъ мы имѣемъ право ожидать рѣшенія тѣхъ, касающихся самаго существа атомистической теоріи, вопросовъ, которые отказывается рѣшить естествознаніе?

Такія ожиданія, конечно, имѣютъ основаніе. Атомизмъ въ дѣйствительности есть болѣе философская, чѣмъ эмпирическая, теорія, не только потому, что основателями его были философы, но и по самому существу дѣла, такъ какъ на опытѣ мы видимъ только явленія, а не самый субстратъ, служащій ихъ внутреннею, не доступною чувствамъ основою *).

Что же можетъ сказать философія въ пользу атомизма?

Главное теоретическое доказательство, которое можетъ быть приведено въ пользу этой теоріи, состоитъ въ невозможности для мышленія составить понятіе о сложномъ тѣлѣ безъ предположенія простыхъ тѣлъ. Всѣ матеріальные предметы, какіе мы ни видимъ, какъ показываетъ опытъ, сложны; ихъ можно механически раздѣлить, пока то дозволяютъ наши инструменты; можно разложить и химически. Но понятіе сложнаго тѣла необходимо предполагаетъ понятіе простаго, а безусловно простое, къ которому приводитъ продолженное, хотя бы и въ мысли только, дѣленіе сложнаго и есть нѣчто уже недѣлимое,—атомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое сложное тѣло? Ближайшій отвѣтъ тотъ, что оно есть нѣчто, сложенное изъ частей. Эти части въ свою

*) Уже первый родоначальникъ атомизма Демокритъ ясно видѣлъ то, чего часто не хотятъ видѣть новѣйшіе матеріалисты, увѣряющіе, будто атомистическая теорія есть необходимый и послѣдній результатъ эмпирическаго изученія природы. Демокритъ различалъ два рода познанія: подлинное и темное. Первое сообщаетъ намъ истину и пріобрѣтается разсудкомъ; второе, касающееся внѣшнихъ свойствъ вещей, дается чувствами. Чувственное, эмпирическое познаніе не достовѣрно и не даетъ намъ знанія о дѣйствительномъ существѣ вещей. Познаніе умственное изслѣдуетъ невидимыя основы явленій: атомы и пустота, ихъ раздѣляющая, суть именно эти основы, до которыхъ человѣкъ доходитъ не при помощи чувственнаго познанія (такъ какъ атомы и пустота между ними невидимы), но путемъ подлиннаго, умственнаго познанія.

очередь сложны или нѣтъ? Если сложны, то они также должны состоять изъ частей; эти части, если мы ихъ снова станемъ считать сложными, опять должны состоять изъ частей и такъ далѣе. Но такого дѣленія мы, очевидно, не можемъ продолжать въ безконечность; мы все таки принуждены будемъ гдѣ нибудь остановиться и сказать, что послѣдняя сложная часть должна же состоять наконецъ изъ несложныхъ, слѣдовательно, простыхъ уже частей, которыя не могутъ быть сложными, потому что иначе разрушится самое понятіе сложнаго тѣла. Мы должны остановиться на чемъ нибудь послѣднемъ, окончательномъ, простомъ и недѣлимомъ, что и есть атомъ.

Повидимому, такое доказательство убѣдительно, но оно сейчасъ же начинаетъ колебаться, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на другое, не менѣе настоятельное, предположеніе мышленія о возможности безконечнаго дѣленія вещества. Мы никакъ не можемъ отстранить ту мысль, что какъ бы ни была мала данная частица вещества, она все таки можетъ быть раздѣлена на болѣе малыя части и такъ далѣе до безконечности. Мы не можемъ представить себѣ чего либо простаго и недѣлимаго, какъ скоро оно занимаетъ какое либо, хотя бы самое малое, пространство, имѣетъ какую либо величину. Все протяженное, какъ бы незначительно ни было это протяженіе, всегда допускаетъ въ мысли возможность дальнѣйшаго раздѣленія.

Итакъ мы видимъ, что требованіе мышленіемъ абсолютно простыхъ частицъ для того, чтобы возможно было понятіе сложнаго тѣла, не имѣетъ того рѣшающаго въ пользу атомизма значенія, какое ему приписывается. По крайней мѣрѣ, противъ него можно выставить съ одинаковымъ правомъ противуположное требованіе,—безконечной дѣлимости матеріи.

Если за разрѣшеніемъ нашего недоумѣнія, какое изъ двухъ равноправныхъ требованій мышленія—требованія первоначально простыхъ частей, какъ основаній сложности и требованія безконечной дѣлимости—мы должны признать болѣе законнымъ, обратимся къ опыту, то легко увидимъ, что онъ склоняется болѣе въ пользу послѣдняго, чѣмъ перваго. На опытѣ мы нигдѣ не доходимъ до послѣднихъ недѣлимыхъ частицъ матеріи,—атомовъ; напротивъ, фактически мы можемъ измельчать и дѣлить вещества до неопредѣленныхъ границъ, насколько

то позволяютъ намъ инструменты. Но, что важнѣе, природа представляетъ намъ такіе поразительные факты дѣлимости вещества, которые, повидимому, совершенно уничтожаютъ надежду дойти до чего либо пространственно недѣлимаго. Такъ напр. нѣсколько капель мускуса своими пахучими частичками наполняютъ цѣлый домъ безъ всякаго замѣтнаго уменьшенія въ своемъ вѣсѣ. Охотничья собака можетъ чувствовать обоняніемъ запахъ дичи на гладкомъ камнѣ спустя 24 часа послѣ прохода по немъ животнаго. Одинъ гранъ кармина окрашиваетъ двадцать фунтовъ воды еще замѣтно для глаза. Пластинка серебра $1^1/_4$ дюйма толщины и 22 дюйма длины, покрытая унцемъ золота, можетъ дать нить въ 110 лье длины, покрытую повсюду слоемъ золота въ $^1/_{1400000}$ линіи. На основаніи подобнаго рода фактовъ *) безграничной почти дѣлимости вещества даже рѣшительные матеріалисты (напр. Бюхнеръ) принуждены бываютъ иногда отказаться отъ мысли о существованіи абсолютно недѣлимыхъ тѣлъ. И дѣйствительно, если заключать аналогически отъ извѣстныхъ и очевидныхъ свойствъ матеріи къ первоначальному ея виду, то на основаніи опыта мы скорѣе можемъ предположить то, что она дѣлима и въ тѣхъ микроскопическихъ частяхъ, которыя ускользаютъ отъ нашего наблюденія, чѣмъ то, что это дѣленіе имѣетъ предѣлы въ существованіи атомовъ.

Но, и независимо отъ опыта, представленное выше въ пользу атомизма доказательство не выдерживаетъ критики. Понятіе сложнаго тѣла, говорятъ, предполагаетъ понятіе простаго, а безусловно простое и есть атомъ. Понятіе сложнаго тѣла, конечно, предполагаетъ части, изъ которыхъ оно сложено; но оно не требуетъ, чтобы эти части, даже при возможно большомъ продолженіи дѣленія, были абсолютно простыми. Понятіе сложнаго тѣла неизмѣнится, если мы будемъ предполагать эти части чѣмъ-то только болѣе простымъ, или относительно менѣе сложными, но не безусловно простыми, частями. Понятіе простаго, какъ основанія сложнаго, можетъ быть только *относительнымъ* понятіемъ и простое, имъ выражаемое, только предполагаемымъ или мыслимымъ простымъ, какъ конецъ или пре-

*) Böhner, Materialisme au point de vue d. sciences naturelles, 1861. p. 356, 357.

дѣлъ нашего эмпирическаго или умственнаго дѣленія. Что это относительно или мыслимо простое, какъ основа сложнаго, есть фактически простое въ смыслѣ атома или недѣлимаго, т. е. несостоящаго уже изъ частей,—это еще подвержено большому сомнѣнію. Признанію такой недѣлимости рѣшительно препятствуетъ понятіе протяженности, какъ необходимаго признака всего матеріальнаго, какъ бы оно мало ни было. Понятію простаго, въ собственномъ смыслѣ, въ природѣ можетъ ничего не соотвѣтствовать; это понятіе можетъ быть только переноснымъ и заимствованнымъ изъ области бытія духовнаго, чтобы обозначить относительно простое, болѣе простое въ природѣ. Простое въ томъ смыслѣ, что оно не состоитъ уже изъ частей, слѣд. изъ чего либо дѣлимаго по своей природѣ, на самомъ дѣлѣ никогда не можетъ быть матеріею, если только не станемъ представлять ее чѣмъ-то непротяженнымъ и непространственнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ-то противорѣчашимъ себѣ самой. Если же матеріальное, какъ бы малымъ мы его ни представляли, фактически всегда должно быть пространственно протяженнымъ, слѣд. и дѣлимымъ, то понятіе простаго въ этой области бытія не можетъ имѣть никакого реальнаго приложенія и значенія. Поэтому и выводъ ученія объ атомахъ изъ того положенія, что сложное должно состоять изъ первоначально простаго, не можетъ быть признанъ вѣрнымъ потому уже, что имъ доказывалось бы больше чѣмъ слѣдуетъ,—именно, что первоначально простыя основы бытія, кажущагося намъ матеріальнымъ, суть невещественно-простыя и непространственныя, поэтому, единицы; атомы превратились бы въ монады.

Второе теоретическое доказательство въ пользу атомизма состоитъ въ томъ, что, при предположеніи безконечной дѣлимости матеріи и при отрицаніи въ ней абсолютно простыхъ, первоначальныхъ частицъ или атомовъ, невозможно объяснить себѣ вѣсомости тѣлъ, слѣдовательно, самой коренной принадлежности вещества. Признавая безконечную дѣлимость вещества, мы, говорятъ, должны будемъ, очевидно, допустить, что матерія состоитъ изъ безконечно малыхъ частицъ. Но эти безконечно малыя части не могутъ имѣть никакого вѣса и поэтому никогда не могутъ составить имѣющей тяжесть матеріи; милліоны такихъ неимѣющихъ вѣса частицъ, будучи сложены

вмѣстѣ, не могли бы имѣть вѣса болѣе, чѣмъ одна безконечно малая частица, т. е. не могли бы имѣть никакого вѣса. Но и это возраженіе противъ безконечной дѣлимости вещества нельзя назвать достаточно сильнымъ. Безконечно малыя частицы не могутъ быть почитаемы совершенно не имѣющими вѣса (если только вѣсъ есть существенная принадлежность матеріи), но они могутъ или должны имѣть безконечно малый вѣсъ; поэтому, если безконечно малыя многія части даютъ намъ бо́льшую частицу, то и безконечно малыя многія количества вѣса могутъ давать бо́льшій вѣсъ. Безконечно малыя частицы будутъ, конечно, невѣсомыми, но отсюда не слѣдуетъ чтобы они были безвѣсными; они будутъ столько же безконечно мало вѣсомыми, какъ и безконечно малыми.

Все это мы говоримъ въ томъ предположеніи, что выраженіе: безконечно малыя частицы—можетъ имѣть реальное значеніе. Это выраженіе допускаетъ иногда атомизмъ, чтобы устранить неизбѣжное съ представленіемъ матеріи представленіе о возможности дѣленія атома, какъ пространственнаго цѣлаго. Атомисты опредѣляютъ иногда атомъ, какъ безконечно малую часть матеріи въ томъ предположеніи, что безконечно малое не можетъ быть уже еще меньшимъ, слѣд. дѣлимымъ. Но такое представленіе не спасаетъ атомизма и опроверженіе его въ томъ же понятіи вѣсомости тѣлъ, которое указано выше. Въ самомъ дѣлѣ, отчего можетъ происходить различный вѣсъ тѣлъ? Конечно, отъ различной тяжести ихъ, то есть, по теоріи атомизма, отъ того, что извѣстное тѣло заключаетъ въ себѣ или больше атомовъ или столько же, какъ и другое, но атомовъ большей тяжести. Атомизмъ, какъ мы видѣли, предполагаетъ различный вѣсъ атомовъ. Но отчего зависитъ различный вѣсъ атомовъ? Очевидно, онъ можетъ зависѣть только отъ различной ихъ величины; большій по объему атомъ тяжеле атома меньшаго по объему. Это, какъ мы знаемъ, ясно допускаетъ химія. Но если одинъ атомъ *больше* другаго, то, конечно, онъ по отношенію къ атому меньшему уже не есть безконечно малый; онъ имѣетъ опредѣленную, большую величину.

Вообще же должно замѣтить, что, будемъ ли мы держаться атомистической или другой какой теоріи матеріи, понятіе безконечной малости не можетъ имѣть точнаго и строгаго приложенія къ веществу точно также, какъ и понятіе *простаго*.

Тѣмъ болѣе это выраженіе не можетъ быть принимаемо въ буквальномъ значеніи при предположеніи абсолютной дѣлимости матеріи. Каждая часть матеріи не есть безконечно малая уже потому, что дѣлима, что можетъ дать намъ еще меньшія части. Выраженіе: безконечно малыя частицы—можетъ быть употреблено только для обозначенія непрерывности потока дѣлимости и въ противоположность атомистической теоріи, допускающей ограниченіе извѣстнымъ предѣломъ. Но на самомъ дѣлѣ этимъ нисколько не утверждается дѣйствительное существованіе безконечно малыхъ частицъ уже потому самому, что буквально понимаемыя безконечно малыя частицы были бы вмѣстѣ и немыслимо малыя и, строго говоря, невозможно малыя, потому что они ускользали-бы какъ отъ понятія конечности, такъ и мыслимости.

Третье доказательство, которое приводятъ иногда въ пользу атомизма, извѣстно уже въ древней философіи, хотя тамъ оно употреблялось и не для этой цѣли, и носитъ болѣе софистическій, чѣмъ научный характеръ. Оно состоитъ въ томъ, что, предполагая безконечную дѣлимость вещества, мы должны предположить безконечное число частей въ каждой вещи, а допуская это, мы будемъ не въ состояніи отличить большаго тѣла отъ малаго, потому что оба они будутъ состоять одинаково изъ безконечнаго числа частей. Очевидно, это доказательство тоже, какое приводилъ въ защиту атомизма и древній Индійскій философъ Канада, говоря, что если бы вещество было до безконечности дѣлимо, то не было бы различія между большою горою и маленькимъ зерномъ, потому что та и другое одинаково состояли бы изъ безконечнаго множества частицъ. Но при этомъ забываютъ, что относительная величина и малость предмета опредѣляется не простымъ числомъ слагающихъ его частей, но и ихъ *величиною;* поэтому и большее тѣло всегда останется большимъ, а меньшее меньшимъ, какъ скоро въ первомъ самыя части будутъ больше, а во второмъ меньше. Отсюда, и при безконечной дѣлимости матеріи, одно тѣло, которое было большимъ, и останется большимъ, а меньшее—меньшимъ, хотя бы мы и предположили, что они состоятъ изъ одинаковаго, т. е. безконечнаго числа частей. Обращая же вниманіе на число частей и оставляя въ сторонѣ ихъ относительную величину, мы можемъ придти къ

нелѣпому заключенію, даже и не предполагая абсолютной дѣлимости вещества. На томъ напр. основаніи, что такой-то большой предметъ состоитъ изъ 100 частей и такой-то малый также изъ 100 частей, мы будемъ вправѣ заключать, что оба они равны, потому что имѣютъ одинаковое число частей. Точно также нелѣпо изъ того, что два неравныя тѣла имѣютъ одинаковое безконечное число частицъ, заключать что они равны.

Вотъ главныя теоретическія доказательства въ пользу атомизма. Общій ихъ характеръ тотъ, что они указываютъ на затрудненія, возникающія для мысли съ признаніемъ абсолютной дѣлимости матеріи, но положительными доказательствами въ пользу атомистической теоріи ихъ, конечно, назвать нельзя. Не споримъ, что мысль о безконечной дѣлимости представляетъ нѣкоторыя затрудненія для мышленія и что нашъ умъ дѣйствительно стремится въ потокѣ этой дѣлимости остановиться на чемъ либо первомъ, т. е. не дѣлимомъ далѣе. Но это затрудненіе основано не на существѣ самого дѣла, а на субъективной потребности нашего мышленія. Оно проистекаетъ отъ невольнаго иногда смѣшенія условій нашего ограниченнаго познанія съ условіями самаго бытія и перенесенія понятій перваго на самую дѣйствительность. Наше познаніе въ своихъ изслѣдованіяхъ послѣднихъ основаній явленій, чтобы не идти въ безконечность, должно, конечно, остановиться на чемъ нибудь первомъ и начальномъ, какъ на точкѣ исхода въ объясненіи природы,—и въ этомъ заключаются права атомизма, какъ естественно-научной гипотезы. Но если должно начать съ чего нибудь въ нашихъ изслѣдованіяхъ, предположить какое либо состояніе матеріи первымъ и даннымъ, то это нисколько не говоритъ еще, чтобы и на самомъ дѣлѣ, а не въ нашей только мысли, мы должны были признать существованіе какихъ либо абсолютно-первыхъ недѣлимыхъ частицъ матеріи, — атомовъ. Напротивъ, допуская реальное существованіе атомовъ, мы неизбѣжно наталкиваемся на затрудненія гораздо важнѣйшія, чѣмъ тѣ, которыя можетъ представлять понятіе безконечной дѣлимости и которыя, какъ мы видѣли, легко устранимы.

Что все пространственное и матеріальное должно быть дѣлимымъ, —это неоспоримое и неустранимое никакими умство-

ваніями требованіе нашего мышленія; оно не только не встрѣчаетъ опроверженія въ опытѣ, но, какъ мы видѣли, вполнѣ подтверждается фактами реальной дѣлимости вещества. Атомизмъ противорѣчитъ этому требованію и отъ этого противорѣчія не спасаетъ его ни названіе атомовъ безконечно малыми (въ томъ предположеніи, что безконечно малое не можетъ быть еще меньшимъ и потому дѣлимымъ), ни предположеніе за атомами еще меньшихъ, слагающихъ самые атомы, частичекъ матеріи, которымъ нѣкоторые атомисты даютъ названіе то атомовъ третьяго порядка (атомы перваго порядка,— у нихъ молекулы), то ультиматами вещества *). Вещество въ маломъ ли, въ большомъ ли количествѣ одно и тоже и съ одними и тѣми же свойствами протяженности и дѣлимости, и было бы наивностію думать, будто, приписавъ ему наименьшую величину, мы спасемъ его отъ дѣлимости.

Другое, неудобопріемлемое для философской мысли, предположеніе атомизма есть представленіе о пустыхъ промежуткахъ, отдѣляющихъ атомы. Что атомы должны быть отдѣлены

*) Хотя атомы, говоритъ одинъ изъ защитниковъ атомизма, суть частицы высшаго порядка, чѣмъ молекулы, но и они не суть однако же послѣднія, наименьшія частички. Напротивъ, кажется, что какъ массы большаго, доступнаго нашимъ чувствамъ, протяженія состоятъ изъ молекулъ, молекулы же или части массы перваго порядка слагаются изъ атомовъ или частей массы втораго порядка, такъ точно и атомы въ свою очередь состоятъ изъ соединенія частицъ массы третьяго, высшаго порядка.

Къ этому воззрѣнію ведетъ уже то соображеніе, что если бы атомы были неизмѣнными, недѣлимыми величинами, то мы должны бы принимать столько же родовъ различныхъ элементарныхъ матерій, сколько мы знаемъ простыхъ химическихъ элементовъ. Но существованіе 60 или болѣе существенно различныхъ первоматерій уже само по себѣ очень мало вѣроятно. Но оно дѣлается еще менѣе вѣроятнымъ, когда мы будемъ имѣть въ виду извѣстныя свойства атомовъ, между которыми особенно заслуживаютъ вниманія взаимныя отношенія, обнаруживающіяся въ атомномъ вѣсѣ различныхъ элементовъ. (L. Meyer, Die mod. Theorien d. Chemie. § 154).

Противъ такого предположенія очень мѣтко замѣчаетъ Ланге: „очень сильно можно предполагать, что и атомы третьяго порядка, хотя бы они были атомами настоящей первоматеріи, при ближайшемъ разсмотрѣніи, разрѣшатся снова въ атомы четвертаго порядка и т. д. Но всѣ такіе въ безконечность идущіе процессы показываютъ, что мы въ этихъ вопросахъ имѣемъ дѣло только съ необходимыми условіями нашего мышленія, а не съ тѣмъ, что вещи сами по себѣ суть и безъ всякаго отношенія къ нашему познанію“. (Gesch. d. Materialismus. 1874. II. 212).

другъ отъ друга, это, конечно, существенное предположеніе атомизма. Но что заключается въ промежуткахъ между ними? Если атомы составляютъ всю матерію, а матерія составляетъ все сущее и понятіемъ ея исчерпывается все бытіе, то между ними мы должны признавать абсолютную пустоту, ничто. Но такое абсолютное ничто рѣшительно немыслимо и не представимо для насъ. Не говоримъ уже о противорѣчіи такого представленія непосредственному эмпирическому воззрѣнію, по которому вся область физическаго бытія, сколько оно доступно нашему наблюденію, является сплошь наполненною какимъ либо веществомъ; отсюда аналогически мы имѣемъ право заключать, что и тѣ области вселенной, которыя недоступны нашему наблюденію, также сплошь наполнены матеріею. Далѣе, признаніе абсолютной пустоты между атомами, при признаніи фактическаго дѣйствія ихъ другъ на друга, ведетъ необходимо къ предположенію такъ называемаго дѣйствованія на разстояніи (in distanz), не только безъ взаимнаго соприкосновенія, но и безъ среды, служащей проводникомъ движенія. Но такое предположеніе ведетъ къ величайшимъ затрудненіямъ при объясненіи механическаго движенія. На опытѣ мы видимъ, что движущія силы природы дѣйствуютъ или черезъ соприкосновеніе тѣлъ или посредствомъ толчка, сообщаемаго однимъ тѣломъ другому. Мы не видимъ примѣра, чтобы одно тѣло могло двинуть другое, лежащее вдали отъ него или безъ непосредственнаго сближенія съ нимъ или безъ помощи какой либо между-лежащей среды, служащей передатчикомъ движенія. Но признавая, что атомы отдѣлены одинъ отъ другаго пустыми промежутками, совершеннымъ *ничто*, мы должны бы допустить странную для матеріальнаго міра возможность—дѣйствовать одному матеріальному предмету (какъ бы онъ малъ ни былъ,—это все равно) на другой безъ всякаго посредства и соприкосновенія, одною такъ сказать волею или внутреннимъ стремленіемъ приблизить или отдалить его отъ себя. Вообще, объяснить какъ притяженіе и отталкиваніе атомовъ, отчего образуются простыя и сложныя тѣла, такъ и взаимное тяготѣніе міровыхъ единицъ,—небесныхъ тѣлъ, при предположеніи абсолютной дискретности матеріи, едвали возможно. Это затрудненіе чувствуютъ сами атомисты, но то, чѣмъ думаютъ устранить его, едва ли помогаетъ дѣлу. Именно устра-

нить его они думаютъ тѣмъ, что, кромѣ вѣсомыхъ атомовъ тѣлъ, признаютъ еще невѣсомые, эѳирные атомы, наполняющіе какъ промежутки между перваго рода атомами, такъ и небесныя пространства между міровыми тѣлами; эти невѣсомые атомы и должны служить средою и проводниками движенія и вообще дѣйствія транзиторныхъ силъ—свѣта, тепла и пр. Но не трудно видѣть, что такое разрѣшеніе затрудненія, вытекающаго изъ признанія абсолютной пустоты между атомами, есть мнимое, а не дѣйствительное. Различеніе вѣсомыхъ и невѣсомыхъ атомовъ можетъ быть вполнѣ цѣлесообразнымъ въ области естествознанія, но оно нисколько не приноситъ пользы для метафизическаго пониманія матеріи въ видѣ атомовъ и не устраняетъ заключающагося въ немъ противорѣчія, потому уже, что качество вѣсомости или невѣсомости нисколько не измѣняетъ самаго существа атомовъ какъ дискретныхъ частицъ; и невѣсомые атомы точно также, какъ вѣсомые, протяженны и отдѣлены между собою пустыми промежутками *).

И относительно ихъ, поэтому, также возможенъ и также остается безъ отвѣта вопросъ: что такое находится между ними и что служитъ проводникомъ ихъ дѣйствій другъ на друга? „Абсолютно пустое пространство“, о которомъ говоритъ Фехнеръ? Но пространство есть форма существованія вещей конечныхъ: пространство есть пространство чего нибудь; безъ вещей, наполняющихъ пространство, оно есть чисто абстрактное понятіе, которое не можетъ служить средою для дѣйствія другъ на друга предполагаемыхъ реальныхъ предметовъ, каковы атомы.

Нельзя сказать, чтобы болѣе проницательные атомисты не чуствовали указанныхъ нами недостатковъ своей теоріи матеріи и не пытались устранить ихъ, особенно, примирить понятіе о недѣлимости атомовъ съ понятіемъ дѣлимости матеріи. Но, съ одной стороны, нельзя назвать этихъ попытокъ удачными; съ другой, они такого рода, что или прямо или въ своихъ результатахъ уничтожаютъ матеріалистическій характеръ атомизма.

Такъ Ньютонъ примиреніе понятій дѣлимости и недѣлимости атомовъ находитъ въ всемогущей волѣ Творца. Онъ согла-

*) Это прямо утверждаетъ Фехнеръ. Atomenlehre, p. 33. 34.

шается, что вещество само по себѣ мы необходимо должны представлять въ возможности безконечно дѣлимымъ; но въ тоже время признаетъ, что эта дѣлимость творческимъ актомъ верховной воли получила предѣлъ. „Я считаю вѣроятнымъ, говоритъ онъ, что Богъ въ началѣ создалъ вещество въ видѣ плотныхъ, твердыхъ, непроницаемыхъ, подвижныхъ частицъ, такихъ размѣровъ, такой формы, съ такими свойствами и въ такомъ отношеніи къ пространству, какъ это требовалось для той цѣли, для которой они были созданы; что эти первоначальныя частицы несравненно тверже всѣхъ пористыхъ тѣлъ изъ нихъ состоящихъ, даже такъ тверды, что никогда не могутъ быть раздѣлены на части, потому что никакая сила не можетъ раздѣлить того, что Богъ создалъ цѣльнымъ *)". Такой взглядъ на причину недѣлимости атомовъ и на происхожденіе ихъ спеціальныхъ отличій, условливающихъ различіе тѣлъ, конечно, вполнѣ достаточенъ для естествоиспытателя, чуждаго матеріализма, но въ тоже время отстраняющаго отъ себя чисто метафизическіе вопросы о сущности матеріи, какъ не нужные для эмпирическаго объясненія явленій. Но едвали имъ удовлетворится философъ, такъ какъ имъ совершенно устраняются тѣ изслѣдованія, которыя имѣютъ значеніе для философіи; при этомъ взглядѣ извѣстное состояніе матеріи и ея основныя формы предполагаются какъ данныя, созданныя Богомъ и дальнѣйшаго вопроса о происхожденіи этихъ формъ не полагается. Между тѣмъ вопросъ о сущности матеріи, какъ единаго и простаго субстрата физическихъ явленій, необходимо возникаетъ для философской мысли, которая не можетъ остановиться на первоначальномъ разнообразіи, какъ на чемъ то данномъ, но стремится свести это разнообразіе къ высшему единству. Этотъ вопросъ вызывается не однимъ чисто философскимъ требованіемъ, но и самымъ эмпирическимъ воззрѣніемъ на природу, которая представляетъ въ своей жизни постоянный процессъ, возникновеніе сложнаго изъ болѣе простаго и первоначальнаго. Если всѣ предметы природы, какъ неорганическіе, такъ и органическіе не искони существуютъ, но образовались постепенно, какъ показываетъ геологія и палеонтологія, то невольно рождается мысль, что и химиче-

*) Optica. 1717. 375. См. Страхова, Міръ какъ цѣлое, стр. 349.

скія различія простыхъ элементовъ природы и взаимныя ихъ отношенія, также, не первоначальны, но законосообразно произошли изъ какого либо болѣе простаго элемента, который мы и называемъ матеріею вообще.

Другіе защитники атомизма, и въ числѣ ихъ знаменитый химикъ новаго времени Либихъ, находятъ примиреніе дѣлимости матеріи съ недѣлимостью атомовъ въ предположеніи какой то особенной силы природы. Либихъ согласенъ, что матерію мы должны представлять себѣ до безконечности дѣлимою. „Для разсудка совершенно невозможно, говоритъ онъ, представить себѣ малѣйшія частицы вещества, которыя были бы абсолютно недѣлимы. Въ математическомъ смыслѣ безконечно малыми, безъ всякаго протяженія, атомы не могутъ быть уже потому, что они имѣютъ вѣсъ. Какъ бы ни была мала частица, мы не можемъ считать невозможнымъ раздробленіе ея на двѣ половины, на три, на сто частей. Но мы можемъ представить себѣ что эти атомы только физически недѣлимы и что они только въ нашихъ опытахъ являются такъ, какъ будто они не способны ни къ какому дальнѣйшему дѣленію. Физическій атомъ въ этомъ смыслѣ представляетъ собою группу гораздо меньшихъ частицъ, которыя соединены нѣкоторою силою, болѣе мощною, чѣмъ всѣ силы, какія есть на земномъ шарѣ и какія мы могли употребить для его раздѣленія. Поэтому, не отвергая безконечной дѣлимости вещества, химикъ только признаетъ твердое основаніе, крѣпкую почву своей науки, когда считаетъ существованіе физическихъ атомовъ за неоспоримую истину *)“.

Такимъ образомъ, тогда какъ Ньютонъ причину, останавливающую потокъ дѣлимости вещества въ атомахъ, находитъ въ всемогущей силѣ божественной, Либихъ открываетъ ее въ какой-то, конечно, физической силѣ, которую никакія другія силы природы преодолѣть не могутъ. Нельзя не видѣть, что, не смотря на недостаточность Ньютонова объясненія въ философскомъ отношеніи, оно гораздо удовлетворительнѣе, потому что даетъ болѣе достаточную причину для объясненія явленія, чѣмъ Либихъ. Что сила всемогущаго Творца могла положить преграду дѣлимости матеріи, это понятно. Но что

*) Chemische Briefe. 1857. 123.

такое Либихова великая сила недѣлимости, почему она такъ безусловно и непобѣдимо дѣйствуетъ въ малѣйшихъ частицахъ матеріи, это остается для насъ въ совершенномъ мракѣ и она является для насъ тѣмъ таинственнѣе, чѣмъ болѣе будемъ всматриваться въ ея дѣйствіе, совершенно непохожее на дѣйствіе прочихъ физическихъ силъ. Уже то представляется страннымъ, что именно въ малѣйшихъ частицахъ должна заключаться величайшая сила (или напряженіе силы природы), — сила, которую никакія другія силы не могутъ разрушить, и еще удивительнѣе и чудеснѣе, что эта сила должна препобѣдить, уничтожить существенное свойство матеріальности, — именно дѣлимость и само по себѣ дѣлимое сдѣлать недѣлимымъ? Матеріальный субстратъ (атомъ) есть самое малѣйшее, что только можетъ быть, а сила и энергія, которая въ немъ заключается, есть самое величайшее, что только дѣйствуетъ на землѣ, такъ какъ она не можетъ быть преодолѣна никакою другою силою, такъ что здѣсь сила и матерія стоятъ въ совершенно обратномъ отношеніи. Въ одной только чрезмѣрной близости, въ какой находятся между собою части атома, эта непреодолимая, препятствующая дѣлимости сила едва ли можетъ заключаться; мы не можемъ почитать ее чѣмъ то въ родѣ имманентной силы тяготѣнія въ атомахъ, потому что, по самой природѣ вещей, эта сила притяженія при столь маломъ субстратѣ должна бы быть безконечно малою относительно къ прочимъ силамъ природы. Самая малость и чрезъ то недоступность ея для другихъ силъ природы, также, едва ли можетъ быть причиною недѣлимости, такъ какъ эта малость и неуловимость существуетъ только для насъ, а не для самой природы; нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы дѣйствіе силъ природы останавливалось малостію, точно также какъ и великостію, массы вещества. Такимъ образомъ, физическая непреодолимая сила, сдерживающая естественную дѣлимость у Либиха, остается совершенно не объясненною и непонятною *).

При очевидной невозможности какъ объяснить недѣлимость атомовъ дѣйствіемъ какой либо неизвѣстной силы природы, такъ и вообще удержать эту недѣлимость при представленіи

*) Frohschammer, Ueb. d. Aufgabe d. Naturph. 145.

матеріальности атомовъ, многіе защитники атомизма готовы сдѣлать важную и существенную уступку, — отказаться отъ самаго понятія о матеріальности атомовъ. Если атомы, по самому понятію своему, должны быть недѣлимы, а все матеріальное не можетъ быть таковымъ, то нужно ли въ интересахъ самаго естествознанія удерживать противорѣчащее понятіе матеріальности атомовъ? Нельзя ли представлять себѣ атомы въ видѣ простыхъ, не матеріальныхъ пунктовъ или центровъ, изъ которыхъ исходятъ дѣйствія силъ природы,— центровъ, не имѣющихъ никакой протяженности, слѣд. и матеріальности въ точномъ смыслѣ слова? Этого рода атомизмъ, такъ какъ онъ основывается на аналогіи элементарныхъ частицъ матеріи съ математическими пунктами, можно назвать, какъ и называютъ его иногда, математическимъ атомизмомъ.

Ученія объ атомахъ, какъ безпространственныхъ пунктахъ, держатся въ наше время многіе философы и естествоиспытатели. Такъ, по опредѣленію Фехнера, извѣстнаго защитника атомизма, атомы суть простыя сущности (Wesen), которыя имѣютъ только мѣсто, но никакого протяженія, хотя посредствомъ своего разстоянія и допускаютъ, что составленныя изъ нихъ тѣла могутъ имѣть протяженность; атомы по своей сущности болѣе, чѣмъ эѳирны; они почти тоже, что математическіе пункты *). Многіе извѣстные математики и физики также соглашаются въ томъ, что представляютъ матерію состоящею изъ простыхъ, неимѣющихъ протяженности и величины элементовъ, пунктовъ, иначе, изъ простыхъ центровъ дѣйствія силъ **).

Но не трудно замѣтить, что и эта теорія, замѣняющая физическіе атомы математическими, должна быть признана односторонней и неудовлетворительною. Прежде всего, въ ней недостаточно ясно различается математическая и физическая сторона въ изученіи природы. Математикъ, конечно, имѣетъ право не прибѣгать ни къ какимъ протяженнымъ атомамъ; для него достаточны абстрактные, не протяженные пункты, они даже необходимы ему для точности вычисленій. Отчасти

*) Atomenlehre, p. 150 и др.

**) Фехнеръ указываетъ какъ на защитниковъ подобнаго воззрѣнія на Босковича, Ампера, Коши, Сегюена, Муаньо и др. (Atomenlehre, 157).

можетъ обойтись безъ такихъ атомовъ и физика, въ какой мѣрѣ она основывается на математическомъ вычисленіи; для нея достаточно простыхъ пунктовъ силъ, съ притягательными и отталкивательными дѣйствіями. Но математика и математическая физика изучаютъ только одну сторону въ явленіяхъ природы. При строго физическомъ, тѣмъ болѣе химическомъ изученіи предметовъ природы, во всякомъ случаѣ необходимо представленіе протяженныхъ, имѣющихъ опредѣленную величину и вѣсъ частицъ или молекулъ, и противъ разсматриваемаго нами воззрѣнія справедливо замѣчаютъ, что изъ него невозможно объяснить матеріальности предметовъ, такъ какъ изъ непротяженнаго не можетъ образоваться протяженное тѣло и не имѣющіе вѣса математическіе пункты не могутъ образовать имѣющаго вѣсъ предмета. Правда, противъ этого защитники разсматриваемой нами теоріи (напр. Фехнеръ) возражаютъ, что протяженіе не имѣетъ ничего общаго съ вѣсомъ и что вѣсъ зависитъ отъ одного отношенія матеріальныхъ частицъ, а не отъ ихъ абсолютнаго свойства *). Однакоже, хотя протяженіе, какъ таковое, и не имѣетъ ничего общаго съ вѣсомъ (потому что и невѣсомое во всякомъ случаѣ должно имѣть протяженіе), но этимъ еще нисколько не объясняется, какимъ образомъ тѣ элементы или атомы, изъ которыхъ образуются протяженныя и тяжелыя тѣла, сами могутъ быть безъ протяженія и вѣса. Нельзя сказать и того, будто математическіе атомы получаютъ свойство вѣсомости и тяжести отъ того, что они соединяются и образуютъ чрезъ то большія массы, подобно тому какъ множество разсѣянныхъ мельчайшихъ частичекъ матеріи (напр. пылинокъ, пара) можетъ быть невидимо для глаза, а совокупленіе ихъ въ большую массу даетъ имъ свойство видимости. Такое объясненіе нисколько не облегчаетъ для насъ пониманія дѣла, потому что невидимость мельчайшихъ частичекъ не есть абсолютная, а только относительная къ свойствамъ и силѣ нашего зрѣнія; абсолютно же невидимыя частицы и отъ соединенія ихъ не сдѣлаются видимыми. Также точно и то, что лишено вѣса само по себѣ, не можетъ получить тяжести отъ соединенія, и если тяжесть есть повсюду господствующее свойство матеріи, то и малѣй-

*) Atomenlehre, p. 160.

шія ея частицы также должны имѣть это свойство. Такимъ образомъ попытка замѣнить атомы математическими пунктами не можетъ удовлетворить естествознанія.

Еще менѣе удовлетворительна теорія математическаго атомизма съ философской точки зрѣнія. Она хочетъ произвести реальную дѣйствительность, каковы матеріальные предметы, изъ непротяженныхъ, математическихъ пунктовъ. Но математическій пунктъ есть нѣчто мыслимое только, умопредставляемое, но не реальное; въ дѣйствительности онъ не существуетъ. Какимъ же образомъ изъ чисто мысленнаго понятія можетъ произойти что либо дѣйствительное? Изъ математическихъ точекъ, какъ бы ни увеличивали ихъ число, точно также ничего не можетъ составиться, какъ изъ мыслимыхъ ариѳметическихъ чиселъ, сколько бы мы ихъ ни слагали, дѣйствительныхъ исчисляемыхъ предметовъ. Въ этихъ математическихъ пунктахъ, называемыхъ атомами, для защитниковъ ихъ дорого то, что эти атомы не протяженны, не матеріальны и, поэтому, суть дѣйствительно, по самому существу недѣлимы, чего безъ противорѣчія нельзя сказать объ обыкновенныхъ, матеріальныхъ атомахъ. Но эта недѣлимость есть только мысленная, которой на самомъ дѣлѣ ничего соотвѣтствовать не можетъ. Истинно недѣлимое, но въ тоже время реальное, бытіе можетъ быть только одно,— духовное, въ силу своей простоты и несложности, а никакъ не математическая точка. Такимъ образомъ, непротяженные атомы, если мы должны ихъ принять, могутъ быть только духовными сущностями и математическій атомизмъ долженъ перейти въ монадологическое представленіе матеріи.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛА

ОРГАНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ *).

Для объясненія и объединенія бытія, чувственно являющагося намъ, какъ безконечно разнообразный міръ предметовъ и явленій, называемыхъ физическими, наука предполагаетъ существованіе общаго субстрата или основы этихъ предметовъ и явленій,—матеріи съ имманентными ей физическими и химическими силами. Но всѣ ли явленія природы могутъ быть выведены и объяснены изъ этой основы? Въ числѣ предметовъ природы мы, конечно, встрѣчаемъ очень много такихъ, которые могутъ быть, такъ сказать, безъ остатка разложены на матерію и физико-химическія силы, такъ что ихъ дѣйствительное существованіе составляетъ вполнѣ результатъ этихъ началъ чувственнаго бытія. Это—предметы природы неорганической. Но въ области природы мы замѣчаемъ и другіе предметы, которые столь рѣзкими и характеристическими чертами отличаются отъ предметовъ неорганическихъ, что, повидимому, не могутъ быть признаны простою комбинаціею матеріи и извѣстныхъ, дѣйствующихъ въ физическомъ мірѣ, силъ. Такого рода отличные отъ неорганическихъ предметы мы называемъ существами органическими, а совокупность ихъ царствомъ или міромъ органическимъ. Начинаясь отъ самыхъ низшихъ организованныхъ существъ, которыя едва уловимыми чертами отли-

*) Эта статья помѣщена была въ „Приб. къ Твор. Св Отц.“ за 1881 г. ч. XXVII и XXVIII.

чаются отъ соединеній неорганическихъ, каковы напр. кораллы и низшіе растительные организмы, состоящіе изъ простаго соединенія клѣточекъ, это царство по чрезвычайно многочисленнымъ ступенямъ родовъ и видовъ растеній и животныхъ восходитъ до человѣческаго организма, самаго совершеннаго изъ всѣхъ органическихъ образованій, какія мы знаемъ на земномъ шарѣ. Философскій вопросъ, который занимаетъ насъ при взглядѣ на эти столь разнообразныя существа, состоитъ, прежде всего, въ томъ: нужно-ли для объясненія ихъ существованія и характеристическихъ особенностей, которыя отличаютъ ихъ отъ предметовъ неорганическихъ, признавать бытіе особой, отличной отъ дѣйствующихъ въ неорганической природѣ физическихъ силъ, нематеріальной силы, или они суть не что иное, какъ своеобразная игра тѣхъ же самыхъ силъ, которыя являются намъ дѣйствующими въ вещественной природѣ?

Вопросъ о началѣ, условливающемъ жизнь органическихъ существъ, которое мы пока, за недостаткомъ лучшаго названія, станемъ называть обыкновенно употребляемымъ именемъ жизненной силы, имѣетъ не только самостоятельное научное значеніе и интересъ, но и состоитъ въ существенной, повидимому, недостаточно оцѣненной нѣкоторыми философами, связи съ вопросомъ о душѣ человѣка. Ученіе о сущности души человѣческой вовсе не такъ безразлично къ такому или иному рѣшенію вопроса о жизненной силѣ, какъ иногда думаютъ. Полагаютъ (напр. Декартъ, Лотце), что отрицаніемъ самостоятельности начала органической жизни нисколько не колеблется самостоятельность духовнаго начала въ человѣкѣ, которое будто-бы отличается столь рѣзкими и характеристическими чертами отъ явленій чисто органической жизни тѣла, что все равно, будемъ ли мы считать эту жизнь продуктомъ игры матеріальныхъ силъ природы, или допускать для объясненія ея другое начало. Правда, органическая жизнь на низшихъ ея ступеняхъ представляетъ слишкомъ мало сходства съ жизнію психическою; но въ высшихъ ея формахъ, напр. въ жизни животныхъ, ближайшихъ къ человѣку, многія явленія ея, обыкновенно приписываемыя нами инстинкту, представляютъ такое поразительное сходство съ явленіями низшей сферы психической жизни, что невольно приходитъ на мысль, если не тожество, то значительное сходство началъ, обусловливающихъ ту

и другую. При такомъ положеніи дѣла, отрицаніе самостоятельности жизненнаго начала, напр. у животныхъ, невольно и естественно колеблетъ ученіе о самостоятельности психическаго начала въ человѣкѣ. Невольно возникаетъ недоумѣніе: если у животныхъ то, что мы зовемъ инстинктомъ, смышленностію, сообразительностію, хитростью, искусствомъ и т. п. можетъ быть продуктомъ одной комбинаціи матеріальныхъ элементовъ и силъ, то почему не могутъ быть произведеніемъ тѣхъ же причинъ и психическія явленія человѣческой природы, которыя повидимому только степенью и совершенствомъ отличаются отъ подобныхъ явленій природы животной? Если безжизненная природа могла произвести столь разнообразные, столь цѣлесообразно устроенные предметы міра органическаго, наконецъ, то, что мы называемъ душею животныхъ, то почему ей не произвести и души человѣка со всѣми ея феноменами? Сдѣлавъ уступку матеріализму въ вопросѣ о сущности органической силы, мы легко можемъ быть вынуждены и къ значительнымъ уступкамъ относительно силы психической.

Что есть неоспоримое, рѣзкое различіе между живыми существами и не живыми физическими предметами, въ этомъ убѣждено не только обыкновенное ненаучное сознаніе на основаніи наглядныхъ, всѣмъ очевидныхъ, признаковъ жизни и безжизненности, отличающихъ тѣ и другіе, но и естествознаніе, которое, поэтому, и дѣлитъ предметы природы на два класса: органическіе и неорганическіе. Но дѣло въ томъ, на столько ли это различіе существенно, чтобы требовать различныхъ принциповъ для объясненія природы неорганической и органической? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ совершенно расходятся не только естествоиспытатели, но и философы. Тогда какъ одни изъ нихъ, для объясненія особенностей органической жизни считаютъ необходимымъ допустить особое начало и особую силу (виталисты), другіе отвергаютъ необходимость такой силы и для объясненія органической жизни считаютъ вполнѣ достаточными обыкновенныя, извѣстныя намъ, физическія и химическія силы, дѣйствующія въ неорганической природѣ (защитники такъ называемаго механическаго воззрѣнія на органическую жизнь).

Итакъ, мы должны теперь остановить наше вниманіе на особенностяхъ, отличающихъ существа органическія отъ не-

органическихъ и посмотрѣть, на столько ли существенны эти особенности, чтобы для объясненія ихъ допускать особую, жизненную силу?

Особенности, отличающія органическія существа отъ неорганическихъ предметовъ, замѣчаются: а., въ ихъ матеріальномъ составѣ; б., въ соединеніи матеріальныхъ частицъ въ извѣстную форму; в., въ процессѣ ихъ существованія и наконецъ г., во взаимномъ соотношеніи всѣхъ этихъ особенностей для достиженія опредѣленной цѣли существованія. Мы назовемъ эти особенности: матеріальными, формальными, генетическими и телеологическими.

а) Что касается до матеріальнаго состава органическихъ и неорганическихъ предметовъ, то на первый разъ между тѣми и другими не представляется существенной и замѣтной разницы. Тѣже химическіе простые элементы входятъ въ составъ какъ органическихъ, такъ и неорганическихъ тѣлъ. Особенность первыхъ только въ томъ, что въ нихъ находятся не всѣ 65 простыхъ элементовъ современной химіи. Тѣло напр. человѣка состоитъ изъ 15 простыхъ тѣлъ, между которыми въ немъ, какъ и во всѣхъ прочихъ организмахъ, углеродъ, кислородъ, водородъ и азотъ, а также и сѣра рѣшительно играютъ главную роль, такъ что остальныя простыя тѣла составляютъ ничтожную, почти незамѣтную часть. Между пятью названными нами элементами углеродъ имѣетъ рѣшительный перевѣсъ; онъ находится во всѣхъ частяхъ органической массы. Большая часть органическихъ тѣлъ вмѣстѣ съ углеродомъ содержатъ водородъ, очень немногія, кромѣ того, кислородъ; азотъ и сѣра встрѣчаются относительно рѣже.

Но, если по отношенію къ простымъ химическимъ элементамъ нѣтъ значительной разницы между органическими и неорганическими предметами, за то является замѣчательная и характеристическая разница въ дальнѣйшемъ соединеніи этихъ простыхъ элементовъ. Въ организмахъ, какъ ихъ существенный признакъ, наука открываетъ такія химическія соединенія простыхъ тѣлъ, какія мы не встрѣчаемъ въ природѣ неорганической. Какого рода эти соединенія въ частности, говорить о томъ для нашей цѣли нѣтъ нужды; изученіемъ ихъ занимается органическая химія. Общій же характеръ этихъ соединеній наука опредѣляетъ такъ. „Въ составныхъ частяхъ всѣхъ

органическихъ соединеній заключается углеродъ. Но углеродъ въ органическомъ соединеніи соединяется съ прочими элементами не непосредственно, а прежде всего съ однимъ или многими простыми веществами образуетъ сложное тѣло, которое принимаетъ на себя роль элемента (т. е. химически простаго тѣла) и имѣетъ способность соединяться съ другими простыми элементами, почему эта ближайшая составная часть и получила названіе *сложнаго радикала*. Между тѣмъ какъ въ неорганическихъ веществахъ одинъ элементъ соединяется съ другимъ и происходящій отъ этого составъ снова можетъ придти въ соединеніе съ соотвѣтствующимъ ему *сложнымъ* соединеніемъ,—въ органическихъ соединеніяхъ находящійся въ нихъ сложный радикалъ имѣетъ свойство соединяться только съ отдѣльными, *простыми* элементами, а не съ соединеніями высшаго порядка. Поэтому органическая химія есть собственно химія углеродо-содержащихъ сложныхъ радикаловъ *)". Такимъ образомъ, главное химическое различіе между органическими и неорганическими тѣлами состоитъ собственно въ томъ, что такъ называемые сложные радикалы въ неорганической природѣ соединяются не только съ одними простыми, но и съ сложными веществами, между тѣмъ какъ органическіе сложные радикалы химически соединяются только съ одними простыми элементами. Химія указываетъ еще нѣкоторыя другія особенности между органическими и неорганическими тѣлами, но они не особенно важны **).

Итакъ несомнѣнный фактъ науки, что въ химическомъ отношеніи тѣла органическія отъ неорганическихъ отличаются тѣмъ, что въ составъ первыхъ входятъ такія химическія соединенія, которыя не встрѣчаются нигдѣ въ природѣ неорганической. На основаніи особенностей состава органическихъ и неорганическихъ соединеній и химія дѣлится на неоргани-

*) Кекюле у Ульрици въ его Gott und die Natur, изд. 1862. p. 143. Вообще, сложный радикалъ можно опредѣлить, какъ молекулу, химически сложенную изъ многихъ простыхъ веществъ, но которая, несмотря на свою сложность, имѣетъ все значеніе и играетъ роль простаго химическаго тѣла; когда этотъ радикалъ химически соединяется съ другими простыми или сложными веществами, то при этомъ не утрачиваетъ своего собственнаго химическаго соединенія или опредѣленнаго состава. Ibid.

**) О нихъ см Ульрици, lib. cit. p. 145—149.

ческую и органическую. Теперь вопросъ въ томъ, нужно ли для объясненія происхожденія этихъ особенныхъ органико-химическихъ соединеній, признавать особенную, недѣйствующую въ природѣ неорганической, силу или нѣтъ? Съ этимъ связанъ другой вопросъ: есть ли организмъ, если даже смотрѣть на него только съ химической точки зрѣнія, продуктъ неорганической природы или для своего образованія онъ предполагаетъ, кромѣ силъ дѣйствующихъ въ этой природѣ, новую силу, которую мы назвали жизненною?

Прежде полагали, что такъ называемыя органическія соединенія не могутъ образоваться непосредственно изъ элементовъ неорганическихъ, что они могутъ, поэтому, составиться не иначе какъ въ организмѣ и силою самаго же организма. Но въ настоящее время химіи удалось произвести искусственнымъ путемъ нѣкоторыя органическія вещества, напр. кислоты: муравьиную, мочевинную, щавелевую и нѣк. другія. Но должно замѣтить, что самый фактъ возможности произвести нѣкоторыя органическія вещества *прямо* и непосредственно изъ неорганическихъ элементовъ вовсе не принадлежитъ еще къ общепризнаннымъ и несомнѣннымъ. Знаменитый напр. химикъ Либихъ не вѣрилъ въ подобную возможность. Вотъ его слова: „силу, дѣйствующую въ атомахъ органическихъ соединеній, мы можемъ направлять различнымъ образомъ, можемъ измѣнять, усиливать и уничтожать; соединяя два, три, четыре сложные органическіе атома мы можемъ произвести атомы высшаго порядка; сложные можемъ разложить на простѣйшіе; такъ изъ дерева и крахмала мы можемъ составить сахаръ, изъ сахара —кислоты: щавелевую, молочную, уксусную, муравьиную, альдегидъ, алкоголь; но ни одного изъ этихъ соединеній не можемъ образовать прямо изъ составляющихъ его элементовъ“ *). То есть, по мнѣнію Либиха, если химія и можетъ произвести нѣкоторыя органическія соединенія, то не иначе какъ изъ данныхъ уже органическихъ же соединеній, только различнымъ образомъ разлагая и комбинируя ихъ.

Впрочемъ, и оставляя въ сторонѣ, какъ спорный еще, вопросъ о томъ, могутъ ли нѣкоторыя органическія соединенія быть произведены прямо изъ неорганическихъ элементовъ или только

*) Письма о химіи. Перев. Алексѣева. 1861. 1. 212.

при помощи данныхъ уже органическихъ соединеній, при помощи сложенія и разложенія ихъ, мы должны замѣтить, что эти искуственныя соединенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ вести къ мысли о тожествѣ началъ неорганической и органической природы.

Прежде всего, искусственно производимыя органическія соединенія вообще не многочисленны и не играютъ никакой спеціальной и важной роли въ жизни органическаго царства *). Что же касается до возможности, на основаніи опытовъ произведенія этихъ простѣйшихъ органическихъ веществъ, произвести когда-либо искусственно и безъ посредства прежде данныхъ органическихъ соединеній какія либо соединенія, играющія сколько нибудь важную роль въ организмѣ, то она, судя по безуспѣшности всѣхъ до сихъ поръ сдѣланныхъ попытокъ, совершенно невѣроятна. Къ этому заключенію приходятъ всѣ стоящіе на строго научной почвѣ и не зараженные тенденціозностію матеріализма химики. „Химикъ, говоритъ Либихъ, можетъ въ своей лабораторіи приготовить нѣкоторыя вещества, которыя производятся только растеніемъ или животнымъ въ организмѣ. Точно также мы можемъ получить хининъ, кофеинъ, красильныя вещества растеній и всѣ соединенія, имѣющія не жизненныя, но только химическія свойства, т. е. такія соединенія, которыхъ малѣйшія частицы принимаютъ форму кристалловъ; формы кристалловъ не зависятъ отъ органической силы. Но никогда не удастся химику приготовить въ своей лабораторіи клѣточку, мускульное волокно, нервъ, однимъ словомъ, дѣйствительно органическую часть организма, одаренную жизненными свойствами“ **).

Но предположимъ невѣроятное,—именно, что химику когда либо въ отдаленномъ будущемъ удастся получить искусственнымъ путемъ, кромѣ открытыхъ до сихъ поръ, и нѣкоторыя другія высшія органическія соединенія. Прежде всего, эти искусственные продукты будутъ все-таки не организмами или

---

*) Съ этимъ согласны даже защитники механическаго воззрѣнія на жизнь, напр. Стреккеръ. По мнѣнію Лотце, органическія вещества, которыя можетъ произвести химія, принадлежатъ не къ высшимъ веществамъ, совершающимъ жизненныя отправленія организма, а только вообще причисляются къ органическимъ. Ulrici, lib. cit. p. 149.

**) Письма о химіи. Т. 1. 302.

частями ихъ, а только мертвыми продуктами органическаго міра, не живыми тѣлами, а тѣлами въ химическомъ значеніи, не отличающимися отъ неорганическихъ элементовъ, несмотря на разность ихъ состава. Далѣе, сами защитники возможности искусственнаго произведенія нѣкоторыхъ органическихъ соединеній изъ неорганическихъ веществъ не отрицаютъ того несомнѣннаго факта, что подобнаго рода соединенія въ природѣ въ естественномъ видѣ нигдѣ и никогда не встрѣчаются, что они могутъ быть произведены только искусствомъ химика, наукою. Что же отсюда слѣдуетъ? Очевидно, то, что сама неорганическая природа съ ея силами не могла и не можетъ произвести ничего подобнаго органическому; что, если когда либо и гдѣ либо въ ней могли возникнуть органическія соединенія, то не иначе, какъ подъ вліяніемъ силы аналогической съ тою силою, которая и теперь можетъ иногда произвести ихъ прямо изъ неорганическихъ элементовъ, т. е. силы, подобной силѣ и уму человѣка, которая и соединила неорганическіе элементы такъ, какъ они не соединяются никогда сами въ неорганической природѣ. А эта, аналогическая съ разумною силою и волею человѣка, хотя и безсознательно дѣйствующая, сила и есть такъ называемая жизненная сила.

Кромѣ различія въ химическомъ составѣ, различія, повидимому, незначительнаго, однако же, какъ мы видѣли, необъяснимаго одними дѣйствующими физико-химическими силами, органическія тѣла отличаются отъ неорганическихъ и особеннымъ способомъ обнаруженія въ нихъ химическихъ свойствъ веществъ, что опять предполагаетъ дѣйствіе въ организмахъ особой силы, опредѣляющей этотъ способъ и подчиняющей себѣ химическіе элементы. „Процессъ, происходящій въ растеніи, говоритъ Либихъ, совершенно противоположенъ неорганическому процессу. Въ неорганической природѣ дѣйствуютъ законы механики и химіи; вывѣтриваніе камней, разрушеніе горъ основано на дѣйствіи теплоты, воды и воздуха; химическое дѣйствіе кислорода, тотчасъ по прекращеніи жизни, переводитъ органическія существа опять въ тѣ основныя соединенія, изъ которыхъ образовалось тѣло. Но въ организмѣ живаго растенія, воздухъ, вода, кислородъ и углекислота утрачиваютъ свой химическій характеръ, такъ что и масса, и сродство ихъ теряютъ свое значеніе. Внѣ сферы силъ, дѣй-

ствующихъ въ растеніи, кислородъ обнаруживаетъ свое сильное сродство къ горючимъ элементамъ,—къ углероду и водороду; внутри растенія онъ выдѣляется изъ воды и изъ углекислоты и выходитъ изъ листьевъ въ воздухъ въ видѣ кислорода; жизненный процессъ растенія есть процессъ возстановленія, противоположный процессу окисленія, происходящему въ неорганической природѣ“ *).

Изъ представленныхъ нами фактовъ видно, что для объясненія существованія въ природѣ органическихъ соединеній, отличающихъ организмы отъ тѣлъ неорганическихъ, мы съ вѣроятностію должны признать особенную, неизвѣстную въ неорганической природѣ силу,—силу, дѣйствующую только въ организмахъ и нигдѣ болѣе, и которую, поэтому, мы вправѣ назвать органическою.

Но химико-механическія соединенія вещества, отличающіяся отъ соединеній неорганическихъ, сами по себѣ, суть только матеріальныя средства и условія существованія организмовъ; они суть тѣже, хотя и своеобразныя, химическія тѣла. Гораздо важнѣе и существеннѣе тѣ особенности, въ которыхъ выражается собственная природа органическихъ существъ, въ ихъ отличіи отъ предметовъ неодушевленныхъ. Одни изъ этихъ отличій, какъ мы сказали, касаются формы или строенія органическихъ существъ, другія — процесса ихъ существованія.

б) Составъ неорганическихъ тѣлъ наука представляетъ себѣ въ видѣ простаго механическаго соединенія отдѣльныхъ элементарныхъ, однородныхъ частичекъ, называемыхъ атомами или молекулами. Эти же частицы, хотя въ нѣкоторыхъ своеобразныхъ сочетаніяхъ, входятъ, какъ мы видѣли, и въ составъ органическихъ тѣлъ; но форма, въ какой они соединяются здѣсь, совершенно отлична отъ способа сочетанія элементовъ въ тѣлахъ неорганическихъ. Основная, простѣйшая форма неорганическаго міра есть кристаллъ; матерія, входящая въ составъ организмовъ, всегда представляется намъ въ видѣ микроскопическихъ пузырьковъ, пространственно отдѣльныхъ другъ отъ друга, такъ называемыхъ *клѣточекъ*. Клѣточка есть не что иное какъ зерно, окруженное слизисто-

*) Письма о химіи. Т. 1. стр. 245.

зернистою массою, такъ называемою протоплазмою, которая покрыта нѣжною кожицею *). Протоплазма съ своими зернышками находится въ очень разнообразномъ текучемъ движеніи. Тогда какъ въ тѣлахъ неорганическихъ увеличеніе ихъ объема происходитъ посредствомъ простаго механическаго сближенія одной молекулы съ другою, посредствомъ наслоенія ихъ одна на другую, въ органическихъ тѣлахъ ихъ увеличеніе, которое мы должны назвать возрастаніемъ, совершается совершенно другимъ способомъ. Движущееся содержаніе клѣточки, чаще всего, зерно ея раздѣляется на двѣ части, между которыми образуется стѣнка, нѣчто въ родѣ перепонки. Такимъ образомъ изъ одной клѣточки являются двѣ **). Посредствомъ далѣе и далѣе продолжающагося дѣленія и образованія стѣнокъ или преградъ въ существующихъ клѣточкахъ происходятъ постепенно новыя и новыя клѣточки, располагаются по извѣстнымъ законамъ, группируются и соединяются въ особенные сосуды, которые имѣютъ опредѣленныя функціи. Чѣмъ сложнѣе организмы, тѣмъ спеціальнѣе функціи, которыя должны совершать извѣстныя сочетанія клѣточекъ. Эти сочетанія клѣточекъ образуютъ за

---

*) Впрочемъ, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, нѣкоторые думаютъ, что клѣточка не есть еще простѣйшій организованный элементъ. Ботаникъ Конъ наблюдалъ зооспоры и антерозоиды папоротниковъ, – болѣе простые элементы, чѣмъ клѣточки въ томъ отношеніи, что они состоятъ изъ массы протоплазмы голой, безъ оболочки. Клѣточка, какъ оказывается, есть уже усложненный элементъ. Точка отправленія организованныхъ формъ есть масса протоплазмы. Первая степень усложненія есть образованіе *ядра*, вторая—образованіе уплотненнаго наружнаго слоя, *оболочки*. Является клѣточка, какъ мѣшечекъ съ ядромъ и протоплазмою внутри. Впрочемъ, есть основаніе предполагать, что эта безформенная, зернистая масса протоплазмы, при кажущейся ея однородности, весьма сложна, и что даже протоплазма не есть послѣдній предѣлъ, до котораго достигаетъ микроскопическій анализъ организованнаго міра. Но теорія сложности строенія протоплазмы (пластидулярная теорія) пока еще не получила достаточнаго развитія. (Посл. труды К. Бернара. Русск. Вѣстн. 1878. Май, стр. 89. 90).

**) Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, случаяхъ имѣетъ мѣсто другой способъ размноженія клѣточекъ, такъ называемое свободное образованіе ихъ,—именно въ клѣточкѣ матери или первоначальной появляются въ видѣ маленькихъ пузырьковъ другія клѣточки, мало по малу растутъ и наполняютъ всю первоначальную клѣточку—матерь, воспринимая въ себя и образуя все ея содержаніе.

тѣмъ органы, т. е. орудія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою опредѣленную задачу—служить для сохраненія цѣлаго организма. Отсюда видно, что организмъ въ своемъ составѣ представляетъ совершенную противоположность неорганическому тѣлу; тогда какъ послѣднее есть аггрегатъ мертвыхъ, механически слагающихся частичекъ, организмъ состоитъ изъ *живыхъ* элементовъ, называемыхъ клѣточками и образуется чрезъ внутреннее ихъ развитіе и размноженіе одной отъ другой. Клѣточку, такимъ образомъ, можно назвать живымъ молекуломъ или біологическимъ атомомъ органической природы. Въ первоначальной клѣточкѣ, — клѣточкѣ матери уже заложенъ цѣлый организмъ, который состоитъ или изъ одной только клѣточки (такъ наз. одноклѣточные организмы, напр. многіе водоросли) или разростается извнутри чрезъ продолженное дѣленіе первоначальной клѣточки (многоклѣточные организмы), и чѣмъ сложнѣе его строеніе, тѣмъ больше ступеней развитія онъ проходитъ и тѣмъ разнообразнѣе ткани и органы, которые онъ планосообразно производитъ для опредѣленныхъ отправленій.

Но будучи элементами, слагающими составъ цѣлаго, единаго и законченнаго организма, каждая изъ клѣточекъ пользуется въ то же время относительною самостоятельностію и представляетъ, въ микроскопическомъ и простомъ видѣ, своеобразный организмъ. „Каждая клѣточка въ организмѣ, говоритъ Льюисъ, независима; она зарождается, она ростетъ, она размножается, она умираетъ, подобно одноклѣточному растенію или животному. Ростъ и смерть органа подобны росту и смерти народа или дерева; отдѣльныя клѣточки, составляющія органъ, ростутъ и погибаютъ, какъ ростутъ и погибаютъ отдѣльныя лица въ народѣ, отдѣльные листы въ деревѣ. Тутъ есть нѣкоторое общее единство, но оно слагается изъ отдѣльныхъ единицъ. Какъ жизнь народа или дерева есть итогъ жизней всѣхъ его особыхъ частей, точно также и жизнь организма есть итогъ жизней его отдѣльныхъ клѣточекъ *)“.

Какъ различна форма слагающихъ неорганическіе и органическіе предметы элементарныхъ частичекъ, такъ точно различна и внѣшняя форма образующихся изъ этихъ частичекъ

*) Физіологія об. жизни. М. 1862. Т. II. 354.

продуктовъ. „Неорганическія тѣла суть математическія формы; они не только очерчены по извѣстному типу или схемѣ, но и таковы же въ цѣломъ своемъ построеніи; они очерчены исключительно математическими величинами: плоскостями, линіями и точками. Органическія тѣла природы, напротивъ, хотя и имѣютъ въ своей основѣ математическую схему, но, по своимъ внѣшнимъ очертаніямъ, никогда не имѣютъ математической опредѣленности, совершенно своеобразны, слѣд. суть чисто органическія плоскости; въ нихъ нѣтъ ни математическихъ линій, ни математическихъ точекъ“ *). Этою особенностію формы органическія существа отличаются существенно не только отъ обыкновенныхъ неорганическихъ предметовъ, но и отъ тѣхъ, кои, по значенію для нихъ формы, повидимому, ближе подходятъ къ органическимъ, разумѣемъ кристаллы. Въ кристаллахъ наслоеніе атомовъ, хотя идетъ отъ одного даннаго пункта извнутри подъ управленіемъ опредѣленнаго закона ихъ образованія, но чисто внѣшнимъ образомъ; кристаллъ представляетъ намъ, по внѣшности, прямыя линіи, плоскости, углы, точно также, какъ и внутри до малѣйшихъ частей, совершенно однообразное, геометрически правильное строеніе. Напротивъ, органическія тѣла, по наружности, свободны отъ угловъ, реберъ, правильныхъ линій, а ограничены только кругловатыми формами. Это различіе въ формѣ органическихъ существъ отъ неорганическихъ не можетъ быть объяснено изъ дѣйствующихъ физическихъ силъ. „Въ органическихъ тѣлахъ, замѣчаетъ Либихъ, должна дѣйствовать непремѣнно какая либо особая причина, по которой прямая линія неорганическихъ тѣлъ изгибается въ кривую“ **).

Тоже различіе между неорганическими тѣлами и органическими существами мы находимъ и относительно *значенія* формы ихъ для тѣхъ и другихъ. Въ первыхъ форма ихъ по отношенію къ самымъ предметамъ несущественна и случайна, тогда какъ для тѣлъ органическихъ она столь существенна, что, за разрушеніемъ ея, уничтожается и самый предметъ. Предмету неорганическому его форма не прирождена, не

*) Burmeister, Gesch. d. Schöpfung. 304. ср. 311.
**) Письма о химіи. Т. 1. 297.

вызвана извнутри самою сущностью его, но отвнѣ наложена, вызвана чуждою ему силою и зависитъ часто отъ воли случая; такова напр. форма облака, водопада, горы, куска камня. Для всѣхъ этихъ предметовъ форма ихъ совершенно безразлична; облако остается тѣмъ же облакомъ, какую прихотливую форму ни придалъ бы ему вѣтеръ; извѣстной породы камень останется тѣмъ же камнемъ, разобьете ли вы его на тысячу кусковъ, придадите ли ему при помощи отдѣлки какую угодно разнообразную форму и фигуру; вода по химическому составу останется тою же водою, течетъ ли она въ рѣкѣ, принимаетъ ли твердую форму куска льда или превращается въ незамѣтный паръ. Совершенно иное явленіе замѣчаемъ мы въ царствѣ органическомъ; отнимите у растенія или животнаго его форму, раздробите его механически, — и они перестанутъ быть тѣмъ, чѣмъ были,—растеніемъ, животнымъ. Имѣя въ виду существенное значеніе формы для органическихъ существъ, можно опредѣлить ихъ такъ: органическія существа суть тѣ, для которыхъ вещество безразлично, а форма существенна или тѣ, кои удерживаютъ свою субстанціальную форму при непрестанной перемѣнѣ входящихъ въ ихъ составъ веществъ.

Правда, есть и въ неорганической природѣ предметы, для которыхъ форма, повидимому, есть нѣчто существенное; таковы кристаллы. Не говоримъ о томъ, что кристаллы составляютъ переходъ отъ неорганическаго царства къ органическому; что самое явленіе кристаллизаціи нѣсколько загадочно и едвали можетъ быть объяснено изъ дѣйствія однихъ господствующихъ въ природѣ механическихъ силъ; что, по самой своей исключительности, оно не можетъ служить общимъ, характеристическимъ признакомъ для всего неорганическаго царства. И само по себѣ оно нисколько не служитъ доказательствомъ неразрывности и существенной связи формы съ содержаніемъ даже для тѣхъ продуктовъ неорганической природы, въ которыхъ имѣетъ мѣсто кристаллизація потому уже, что одно и тоже тѣло природы можетъ и принимать кристаллическую форму и нѣтъ; можетъ имѣть иногда и различныя кристаллическія формы; сѣра напр. существуетъ не только въ ромбическихъ октаедрахъ, но и въ аморфномъ (не кристалличе-

скомъ) видѣ, въ твердомъ и расплавленномъ состоянiи, не переставая отъ того быть сѣрою *).

в., Еще важнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ формальныя или морфологическiя отличiя органическихъ существъ отъ неорганическихъ тѣлъ, тѣ особенности, которыя мы назвали *генетическими*, касающимися самого способа продолженiя ихъ существованiя. Каждое неорганическое тѣло вообще не заключаетъ въ себѣ никакихъ внутреннихъ побужденiй къ какому-бы то ни было измѣненiю того состоянiя, какое оно однажды приняло; всѣ измѣненiя въ немъ происходятъ отвнѣ, отъ дѣйствiя на него тѣхъ или другихъ силъ или предметовъ природы. Обезопасьте его, если то возможно, отъ этихъ внѣшнихъ, измѣняющихъ его, вліяній,—и оно пробудетъ цѣлые вѣка въ одномъ неизмѣнномъ положенiи; сохраните напр. камень, кусокъ золота отъ вывѣтриванiя, отъ ржавчины, отъ дѣйствiя воздуха, влаги,—и эти предметы останутся навсегда тѣми же самыми. Но иное дѣло существа органическiя; всѣ они въ своемъ существованiи совершаютъ независимый отъ внѣшнихъ вліяній циклъ своего существованiя; они рождаются, растутъ, умираютъ; и какими бы внѣшними благопрiятными вліяніями мы ихъ ни обставили, они неизбѣжно совершатъ этотъ циклъ, очевидно, зависящiй не отъ этихъ вліяній, а отъ самой природы ихъ.

аа) Первый изъ моментовъ этого цикла, который мы называемъ жизнiю, въ отличiе отъ простаго неорганическаго существованiя, есть *происхожденiе* органическпхъ существъ. Происхожденiе неорганическихъ веществъ вполнѣ зависитъ отъ извѣстныхъ комбинацiй физическихъ и химическихъ силъ природы; вотъ почему, зная составъ того или другаго тѣла и способъ его образованiя въ природѣ, мы, комбинируя извѣстнымъ образомъ вещества и силы природы въ нашихъ научныхъ

*) Кромѣ того, диморфизмъ и изоморфизмъ доказываютъ, что кристаллическая форма неорганическихъ веществъ никакъ не можетъ считаться ихъ существенною формою. Сѣра кристаллизуется мокрымъ путемъ въ ромбическихъ октаедрахъ, а при охлажденiи изъ расплавленнаго состоянiя въ продолговатыхъ призмахъ. Углекислая известь кристаллизуется также какъ углекислая цинковая окись (Zynkoxyd) въ ромбоедрахъ. Значитъ, эти формы не суть существенные специфическiе ихъ аттрибуты, но случайныя акциденцiи. См. Liebmann, Zur Analysis d. Wirklichkeit, p. 30.

опытахъ можемъ искуственно произвести сами нѣкоторые неорганическіе продукты, напр. извѣстныя химическія вещества, даже кристаллы. Но ничего подобнаго мы не можемъ сдѣлать по отношенію къ организмамъ; не только растенія или животнаго самыхъ простыхъ формъ, но даже первоначальной клѣточки мы не въ состояніи произвести искусственно изъ неорганическихъ веществъ, хотя-бы и хорошо и точно знали всѣ химическіе элементы, входящіе въ составъ даннаго организма, и всѣ физическія силы, въ немъ дѣйствующія. Уже это одно ясно показываетъ, что входящія въ составъ организма вещества и дѣйствующія въ немъ химическія и физическія силы недостаточны для его образованія, но что для этого нужно еще какое-то новое условіе или особая сила. Вообще, въ настоящее время можно признать несомнѣнною и доказанною истиною, что организмы не происходятъ никогда безъ сѣмени или безъ предшествующихъ организмовъ, никогда не возникаютъ отъ дѣйствія однихъ неорганическихъ силъ. „Неорганическія силы, говоритъ Либихъ, всегда производятъ только неорганическія вещества; органическое вещество съ своими жизненными свойствами, съ своею особенною формою, отличною отъ кристаллической, происходитъ отъ высшей силы, дѣйствующей въ живомъ тѣлѣ, гдѣ неорганическія силы ей подчиняются. Сто лѣтъ тому назадъ полагали, что рыбы и лягушки могутъ образоваться сами собою въ водѣ и болотахъ; что растенія и небольшія животныя могутъ рождаться сами собою въ бродящихъ и гніющихъ жидкостяхъ, въ мокрыхъ опилкахъ. Еслибы это дѣйствительно было справедливо, то надо бы согласиться и съ тѣмъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ могъ когда либо произойти и человѣкъ. Но точное изслѣдованіе природы показало, что всѣ эти за истину почитаемыя мнѣнія, основывались на невѣрныхъ и неточныхъ наблюденіяхъ; во всѣхъ изслѣдованныхъ случаяхъ находили зародыши и сѣмена для растеній, яица для животныхъ, изъ которыхъ развивались тѣла въ гніющемъ веществѣ; но яйцо и сѣмя происходитъ отъ организма“ *). Но Либихъ принадлежитъ къ извѣстнымъ защитникамъ жизненной силы. Вотъ отзывы двухъ естествоиспытателей, которые въ принципѣ враждебны вита-

*) Письма о химіи, Т. I. стр. 303.

листической теоріи, но, тѣмъ не менѣе, неоспоримымъ фактомъ различія неорганическихъ существъ отъ органическихъ, по способу происхожденія, вынуждены сдѣлать невольныя ей уступки. „Можетъ возбуждать недоумѣніе, говоритъ Фирховъ, что я допускаю выраженіе: *жизненная сила* (Lebenskraft), котораго прежде избѣгалъ. Я не отрицаю, что это выраженіе можетъ возбуждать недоумѣніе, но не столько относительно меня, сколько относительно другихъ, которые съ этимъ словомъ соединяютъ совершенно иную мысль, чѣмъ я. Но въ концѣ концовъ нужно же какое нибудь выраженіе, а пріискать такое, которое не могло бы быть перетолковано или не такъ понято, почти невозможно. Нигдѣ я не дѣлалъ и намека на то, что бы жизненная сила была какая либо простая, отъ другихъ силъ природы специфически отличная, сила; напротивъ, я постоянно и выразительно всегда высказывался за вѣроятность механическаго ея происхожденія. Но наконецъ нужно же когда нибудь отложить естествознательное упрямство видѣть въ жизненныхъ процессахъ не болѣе, какъ одинъ только результатъ присущихъ вещественнымъ частичкамъ, слагающимъ тѣла, молекулярныхъ силъ. Какъ мало пушечное ядро движется только тѣми силами, которыя находятся въ немъ самомъ, и какъ мало сила, съ которою оно ударяетъ другія тѣла, есть простой результатъ свойствъ его собственной субстанціи; какъ мало небесныя тѣла движутся сами собою и какъ мало сила ихъ движенія можетъ быть производима просто изъ ихъ формы или химическаго состава; такъ же мало и жизненныя явленія могутъ быть объясняемы изъ однихъ только свойствъ веществъ, составляющихъ ихъ отдѣльныя части... Ученіе о происхожденіи жизни я формулирую въ духѣ целлюлярной патологіи такъ: omnis cellula a cellula. Я не знаю никакой жизни, для которой ненужно бы искать матери или материнской формы. Одна клѣточка переноситъ движеніе жизни на другую и силу этого движенія, которая,—что очень возможно, даже довольно вѣроятно,—есть очень сложная сила, я и называю жизненною силою“ *). Нельзя, конечно, сказать, чтобы это мнѣніе о жиз-

*) Слова Фирхова изъ его Archiv für patholog. Anatomie u. Physiologie. VIII, 22 et sq. см. у Фрогшаммера въ его: Ueb. d. Aufgabe d. Naturphilosophie. 1861. p. 204, 205.

ненной силѣ извѣстнаго физіолога находилось въ полной гармоніи само съ собою, такъ какъ онъ, съ одной стороны, утверждаетъ невозможность, чтобы жизненные процессы были механическимъ результатомъ молекулярныхъ силъ, а съ другой стороны, въ то же время считаетъ очень возможнымъ, даже вѣроятнымъ, что жизненная сила—механическаго происхожденія и ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ силъ природы. Точно также нельзя не видѣть противорѣчія и въ томъ, что онъ жизненную силу, т. е. силу движенія клѣточекъ, считаетъ очень сложною силою. Является опять вопросъ: какія же это силы слагаются въ общую жизненную силу и какая новая сила заставляетъ ихъ слагаться? Для насъ достаточно того, что Фирховъ довольно ясно высказывается противъ возможности происхожденія организмовъ при помощи однихъ физическихъ и химическихъ силъ. Еще замѣчательнѣе вынужденное очевидными фактами признаніе существеннаго отличія по способу происхожденія органическихъ и неорганическихъ предметовъ у Бурмейстера. „Происхожденіе органическихъ тварей, говоритъ онъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не зависитъ отъ простаго смѣшенія ихъ главныхъ составныхъ частей, какъ это бываетъ въ тѣлахъ неорганическихъ, а обусловливается другимъ, совершенно намъ неизвѣстнымъ, вліяніемъ, на которое, поэтому, мы и не можемъ указывать. Это вліяніе, кажется, можетъ быть произведено только подобнымъ же живымъ организмомъ; но оно не чисто произвольное, а подчиняется неизмѣннымъ законамъ; поэтому мы остаемся въ совершенномъ невѣдѣніи относительно перваго происхожденія органическихъ существъ на землѣ“ *). Но несмотря на это признаніе, Бурмейстеръ рѣшительно держитъ сторону такъ называемаго generatio aequivoca, т. е. говоритъ въ пользу первоначальнаго происхожденія организмовъ изъ смѣшенія и видоизмѣненія неорганическихъ элементовъ подъ вліяніемъ особыхъ условій, тогда господствовавшихъ. Причина такого страннаго противорѣчія его собственному мнѣнію есть единственно его матеріалистическое предубѣжденіе; по его словамъ, если не допустить произвольнаго зарожденія организмовъ, то мы должны объяснять ихъ появленіе на землѣ только

*) Geschichte d. Schöpfung, p. 304 et sq.

непосредственнымъ вторженіемъ высшей силы, между тѣмъ какъ въ пользу этого предположенія не говоритъ ни одинъ мотивъ изъ всей исторіи развитія земнаго шара.

бб) Какъ различны неорганическія и органическія существа по происхожденію, такъ точно различны они и по способу дальнѣйшаго *продолженія* своего существованія. Мы замѣтили, что существенное свойство неорганическихъ тѣлъ есть постоянная ихъ неизмѣняемость по формѣ и по составнымъ частямъ, постоянное пребываніе въ томъ состояніи, какое они однажды приняли. Въ органическомъ же существѣ, на оборотъ, продолженіе его бытія условливается постояннымъ потребленіемъ его составныхъ частей и восполненіемъ потребляемаго новыми веществами. Въ организмѣ совершается постоянный обмѣнъ веществъ при помощи *питанія*. Питаніе состоитъ въ принятіи организмомъ веществъ изъ окружающей его среды и въ превращеніи ихъ въ входящія составныя части организма. Это питаніе постоянно служитъ только цѣли цѣлаго; никакая часть организма не можетъ сама для себя и безъ отношенія къ цѣлому воспринимать и ассимилировать вещества. Но въ то же время какъ организмъ постоянно усвояетъ себѣ вещества отвнѣ, онъ и выдѣляетъ изъ себя потребленныя составныя части и этою постоянною замѣною одного вещества другимъ, этою непрерывною смѣною вещества, условливается *сохраненіе* организма. Ничего подобнаго мы не находимъ въ тѣлахъ неорганическихъ. Неорганическое тѣло пребываетъ безъ всякаго внутренняго измѣненія и остается до тѣхъ поръ, пока не разрушатъ его вліянія отвнѣ; внутренній жизненный процессъ питанія и постоянной смѣны веществъ совершенно ему чуждъ. Параллельно съ питаніемъ, условливающимъ сохраненіе жизни индивидуума, идетъ въ немъ другой внутренній процессъ періодическаго возрастанія, а за тѣмъ ослабленія жизненности. Каждое органическое существо подчинено извѣстнымъ опредѣленнымъ фазисамъ развитія, которые мы называемъ *возрастами;* ничего подобнаго опять мы не замѣчаемъ въ предметахъ неорганическихъ.

вв) Какъ происхожденіе и продолженіе жизни, такъ и *конецъ* органическаго существа представляетъ явленіе совершенно своеобразное и чуждое природѣ неодушевленной. Органическое тѣло и независимо отъ столкновенія съ внѣшними агентами

и не отъ ихъ чисто-разрушительной силы, но вслѣдствіе закона своей внутренней природы, неминуемо должно погибнуть. Жизненный процессъ питанія и обмѣна веществъ оно можетъ продолжать только опредѣленное, спеціально различное для каждой отдѣльной породы, время. Только это опредѣленное время жизненная сила управляетъ химическимъ сродствомъ входящихъ въ составъ организма элементовъ; какъ скоро періодъ жизни кончился, наступила смерть, химическое сродство снова овладѣваетъ организованнымъ веществомъ и рядомъ процессовъ гніенія и броженія превращаетъ его снова въ неорганическія вещества; организмъ разрѣшается на свои элементарныя составныя части, которыя, сообразно съ своими свойствами, вступаютъ между собою въ различныя химическія соединенія или употребляются для образованія и питанія другихъ организмовъ. Ничего соотвѣтствующаго явленію смерти мы не находимъ въ неорганическихъ предметахъ; они могутъ существовать, какъ они суть, пока оставятъ ихъ не тронутыми внѣшніе агенты. Загадочное явленіе смерти, какъ оно ни кажется радикально противоположнымъ понятію жизни, есть по самому существу своему жизненное явленіе, чуждое неорганическому міру и необъяснимое изъ дѣйствія его силъ. „Вопросъ, почему органическія тѣла исчезаютъ, говоритъ извѣстный физіологъ Миллеръ, или почему органическая сила переходитъ изъ производительныхъ частей въ новые живые продукты, а старыя производительныя части вымираютъ,—этотъ вопросъ есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ въ физіологіи, и мы не въ состояніи разрѣшить эту загадку. Неудовлетворительно было бы отвѣчать, что неорганическія вліянія мало по малу уничтожаютъ жизнь, потому что въ такомъ случаѣ органическая сила должна бы ослабѣвать въ самомъ началѣ, съ первымъ происхожденіемъ органическаго существа. Но, какъ извѣстно, она усиливается и во время мужества находится на такой степени совершенства, что способна размножать, — образовать новые зародыши. Можно бы предположить также, что дряхлость, развивающаяся въ старости, происходитъ отъ постепеннаго накопленія извѣстныхъ веществъ въ организмѣ, избирательное сродство которыхъ приходитъ въ равновѣсіе съ жизненною силою; но и въ этомъ случаѣ жизненная сила опять должна бы ослабѣвать въ самомъ началѣ“. Вообще, по мнѣнію Мил-

лера, мы въ состояніи не понять истинную причину смерти, а только представить послѣдовательность явленій, сопровождающихъ разрушеніе организма. Описавъ затѣмъ физіологическіе процессы, сопровождающіе смерть организма, онъ въ заключеніе говоритъ: „все это похоже на объясненіе, но въ сущности представляетъ только преемственную связь явленій, да и то нельзя опредѣленно сказать, чтобы представляло ее вполнѣ правильно“ *).

Дѣйствительно, явленіе смерти, несмотря на то, что она представляется на первый взглядъ чѣмъ-то совершенно противоположнымъ жизни, служитъ яснымъ доказательствомъ самостоятельности жизненнаго начала и независимости его отъ матеріи. Если жизнь есть свойство матеріи, какъ учатъ матеріалисты, то отчего же вещество разомъ и навсегда теряетъ это свойство, какъ скоро наступаетъ тотъ моментъ въ процессѣ бытія органическаго существа, который мы называемъ смертію? Конечно, это свойство есть нѣчто особенное и отличное отъ химическихъ и физическихъ свойствъ вещества, потому что эти послѣднія никогда не теряются и не исчезаютъ изъ вещества. Далѣе, что препятствовало химическимъ элементамъ, соотвѣтственно своимъ законамъ сродства, разлагаться и разъединяться еще прежде, въ теченіе жизни, и что сдерживало и связывало ихъ въ организмѣ, такъ что они, по крайней мѣрѣ отчасти, были послушны другимъ законамъ, а не тѣмъ, которымъ они слѣдуютъ, когда предоставлены себѣ самимъ? Очевидно, со смертію организма исчезла или угасла какая-то особенная сила, которая прежде была дѣйствующею, въ нѣкоторомъ родѣ связывала элементы и господствовала надъ ихъ дѣятельностію, направляя ее различно, по индивидуальной особенности каждаго организма.

Рисуя картину смерти и разложенія блистающаго нѣкогда здоровьемъ и красотою человѣческаго организма, знаменитый Кювье замѣчаетъ: „все это разрушеніе есть естественное дѣйствіе воздуха, влаги, теплоты, словомъ—всѣхъ внѣшнихъ дѣятелей на мертвое тѣло.... Однако же тѣло было уже окружено ими въ продолженіе жизни; ихъ сродство къ его части-

*) Слова Миллера изъ его Handbuch d. Physiologie, стр. 17, 21 приведены нами по сочиненію Ульрици: Богъ и природа. 1867, стр. 166, 167.

цамъ было тоже, и они уступали бы ему, еслибы не были удержаны вмѣстѣ силою высшею сравнительно съ сродствомъ, но которая перестала дѣйствовать на нихъ въ моментъ смерти“ *).

Но въ вознагражденіе за внутреннее самоуничтоженіе, которое чуждо неорганическимъ предметамъ, природа дала органическимъ существамъ своеобразную силу продолженія бытія, чрезъ произведеніе новыхъ индивидуумовъ. Организмы одарены способностію производить или порождать другія, подобныя себѣ, существа и чрезъ то сохранять породу, къ которой они принадлежатъ. Такое продолженіе породы происходитъ или при помощи раздѣленія половъ и половаго рожденія или безъ него. При безполомъ продолженіи породы *(размноженіе)*, котораго первообразъ мы видимъ въ размноженіи клѣточекъ, самыхъ простыхъ органическихъ элементовъ, данный индивидуумъ, большею частію самъ уничтожаясь, выдѣляетъ изъ себя новые индивидуумы. Этотъ способъ размноженія можетъ имѣть мѣсто во всемъ растительномъ царствѣ, тогда какъ въ царствѣ животномъ онъ встрѣчается только на самыхъ низшихъ его ступеняхъ. Продолженіе породы при посредствѣ различія половъ *(рожденіе)* есть господствующій способъ передачи органической жизни во всемъ животномъ и растительномъ царствѣ; даже и тѣ организмы, которые размножаются безъ помощи половаго различія, большею частію могутъ продолжаться въ то же время и послѣднимъ способомъ. Что въ природѣ неорганической о такого рода происхожденіи предметовъ не можетъ быть и рѣчи, это само собою ясно; новыя тѣла здѣсь возникаютъ путемъ чисто механическаго сближенія данныхъ элементовъ; чрезъ такое сближеніе или просто увеличивается масса даннаго вещества или происходитъ опредѣленное химическое измѣненіе въ силу законовъ сродства и является такимъ образомъ новое тѣло, непохожее на прежнее.

г) Если мы будемъ разсматривать тѣ особенности органическихъ существъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили и которыя назвали именемъ: матеріальныхъ, формальныхъ и генетическихъ не въ ихъ разрозненности и отдѣльности, но въ общей связи и взаимоотношеніи, то найдемъ, что это

*) Русскій Вѣстникъ. 1878 г. Май, стр. 75.

взаимоотношеніе само представляетъ собою новую и въ высшей степени характеристическую особенность, рѣзко отдѣляющую существа органическія отъ неорганическихъ предметовъ. Эта особенность состоитъ въ томъ, что всѣ части организма находятся между собою въ тѣснѣйшей и гармонической связи, и всѣ отправленія этихъ частей направлены къ одной опредѣленной *цѣли*, которая объединяетъ ихъ и дѣлаетъ изъ организма не простой аггрегатъ равнодушныхъ другъ къ другу частей, связанныхъ одною химическою или механическою связью, но именно организмъ, единое, заключенное въ себѣ цѣлое. Эта характеристическая особенность органическихъ существъ есть ихъ цѣлесообразность или планосообразность *); условливаемые этою особенностію признаки, отличающіе ихъ отъ неорганическихъ предметовъ, мы и назвали *телеологическими*.

Такая цѣлесообразность съ одинаковою ясностью выступаетъ предъ нами, какъ во внутреннемъ соотношеніи различныхъ частей, аппаратовъ и функцій въ организмахъ, такъ и въ спеціальномъ приспособленіи ихъ къ внѣшнимъ условіямъ жизни.

Разсматривая какой угодно организмъ мы, прежде всего, замѣчаемъ, что отдѣльныя части его или органы удивительно приспособлены каждый къ достиженію той цѣли, для которой служитъ органъ въ общей экономіи жизни даннаго индивидуума. Напр. въ человѣческомъ организмѣ аппаратъ зрѣнія ясно приспособленъ для усмотрѣнія предметовъ, аппаратъ слуха для воспріятія и различенія звуковъ, желудокъ для переваріванія пищи, легкія для дыханія, ноги для ходьбы и т. п. Сравнивая каждый органическій аппаратъ съ его назначеніемъ, мы находимъ, что они какъ нельзя лучше и вѣрнѣе приспособлены къ этому назначенію, такъ что, еслибы чело-

*) Первое названіе болѣе употребительно у прежнихъ философовъ и физіологовъ, послѣднее — у новѣйшихъ. Но въ сущности то и другое выражаетъ одинъ и тотъ же смыслъ и имѣетъ въ виду ту же характерную особенность органическихъ существъ. Гдѣ какая либо сила дѣйствуетъ по опредѣленному плану, тамъ выполненіе плана есть цѣль ея дѣятельности. Поэтому соотвѣтствующая плану дѣятельность (напр. извѣстнаго рода движеніе и комбинація матеріальныхъ частицъ въ организмѣ), должна, по справедливости, быть названа ведущею къ цѣли, *цѣлесообразною*.

вѣку при всемъ его умѣ, развитомъ наукою, предложили цѣли, какія имѣетъ въ виду природа, напр. зрѣніе, слышаніе, пищевареніе, дыханіе, и заставили бы самаго придумать аппараты для наилучшаго достиженія этихъ цѣлей, то онъ, конечно, не могъ бы сдѣлать ничего лучшаго, чѣмъ то, что сдѣлала природа. Такъ напр. въ сочетаніи костей, мускуловъ, связокъ мы находимъ такое искусное приложеніе законовъ механики для произведенія въ возможно маломъ пространствѣ и съ возможно малыми средствами наибольшей силы движенія, что самый глубокомысленный механикъ едвали бы изобрѣлъ что либо лучшее, чѣмъ могъ бы замѣнить или исправить механическій аппаратъ природы.

Но какъ ни цѣлесообразно устроены органическіе аппараты каждый въ отдѣльности, сравнивая ихъ между собою въ ихъ взаимномъ отношеніи, скоро замѣчаемъ, что дѣйствія, ими производимыя, не составляютъ отдѣльныхъ цѣлей природы, что каждый изъ нихъ немыслимъ безъ связи со всѣми другими аппаратами и частями организма. Разсматривая растительный или животный организмъ, мы видимъ въ немъ индивидуальное цѣлое, составленное изъ различныхъ частей или органовъ и въ отношеніи этихъ органовъ между собою и къ цѣлому замѣчаемъ особаго рода связь, отличную отъ связи частей въ предметахъ неорганическихъ. Эта связь такого рода, что одинъ органъ условливается другимъ, а всѣ въ совокупности имѣютъ цѣлью образованіе и поддержаніе жизни даннаго организма. Организмъ—это цѣлое, въ которомъ связываются и отъ котораго зависятъ различныя его части такимъ образомъ, что мы не можемъ понять ихъ иначе, какъ въ отношеніи къ самому цѣлому. Такъ напр. можемъ ли мы представить себѣ существованіе въ природѣ рукъ, глазъ, головы, костей безъ организма, которому они принадлежатъ? Очевидно, эти части не могутъ быть понятны и возможны иначе, какъ въ соотношеніи съ цѣлымъ. Такимъ образомъ организмъ есть цѣль, ради которой существуютъ его члены,—цѣль, которую, очевидно, и имѣла въ виду природа при его образованіи. Взаимная цѣлесообразная связь всѣхъ органовъ въ цѣлости организма, ничего подобнаго которой не представляетъ соединеніе частей въ неорганическихъ предметахъ, такъ ясна, что на основаніи безчисленныхъ наблюденій можетъ быть признано

аксіомою то положеніе, что въ органическихъ существахъ нѣтъ ни одного органа, который существовалъ бы безъ какой нибудь цѣли, что природа, какъ выражается Аристотель, здѣсь ничего не производитъ понапрасну. „Каждое живое существо, говоритъ Кювье, образуетъ цѣлое, единую и заключенную въ себѣ систему, въ которой всѣ части одна другой соотвѣтствуютъ и чрезъ разнообразное взаимодѣйствіе способствуютъ къ осуществленію одной цѣли. Ни одна изъ этихъ частей не можетъ быть измѣнена безъ измѣненія остальныхъ и, слѣдовательно, каждая часть, взятая отдѣльно сама по себѣ, уже указываетъ на другія и заставляетъ ихъ предугадывать.... Итакъ, отъ формы одной части можно заключать къ формамъ всѣхъ другихъ; отъ формы напр. зубовъ можно заключать и заключать съ достовѣрностію къ формамъ ногъ, челюстей, желудка, внутренностей.... Когда дана одна часть животнаго, то при основательномъ познаніи животной экономіи можно представить и цѣлое животное“ *).

Та цѣлесообразность въ строеніи организмовъ, о которой мы говоримъ, обыкновенно называется *внутреннею,* потому что здѣсь цѣлію извѣстнаго строенія органовъ служитъ самый органическій субъектъ; она состоитъ въ томъ, что каждая часть организма вполнѣ содѣйствуетъ другой для поддержанія жизни цѣлаго, при чемъ всѣ части такъ правильно и вѣрно расчитаны одна относительно другой, что результатомъ ихъ стройнаго соотношенія является возможность органической жизни извѣстнаго существа. Но этого одного еще недостаточно для осуществленія этой возможности. Органическое существо, какъ бы ни было искусно устроено, не есть самозаключенное въ себѣ цѣлое, живущее собственною своею силою. Его существованіе зависитъ, также, и отъ многочисленныхъ, окружающихъ его, внѣшнихъ условій климата, почвы, воздуха. Итакъ, чтобы жизнь его была возможна, необходимо, чтобы оно было приспособлено къ этимъ внѣшнимъ условіямъ. Такую приспособленность мы называемъ *внѣшнею* цѣлесообразностію, и она не менѣе замѣчательна, чѣмъ внутренняя. При строеніи каждаго организма, растительнаго ли то или животнаго, природа предусмотрительно согласовала его органы

*) Cuvier, Discours sur revol. du globe Par. 1850 p. 63. 64.

и инстинкты съ тою обстановкою, среди которой ему нужно жить. Такъ напр. мы находимъ рѣзцы и клыки только у тѣхъ животныхъ, которымъ предназначено питаться посредствомъ разрыванія мяса, когти только у хищныхъ, короткія лапы на подобіе лопатки у тѣхъ, которые (напр. кротъ) копаются въ землѣ, плавники только у тѣхъ, которымъ назначено жить въ водѣ и проч. Одинъ и тотъ же органъ зрѣнія устроенъ различно, судя по тому, дневной или ночной образъ жизни ведутъ животныя; глаза рыбы устроены именно приспособительно къ закону преломленія лучей свѣта въ водѣ *).

Нѣтъ нужды говорить, что въ неорганическомъ царствѣ мы не замѣчаемъ ничего подобнаго внутренней и внѣшней цѣлесообразности, которая такъ ясно выступаетъ въ строеніи существъ органическихъ; въ тѣлахъ и предметахъ неорганическихъ мы видимъ только *части* безразличныя одна къ другой, а не *органы*, условливающіе другъ друга и существованіе цѣлаго. Камень напр. останется камнемъ по своему составу, хотя бы мы его разбили на тысячу кусковъ; организмъ, въ разъединеніи взаимно связанныхъ органовъ, перестаетъ быть организмомъ.

Такое разительное отличіе органическихъ существъ отъ неорганическихъ ясно показываетъ, что и причина, которая произвела ихъ, отлична отъ причинъ чисто механическихъ, дѣйствующихъ въ природѣ бездушной. Какъ въ самомъ дѣлѣ понять, чтобы причины чисто механическія могли произвести цѣлое, въ которомъ каждая часть можетъ быть понята не иначе, какъ въ отношеніи къ цѣлому, то есть, гдѣ всѣ части зависятъ отъ самой идеи цѣлаго? Это то же, если бы мы захотѣли приписывать чисто механическимъ причинамъ произведеніе какой либо сложной машины или часовъ. И если мы не можемъ не видѣть разумной намѣренности въ устройствѣ послѣднихъ и не приписывать, поэтому, происхожденіе ихъ особой, разумной силѣ, то и встрѣчая въ природѣ произведенія, аналогическія съ ними по взаимной связи частей и по

*) Болѣе подробное изложеніе ученія о цѣлесообразности въ мірѣ органическомъ, равно какъ и разборъ возраженій, направленныхъ противъ нея со стороны матеріалистовъ, см. въ нашей статьѣ: „Телеологическая идея и матеріализмъ“ (Правосл. Обозр. за 1877 г. январь, мартъ, сентябрь).

отношенію ихъ къ цѣлому (организмы), мы должны признать такую же аналогію и въ причинахъ этихъ произведеній. Этими причинами не могутъ быть слѣпо дѣйствующія, механическія силы неорганической природы; для объясненія цѣлесообразныхъ, слѣдовательно, разумныхъ явленій органической жизни мы должны признать особыя, разумно дѣйствующія начала этой жизни.

Мы представили существенные, характеристическіе признаки, отличающіе органическія существа отъ предметовъ неорганическихъ. Всѣ указанныя нами своеобразныя явленія въ царствѣ органической природы слишкомъ рѣзко отличаются отъ явленій въ природѣ неорганической, чтобы мы имѣли право низводить ихъ въ рядъ послѣднихъ и не искать для ихъ объясненія новой причины, не встрѣчающейся въ ряду механическихъ силъ бездушной природы. Произведеніе особенныхъ, не встрѣчающихся нигдѣ, кромѣ организма, химическихъ продуктовъ (органическія соединенія), подчиненіе химическихъ процессовъ управленію дѣйствующаго въ организмѣ начала, совершенно своеобразный способъ существованія органическихъ существъ, выражающійся въ ихъ происхожденіи, сохраненіи жизни, ея окончаніи и продолженіи породы, наконецъ, цѣлесообразная связь между отдѣльными частями организма, — всѣ эти явленія, которыя мы вообще можемъ назвать жизненными или *жизнію*, необходимо предполагаютъ для своего объясненія отличную отъ извѣстныхъ намъ и дѣйствующихъ въ неорганической природѣ силъ причину или силу, которую по общему свойству производимыхъ ею явленій, мы вправѣ назвать *жизненною силою*.

Но, не смотря на столь очевидныя основанія къ признанію самостоятельнаго начала органической жизни, ученіе о такъ называемой жизненной силѣ—*витализмѣ* встрѣчаетъ множество ожесточенныхъ враговъ въ современномъ естествознаніи. Что матеріализмъ, для котораго отрицаніе какого бы то ни было начала или силы, выходящей изъ ряда обыкновенныхъ физическихъ и химическихъ силъ природы, составляетъ существенный интересъ, долженъ былъ вооружиться всѣми своими силами противъ виталистическаго воззрѣнія, это естественно и само собою понятно. Признавъ не механическое, не матеріальное начало для объясненія низшихъ, органическихъ явле-

ній, онъ, конечно, тѣмъ болѣе долженъ былъ признать такое начало для объясненія явленій высшихъ и болѣе сложныхъ, психическихъ. Но въ ряду противниковъ жизненной силы, не смотря на авторитетные голоса въ ея пользу многихъ извѣстныхъ естествоиспытателей, стоятъ и многіе ученые, даже философы (напр. Лотце), чуждые крайностей матеріализма. Это показываетъ, что, кромѣ матеріалистическихъ тенденцій, есть же какія нибудь причины довольно сильно распространеннаго въ наше время нерасположенія къ жизненной силѣ и мы должны обратить теперь на нихъ вниманіе.

а) Самое обыкновенное и наиболѣе распространенное возраженіе противъ виталической теоріи состоитъ въ томъ, что указываютъ на полное господство въ организмахъ химическихъ и физическихъ законовъ природы, при чемъ будто бы нѣтъ мѣста никакому другому закону и никакой иной силѣ, отличной отъ обыкновенныхъ, дѣйствующихъ въ неорганической природѣ, силъ. Наука видитъ въ организмахъ неограниченное владычество только этихъ силъ. Что касается, прежде всего, до химіи, то „при всѣхъ изслѣдованіяхъ химики ни разу не наткнулись на что либо, что можно бы назвать исключительно органическимъ, т. е. на что нибудь составленное изъ элементовъ, не встрѣчающихся въ тѣлахъ неорганическихъ. Никто никогда не находилъ, чтобы элементы органическихъ тѣлъ по разъединеніи разнились отъ элементовъ тѣлъ неорганическихъ. Отсюда неизбѣжное заключеніе, что такъ какъ тѣла органическія отличаются отъ неорганическихъ не своими составными элементами, но только расположеніемъ и сочетаніемъ этихъ элементовъ, то явленія, исключительно свойственныя тѣламъ органическимъ, должны зависѣть не отъ какой либо жизненной силы, но только отъ особенностей въ расположеніи простыхъ элементовъ *). Точно также какъ химія видитъ въ составѣ организмовъ тѣ же элементы, что и въ неорганической природѣ, и физика находитъ полное подчиненіе такъ называемыхъ органическихъ движеній законамъ физическимъ. Нигдѣ въ органическомъ царствѣ не замѣчаемъ какой либо силы, которая нарушала бы эти законы или про-

*) Льюисъ, Физіологія обыд. жизни. 1862. Т. II. 345.

изводила новыя физическія явленія, неизвѣстныя въ остальной природѣ.

Все это возраженіе могло бы имѣть нѣкоторое значеніе лишь въ томъ случаѣ, еслибы защитники витализма дѣйствительно представляли жизненную силу въ видѣ какого-то особаго начала, противорѣчащаго дѣйствію въ организмѣ другихъ силъ природы или производящаго особыя, неизвѣстныя въ ней, физическія и химическія явленія и по инымъ законамъ. Правда, въ прежнее время въ ряду защитниковъ витализма мы находимъ такихъ, которые понимали дѣйствіе жизненной силы какъ *противодѣйствіе* физическимъ и химическимъ силамъ, видѣли въ ней начало, находящееся съ ними въ борьбѣ *). Но такое представленіе о жизненной силѣ давно уже оставлено и поэтому выставлять противъ ученія о ней факты законосообразнаго дѣйствія въ организмѣ физическихъ и химическихъ силъ значитъ бороться противъ мнѣнія, которое никто не отстаиваетъ. Что въ организмѣ дѣйствуютъ обыкновенныя физическія и химическія силы, это вполнѣ вѣрно. Но вопросъ не въ томъ, а въ томъ, дѣйствительно-ли исчерпывается этими силами все содержаніе органической жизни и нѣтъ ли въ организмѣ явленій, не объяснимыхъ ими? Но на этотъ вопросъ мы, имѣя въ виду все сказанное нами объ особенностяхъ органическихъ явленій въ отличіи ихъ отъ неорганическихъ, очевидно, должны дать отрицательный отвѣтъ. Не говоря о высшихъ изъ этихъ особенностей (которыя мы назвали формальными и генетическими), если мы остановимъ вниманіе на дѣйствіи въ организмѣ физическихъ и химическихъ силъ, то увидимъ, что это дѣйствіе, безъ нарушенія собственныхъ законовъ этихъ силъ, тѣмъ не менѣе направляется *своеобразно;* какой-то новый агентъ господствуетъ до извѣстной, конечно,

---

*) Такъ Сталь, главный представитель витализма въ прошломъ вѣкѣ, въ области жизненныхъ явленій отвергалъ всѣ объясненія, основанныя на механическихъ, физическихъ и химическихъ законахъ матеріи. Знаменитый химикъ, извѣстный анатомъ, онъ утверждалъ, что и химія и анатомія играютъ лишь маловажную роль въ ученіи о живомъ тѣлѣ. Физическія и химическія силы не только отличны отъ жизненныхъ, но и въ соперничествѣ съ ними; они стремятся разрушить то, что первыя созидаютъ. Подобное же воззрѣніе на назначеніе жизненной силы, хотя въ болѣе смягченной формѣ, проходитъ и у французскаго физіолога Биша. Русск. Вѣстникъ 1878. май, стр. 72, 73.

степени, надъ физическими и химическими силами и заставляетъ ихъ производить своеобразныя явленія, не встрѣчающіеся нигдѣ, кромѣ организма. Особенность дѣйствія физико-химическихъ силъ въ организмѣ очевидна сама собою, такъ какъ если бы они дѣйствовали здѣсь нисколько не отлично отъ того, какъ они дѣйствуютъ въ неорганической природѣ, то мы не могли бы ни чѣмъ и отличить организмовъ отъ неорганическихъ предметовъ; но этого отличія не отрицаютъ и антагонисты жизненной силы, только объясняютъ его иначе, чѣмъ ея защитники. Такъ, что касается до химическихъ явленій въ организмѣ, то, какъ замѣчаетъ Либихъ „въ живомъ тѣлѣ, къ обыкновеннымъ причинамъ этихъ явленій привходитъ новая, которая господствуетъ надъ силою сцѣпленія и посредствомъ которой химическіе элементы соединяются въ новыя формы, нигдѣ не встрѣчающіяся внѣ организма. Къ физическимъ силамъ присоединяется сила раздражаемости (ощущенія) и отзыва на раздраженія отвнѣ, сила самопроизвольнаго движенія у животныхъ; эта сила, хотя не нарушаетъ законовъ механическаго движенія, но управляетъ ими и служитъ новымъ, не механическимъ началомъ движенія“.

Вообще указаніе на господство физическихъ и химическихъ силъ въ организмѣ только тогда могло бы имѣть силу опроверженія существованія жизненной силы, если бы противникамъ ея удалось доказать, что какъ своеобразныя дѣйствія этихъ силъ въ организмѣ, такъ и особыя явленія, называемыя жизненными, могутъ произойти отъ дѣйствія этихъ силъ. Но въ невозможности произвести эти явленія изъ дѣйствующихъ нынѣ и намъ извѣстныхъ силъ природы, какъ изъ одной какой либо, такъ и изъ ихъ комбинаціи, согласны всѣ безпристрастные химики и физіологи *). „Только недостаточное познаніе неорганическихъ силъ, говоритъ Либихъ, служитъ причиною того, почему нѣкоторые отрицаютъ существованіе особенной, въ органическихъ существахъ дѣйствующей силы, почему неорганическимъ силамъ приписываются дѣйствія, которыя противоположны ихъ природѣ, противорѣчатъ

*) Подробности о томъ, что ни сила химическаго сродства, ни сила тепла, ни сила свѣта или электричества, ни совокупное дѣйствіе ихъ не можетъ произвести органическихъ явленій, со ссылками на авторитеты Либиха, Бенеке, Руд. Вагнера и др. см. у Ульрици въ его Gott und Natur. p. 109—206.

ихъ законамъ.... Если подробнѣе разсмотрѣть, какія именно лица защищаютъ подобное мнѣніе, то сейчасъ же замѣтимъ, что они незнакомы съ изслѣдованіемъ химическихъ и физическихъ силъ и ни одинъ дѣльный физикъ или химикъ не согласится съ этимъ мнѣніемъ“ *). „Въ моихъ глазахъ, говоритъ извѣстный физіологъ Бишофъ, нѣтъ никакого смысла допускать возможность происхожденія явленій органической жизни изъ извѣстныхъ намъ доселѣ по дѣйствію ихъ въ неорганической природѣ всеобщихъ силъ природы или даже утверждать, будто въ органическомъ царствѣ эти силы поставлены только подъ *особенными модификаціями;* потому что именно объ этихъ то особенныхъ модификаціяхъ и идетъ дѣло; если онѣ во всей остальной природѣ не встрѣчаются, то, очевидно, онѣ составляютъ особенность только органической природы и я поэтому могу назвать ихъ органическими силами или жизненными силами, каковымъ выраженіемъ и не иное что хочу сказать, какъ только то, что они своеобразной натуры, не думая, чтобы этимъ я хотѣлъ что нибудь объяснить“ **).

*) Письма о химіи, стр. 297, 298.

**) Слова Бишофа см. у Фрогшаммера въ его: Ueber d. Aufgabe d. Naturphilosophie, p. 217.

Какъ извѣстно, фактическими (а не гипотетическими только) доказательствами возможности происхожденія органическихъ существъ изъ неорганическихъ силъ природы, служатъ въ настоящее время два явленія: 1) возможность произвести искусственно нѣкоторыя химико-органическія соединенія и 2) возможность произвольнаго зарожденія инфузорій. Въ какой мѣрѣ имѣетъ значеніе первый фактъ для отрицанія жизненной силы, мы уже говорили. Что касается до втораго факта, то не входя здѣсь въ разборъ теоріи такъ называемаго произвольнаго зарожденія (замѣчанія противъ этой теоріи, нисколько не потерявшія, какъ оказывается, своего значенія и для нашего времени, мы высказали въ нашей статьѣ: „О происхожденіи рода человѣческаго“ въ Правосл. Обозр. за 1860 г. февраль), отмѣтимъ только то явленіе, что современные защитники этой теоріи говорятъ о фактѣ самопроизвольнаго зарожденія съ гораздо меньшею увѣренностію, чѣмъ прежде; возможность такого зарожденія они находятъ сомнительною для настоящаго времени и допускаютъ ее только для давно прошедшихъ временъ первоначальнаго появленія организмовъ на земномъ шарѣ. Такъ одинъ изъ корифеевъ современнаго матеріалистическаго естествознанія, Геккель выражается объ этомъ предметѣ такъ: „примѣровъ какъ автогеніи, такъ и плазмогеніи (т. е. происхожденія организмовъ изъ неорганической образовательной жидкости) до сихъ поръ съ полною достовѣрностью не наблюдали .. Тотъ процессъ, который обыкновенно

б) Но очевидная невозможность произвести явленія органической жизни изъ дѣйствія извѣстныхъ намъ физическихъ законовъ не останавливаетъ противниковъ витализма. Положимъ, говорятъ они, для настоящаго времени это такъ; но это происходитъ отъ того, что намъ при настоящемъ состояніи науки неизвѣстны предѣлы дѣйствія неорганическихъ силъ, и поэтому на основаніи только теперешнихъ наблюденій мы не имѣемъ права утверждать, что появленіе, вслѣдствіе дѣйствія однихъ механическихъ силъ, тѣхъ явленій, которыя мы называемъ органическими, абсолютно невозможно. „До сихъ поръ мы не знаемъ ни о какой физической силѣ (говоритъ Шлейденъ), гдѣ предѣлы ея дѣятельности. А если бы и была особенная жизненная сила, то все-таки совершенно очевидно, что говорить о ней можно только тогда, когда мы изслѣдуемъ до крайнихъ предѣловъ сферу дѣйствія въ организмѣ силъ неорганическихъ и для насъ все будетъ такъ ясно, что не останется никакого сомнѣнія. Тогда только мы въ состояніи будемъ опредѣлить какъ велика или мала та часть цѣлаго, называемаго нами жизнію, которую уже никакъ нельзя приписать неорганическимъ силамъ“ *). Тоже самое возраженіе противъ жизненной силы выставляетъ и извѣстный физикъ Дюбуа-Реймонъ. Онъ соглашается, что существующихъ условій неорганической природы недостаточно теперь, чтобы произвести органическія явленія, но это происходитъ, по его мнѣнію, вѣроятно отъ того, что мы не знаемъ нужныхъ для этого условій, не говоря о томъ, съумѣли-ли бы мы осуществить ихъ. Не благоразумно мечтать о возможности создать новый организмъ посредствомъ химическихъ и физическихъ силъ, если бы даже эти только силы дѣйствовали въ организмѣ. Какъ будто всѣ произведенія неорганической природы намъ ни по-

---

называютъ generatio spontanea, съ достовѣрностью до сихъ поръ не былъ наблюдаемъ; однакоже возможно и даже вѣроятно, что онъ существуетъ и до сихъ поръ... До настоящаго времени сдѣланные опыты не могли также доказать существованія плазмогеніи; но тѣмъ не менѣе они не могли также доказать и несуществованія ея... Происхожденіе простѣйшихъ организмовъ (монеръ) прямо изъ неорганическихъ соединеній, мы должны признать не какъ фактъ эмпирическиго наблюденія, но какъ важное дедуктивное заключеніе“. Эти и подобныя мѣста изъ Геккеля см. у Каулиха въ его: System der Metaphysik. 1874. p. 354,355.

*) Schleiden, Grundzüge d. Botanik, у Ульрици, стр. 161.

чемъ! Какъ будто мы въ состояніи въ своей лабораторіи произвести цѣлую громаду горныхъ породъ и каменныхъ скалъ! Отчего мы не приготовляемъ множества полезныхъ предметовъ, которыми скудно насъ снабдила мертвая природа? Отъ того, что, если бы мы даже съ точностью знали, изъ чего состоятъ эти предметы, то намъ не позволили бы все-таки сдѣлать этого наши скудныя средства, непродолжительность времени, которымъ мы можемъ располагать. Почему намъ иной разъ удается, когда вздумаемъ, дать бытіе различнымъ кристалламъ, этимъ индивидуумамъ мертвой природы? Потому, что мы не только знаемъ условія ихъ происхожденія, но и умѣемъ воспроизвести эти условія. Пусть же будутъ даны всѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ органическія существа: кто скажетъ, что мы не можемъ приготовить подобныхъ, если бы были въ состояніи располагать этими обстоятельствами?“ *).

Мысль, будто бы объяснить происхожденіе и особенности органической жизни изъ неорганическихъ силъ и элементовъ мѣшаютъ только *неизвѣстность* для насъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ они нѣкогда производили необычайныя для нихъ теперь явленія и *невозможность* воспроизвести ихъ теперь, хотя бы мы ихъ и узнали, — есть любимая и самая распространенная между матеріалистами мысль, какъ скоро имъ выставляютъ на видъ неопровержимые факты невозможности объясненія органической и психической жизни изъ неорганическихъ силъ въ настоящее время. Но, прежде всего, логическая сила этой мысли, какъ возраженія, очень ничтожна. Возражать противъ очевидныхъ фактовъ невозможности даннаго явленія тѣмъ, что: „а можетъ быть это явленіе и было возможно когда либо, гдѣ либо, при какихъ либо намъ и никому неизвѣстныхъ условіяхъ“, — значитъ вмѣсто прямыхъ опровергающихъ фактовъ, которыхъ нѣтъ, довольствоваться пустыми, гипотетическими предположеніями. Затѣмъ, фактически невѣрно и самое предположеніе о возможности какихъ-то необычайныхъ комбинацій физическихъ силъ, которыя теперь не имѣютъ мѣста. Въ нашихъ экспериментахъ мы можемъ въ маломъ видѣ воспроизвести всѣ возможныя и необычайныя для

*) Du-Bois-Reymond, Unters. üb. thier. Electricität. 1848. Vorrede.

природы комбинаціи веществъ и силъ, можемъ напр. увеличить до чрезмѣрной степени силу жара, электричества и т. п., но изъ этихъ комбинацій до сихъ поръ для объясненія органической жизни ничего не выходило, да и выйти не можетъ, такъ какъ существованіе органической жизни возможно именно при тѣхъ только комбинаціяхъ вещества и силъ, какія теперь имѣютъ мѣсто. Поставьте другія комбинаціи, измѣните существующія условія органической жизни, усильте напр. степень жара, свѣта, электричества,—и эта жизнь погибнетъ*). Если бы существовали особыя, необычайныя комбинаціи силъ природы для возникновенія органическихъ существъ, то эти существа, возникнувъ, въ тотъ же моментъ погибли бы, потому что не могли бы продолжать жизни при этихъ необыкновенныхъ условіяхъ. Или мы должны предположить моментальную смѣну необычайныхъ комбинацій на обычныя, существующія и нынѣ, условія жизни организмовъ? Но на это чудесное превращеніе порядка природы, конечно, не согласятся естествоиспытатели.—Далѣе, не вѣрна и та мысль, будто воспроизвести организмы и явленія органической жизни изъ неорганическихъ условій въ настоящее время препятствуетъ недостатокъ времени и ограниченность пространства, которыхъ нѣкогда не знала природа. Вѣдь органическое существо—не горная порода и не каменная скала, о которыхъ говоритъ Дюбуа Реймонъ, для произведенія которыхъ нужны тысячи лѣтъ и огромная масса вещества. Это существо не велико по объему и циклъ его происхожденія и жизни очень ограниченъ. Если, какъ полагаетъ матеріализмъ, въ физическихъ силахъ и химическихъ элементахъ даны всѣ условія его существованія и никакого новаго условія не нужно, если мы изучимъ химическій составъ организма и законы дѣйствующихъ въ немъ физи-

*) Противъ Бенеке и другихъ, которые полагаютъ, что „чрезвычайная напряженность физико-химическихъ процессовъ“ въ раннихъ періодахъ развитія земли могла произвести то, чего не въ состояніи произвести теперь одряхлѣвшая уже природа, -Р. Вагнеръ совершенно справедливо выставляетъ тотъ фактъ, что всякое усиленіе и напряженіе физико-химическихъ процессовъ, возвышеніе тепла, свѣта, электричества сверхъ установленной теперь нормы ихъ дѣятельности, не только не усиливаетъ жизненнаго процесса, но, напротивъ, ослабляетъ его, а на извѣстной степени высоты разрушаетъ организацію. R. Wagner, Kampf um die Seele, 209.

ческихъ силъ, если, далѣе, какъ показываютъ эксперименты, мы можемъ свободно комбинировать эти вещества и силы въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ,—то для насъ даны всѣ условія и полная возможность произвести органическое существо. Но этого въ дѣйствительности нѣтъ, да и быть не можетъ, по сознанію самихъ матеріалистовъ. Отъ чего же это? Отъ того, что здѣсь въ среду химическихъ и физическихъ дѣятелей входитъ какой-то новый, неизвѣстный дѣятель, котораго не отыскивается въ знакомыхъ намъ силахъ и веществахъ природы. Кромѣ того, представленная Дюбуа-Реймономъ аналогія между нашею неспособностію искусственно воспроизводить какія либо органическія тѣла и невозможностію воспроизводить нѣкоторыя неорганическія нейдетъ къ дѣлу и не вѣрна и въ другомъ еще отношеніи. „Если химіи, справедливо замѣчаетъ Ульрици, и не удалось воспроизвести горныхъ породъ и каменныхъ скалъ, то все же она *доказала*, что она не можетъ этого сдѣлать потому только, что не въ состояніи искусственно воспроизвести тѣ обстоятельства, при которыхъ они произошли, напр. необыкновенно высокій градусъ тепла, крайнюю медленность въ охлажденіи и т. п.,—словомъ, воспроизвести всѣ тѣ необычайныя состоянія, въ которыхъ находился земной шаръ во время образованія горныхъ породъ“. Химія можетъ сказать: дайте мнѣ такія-то и такія условія и я произведу горную породу. Но можетъ ли сказать что либо подобное противникъ жизненной силы? Можетъ ли научно указать тѣ условія, при которыхъ произошли организмы и *доказать*, что не можетъ произвести организма потому только, что теперь невозможны эти условія? Очевидно, нѣтъ. „Напротивъ, ни одинъ изъ противниковъ жизненной силы даже приблизительно не опредѣлилъ, какія же должны быть тѣ необычайныя обстоятельства, при содѣйствіи которыхъ возникли изъ матеріи и посредствомъ силъ неорганической природы первые организмы“ и при которыхъ слѣд. они могли бы возникнуть и теперь *).

Все это показываетъ, что столь распространенное и поддерживаемое столь извѣстными въ области естествознанія учеными, каковы: Шлейденъ, Дюбуа-Реймонъ, Фирховъ и др.

*) Богъ и природа, Г. Ульрици. 1867, Т. 1. стр. 178.

возраженіе противъ жизненной силы, основанное на той мысли, что намъ неизвѣстны всѣ свойства дѣйствующихъ физическихъ силъ и что, поэтому, преждевременно вводить въ кругъ этихъ извѣстныхъ силъ новую, неизвѣстную, жизненную,—все это возраженіе въ сущности очень не сильно. Въ своемъ истинномъ, впрочемъ, смыслѣ оно и не говоритъ собственно противъ возможности жизненной силы; оно говоритъ только, что *преждевременно,* пока не изучены и не изслѣдованы предѣлы дѣйствія физическихъ силъ, допускать новую, отличную отъ нихъ силу. Но существуетъ ли она въ дѣйствительности, нужна ли будетъ она или нѣтъ, когда мы изучимъ всѣ силы природы, окажется ли, что эти силы достаточны для объясненія жизненныхъ явленій,—само возраженіе объ этомъ ничего сказать не можетъ Рѣшать a priori, что она будетъ не нужна и что, когда мы лучше изучимъ всѣ законы природы, то непремѣнно объяснимъ всѣ явленія жизни, можетъ только матеріализмъ, желаемое и ожидаемое считающій въ своихъ интересахъ дѣйствительнымъ. Далѣе; вовсе нѣтъ необходимости въ ожиданіи полнаго изученія возможныхъ дѣйствій физическихъ силъ для опредѣленія, могутъ ли они произвести органическія явленія или нѣтъ. Вовсе не необходимо полное обозрѣніе всего, что можетъ произвести извѣстная сила для того, чтобы рѣшить, въ каждомъ опредѣленномъ случаѣ чего она *не можетъ* произвести. Ни одна сила не можетъ производить противорѣчащихъ себѣ дѣйствій, слѣд. тамъ, гдѣ являются предъ нами противоположные образы дѣйствованія, очевидно, должны лежать въ основаніи и противоположныя причины. Поэтому въ виду существенныхъ особенностей органической и неорганической природы никакъ нельзя упрекать защитниковъ виталистической теоріи, что они, вопреки требованію естествознательнаго метода, признаніемъ жизненной силы безъ нужды умножаютъ число причинъ явленій *). Они, конечно, погрѣшили бы противъ этого требованія, если бы имъ доказали, что они дѣйствительно вводятъ жизненную силу безъ

*) „Нужно быть экономнымъ, замѣчаетъ противъ защитниковъ витализма Лотце, въ признаніи законовъ природы и до тѣхъ поръ не прибѣгать къ новымъ началамъ объясненія, пока остается какая либо надежда, что и старыя могутъ быть достаточными“. Fichte, Antropologie. 276.

нужды, что механическія силы природы вполнѣ достаточны для объясненія органическихъ явленій. Но этого доказательства пока не дано, да и не можетъ быть дано, въ виду характеристическихъ особенностей этихъ явленій. Поэтому мы имѣемъ полное право на ряду съ извѣстными силами природы допускать особенную, органическую. Стѣсняясь допускать эту силу въ виду неправильно понимаемаго требованія—не умножать безъ нужды причинъ явленій, мы нарушили бы другое требованіе логическаго мышленія, которое говоритъ, что противоположныя дѣйствія предполагаютъ противоположныя причины; а что неорганическія и жизненныя явленія существенно противоположны, это мы видѣли и въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

в., Невозможность произвести явленія органической жизни изъ дѣйствія извѣстныхъ намъ элементовъ и силъ неорганической природы, даже при широкомъ и произвольномъ предположеніи особенныхъ комбинацій ихъ въ отдаленномъ прошедшемъ, не могла, конечно, вполнѣ укрыться отъ противниковъ виталистической теоріи. Поэтому, чувствуя свою слабость на почвѣ фактовъ, они ищутъ другой точки опоры для своихъ возраженій противъ нея. Этою опорою служатъ для нихъ различнаго рода „научныя“ соображенія и заботы объ интересахъ естествознанія, которымъ будто бы грозитъ опасность въ случаѣ вторженія въ науку такого неудовлетворительнаго понятія, какъ понятіе жизненной силы.

Не говоримъ о тѣхъ чисто тенденціозныхъ мотивахъ, по которымъ нѣкоторые готовы лучше допустить явно несостоятельное понятіе, чѣмъ такое, которое возбуждаетъ опасеніе, что оно прямо или косвенно поведетъ къ отрицанію матеріалистическаго принципа. Къ сожалѣнію, этого рода мотивы не только существуютъ, но и открыто высказываются даже извѣстными естествоиспытателями. Мы видѣли напр., что Бурмейстеръ, вполнѣ признавая несостоятельность теоріи произвольнаго зарожденія, тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ допустить ее, потому что въ противномъ случаѣ нужно бы предположить „вторженіе высшей силы“. Точно также и противъ признанія жизненной силы многіе противники ея выставляютъ главнымъ образомъ то соображеніе, что со введеніемъ ея въ кругъ извѣстныхъ намъ „матеріальныхъ“ силъ природы будетъ введено нѣчто нематеріальное, идеальное, метафизическое и т. п.,

что, само собою разумѣется, невозможно. Такого рода возраженія противъ жизненной силы мы имѣемъ право оставить въ сторонѣ, по ихъ очевидной тенденціозности. При томъ же, они могутъ имѣть силу только *при предположеніи* истины матеріалистическаго принципа, входить въ разборъ котораго здѣсь не мѣсто. Но нельзя не замѣтить слабости матеріалистической теоріи и въ томъ, что она хочетъ спасти себя тѣмъ, что сознательно закрываетъ глаза предъ самыми очевидными фактами потому только, что эти факты могутъ повредить ей.

Больше значенія имѣетъ то, часто встрѣчающееся, замѣчаніе противъ жизненной силы, что она сама по себѣ есть нѣчто непонятное, таинственное, что она недоступна для точнаго эмпирическаго изслѣдованія, какъ другія силы природы, и не только не приноситъ никакой пользы для объясненія жизненныхъ процессовъ, но часто служитъ истиннымъ asylum ignorantiae, такъ какъ на нее обыкновенно ссылаются, когда не знаютъ или не хотятъ узнать дѣйствительныхъ причинъ явленій. Это замѣчаніе имѣло бы, конечно, нѣкоторое значеніе, еслибы дѣйствительно жизненная сила въ отношеніи къ ея понятности стояла въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ другими силами природы, въ какомъ думаютъ поставить ее ея антагонисты,—т. е. еслибы другія силы природы были для насъ совершенно ясны и понятны, а эта составляла бы исключеніе. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Положимъ, что жизненная сила есть неизвѣстная причина явленій жизни; но можемъ ли мы и о прочихъ силахъ природы, что касается до ихъ сущности, сказать что нибудь болѣе того, что они суть адекватныя причины для опредѣленнаго круга явленій? Что такое сама по себѣ сила химическаго сродства, почему она дѣйствуетъ по такимъ, а не другимъ законамъ при соединеніи тѣхъ или другихъ веществъ,—ничего этого мы не знаемъ. Что такое сила тяготѣнія? Мы знаемъ только законы, по которымъ она дѣйствуетъ,—и ничего болѣе. Точно то же должно сказать и о свѣтѣ, теплѣ, электричествѣ, магнетизмѣ. Всѣ эти выраженія въ сущности обозначаютъ только неизвѣстныя причины, которыя естествознаніе соотвѣтственно закону причинности полагаетъ въ основу извѣстнаго ряда однородныхъ, повторяющихся явленій. Всѣ эти силы въ ихъ существѣ такъ же таинственны и непонятны, какъ и жизненная сила; но тѣмъ

не менѣе мы не отрицаемъ ихъ существованія на этомъ основаніи, но дѣлаемъ предметомъ научнаго изслѣдованія дѣйствія, ими производимыя. На томъ же основаніи мы не имѣемъ права отрицать и существованія жизненной силы. Мы замѣчаемъ въ природѣ особеннаго рода явленія и дѣйствія, которыя не могутъ быть объяснены изъ механическихъ силъ ея и признаемъ, поэтому, новую, адекватную причину ихъ, которую и называемъ жизненною силою потому, что жизнь воспринимается нами, какъ ея дѣйствіе. Однимъ простымъ признаніемъ этой силы мы, конечно, не объясняемъ еще жизни, но по крайней мѣрѣ даемъ возможность такого объясненія. Мы смотримъ на жизненную силу, какъ на *фактъ*, который нельзя отрицать, но который долженъ служить предметомъ дальнѣйшаго изслѣдованія, какъ и другія силы природы *).

Если, такимъ образомъ, понятіе жизненной силы и по своей сущности и по гносеологическому значенію нисколько не отлично отъ понятій о прочихъ физическихъ силахъ, которыя, не смотря на ихъ таинственность, находятъ себѣ мѣсто въ точной наукѣ, то самъ собою падаетъ и тотъ, нерѣдко встрѣчающійся, мотивъ ея отрицанія, что она, какъ выходящая изъ

---

*) Впрочемъ, съ этимъ нашимъ мнѣніемъ, что одна непонятность жизненной силы не можетъ сама по себѣ служить поводомъ къ ея отрицанію, согласны и нѣкоторые изъ антагонистовъ ея. Вотъ напр. что говоритъ Снель: „Объяснять всѣ органическія явленія изъ такъ называемой жизненной силы въ сущности значитъ только играть словами. Неужели не ясно, что объяснять жизнь силою, о которой извѣстно только то, что она производитъ жизнь, значитъ нисколько не объяснять жизни? Но въ то же время право даже комичнымъ представляется, когда видимъ, что тѣ же самыя лица, которыя яркимъ свѣточемъ механическихъ, физическихъ и химическихъ силъ стараются разсѣять вокругъ себя мглу темной терминологіи, безъ всякой застѣнчивости употребляютъ выраженія: „химическая сила“ или „химическое сродство“, какъ будто эти слова лучше выраженія: жизненная сила. Не смотря на это, заключаетъ Снель, не разумно было бы запрещать химикамъ употребленіе этихъ пустыхъ, безсодержательныхъ терминовъ, за которыми укрывается ихъ незнаніе. Но въ такомъ случаѣ нужно оставить и физіологамъ ихъ убѣжище и ихъ пустой терминъ,—жизненная сила“. Не снисходительность требуетъ этого, замѣтимъ мы по поводу этихъ словъ вмѣстѣ съ Ульрици, но научное словоупотребленіе; ясность представленія непремѣнно требуетъ, чтобы какъ скоро въ извѣстномъ кругѣ явленій замѣчается дѣйствіе особой причины, эта причина обозначалась и особымъ названіемъ. Snell, Streitfrage d. Materialismus. p. 14. Ulrici, Gott und Natur. T. I. 198, 199.

ряда другихъ силъ, не нужна для естествознанія, что она только мѣшаетъ и препятствуетъ точному изученію законовъ органической жизни и ея внѣшнихъ условій, что она составляетъ, какъ говорятъ, asylum ignorantiae для невѣжества или для нежеланія дать себѣ трудъ изучать эти законы и условія.

Если и есть нѣкоторая доля истины въ этомъ возраженіи, то она падаетъ не на ученіе о жизненной силѣ самой по себѣ, но на то одностороннее понятіе о ней и на то злоупотребленіе этимъ понятіемъ, какое иногда имѣло мѣсто въ прежнее время. Въ этомъ злоупотребленіи дѣйствительно повинны тѣ естествоиспытатели виталисты, которые въ затруднительныхъ случаяхъ, когда не умѣли объяснить себѣ какихъ-либо затруднительныхъ физическихъ или химическихъ процессовъ, происходящихъ въ организмѣ, прямо ссылались на всемогущую жизненную силу, какъ на послѣднее рѣшеніе всѣхъ недоумѣній *). Подобнаго рода злоупотребленіе понятіемъ жизненной силы, конечно, могло повліять на рѣшимость нѣкоторыхъ естествоиспытателей совсѣмъ отбросить ее; но оно на самомъ дѣлѣ также мало говоритъ противъ ея дѣйствительнаго существованія, какъ и злоупотребленія другими научными понятіями, многочисленные примѣры которыхъ мы видимъ въ исторіи

*) На это злоупотребленіе понятіемъ жизненной силы и указываетъ извѣстный физіологъ Клодъ Бернаръ, когда говоритъ: „жизненный принципъ чрезъ ложное истолкованіе, такъ сказать, олицетворили, сдѣлавъ изъ него какъ бы работника всякаго органическаго труда. Въ немъ видѣли исполнительнаго агента, разумнаго дѣятеля, формирующаго тѣло и управляющаго косною и послушною матеріею живаго существа. Достаточное основаніе каждаго акта жизни заключалось для виталистовъ въ жизненной силѣ, не имѣющей нужды въ посторонней помощи физическихъ и химическихъ силъ, даже борющейся съ ними при исполненіи своего назначенія“. Въ виду такого представленія о жизненной силѣ К. Бернаръ даже признаетъ, что для науки имѣли больше значенія труды не виталистовъ этого рода, а ученыхъ, видѣвшихъ въ организмѣ одно дѣйствіе химическихъ и физическихъ силъ. „Наиболѣе плодовитыми въ своихъ результатахъ оказались труды изслѣдователей, выходившихъ изъ этой послѣдней идеи и не приписывавшихъ частицамъ, изъ которыхъ слагается живое тѣло, никакихъ новыхъ и лишнихъ свойствъ противъ тѣхъ, какія обнаруживаютъ онѣ среди физическихъ и химическихъ процессовъ неорганическаго міра“. Но тѣмъ не менѣе, не смотря на это злоупотребленіе понятіемъ жизненной силы, оно не повело знаменитаго физіолога къ отрицанію ея, а только къ болѣе точному опредѣленію понятія о ней. Русск. Вѣстникъ май, 1878, стр. 74. 77.

наукъ. Не служитъ ли, напримѣръ, самымъ обильнымъ источникомъ такого рода злоупотребленій въ наше время понятіе матеріи? Не ссылаются ли часто на матерію для объясненія такихъ явленій, которыхъ никакъ отсюда объяснить нельзя? Но это не даетъ еще намъ права, подъ предлогомъ злоупотребленій, отрицать самое понятіе матеріи и становиться на сторону идеализма. Точно тоже должно сказать и о понятіи жизненной силы. Если смутность и неопредѣленность этого понятія вела къ злоупотребленіямъ, то дѣло науки не отвергать его, а очистить и сдѣлать болѣе точнымъ и опредѣленнымъ чрезъ точное разграниченіе того, что въ организмѣ принадлежитъ собственно жизненной силѣ и не можетъ быть объяснено безъ нея и что остается затѣмъ на долю дѣйствующихъ въ немъ же механическихъ силъ.

Невѣрное представленіе о жизненной силѣ прежняго времени, конечно, имѣло нѣкоторое вредное вліяніе на ходъ научныхъ изслѣдованій, но это вліяніе состояло не столько въ дѣйствительномъ замедленіи успѣховъ физіологіи и біологіи, сколько въ томъ, что послужило нѣкоторымъ косвеннымъ поводомъ къ распространенію матеріалистическихъ воззрѣній на жизнь. Въ этомъ отношеніи вполнѣ можно согласиться съ мнѣніемъ Либиха: „Отвергая ученіе матеріалистовъ, надобно однако же принять въ уваженіе, что мнѣнія ихъ въ сущности не болѣе, какъ крайнее слѣдствіе реакціи противъ ученій, господствовавшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Натурфилософской физіологіи не доставало основы точнаго изслѣдованія,—опыта; всѣ явленія питанія, дыханія, движенія она объясняла единственной причиной, которую называла жизненною силою. Въ органическомъ тѣлѣ, думала она, химическія и физическія силы не участвуютъ; нужное тѣлу желѣзо, какъ и теплоту, оно производитъ своими способами. Но точное изслѣдованіе природы показало, что дѣйствительно *всѣ силы матеріи* принимаютъ участіе въ органическомъ процессѣ, между тѣмъ какъ крайняя реакція утверждаетъ теперь, въ противность прежнему мнѣнію, что *только* эти силы матеріи обусловливаютъ явленія жизни и что, вообще, никакая другая сила въ тѣлѣ не дѣйствуетъ. Но точно также, какъ прежніе натур-философы не могли доказать, что ихъ жизненная сила все творитъ, такъ и вчерашніе матеріалисты не могутъ представить дока-

зательства, что такое дѣйствіе принадлежитъ только неорганическимъ силамъ и что ихъ однихъ достаточно для произведенія организма, даже духа. Всѣ ихъ толкованія, какъ тогда, такъ и теперь, основываются не на знаніи, а на невѣдѣніи явленій. Истина превыше всѣхъ односторонностей; она признаетъ въ органической жизни видообразовательный принципъ и господствующую идею въ физическихъ и химическихъ силахъ“ *).

Какъ на одно изъ препятствій, запрещающихъ употребленіе понятія жизненной силы въ наукѣ, часто указываютъ на неопредѣленность и сложность этого понятія. „Жизненная сила, говорятъ,—это амальгама самыхъ различныхъ дѣятельностей; она—неопредѣленное и смутное понятіе, изъ котораго нельзя сдѣлать никакого употребленія въ естественныхъ наукахъ. Она неудобна уже тѣмъ однимъ, что обязана производить очень многое и разнородное, — все то, чѣмъ органическія явленія отличаются отъ неорганическихъ; но этимъ она становится совершенно непохожею на прочія простыя силы природы съ опредѣленными законами и опредѣленными явленіями и тѣмъ является болѣе загадочною и непостижимою, чѣмъ всѣ другія силы природы. Что станется, спрашиваютъ, съ основнымъ понятіемъ физической силы, если мы будемъ понимать ее, то какъ причину движенія, то какъ причину химическаго измѣненія вещества, то какъ причину чувствованія или другихъ ощущеній“? **).

Но дѣйствительно ли прочія силы природы такъ просты и однообразны въ своихъ дѣйствіяхъ, что органическая сила, по разнообразію производимыхъ ею явленій, представляется исключеніемъ? И химическое сродство развѣ не дѣйствуетъ весьма различнымъ образомъ, производя очень различныя химическія тѣла, по очень разнообразнымъ законамъ и пропорціямъ сочетанія элементовъ? И электричество проявляется очень различнымъ образомъ: то намагничиваетъ желѣзную полосу,

---

*) Заключеніе лекціи Либиха о неорган. природѣ и органической жизни, переведенной въ „Матеріалахъ для разоблаченія матер. нигилизма“. 1864. 30. 31.

**) Мульдеръ. На этомъ возраженіи особенно настаиваетъ К. Фохтъ, раздѣляя вполнѣ мнѣніе Мульдера. Подробное изложеніе и дѣльный разборъ его см. у Фрогшаммера въ его направленномъ противъ Фохта сочиненіи: Menschen—Seele und Physiologie. 1855. p. 83 et. sq.

то разлагаетъ химическія соединенія (напр. воду) и образуетъ новыя, то озонируетъ кислородъ, то посредствуетъ въ нервахъ ощущенія, а въ мускулахъ сокращенія. Тоже должно сказать и о свѣтѣ; онъ освѣщаетъ, производитъ движенія, служитъ причиною химической смѣны веществъ, возбуждаетъ зародыши растеній къ жизни, согрѣваетъ, производитъ ощущенія въ зрительномъ нервѣ. Если же во всѣхъ этихъ случаяхъ, несмотря на разнообразіе явленій, наука не отказывается признавать одну силу химическаго сродства, силу электричества, силу свѣта, то она тѣмъ самымъ даетъ право говорить и объ одной жизненной силѣ, несмотря на разнообразіе ея проявленій, то есть, даетъ право обозначать этимъ именемъ причину тѣхъ явленій, которыми вообще отличаются органическія тѣла отъ неорганическихъ. Впрочемъ, если бы и дѣйствительно проявленія органической силы были гораздо разнообразнѣе и сложнѣе сравнительно съ дѣйствіями другихъ силъ природы, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Это явленіе не трудно было бы объяснить тѣмъ, что эта сила по степени совершенства стоитъ выше простыхъ физическихъ силъ, поэтому, и дѣйствія ея естественно должны быть многосложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ дѣйствія механическихъ силъ мертвой природы. Такъ напр. сила психическая, стоящая ступенью выше силы органической, производитъ гораздо болѣе сложныя явленія, чѣмъ первая, но это естественно и понятно, если будемъ имѣть въ виду совершенство и высшую природу этой силы.

Но, не признавая выставленное нами возраженіе на столько сильнымъ, чтобы оно могло подрывать необходимость признанія жизненной силы, мы тѣмъ не менѣе готовы признать, что оно заключаетъ въ себѣ долю истины. Въ обыкновенномъ понятіи о жизненной силѣ, дѣйствительно, есть нѣкоторый недостатокъ, на который мы и должны указать теперь; этотъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что понятіе это слишкомъ обще, широко и неопредѣленно, что жизненная сила, какъ выражаются ея противники, принуждена производить слишкомъ многое и разнородное, хотя и нѣсколько въ иномъ смыслѣ, какъ разумѣютъ это они. Мы говоримъ: органическая, жизненная сила; но органическихъ существъ безчисленное множество; физическія и химическія условія ихъ существованія почти одни и тѣ же; слѣдовательно, различія ихъ должны быть отнесены

главнымъ образомъ на счетъ органической силы? Но какимъ образомъ органическая сила при однородныхъ внѣшнихъ условіяхъ производитъ столь безконечно разнообразныя дѣйствія? Почему здѣсь она создаетъ дерево, тамъ насѣкомое, тамъ птицу, рыбу и т. д? По какимъ законамъ она дѣйствуетъ и гдѣ причина ея разнообразія? Ничего этого мы не знаемъ,— и намъ дѣйствительно страннымъ представляется, что одна и та же сила можетъ производить столь разнородныя дѣйствія, преломляется, такъ сказать, въ милліонахъ своеобразныхъ явленій! Все это показываетъ, что въ дѣйствительности мы должны бы принимать не одну какую либо, но множество самостоятельныхъ органическихъ силъ или образовательныхъ началъ, по числу отдѣльныхъ органическихъ родовъ и видовъ. Что касается до общаго выраженія: органическая или жизненная сила, то это будетъ не что иное, какъ общее, отвлеченное и собирательное названіе для цѣлой группы однородныхъ, отличныхъ отъ неорганическихъ силъ, причинъ существъ и явленій, называемыхъ нами живыми, органическими. Но само собою разумѣется, что эта замѣченная нами недостаточность и, пожалуй, неточность выраженія: жизненная сила, указывающая на нужду болѣе точной разработки этого понятія, нисколько не можетъ служить въ пользу матеріализма. Одну ли признать органическую силу, дробящуюся по неизвѣстнымъ намъ законамъ на тысячи разновидныхъ явленій, представляющихся намъ какъ разнообразныя органическія существа, или признать множество органическихъ силъ или типовъ органическихъ существъ, созданныхъ творческою мыслію,—это открытый философскій вопросъ. Но, во всякомъ случаѣ, эта сила или силы существенно отличны отъ силъ неорганической природы, — и въ этомъ сущность дѣла. Ничего нѣтъ, поэтому, дурнаго и научно-незаконнаго, если мы эту группу силъ или силу назовемъ, по характеристическому свойству ея явленій, *жизненною* силою, или, по характеристической особенности производимыхъ ею существъ, въ отличіе отъ неорганическихъ, *органическою* силою, выражая этимъ прежде всего ея самостоятельность и существенное отличіе отъ механическихъ силъ. Пожалуй даже, если такая опредѣленность названія не нравится многимъ, въ виду недостаточной еще ясности, въ чемъ именно состоитъ эта сила, мы согласны,

по примѣру нѣкоторыхъ естествоиспытателей, назвать ее болѣе скромнымъ именемъ: неизвѣстной намъ причины явленій, происходящихъ въ органической природѣ и отличающихъ ихъ отъ явленій неорганическихъ. Сущность дѣла отъ этого не пострадаетъ.

Изъ всего сказаннаго нами видно, какъ неосновательно въ опроверженіе понятія о жизненной силѣ ссылаться на научные интересы естествознанія, которымъ будто бы угрожаетъ опасность отъ введенія въ кругъ болѣе или менѣе извѣстныхъ силъ природы новой, по своему характеру отъ нихъ отличной. Для окончательнаго устраненія этихъ мнимыхъ опасеній мы могли бы представить цѣлый рядъ пользующихся огромною извѣстностію въ области естествознанія именъ ученыхъ, которые, будучи вынуждены неотразимыми фактами различія явленій органическихъ отъ неорганическихъ, допускали необходимость, для объясненія первыхъ, признать самостоятельное начало органической жизни, но для которыхъ это признаніе, конечно, не нанесло никакого ущерба въ ихъ научныхъ трудахъ; таковы напр. Либихъ, І. Миллеръ, Флурансъ, Р. Вагнеръ, Бишофъ, Шмидтъ и др. Но, не утомляя вниманія нашихъ читателей болѣе или менѣе обширными выписками и цитатами изъ трудовъ этихъ ученыхъ *), мы считаемъ достаточнымъ указать здѣсь на мнѣнія, по занимающему насъ вопросу, знаменитаго, недавно скончавшагося физіолога К. Бернара и извѣстнаго натуралиста и антрополога Катрфажа.

Мнѣніе перваго тѣмъ болѣе для насъ замѣчательно, что онъ вовсе не думаетъ причислять себя въ послѣдователямъ виталистической теоріи, но старается въ рѣшеніи вопроса о началѣ органической жизни стоять на строго эмпирической, чуждой всякихъ философскихъ тенденцій, почвѣ. Вотъ его слова: „мы отличаемся отъ виталистовъ, ибо признаемся, что жизненная сила, какъ бы ни называли ее, ничего не можетъ сдѣлать сама по себѣ, но дѣйствуетъ только чрезъ общія силы природы и не способна обнаружиться внѣ ихъ. Но мы отдѣляемъ равнымъ образомъ себя и отъ матеріалистовъ, ибо допускаемъ, что хотя жизненныя проявленія прямо находятся

*) Мнѣнія ихъ можно читать у Ульрици, въ его извѣстномъ сочиненіи: Gott und Natur. T. 1. p. 142—209.

подъ вліяніемъ химико-физическихъ условій, но условія эти не могли-бы однако сами по себѣ группировать и приводить въ гармонію явленія въ томъ порядкѣ и послѣдовательности, какія спеціально обнаруживаются въ живыхъ существахъ. Не случайная игра физико-химическихъ явленій построяетъ каждое живое существо по плану и чертежу, постояннымъ и заранѣе предвидѣннымъ, и производитъ удивительную подчиненность и гармоническое единеніе жизненныхъ актовъ. Въ живомъ тѣлѣ есть опредѣленное устройство, родъ предъуказаннаго распорядка, которые нельзя оставлять въ тѣни, ибо въ нихъ наиболѣе выдающаяся черта живыхъ существъ... Все это невольно возбуждаетъ въ насъ идею причины, управляющей согласіемъ частей въ организмѣ и ведущей по ихъ пути отдѣльныя явленія, въ немъ происходящія. Эту-то причину, разсматриваемую какъ направляющая сила, можно назвать физіологической душею или *жизненною силой* и можно принять ее подъ условіемъ точно опредѣлить, приписывая ей только то, что ей принадлежитъ... Допустимъ даже, что идея такого распорядка дурно выражена словомъ: *сила,* но слово здѣсь немного значитъ; достаточно чтобы дѣйствительность факта была внѣ спора“ *).

„Существа организованныя, говоритъ Катрфажъ, имѣютъ свойственные себѣ феномены, которые радикально отличны отъ феноменовъ неорганическихъ, даже противоположны имъ. Тѣ и другіе могутъ ли быть отнесены къ одной или къ многимъ тожественнымъ причинамъ? Я не думаю этого. Вотъ почему съ большинствомъ ученыхъ, которые наиболѣе дѣлаютъ чести новѣйшей наукѣ, я допускаю, что существа организованныя обязаны своими отличительными чертами *спеціальной причинѣ,* особенной силѣ — *жизни,* которая у нихъ присоединяется къ неорганическимъ силамъ; вотъ почему я считаю законнымъ называть ихъ „*существами живыми*“... Правда, я знаю, что меня могутъ упрекнуть въ томъ, что, употребляя выраженіе: сила жизни, я ввожу въ науку выраженіе смутное, почти мистическое. Между тѣмъ въ этомъ понятіи нисколько не болѣе смутности и таинственности, чѣмъ въ понятіи *тяготѣніе*“.

„Конечно, мы не знаемъ, что такое жизнь; но мы такъ же

*) Русск. Вѣстникъ. 1878, май, стр. 76, 77, 78.

мало знаемъ и то, что такое сила, которая движетъ и удерживаетъ свѣтила въ ихъ орбитахъ. Если астрономы имѣютъ основаніе давать имя силы тяготѣнія той силѣ, той неизвѣстной причинѣ, которая сообщаетъ мірамъ ихъ математическія движенія, то и натуралисты имѣютъ право обозначать спеціальнымъ терминомъ *неизвѣстную причину*, которая производитъ органическія явленія“ *).

Приведенныхъ нами авторитетовъ вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ лживости часто выставляемаго въ популярныхъ матеріалистическихъ сочиненіяхъ и, къ удивленію, поддерживаемаго вопреки очевидности извѣстнымъ матеріалистомъ К. Фохтомъ положенія, будто надъ ученіемъ о жизненной силѣ „наука уже давно произнесла свой строгій судъ“. Напротивъ, ученіе о самостоятельности начала органической жизни имѣетъ сильныхъ защитниковъ въ рядахъ замѣчательныхъ естествоиспытателей нашего времени. Правда, не всѣ они согласны допускать старинное названіе: „жизненная сила“ или же допускаютъ его съ ограниченіями; но „названіе (скажемъ словами К. Бернара) здѣсь не много значитъ; достаточно, чтобы дѣйствительность факта была внѣ спора“.

Конечно, и противники жизненной силы могутъ указать съ своей стороны на имена первоклассныхъ ученыхъ, каковы напр. Дюбуа-Реймонъ, Людвигъ, Фирховъ, Шлейденъ, Лотце и др. Но здѣсь мы должны обратить вниманіе на одно, очень замѣчательное, обстоятельство, которое сильно подрываетъ надежды тѣхъ матеріалистовъ, которые въ своемъ рѣшительномъ отрицаніи жизненной силы думали бы сильно опереться на авторитеты упомянутыхъ выше антагонистовъ виталистическаго воззрѣнія. Дѣло въ томъ, что указанные противники жизненной силы съ невольною непослѣдовательностію себѣ самимъ часто принуждены, для объясненія органическихъ явленій допускать, помимо физико-химическихъ силъ, какое-то новое особенное условіе. Эту непослѣдовательность и противорѣчіе себѣ самихъ извѣстныхъ противниковъ витализма съ особеннымъ искусствомъ и тонкимъ критическимъ тактомъ выяснилъ до очевидности Ульрици **). Оказывается, что самые ожесто-

*) Quatrefages, L'espèce humaine. 1878. p. 4, 7, 8.

**) Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: Богъ и природа. См. главу: „Жизненная сила и организмъ“ 146—212.

ченные враги жизненной силы подъ непреодолимымъ напоромъ фактовъ вводятъ въ другую дверь и подъ другимъ названіемъ тоже понятіе, которое сначала столь рѣшительно изгоняли. Вмѣсто жизненной силы у нихъ является то „нервная дѣятельность, которая заключаетъ въ себѣ всякую органическую дѣятельность“ (Шписъ), то “надлежащій распорядокъ матеріальныхъ частицъ“ (Дюбуа-Реймонъ), то „особенная группировка матеріальныхъ частицъ внутри организма“ (Фикъ), то „моментальное проявленіе какого-то скрытаго закона“ (Фирховъ), то „особаго рода соединеніе матеріальныхъ частицъ“, организаціонный планъ, идея и т. п.,—словомъ, подъ разными туманными и неопредѣленными названіями признается для объясненія органической жизни что-то *особенное,* отличное отъ механическихъ силъ. Но это особенное въ сущности и есть то, что мы называемъ жизненною силой *).

Оставляя въ сторонѣ эти туманныя и неопредѣленныя обозначенія чего-то особеннаго, что должно замѣнить понятіе жизненной силы, мы остановимся здѣсь на очень часто встрѣчающемся у матеріалистическихъ противниковъ ея понятіи: *органическая матерія.* Будучи вынуждены силою фактовъ признать невозможность объясненія происхожденія и жизни организмовъ изъ обыкновенной, неорганической матеріи и ея силъ, но, съ другой стороны, не желая допустить въ при-

*) Вѣроятно, эта сдержанность, эта осторожность въ объясненіи органическихъ явленій, даже при отрицаніи жизненной силы, у извѣстныхъ въ области естествознанія ученыхъ и дала поводъ Либиху произнести рѣзкій приговоръ надъ матеріалистами. „Если вы пристально всмотритесь въ тѣхъ людей, которыми поддерживается матеріализмъ, вы тотчасъ замѣтите, что они не принадлежатъ къ той сферѣ, гдѣ изслѣдованіе химическихъ и физическихъ силъ составляетъ великую задачу. Ни одинъ настоящій химикъ или физикъ никогда еще не соглашался съ ними. И если вы спросите нашихъ знаменитыхъ физіологовъ, которымъ мы обязаны открытіемъ фактовъ, служащихъ опорою отрицателямъ жизненной силы, то они скажутъ вамъ, что такой выводъ, такое мнѣніе ни на чемъ не основаны и ничѣмъ не подтверждаются. Это мнѣніе диллетантовъ, которые, прогуливаясь вдоль границъ области изслѣдованія природы, присвоиваютъ себѣ право толковать невѣжественной и легковѣрной толпѣ, какимъ образомъ возникли міръ и жизнь и какъ далеко человѣкъ зашелъ въ изслѣдованіи высшихъ предметовъ, и толпа вѣритъ имъ точно такъ же, какъ она вѣрила въ движущіеся, пишущіе и говорящіе столы“. Лекція о неорг. природѣ и орган. жизни въ „Матеріалахъ для разобл. матер. нигилизма“. 1864. стр. 26.

роду новаго нематеріальнаго агента въ видѣ жизненной силы, они думаютъ помочь дѣлу признаніемъ какой-то особой, не простой, а органической матеріи, изъ которой будто-бы и могутъ возникнуть жизненныя явленія.

Но что такое органическая матерія въ отличіе отъ неорганической? Въ организмѣ мы не находимъ никакой особенной матеріи, отличной по своему составу отъ обыкновенной, неорганической; разложите организмъ на его послѣдніе химическіе элементы, и вы не найдете въ немъ никакихъ особенныхъ веществъ, которыя не встрѣчались бы въ остальной природѣ; различны только нѣкоторыя комбинаціи этихъ веществъ. Отсюда видно, что органическою матеріею можетъ быть названа та же матерія, но только извѣстнымъ, особеннымъ образомъ скомбинированная въ такъ называемыхъ органическихъ существахъ; дѣло не въ матеріи, которая одинакова и для органическихъ и для неорганическихъ тѣлъ, но только въ своеобразной группировкѣ ея въ первыхъ; а своеобразная группировка необходимо предполагаетъ особенную силу, которая и дѣлаетъ органическое существо не простымъ аггрегатомъ веществъ, но живымъ цѣлымъ. Слѣдовательно, органическая матерія, если хотятъ соединить какой либо точный и опредѣленный смыслъ съ этимъ словомъ, есть собственно матерія, организованная жизненною силою; она не что иное, какъ самое же органическое существо, потому что какъ скоро это существо перестало жить, перестало быть существомъ, то и мнимая органическая матерія, его составлявшая, исчезла; она стала обыкновенною, неорганическою матеріею, подверженною обыкновеннымъ химическимъ процессамъ разложенія. Поэтому и происхожденіе органическихъ существъ изъ органической матеріи въ сущности значитъ тоже, что происхожденіе органическихъ существъ изъ органическихъ же,—не болѣе; происхожденіе органическихъ существъ изъ органической матеріи,—это тождесловіе, нисколько не объясняющее дѣла и не устраняющее необходимости признанія особой силы, организующей матерію въ существахъ живыхъ *).

*) Съ этимъ воззрѣніемъ на значеніе тоняія органической матеріи согласны и физіологи. „Органическая матерія, говоритъ І. Миллеръ, уже предполагаетъ существованіе органическихъ существъ; она происходитъ не сама

Выраженіе: „органическая матерія“ можетъ имѣть смыслъ и можетъ быть допущено въ философіи и въ точномъ естествознаніи только развѣ какъ обозначеніе простѣйшихъ и первоначальныхъ органическихъ элементовъ, изъ которыхъ слагаются всѣ органическія тѣла, точно также, какъ матеріею вообще мы называемъ атомы, изъ которыхъ слагаются матеріальные предметы. Эти первоначальные и самые простые элементы каждаго органическаго тѣла суть, какъ мы говорили, клѣточки. Клѣточка въ органическомъ тѣлѣ играетъ ту же роль, какую атомъ или, точнѣе, молекула въ предметахъ неорганическихъ. Клѣточки, поэтому, могутъ быть названы органическою матеріею; но, очевидно, съ этимъ выраженіемъ не можетъ и не должно быть соединяемо представленіе о чемъ-то исключительно матеріальномъ. Клѣточка есть уже своего рода живое, органическое существо со всѣми хариктеристическими признаками органическаго, со всею противоположностію неорганическому; для своего образованія и существованія она также предполагаетъ органическую силу, какъ и цѣльный организмъ. Самостоятельнаго существованія клѣточекъ, какъ какой-то особой матеріи, наравнѣ напр. съ молекулами кислорода, водорода и другихъ химическихъ элементовъ, какъ своего рода матеріи, мы, очевидно, признать не можемъ, такъ какъ и клѣточка, становясь безжизненною, не представляетъ

собою; только живыя растенія, кажется, способны производить ее, тогда какъ животныя живутъ матеріею, уже прежде сформованною, и сами собою не могутъ производить никакой органической матеріи прямо изъ неорганическихъ элементовъ и, такимъ образомъ, для своею существованія, предполагаютъ уже существованіе растительнаго міра. Какъ возникли первыя органическія существа, какимъ образомъ сила, необходимо нужная для образованія и поддержанія органической матеріи и въ ней только обнаруживающаяся, вошла въ матерію, это лежитъ внѣ всякаго опыта и науки. Этотъ узелъ не распутывается, когда говорятъ намъ, что органическая сила отъ вѣчности присуща матеріи,—какъ будто органическая сила и органическая матерія не два различныхъ способа разсматривать одинъ и тотъ же предметъ! Въ самомъ дѣлѣ, всѣ органическія явленія свойственны только извѣстнымъ комбинаціямъ элементовъ и самая органическая матерія, способная къ жизни, распадается на неорганическія соединенія, какъ скоро перестаетъ дѣйствовать причина органическихъ явленій,—жизненная сила. Слѣд. мы прежде должны согласиться, что силы, дѣлающія органическія существа живыми, особенны, а затѣмъ точнѣе изслѣдовать ихъ свойства“. Müller, Handbuch d. Physiol. d. Menschen. 1. 4. 17.

особаго вида матеріи, но разлагается на обыкновенные неорганическіе элементы. Но еслибы мы, забывая о жизненности и органичности, такъ сказать, клѣточки, задумали признать ее sui generis веществомъ, органическою *матеріею* въ буквальномъ смыслѣ слова, то ровно ничего бы не выиграли для объясненія организма. Для того, чтобы изъ клѣточекъ составился организмъ, мы должны признать опять особую, не заключающуюся въ нихъ, организующую или жизненную силу. Клѣточная матерія, изъ которой происходятъ всѣ столь разнообразныя органическія формы, очень однообразна, почти безформенна; отчего же и какою силою однѣ и тѣ же клѣточки здѣсь складываются въ листъ растенія, тамъ въ корень, здѣсь въ кору, тамъ въ волокно; отчего они являются намъ въ видѣ тысячи разнородныхъ органическихъ существъ, растеній и животныхъ? Очевидно, причина этого заключается не въ клѣточкахъ самихъ по себѣ, а въ той силѣ, которая заставляетъ ихъ группироваться въ различнаго рода органическія существа, а въ этихъ существахъ въ разнородные органы и аппараты.

Тѣ возраженія противъ жизненной силы, которыя мы до сихъ поръ разсматривали, принадлежатъ по большей части естествоиспытателямъ или философамъ матеріалистическаго направленія, которые думали находить опору своему ученію въ данныхъ естествознанія. Но понятіе жизненной силы, какъ самостоятельнаго начала органическихъ явленій, нерѣдко встрѣчало себѣ противодѣйствіе и между философами-нематеріалистами. Главная причина этого противодѣйствія, повидимому, очень уважительная, — затруднительность для этого самостоятельнаго начала найти опредѣленное мѣсто какъ въ области матеріальнаго, такъ и духовнаго бытія.

Жизненная сила, если она существуетъ какъ особенное начало извѣстнаго рода явленій, можетъ быть только или матеріальною или духовною; но ни того, ни другаго, повидимому, допустить нельзя.

Если она сила матеріальная, то она должна быть вообще подчиненною законамъ, дѣйствующимъ въ матеріи; поэтому, она не можетъ быть силою своеобразною, самостоятельною и отличною отъ другихъ силъ природы. Естествознаніе не знаетъ никакихъ другихъ физическихъ силъ, кромѣ извѣстныхъ, дѣй-

ствующихъ во всей природѣ какъ органической, такъ и неорганической. Вообще, когда говорятъ о силѣ органической, какъ отличной отъ извѣстныхъ физическихъ и химическихъ силъ, то само собою подразумѣваютъ и предполагаютъ, что эта сила не матеріальная, не похожая на прочія силы природы. Только при этомъ предположеніи имѣетъ смыслъ ожесточенная полемика матеріализма противъ жизненной силы. Противники ея откровенно, какъ на одинъ изъ мотивовъ своей вражды противъ нея, указываютъ на то, что съ признаніемъ этой силы вводится въ науку понятіе о какомъ-то таинственномъ, нематеріальномъ и выходящемъ изъ ряда физическихъ силъ началѣ.

Но, повидимому, органическую силу нельзя признать и нематеріальною. Бытіемъ нематеріальнымъ можетъ быть только бытіе духовное. Но отнести жизненную силу къ числу духовныхъ силъ не позволяетъ, съ одной стороны, существенная связь органическихъ явленій съ физико-химическими процессами и зависимость ихъ отъ послѣднихъ; съ другой—то обстоятельство, что она не имѣетъ характеристическихъ признаковъ духовности: сознанія, разума, свободы.

Итакъ, если жизненная сила не находитъ себѣ мѣста ни между матеріальными, ни между духовными силами, то естественно и необходимо слѣдуетъ отсюда, что она и не существуетъ какъ самостоятельное начало опредѣленнаго круга явленій, называемыхъ органическими. Что касается до самыхъ этихъ явленій, то такъ какъ ихъ, очевидно, нельзя отнести къ числу нематеріальныхъ или духовныхъ, то они могутъ быть только явленіями матеріальной природы. Органическія существа,— это своеобразные продукты неодушевленной природы и ея механическихъ силъ; отъ простыхъ произведеній неорганической природы они отличаются только большею сложностію, большимъ искусствомъ своего устройства.

Первый изъ философовъ, высказавшій такое ученіе объ организмахъ, какъ результатъ строгаго раздѣленія между духомъ и матеріею, былъ Декартъ. Признавъ двѣ сотворенныя субстанціи: духовную и матеріальную, онъ существеннымъ признакомъ первой поставилъ мышленіе, второй—протяженіе. Такъ какъ всѣ организмы, начиная отъ низшихъ и восходя до человѣческаго организма, представляются намъ какъ бытіе

протяженное, т. е. какъ ограниченныя пространствомъ тѣла, такъ какъ имъ, далѣе, не свойственно мышленіе, принадлежащее только духовной природѣ человѣка, то Декартъ, естественно, долженъ былъ смотрѣть на всѣ органическія существа какъ на чисто матеріальные, бездушные продукты природы. По его ученію, организмы „суть автоматы природы, подчиненные тѣмъ-же механическимъ законамъ, какъ и другія тѣла, но представляющіе болѣе удивительныя и разнообразныя явленія, чѣмъ искуственные автоматы, вслѣдствіе безконечно большей сложности своего устройства“ *).

Въ сущности того же воззрѣнія на органическую жизнь, хотя и въ болѣе смягченномъ видѣ, держатся и всѣ тѣ философы, которые, исходя изъ субстанціальной противоположности между духомъ и матеріей, стоятъ предъ неизбѣжною дилеммою: отнести органическія существа или къ классу духовныхъ или къ классу матеріальныхъ предметовъ. Естественный выходъ изъ этой дилеммы для нихъ, также какъ и для Декарта, — механическое воззрѣніе на органическую жизнь. Въ этомъ воззрѣніи философы, признающіе самостоятельность духовнаго начала, совершенно сходятся такимъ образомъ съ матеріалистами и съ тѣми естествоиспытателями, которые держатся механической теоріи объясненія жизни.

Однако же это сходство простирается не очень далеко; въ сущности оно не идетъ далѣе отрицанія жизненной силы. Этого, конечно, и слѣдуетъ ожидать по совершенной противоположности міросозерцанія матеріалистовъ и тѣхъ философовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Матеріализмъ обыкновенно производитъ организмы изъ *одной* игры естественныхъ силъ природы и видитъ въ нихъ *только* комбинацію неорганическихъ элементовъ и физико-химическихъ силъ. Въ виду представленныхъ нами характеристическихъ отличій органическаго отъ неорганическаго, философы не могли, конечно, согласиться съ подобнымъ воззрѣніемъ. Пусть органическія существа не болѣе какъ автоматы, очень сложные механизмы; но эти механизмы столь своеобразны, столь отличны отъ неорганическихъ предметовъ, что не могутъ быть простыми продуктами неорганической природы. Они, слѣдовательно, предполагаютъ *особенную* при-

*) Discours de la Methode · V.

чину своего происхожденія, незаключающуюся въ матеріи и ея силахъ.

Какая же это *особая* причина? Такъ какъ она не можетъ заключаться въ самой матеріи и въ ея силахъ, то, очевидно, мы должны искать ее внѣ матеріи, въ той противоположной ей области, которую мы называемъ бытіемъ духовнымъ. Причина, устроившая изъ матеріи и ея силъ тѣ особенныя, искусныя комбинаціи, которыя мы называемъ организмами, можетъ быть только духовною.

Высокое совершенство органическихъ произведеній для Декарта было прямымъ указаніемъ на всемогущую и высочайше-разумную волю Творца, какъ на причину этихъ произведеній *). Но такое непосредственное указаніе на послѣднюю и высочайшую причину органическихъ произведеній было слишкомъ обще, неопредѣленно; будучи проведено послѣдовательно, оно могло бы вести къ мысли о постоянно продолжающемся *твореніи* органическихъ существъ или, точнѣе, устроеніи органическихъ механизмовъ изъ неорганической матеріи, что противорѣчило бы факту самостоятельнаго, повидимому, происхожденія ихъ однихъ отъ другихъ. Поэтому нужно было ввести какія-либо посредствующія понятія между послѣднею, высочайшею причиною всякаго бытія и тѣми произведеніями, которыя мы называемъ органическими, — понятія, которыя служили бы къ объясненію ихъ происхожденія. Эти понятія суть такъ называемыя идеи, первоначальные типы, первообразы (Urbilder), формы органическихъ существъ, которыми послѣдующіе философы, сходящіеся съ Декартомъ въ воззрѣніи на органическую жизнь, и думаютъ замѣнить неудобопріемлемое для нихъ понятіе жизненной силы, какъ самостоятельнаго начала органическихъ явленій. Въ такой силѣ, по ихъ мнѣнію,

*) Что организмы суть механическіе автоматы природы, „это, говоритъ Декартъ, никоимъ образомъ не должно казаться страннымъ тому, кто, зная, сколь разнообразныхъ автоматовъ и движущихся машинъ можетъ сдѣлать искусство человѣка при употребленіи очень немногихъ частей сравнительно съ огромнымъ множествомъ костей, мускуловъ, нервовъ, артерій, вепъ и другихъ частей, находящихся въ тѣлѣ каждаго животнаго, будетъ разсматривать таковое тѣло, какъ машину, которая, будучи сдѣлана руками Бога, безъ сравненія лучше устроена и имѣетъ движенія безъ сравненія удивительнѣйшія, чѣмъ какая-либо машина, устроенная человѣкомъ“. Discours de la Methode. V part.

не представляется никакой нужды; для объясненія особенностей органическихъ существъ вполнѣ достаточно предположить, что подъ опредѣляющимъ вліяніемъ идей или первообразовъ органическаго царства, вложенныхъ въ природу Творцемъ ея, механическія силы и элементы ея такъ будутъ комбинироваться, что произведутъ тѣ существа и явленія, которыя мы зовемъ органическими. Другіе философы понятіе идей или архетиповъ замѣняютъ понятіемъ *закона* органической жизни, даннаго природѣ Творцемъ ея; по опредѣленію этого закона, слагаются элементы природы матеріальной такъ, что производятъ продукты органическіе. Иные (напр. Лотце), не допуская особой органической силы, признаютъ послѣднею причиною органическихъ явленій особенный, предустановленный *распорядокъ* механическихъ силъ природы, при которомъ необходимымъ результатомъ должны быть органическія образованія.

Такого рода объясненія, повидимому, довольно удачно примиряютъ механическое воззрѣніе на органическую жизнь, къ которому такъ склонно современное съ матеріалистическимъ оттѣнкомъ естествознаніе, съ признаніемъ *особой* нематеріальной причины замѣчаемаго нами отличія органическихъ явленій отъ неорганическихъ. Явленія органическія такъ же механичны и такъже матеріальны, какъ и неорганическія: но причина ихъ совершенства и отличія отъ неорганическихъ заключается не въ бездушной матеріи, а въ тѣхъ идеяхъ, типахъ, планахъ, въ томъ законѣ или распорядкѣ, которые даны природѣ Творцомъ ея.

Но такой компромиссъ между извѣстнымъ направленіемъ естествознанія и философіею, состоявшійся цѣною пожертвованія жизненною силою, возбуждаетъ много недоумѣній.

Прежде всего, какъ мы должны представлять себѣ эти идеи, типы или планы, которые служатъ опредѣляющими причинами тѣхъ своеобразныхъ сочетаній матеріи и физическихъ силъ, которыя мы называемъ существами и явленіями органическими? Конечно, они не суть нѣчто совершенно абстрактное, висящее, такъ сказать, гдѣ-то на воздухѣ надъ органическими предметами, какъ причина ихъ появленія на свѣтъ и существованія. Не суть они и самобытныя реальныя сущности по подобію Платоновыхъ идей, отдѣльныя отъ предметовъ и существующія сами по себѣ въ особомъ идеальномъ мірѣ. Допуская

это, мы не только не устранили бы того недостатка опредѣленности, въ которомъ упрекаютъ понятіе о жизненной силѣ, но внесли бы гораздо большую смутность и неясность въ представленіе о началѣ органической жизни. Если существуютъ идеи, типы, планы органической жизни, то они должны быть идеями, планами, принадлежащими кому нибудь,— и конечно, они могутъ быть идеями только Существа высочайшаго. Иначе сказать, они суть мысли божественныя объ извѣстныхъ вещахъ, опредѣляющія ихъ къ бытію *), или опредѣленія воли Божества, такъ комбинирующей силы природы, что они производятъ явленія, называемыя нами органическими. Поэтому довольно удачно можно замѣнить слова: идея, типъ словомъ: *законъ* бытія органическихъ существъ; законъ такого рода и есть ничто иное, какъ выраженіе или опредѣленіе воли Творца.

Но если мы будемъ такъ понимать начало органической жизни, то тотчасъ же возникаютъ неразрѣшимыя затрудненія. Если коренная и послѣдняя причина тѣхъ механическихъ произведеній природы, которыя мы называемъ организмами, за-

*) Къ такому единственно возможному и послѣдовательному пониманію идей или органическихъ типовъ, повидимому, и склоняется наиболѣе замѣчательный защитникъ механическаго воззрѣнія на органическую жизнь и противникъ жизненной силы въ настоящее время,—Лотце. По его ученію, то, что мы называемъ жизненнымъ процессомъ, есть извѣстнаго рода расположеніе (Disposition) чисто механическихъ процессовъ, а организмъ есть результатъ такого искусственнаго устройства (Einrichtung), посредствомъ котораго онъ въ состояніи достигать опредѣленныхъ, точно предписанныхъ цѣлей. *Идея* того, что онъ долженъ совершать, лежитъ не въ немъ, а въ комъ-либо другомъ, такъ какъ самъ онъ есть только дѣйствующій. *Первоначально*, эту идею, этотъ предопредѣленный порядокъ органическихъ существъ и явленій, мы, конечно должны искать только во всеобщей причинѣ всѣхъ вещей— въ Творцѣ. *Производнымъ* же образомъ, мы нашимъ мышленіемъ подкладываемъ эту идею подъ чисто механическую дѣятельность (т. е. органическія явленія) и воображаемъ себѣ, будто она сама и есть дѣйствующее начало. Но на самомъ дѣлѣ это—самообольщеніе; организмъ, тѣло есть не болѣе какъ для опредѣленныхъ цѣлей устроенная *машина*,—и что мы зовемъ органическимъ процессомъ, инстинктомъ организма и пр., на самомъ дѣлѣ, по истинѣ, не существуетъ; именемъ организма мы обозначаемъ только прежде предопредѣленную, искусственную жизненную машину въ отличіе отъ другихъ мертвыхъ искусственныхъ произведеній. Разборъ ученія Лотце см. у Ульрици въ его сочиненіяхъ: Gott u. Natur. T. 1. p. 182—196 и Leib u. Seele. 40—66. Также у Fichte, въ его Antropologie. 277. 455.

ключается въ идеяхъ, типахъ, опредѣленіяхъ божественной воли, то какъ объяснить себѣ то явленіе, что эти идеи и типы, какъ показываетъ опытъ, не осуществляются никогда вполнѣ въ дѣйствительности, такъ какъ ни одинъ организмъ не выражаетъ собою идеальнаго совершенства? Почему напр. животныя или растенія данной породы представляютъ множество экземпляровъ, очень разнообразныхъ, а не выражаютъ и не повторяютъ собою совершеннѣйшаго типа своей породы? Какъ объяснить себѣ часто встрѣчающіяся въ органическомъ царствѣ аномаліи, уродства? Если первоначальная и собственная причина органическихъ образованій есть божественная мысль и воля (въ видѣ идей, плановъ), то мы не можемъ придумать причины, почему бы она могла не исполняться или исказиться (напр. въ органической аномаліи). Платонъ, допуская отдѣльныя идеи вещей, могъ найти такую причину въ самосущей матеріи, которая ограничиваетъ идеи въ ихъ реальномъ осуществленіи и препятствуетъ ихъ проявленію во всей полнотѣ и совершенствѣ. Но такого объясненія, конечно, не могутъ допустить философы нашего времени, думающіе замѣнить живыя органическія силы абстрактными идеями и типами органическихъ существъ.

Такимъ образомъ, предложенный нѣкоторыми философами компромиссъ между механическимъ воззрѣніемъ на органическую жизнь и признаніемъ въ то же время особыхъ началъ этой жизни въ видѣ идей, типовъ и т. п., должно признать неудачнымъ. Этою неудачею не медлятъ воспользоваться матеріалисты. Если, говорятъ они, послѣднею и истинною причиною всѣхъ органическихъ произведеній мы должны представлять себѣ высочайшій разумъ, начертавшій тѣ идеи и волю, приводящую ихъ въ исполненіе, то въ такомъ случаѣ каждая идея, какъ предначертанная цѣль, должна бы выполняться; нѣтъ никакого основанія, почему бы она когда нибудь и гдѣ нибудь могла бы не осуществиться, ибо высочайшій разумъ свободно долженъ овладѣвать матеріею, для образованія ея по своимъ планамъ. Итакъ, самый малѣйшій фактъ невыполненной цѣли въ природѣ (напр. уродство) уже опровергаетъ существованіе и силу этого высочайшаго разума.

Единственное средство къ устраненію какъ этого возраженія, такъ и выставленнаго нами затрудненія состоитъ въ при-

знаніи, вмѣсто типовъ или идей, самостоятельной жизненной силы. Явленія отсутствія идеальной законченности и неудачъ органическихъ образованій именно и показываютъ, что органическая природа есть относительно самостоятельное, хотя первоначально и происшедшее отъ Бога, начало; что въ явленіяхъ этой природы не дѣйствуетъ творческая сила самого Божества непосредственно. Если же мы допустимъ это, если въ органическихъ образованіяхъ производящимъ началомъ является не само Божество, непосредственно ли то или посредствомъ идей и архетиповъ, заключающихся въ божественномъ разумѣ, но безсознательно-разумная, живая сила природы, то понятно, что эта сила можетъ быть только ограниченною, и какъ ограниченная, она не можетъ располагать своими обнаруженіями совершенно свободно и безусловно-разумно, какъ располагала бы ими божественная воля и мысль; стѣсненная иногда особенною и неожиданною постановкою внѣшнихъ условій, среди которыхъ она должна дѣйствовать, она производитъ явленія не вполнѣ совершенныя, иногда недоконченныя и не удачныя.

Философы, думающіе замѣнить понятіе жизненной силы предположеніемъ особенныхъ типовъ или идей органическихъ существъ, повидимому, могутъ сказать, что и съ ихъ точки зрѣнія представленное затрудненіе можетъ быть разрѣшено. Стоитъ только предположить, что эти идеи или типы не суть мысли божественнаго разума непосредственно, но именно отдѣльныя отъ него сущности или типы, какъ начала органическихъ существъ; но, будучи такимъ образомъ самостоятельными, они будутъ въ тоже время началами ограниченными; при этомъ условіи легко можетъ быть объяснено и несовершенство органическихъ произведеній и ихъ неудачи, напр. въ аномаліяхъ. Но что такое идеи или типы органическихъ существъ внѣ божественнаго разума и отдѣльно отъ него? Или они суть дѣйствительно живыя образовательныя начала органическихъ существъ, имѣющія *силу* свободно образовать матерію въ тѣ ея формы, которыя мы называемъ организмами? Но въ такомъ случаѣ идеи или типы будутъ только другимъ названіемъ для той же жизненной силы, и теорія органическихъ типовъ теряетъ свое значеніе. Или они дѣйствительно суть идеи, типы, мысли, а не живыя силы или

реальныя сущности, имѣющія силу дѣйствовать? Но въ такомъ случаѣ опять рождается вопросъ: *чьи* же это мысли и идеи? Если реальный объектъ, которому принадлежатъ они, есть божественный разумъ, то выставленное затрудненіе, очевидно, нисколько не устраняется. Если же они суть никому непринадлежащія идеи, носящіяся какъ бы въ воздухѣ надъ органическимъ міромъ, то, не говоря о несостоятельности подобнаго представленія, мы не въ состояніи будемъ объяснить при ихъ помощи происхожденіе и жизнь существъ органическихъ. Противъ такого именно пониманія идей направлено справедливое замѣчаніе Лотце, что идея можетъ имѣть только законодательную силу, а не исполнительную власть,—производить дѣйствительные предметы. Идеальные элементы такого рода, какъ типъ, планъ, мысль вообще, не могутъ имѣть требуемой механической силы, чтобы произвесть дѣйствительность и особенно двигать матеріальныя составныя части тѣла или образовать ихъ. Эти идеи или типы организаціи похожи „на недѣйствительныя, безсильныя тѣни, которыя не могутъ произвести ничего реальнаго" *).

Признаніемъ самостоятельной жизненной силы объясняются не только явленія несовершенства органическихъ образованій, но и многія другія явленія органической жизни, которыя не только необъяснимы для защитниковъ механическаго воззрѣнія на жизнь, смягченнаго признаніемъ особыхъ типовъ или идей, какъ особыхъ, нематеріальныхъ началъ этой жизни, но и могутъ привести ихъ къ явному противорѣчію опыту. Не касаясь здѣсь въ подробности всѣхъ явленій органической жизни, которыя свидѣтельствуютъ не о механическомъ только, а о разумно-безсознательномъ процессѣ этой жизни, мы укажемъ только на два, особенно выдающіяся: на существованіе такъ называемой пластической силы въ организмѣ и на обнаруженія психической жизни у животныхъ.

Опытъ показываетъ, что природа дала организмамъ силу восполнять до извѣстной мѣры вредъ, причиненный имъ случайными поврежденіями,—силу, по которой организмъ можетъ самъ собою возстановлять пораненные, даже утраченные члены, заживлять раны, переломы костей, при сильномъ поврежденіи

*) Слова Лотце у Фихте въ его: Anthropologie, 277.

нѣкоторыхъ органовъ, хотя отчасти замѣнять ихъ функціи видоизмѣненнымъ дѣйствіемъ другихъ и пр. У человѣка и у животныхъ, которые ближе къ нему по тѣлесному устройству, эта сила не такъ велика и ограничивается большею частію восполненіемъ и возобновленіемъ неважныхъ частей клѣтчатой ткани, когтей, волосъ. Но у растеній и у животныхъ низшихъ она достигаетъ изумительной силы и возобновляетъ цѣлыя важныя части организма *). У животныхъ высшихъ и у человѣка эта воспроизводительная сила природы даетъ себя особенно ясно чувствовать въ исцѣленіи болѣзненныхъ поврежденій частей организма. Она является здѣсь какъ цѣлительная сила (vis medicatrix) природы, которая часто одна безъ содѣйствія лѣкарствъ исцѣляетъ болѣзни и притомъ такъ искусно, что средства, употребленныя ею, могутъ составлять примѣръ для подражанія наукѣ **).

Но возможно ли объясненіе подобныхъ явленій при томъ воззрѣніи, что организмы не болѣе какъ своеобразные механизмы, хотя бы то и обязанные своимъ происхожденіемъ не простой игрѣ естественныхъ неорганическихъ силъ, но высшему „особенному устроенію“ рукою Творца міра? Механизмъ, однажды устроенный, долженъ дѣйствовать съ неизбѣжнымъ, правильнымъ однообразіемъ и законосообразностью. Поэтому случайная порча механизма не можетъ быть исправлена самимъ же механизмомъ. Часы, въ которыхъ сломалась стрѣлка, не могутъ починить сами себя или пытаться выростить новую стрѣлку. Но мы видимъ въ организмахъ именно подобнаго рода самопомощь, самоисправленіе, что ясно показываетъ, что они не механичны, а обладаютъ внутреннею, самостоятельною силою жизни. При предположеніи механичности организмовъ, подобное самоисправленіе мыслимо только какъ *внѣшнее*, непосредственное дѣйствіе исправляющей руки механика,—т. е. Творца организмовъ или тѣхъ образовательныхъ типовъ, идей, которыя замѣняютъ Его мѣсто. Но объяснять

*) Въ растеніяхъ напр. на мѣсто срѣзанной вѣтви выростаетъ вблизи того же мѣста другая, у раковъ вмѣсто оторванной клешни выростаетъ меньшая новая и т. п.

**) Разборъ возраженій матеріалистовъ противъ существованія пластической силы см. въ моей статьѣ: „Телеологическая идея и матеріализмъ“ (Прав Обозр. 1877. мартъ, стр. 508—514).

такъ дѣло едва ли кто рѣшится, да если бы и рѣшился, то встрѣтилъ бы опроверженіе со стороны тѣхъ фактовъ, которые ясно показываютъ, что органическія поврежденія исправляются пластическою силою не всегда абсолютно наилучшимъ способомъ. Это явленіе было бы совершенно необъяснимо при предположеніи внѣшняго исправленія органическихъ поврежденій; но оно вполнѣ понятно, когда вспомнимъ, что пластическая или органическая сила есть сила ограниченная и потому не безусловно разумная и свободная. Она, хотя дѣйствуетъ по разумнымъ законамъ, но слѣдуетъ имъ безсознательно. Отсюда, и при дѣйствіи этихъ законовъ, но при неблагопріятномъ отношеніи внѣшнихъ условій, можетъ произойти результатъ вредный для организма, потому что органическая сила не могла предвидѣть этихъ неблагопріятныхъ условій, а потому предотвратить или избѣжать ихъ.

Но если въ дѣйствіяхъ пластической силы въ организмахъ мы видимъ не одно неуклонное слѣпое слѣдованіе механическимъ законамъ, но приспособленіе къ особеннымъ обстоятельствамъ органической жизни, достиженіе извѣстныхъ цѣлей природы не однажды на всегда установленными путями, но соотвѣтственно различнымъ, часто случайнымъ условіямъ жизни, то еще съ большею ясностью выступаетъ не механическій только, но относительно свободный и разумный характеръ жизненныхъ явленій въ животныхъ организмахъ въ томъ, что мы называемъ ихъ инстинктомъ. Въ жизни и дѣйствіяхъ животныхъ мы ясно видимъ не одинъ только механизмъ, но извѣстный выборъ средствъ для извѣстныхъ цѣлей, приспособленіе къ даннымъ обстоятельствамъ,—вообще дѣятельность аналогическую съ разумною дѣятельностію человѣка, хотя и лишенную сознательности, принадлежащей послѣднему. Строго держась механическаго воззрѣнія на органическую жизнь, мы бы должны вмѣстѣ съ Декартомъ считать животныхъ не болѣе какъ машинами, а явленія ихъ жизни, очевидно, аналогическія съ нѣкоторыми психическими явленіями въ человѣкѣ, чисто механическими. Но такой взглядъ шелъ бы вопреки очевиднымъ фактамъ и приводилъ бы къ практически нелѣпымъ послѣдствіямъ *). Вообще явленія психической жизни

*) Напр. жестокое обращеніе съ животными не заключало бы ничего предосудительнаго при этомъ воззрѣніи. Извѣстно, что добрѣйшій по характеру

у животныхъ несомнѣнно показываютъ и несостоятельность механическаго воззрѣнія на органическую жизнь и необходимость допустить для объясненія ея самостоятельное начало, аналогическое съ началомъ, одушевляющимъ человѣка.

Но, не смотря на столь очевидные факты, свидѣтельствующіе о самостоятельности органической силы и объ аналогіи ея съ силою духовною, многихъ философовъ продолжаетъ удерживать отъ этого заключенія о ней опасеніе отнести ее прямо къ числу духовныхъ. Въ виду, съ одной стороны, этого опасенія, съ другой, невозможности считать ее силою матеріальною, они ищутъ выхода изъ этого затрудненія въ томъ, что признаютъ за нею характеръ средняго между матеріальнымъ и духовнымъ начала.

Признавая самостоятельность органической силы, нельзя, говорятъ, ставить вопросъ о сущности ея такимъ образомъ: матеріальна она или духовна? Такая альтернатива неумѣстна, такъ какъ того или другаго рода силою признаемъ мы ее, одинаково погрѣшимъ противъ истины. Но мы легко избѣжимъ этого затрудненія, если допустимъ, что между духомъ и матеріею есть нѣчто третье, среднее, чего нельзя назвать ни матеріальнымъ, ни духовнымъ, но только *нематеріальнымъ*. Такой характеръ и должна имѣть органическая сила; она не есть ни матеріальная, ни духовная субстанція, но именно нематеріальная сила. Въ этомъ отношеніи она не есть что-либо особое и исключительное въ природѣ. И кромѣ нея существуетъ нѣчто, что не можетъ быть названо ни матеріею, ни духомъ, напр. пространство и время. Далѣе, такой же характеръ носятъ и всѣ физическія силы вообще. Можно ли въ точномъ и буквальномъ смыслѣ назвать матеріальною силу напр. химическаго сродства, силу тяготѣнія? Ньютонъ рѣшительно отвергалъ это о послѣдней. Матеріальными силами можно назвать ихъ только въ томъ смыслѣ, что они не могутъ обнаруживаться безъ матеріи, въ которой дѣйствуютъ; но сами по себѣ онѣ, очевидно, не суть что либо матеріальное; ихъ нельзя ни осязать, ни взвѣсить, ни увидѣть. И объ этихъ силахъ, также какъ объ органической, нельзя ставить

Мальбраншъ нещадно билъ свою собаку въ полномъ убѣжденіи, что этотъ кричащій автоматъ не имѣетъ ощущенія боли.

альтернативы: матеріальное ли они что-либо или духовное? Сила есть нѣчто особенное, своеобразное и не можетъ быть механически подводима подъ рубрику матеріи или духа; она болѣе или менѣе имманентна матеріи, но сама по себѣ есть нѣчто нематеріальное *).

Но какъ удачнымъ на первый взглядъ ни представляется такое разрѣшеніе затруднительнаго для защитниковъ жизненной силы вопроса: матеріальна она или духовна, — мы не можемъ признать его удовлетворительнымъ. Мы не станемъ говорить здѣсь о затрудненіи, которое можетъ возбуждать въ философіи признаніе между бытіемъ духовнымъ и матеріальнымъ третьяго, средняго вида бытія: нематеріальнаго. Недоумѣніе касательно возможности допустить этотъ третій видъ бытія тѣмъ болѣе усиливается, когда мы видимъ, что подъ эту категорію у Фрогшаммера, которому принадлежитъ приведенное выше объясненіе, подводятся такія разнообразныя понятія, какъ: пространство, время, физическая сила и начало органической жизни. Подробное разъясненіе этого недоумѣнія увлекло бы насъ далеко за предѣлы настоящаго спеціальнаго изслѣдованія въ область метафизическаго разъясненія всѣхъ этихъ понятій. Здѣсь укажемъ на одинъ существенный недостатокъ этого воззрѣнія: въ немъ органическая сила по существу причисляется къ классу физическихъ силъ природы, ставится въ параллель съ силами химическаго сродства, тяготѣнія, что совершенно противорѣчитъ и опыту и собственному воззрѣнію Фрогшаммера, который въ своемъ изслѣдованіи старается отстоять и ея самостоятельность и существенное отличіе отъ обыкновенныхъ физическихъ силъ. Правда, и въ настоящемъ случаѣ онъ отличаетъ ее отъ этихъ силъ признаніемъ ея особенныхъ, болѣе свободныхъ отношеній къ матеріи. Но эти-то особенности и полагаютъ *существенную* разницу между нею и физическими силами и не позволяютъ отожествлять ихъ въ принципѣ. Характеристическій признакъ физическихъ силъ тотъ, что они существенно связаны съ матеріею; нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы, какъ говорятъ матеріалисты, что въ приложеніи къ физиче-

*) Такое объясненіе сущности органической силы мы находимъ у Фрогшаммера, въ его сочиненіи: Ueber d. Aufgabe d. Naturphilosophie, p. 233. 234.

скимъ силамъ, конечно, справедливо. Но, по собственному сознанію Фрогшаммера, органическая сила не такова; она не есть необходимая принадлежность матеріи; она господствуетъ надъ матеріею и ея физическими силами: она выше ихъ и въ своихъ обнаруженіяхъ существенно отъ нихъ отлична. Напротивъ, какъ мы видѣли, она имѣетъ значительное сходство съ духовною силою и потому скорѣе должна быть мыслима по аналогіи съ послѣднею, чѣмъ съ первыми.

Единственный мотивъ, который заставляетъ Фрогшаммера прибѣгать къ неопредѣленному понятію „третьяго, нематеріальнаго“ *), есть призракъ альтернативы: матеріальна или духовна органическая сила, на которую будто-бы нельзя дать рѣшительнаго отвѣта. Этотъ же призракъ, какъ мы видѣли, заставлялъ нѣкоторыхъ философовъ жертвовать самою органическою силою, допуская чисто матеріалистическое объясненіе органическихъ явленій, смягчая это пожертвованіе предположеніемъ особыхъ типовъ или высшаго предустановленнаго распорядка этихъ явленій. Но эта альтернатива не такъ страшна, какъ кажется. Все дѣло здѣсь въ недостаточности философской терминологіи, въ томъ, что съ словами: духъ, душа, духовный, мы привыкли соединять въ мысли понятіе: сознаніе, разумъ, свобода, и притомъ, въ томъ опредѣленномъ значеніи этихъ предикатовъ духа, въ какомъ находимъ ихъ въ душѣ человѣка, единственномъ духовномъ бытіи, какое сознаемъ непосредственно и какое знаемъ болѣе и лучше, чѣмъ какое-либо иное того же рода. Не замѣчая этихъ признаковъ въ существахъ органическихъ, мы и опасаемся отнести начала или силы, ихъ оживляющія, къ числу силъ психическихъ и въ тоже время создаемъ себѣ неразрѣшимыя затрудненія въ опредѣленіи дѣйствительнаго мѣста имъ въ области существующаго.

Но дѣло въ томъ, что область бытія нематеріальнаго, называемаго нами духовнымъ, по имени субстанціальнаго начала въ человѣкѣ, и по свидѣтельству опыта, и по требованію умозрѣнія, мы не имѣемъ права ограничивать одною душею

*) Что такое это „третье, нематеріальное?“ Бытіе, сущность, сила? Фрогшаммеръ не отвѣчаетъ прямо. Оно „можетъ быть отношеніемъ, энергіею, носимою комплексомъ веществъ или молекулъ“ (стр. 284). Нельзя сказать, чтобы такой отвѣтъ отличался ясностью и опредѣленностью.

человѣка и существенные признаки этого бытія понимать именно въ томъ видѣ и смыслѣ, какъ они являются въ человѣкѣ. Человѣкъ не единственный представитель духовнаго царства во вселенной. Если мы предполагаемъ, что область духовнаго бытія простирается выше и дальше человѣка, что это высшее человѣка духовное бытіе носитъ на себѣ тѣ же признаки его, но въ болѣе совершенномъ, потенцированномъ видѣ; то точно также мы можемъ, и на основаніи наблюденій имѣемъ право, предположить, что оно простирается и далеко ниже человѣка, и признаки духовности являются и здѣсь, но только въ менѣе совершенномъ, депотенцированномъ видѣ. Если въ существахъ, высшихъ человѣка, мы допускаемъ высшія степени разума, сознанія, свободы, то отъ чего не можемъ допустить и въ существахъ, низшихъ его, низшія и постоянно умаляющіяся степени тѣхъ же качествъ, нѣкоторый analogon разумности, ощущенія, воли? Эта низшая человѣка область духовно-органическаго бытія и есть міръ органическихъ существъ, представляющій, впрочемъ, чрезвычайно многочисленныя ступени развитія, начиная отъ высшихъ животныхъ, гдѣ мы, не задумываясь, допускаемъ такой analogon, до самыхъ низшихъ органическихъ существъ, гдѣ этотъ analogon является только въ видѣ правильныхъ и цѣлесообразныхъ жизненныхъ отправленій.

Если, такимъ образомъ, во всемъ органическомъ царствѣ мы замѣчаемъ нѣкоторыя черты, имѣющія аналогію съ низшими проявленіями психической жизни въ человѣкѣ, если эти черты и составляютъ собственно то, чѣмъ отличается органическая жизнь отъ механическихъ процессовъ природы неорганической, то мы не видимъ и препятствій, почему бы начало этой жизни, органическую силу, не отнести къ числу силъ психическихъ, духовныхъ, не въ смыслѣ, конечно, отожествленія ея съ душею человѣка, но въ смыслѣ нѣкотораго родства и сходства съ нею и отличія отъ физическихъ силъ чисто матеріальной природы. Если же здѣсь и остается нѣкоторая двусмысленность, могущая возбуждать опасеніе за самостоятельность и существенное отличіе духа человѣческаго отъ начала органической жизни, то вина этой двусмысленности можетъ заключаться, какъ мы сказали, единственно въ недостаточности философской терминологіи, по которой выраженія: духовный,

психическій мы, за недостаткомъ болѣе опредѣленныхъ, должны употреблять для обозначенія всей совокупности нематеріальнаго, нечувственнаго бытія въ его отличіи отъ матеріи и ея силъ *). Но на самомъ дѣлѣ такой опасности не предстоитъ, какъ скоро мы будемъ представлять себѣ нематеріальную или духовную область состоящею изъ ряда, хотя и сходныхъ и по этимъ сходнымъ признакамъ позволяющихъ объединять ихъ въ одну группу, но въ то же время субстанціально различныхъ родовъ существъ. Если бы мы представляли себѣ духовное бытіе, какъ одно начало или одну субстанцію въ родѣ души міра нѣкоторыхъ философовъ или въ видѣ Гегелевой идеи въ формѣ инобытія, послѣдовательно развивающейся отъ низшихъ организмовъ до человѣка, то опасеніе, указанное выше, имѣло бы основаніе. Но какъ выше, по поводу общаго и неопредѣленнаго названія: органическая сила, мы замѣтили, что этимъ названіемъ нисколько не утверждается единство общаго начала органической жизни, какъ какой-то единой субстанціи, но, напротивъ, въ дѣйствительности мы должны предположить множественность различныхъ самостоятельныхъ началъ органической жизни, по различію органическихъ родовъ и видовъ; такъ и здѣсь общее названіе ограниченно-духовнаго бытія нисколько не ведетъ къ предположенію единой духовной субстанціи и не исключаетъ не только множественности, но и субстанціальнаго отличія началъ различныхъ организованныхъ существъ, начиная низшими организмами и кончая человѣкомъ. Въ чемъ состоитъ какъ общая

*) Прежніе философы не знали этой опасности и прямо называли органическое начало у животныхъ *душею* животныхъ; встрѣчается, также, и названіе: душа растительная. Такая терминологія ведетъ свое начало отъ Аристотеля. Душу онъ приписываетъ не только мыслящимъ и чувствующимъ существамъ, но и всѣмъ тѣмъ, которыя имѣютъ самобытное начало движенія и жизни. Онъ отличаетъ душу растительную или питающую (*ψυχὴ θρεπτική*) и душу животную или ощущающую (*ψ. αἰσθητική, ὀρεκτικόν*); въ человѣкѣ къ нимъ присоединяется третья степень души—разумъ (*νοῦς*). Не столько сущность дѣла, сколько недоразумѣнія, могущія возникнуть при обозначеніи тожественнымъ терминомъ началъ жизни человѣка и органическихъ существъ, побуждаютъ замѣнить это названіе: душа, менѣе опредѣленнымъ: жизненная или органическая сила. Не излишнимъ будетъ замѣтить, что въ Свящ. Писаніи начало жизни у животныхъ также называется иногда душею (Быт. 9, 4. Лев. 17, 11)

связь, соединяющая всѣ органическія существа въ одно цѣлое, такъ и субстанціальныя особенности, отличающія отдѣльныя группы этихъ существъ (царство растительное и животное), въ частности, въ чемъ состоитъ субстанціальное отличіе человѣка отъ животныхъ, даже ближайшихъ къ нему, и какимъ образомъ этимъ отличіемъ условливается не только превосходство его надъ всѣми земными существами, но и особенная судьба его по смерти,—рѣшеніе этихъ вопросовъ выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія, цѣль котораго показать только самостоятельность начала органической жизни и отличіе его отъ механическихъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ неорганической.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ

ОРГАНИЧЕСКИХЪ СУЩЕСТВЪ.

Теорія трансформаціи *).

Изъ числа вопросовъ, пограничныхъ между философіею и естествознаніемъ и имѣющихъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на опредѣленіе характера философскаго міросозерцанія, одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ принадлежитъ вопросу о происхожденіи органическихъ существъ. Въ своемъ изслѣдованіи о самостоятельности начала органической жизни мы видѣли, что такой или иной взглядъ на сущность этого начала далеко не такъ безразличенъ по отношенію къ рѣшенію важнѣйшихъ философскихъ проблеммъ, касающихся духовнаго начала въ человѣкѣ, какъ это могло бы показаться на первый взглядъ; мы видѣли также, что одно изъ главныхъ доказательствъ въ пользу самостоятельности начала жизни органическихъ существъ и отличія его отъ механическихъ условій существованія предметовъ неорганическихъ заключается въ характеристическомъ отличіи тѣхъ и другихъ по способу ихъ происхожденія **). Разъяснить, слѣдовательно, съ большею подробностію вопросъ о происхожденіи органическаго царства,—значитъ освѣтить новымъ свѣтомъ, если не со всѣхъ, то съ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ, то виталистическое

*) Эта статья помѣщена была въ „Приб. къ Твор. Св. Отц. "за 1883 г. ч. XXXI.

**) См. выше стр. 50 и слѣд.

воззрѣніе на сущность органической жизни, которое мы защищали въ упомянутомъ изслѣдованіи.

Еще бо́льшее значеніе получаетъ вопросъ о происхожденіи органическихъ существъ, какъ скоро мы вспомнимъ, что въ ряду этихъ существъ по своей физической природѣ находится и человѣкъ, всестороннее изученіе котораго составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ философскаго познанія и въ которомъ мы допустили бы замѣтный пробѣлъ, если бы оставили совершенно въ сторонѣ вопросъ объ его происхожденіи. Но изолировать вопросъ о происхожденіи органическаго царства, какъ справедливо замѣчаетъ Катрфажъ, невозможно. „Какова бы ни была причина или причины, которыя стояли во главѣ рожденія и развитія органическаго царства, къ нимъ должно восходить начало *всѣхъ* организованныхъ и живыхъ существъ, не исключая и человѣка. Сходство всѣхъ существенныхъ феноменовъ, которые они представляютъ, тожество общихъ законовъ, которые ими управляютъ, не дозволяютъ предполагать, чтобы для какого либо изъ органическихъ существъ могло быть сдѣлано исключеніе. Проблемма происхожденія человѣка становится такимъ образомъ проблеммою происхожденія всѣхъ родовъ животныхъ и растительныхъ“ *).

Но не на одномъ вопросѣ о происхожденіи человѣка, какъ существа органическаго, отражаются результаты той или другой теоріи общаго происхожденія органическаго царства. На основаніи тѣсной связи органической жизни съ психическою многіе философы и естествоиспытатели въ своихъ заключеніяхъ идутъ дальше, — тѣ законы, которые установлены ими для объясненія генезиса органическихъ явленій, стараются примѣнить и къ высшимъ, психическимъ явленіямъ и такимъ образомъ подчинить и духъ человѣка съ его многообразнымъ развитіемъ господству тѣхъ же неизмѣнныхъ законовъ, которые властвуютъ въ низшей, органической природѣ.

Но какъ скоро такое примѣненіе допущено, спеціальный, повидимому, вопросъ естествознанія неожиданно получаетъ особенное значеніе для философіи и религіи, такъ какъ изъ него послѣдовательно вытекаетъ рѣшеніе существенно важнаго для той и другой вопроса: есть ли человѣкъ по своей духовно-

*) Quatrefages, L'espéce humaine, 1878, p. 65.

органической природѣ существо исключительное въ ряду другихъ земныхъ существъ, имѣющее потому и особую цѣль своего бытія, или, несмотря на кажущееся превосходство надъ ними, онъ не болѣе, какъ животное, подчиненное тѣмъ же неизмѣннымъ законамъ, которымъ подчиненъ и остальной органическій міръ. Очевидно, такое или иное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ опредѣляющее вліяніе на все направленіе религіознаго и философскаго міросозерцанія, которое не замедлитъ отразиться и на практической жизни; ибо иначе будетъ жить и дѣйствовать человѣкъ, ведущій свою генеалогію отъ животныхъ, и иначе человѣкъ, сознающій себя по происхожденію *родомъ Божіимъ* *), созданнымъ особымъ актомъ не только божественнаго всемогущества, но и любви.

Предметомъ нашего изслѣдованія будетъ наиболѣе распространенная въ наше время теорія происхожденія органическихъ существъ, для которой пока не существуетъ въ наукѣ твердо установившагося названія, которую называютъ: теоріею трансформаціи (трансформизмомъ), эволюціи, Deszendenz-Sukzessions-Permutations, — теоріею, наконецъ, дарвинизмомъ, по имени главнаго ея обновителя и защитника въ наше время и которую можно назвать теоріею послѣдовательнаго превращенія организмовъ. Основная идея этой теоріи состоитъ въ томъ, что всѣ растительныя и животныя породы, не исключая и человѣка, произошли чрезъ естественное, постепенное преобразованіе низшихъ и болѣе простыхъ органическихъ формъ въ высшія и болѣе совершенныя.

Первые слѣды этой теоріи, какъ и всѣхъ почти естествознательныхъ теорій происхожденія міра и его существъ, можно найти въ глубочайшей древности, у Греческихъ философовъ Анаксимандра и Емпедокла **); но научную форму она полу-

*) Дѣян. 17, 29

**) По мнѣнію Анаксимандра, животныя не вдругъ появились на землѣ въ настоящемъ ихъ видѣ. Сначала они явились изъ влаги, согрѣтой солнцемъ, въ видѣ шарообразныхъ или пузырчатыхъ существъ, одѣтыхъ колючимъ покровомъ; достигши извѣстнаго возраста, они разорвали свою оболочку и вышли на сушу, гдѣ, однако же, жили не долго; требовалось дальнѣйшее развитіе земли, чтобы она могла произвести существа живыя, способныя къ про-

чила недавно, въ ученіи французскихъ натуралистовъ Ламарка и Этьена Жофруа-Сенъ-Илера, — преимущественно перваго. Теорія Дарвина составляетъ только дальнѣйшее развитіе и видоизмѣненіе ученіе Ламарка *).

Сущность теоріи Ламарка состоитъ въ томъ, что каждый родъ растеній и животныхъ произошелъ не иначе, какъ посредствомъ преобразованія ближайшаго къ нему низшаго и болѣе съ нимъ сходнаго рода. Отъ чего происходитъ такое преобразованіе? Причины его заключаются во вліяніи измѣняющихся внѣшнихъ условій жизни, климата, пищи, мѣстности; въ необходимости примѣняться къ этимъ новымъ условіямъ и, наконецъ, въ силѣ привычки, которая развиваетъ

долженію своего рода. Послѣднимъ изъ живыхъ существъ, явившихся на землѣ, былъ человѣкъ; но и онъ не вдругъ явился подъ настоящею, совершенною формою, но первоначально имѣлъ видъ рыбы, пока не сдѣлавшись, посредствомъ постепеннаго развитія, способнымъ къ самосохраненію, не былъ выброшенъ на землю. Empedoklъ различаетъ четыре стадіи въ развитіи органической природы: сначала, происхожденіе разрозненныхъ членовъ организма; затѣмъ, неправильное ихъ соединеніе, произведшее чудовищныя формы животныхъ; далѣе, соединеніе естественное для образованія постоянныхъ породъ и, наконецъ, настоящій способъ ихъ размноженія. Риттеръ, Исторія фил. 1, 245. 460.

*) Объ ученіи Ламарка и его послѣдователей см. у Бленвиля въ его Histoire d. sciences natur. Разборъ этого ученія, — у Жане въ его: Les causes finales. 1876. 372 et sq. Впрочемъ, еще около половины прошлаго столѣтія (1748) во Франціи явилось сочиненіе Демельс, въ которомъ проводилась мысль о преемственномъ развитіи болѣе совершенныхъ органическихъ породъ посредствомъ преобразованія органовъ и ихъ функцій у породъ низшихъ. Изъ травъ мало по малу возникаютъ кусты, изъ кустовъ деревья. Попытки рыбъ вспрыгивать надъ водою производятъ летучихъ рыбъ, изъ которыхъ потомъ образуются птицы, какъ скоро буря выкинетъ ихъ на прибрежные кусты или деревья. Разнообразные, яркіе цвѣта птицъ, напр. попугаевъ, указываютъ на происхожденіе ихъ отъ зеленыхъ, желтыхъ, красныхъ, голубыхъ летучихъ рыбъ. Знаменитый Бюффонъ, также, отчасти склоняется къ теоріи постепеннаго возникновенія органическихъ породъ, но только въ смыслѣ совершенно противоположномъ новѣйшимъ теоріямъ этого рода, потому что онъ производитъ многочисленность животныхъ видовъ отъ ихъ вырожденія изъ извѣстныхъ совершенныхъ основныхъ типовъ. Такими основными типами, число которыхъ немного развѣ превышаетъ количество двадцати, для него служатъ напр.: человѣкъ, медвѣдь, левъ, слонъ, кротъ и др.; отъ нихъ произошли остальные виды млекопитающихъ; отъ плавающаго полу-медвѣдя непосредственно происходитъ тюлень, а изъ него мало по малу образуется дельфинъ или китъ. Athenäum, 1862, 479.

и укрѣпляетъ вызванное нуждою измѣненіе органовъ. Измѣненіе среды, вызывая новыя потребности, преобразуетъ органы и мало по малу производитъ новыя породы органическихъ существъ. Представимъ, напр. птицу, которая имѣетъ только общіе признаки этой породы животныхъ, но не получила еще тѣхъ особенностей, которыя теперь раздѣляютъ этотъ классъ на различные роды и виды. Если эта перво-птица принуждена будетъ жить въ обильныхъ водою, болотистыхъ мѣстахъ и для отысканія пищи большею частію плавать или ходить по болоту, то усилія, какія она будетъ производить, чтобы какъ можно шире растопыривать свои пальцы для плаванья и для хожденія по топкимъ мѣстамъ, произведутъ, по прошествіи множества столѣтій, особенное устройство ногъ, заставятъ явиться перепонку между пальцами,— и вотъ образуется порода лапчатыхъ водяныхъ птицъ, гусей, утокъ и др. Усилія, которыя она будетъ употреблять, чтобы доставать изъ воды рыбу или вытаскивать изъ болота земноводныхъ, заставятъ ее безпрестанно вытягивать шею,—и вотъ явится длинная шея, составляющая особенность многихъ водяныхъ птицъ, напр. аиста, журавля, лебедя, гуся. Вязкая болотная почва, заставляя птицу дѣлать постоянныя усилія, чтобы вытягивать изъ нея ноги, мало по малу удлинитъ ихъ и образуетъ новую особенность нѣкоторыхъ болотныхъ птицъ, напр. аиста, журавля. Но та же самая первоптица, принужденная обстоятельствами жить въ мѣстахъ сухихъ, болѣе летать и питаться зернами, по истеченіи множества генерацій, получитъ особенное устройство ногъ и клюва, точно также, какъ вынужденная жить въ лѣсу, цѣпляться по вѣтвямъ, получитъ особенно цѣпкіе и тонкіе когти, отличающіе птицъ лѣсныхъ и т. под.

Такъ какъ данныя мѣстныя и климатическія условія измѣняются не вдругъ и не для всѣхъ индивидуумовъ одной и той же породы разомъ, но часть ихъ въ одномъ мѣстѣ подвергается измѣненію этихъ условій и вслѣдствіе этого пріобрѣтаетъ извѣстнаго рода привычки, а другая часть нѣтъ, то этимъ объясняется, почему не весь извѣстный родъ постепенно переходитъ въ другой, высшій, но только часть его, и почему мы имѣемъ передъ собою не одну какую либо породу растеній и животныхъ, но безчисленное множество родовъ, видовъ, разновидностей.

Съ ученіемъ Ламарка о происхожденіи существующихъ органическихъ породъ изъ немногихъ простыхъ первоорганизмовъ въ существенномъ былъ согласенъ и Жофруа-Сенъ-Илеръ, только причины преобразованія ихъ онъ объяснялъ нѣсколько иначе. Онъ искалъ ихъ преимущественно во вліяніи на организмъ тѣхъ перемѣнъ въ атмосферѣ, которыя совершались въ теченіе различныхъ геологическихъ эпохъ земнаго шара и которыя, оказывая существенное вліяніе на дыхательные аппараты животныхъ и на процессъ дыханія, производили въ связи съ нимъ перемѣны въ строеніи цѣлаго организма. Такъ, при измѣнившемся составѣ атмосферы, изъ пресмыкающагося животнаго могла произойти птица, вслѣдствіе усиленія дыханія, а отсюда измѣненія въ составѣ и строеніи легкихъ и усиленіе теплоты крови; накожные, бородавчатые наросты могли превратиться въ перья и такимъ образомъ отъ измѣненія въ составѣ воздуха изъ пресмыкающагося мало по малу могъ образоваться первоначальный типъ птицы.

Ученіе Ламарка и Жофруа-Сенъ-Илера возбудило въ свое время оживленные споры между французскими натуралистами, которые, однако же, въ то время окончились рѣшительнымъ повидимому пораженіемъ новой теоріи, главнымъ виновникомъ котораго былъ знаменитый авторитетъ естествознанія того времени, Кювье. Ламаркъ и Жофруа-Сенъ-Илеръ на основаніи аналогій въ строеніи организмовъ защищали единство плана животной организаціи, дѣйствительное родство организмовъ вслѣдствіе ихъ общаго происхожденія и измѣняемость породъ. Кювье, напротивъ, аналогію не хотѣлъ считать доказательствомъ дѣйствительнаго перехода однѣхъ породъ въ другія, отыскиваніе этихъ аналогій называлъ игрою въ метафоры, въ стараніи искать единство плана и происхожденія всѣхъ органическихъ существъ видѣлъ достойное сожалѣнія вліяніе нѣмецкаго пантеизма, на основаніи опыта и теоріи защищалъ самостоятельность и неизмѣнность породъ. Кювье допускалъ связанныя съ геологическими измѣненіями земной коры перемѣны органическихъ формъ на ней, но утверждалъ, что эти перемѣны совершались не путемъ, продолжительнаго видоизмѣненія прежнихъ организмовъ, но посредствомъ новаго каждый разъ творенія *).

*) I. B. Meyer, Philos. Zeitfragen, 1874, 42—43.

Ученіе Кювье о неизмѣнности существенныхъ признаковъ разъ созданныхъ породъ и о вновь повторяющихся каждый разъ творсніяхъ въ слѣдующія одна за другой геологическія эпохи нашло новое подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ Флуранса и, затѣмъ, Агасиза. Флурансъ обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на фактъ существующей неизмѣнности органическихъ родовъ и невозможности перехода ихъ изъ одного въ другой; рядомъ тщательныхъ наблюденій и опытовъ онъ доказалъ, что совокупленіе даже ближайшихъ между собою породъ растеній и животныхъ не можетъ произвести новой устойчивой породы, но что потомство ихъ, не болѣе какъ на четвертой генераціи, или прекращается или возвращается къ первоначальному типу, такъ что на основаніи опыта можно допустить только очень ограниченныя видоизмѣненія нѣкоторыхъ случайныхъ признаковъ, но никакъ не измѣнчивость породъ и переходъ ихъ изъ одной въ другую. Ученіе о новомъ твореніи въ каждую геологическую эпоху съ особенною силою защищалъ Агасизъ; по его мнѣнію, геологическіе періоды рѣзко и вполнѣ отдѣлены одинъ отъ другаго, и каждый изъ нихъ представляетъ совершенно вновь созданный міръ организмовъ, неимѣющій никакой генетической связи съ предъидущимъ.

Подъ сильнымъ вліяніемъ ударовъ, нанесенныхъ теоріи преобразованія организмовъ Кювье и другими знаменитыми натуралистами того времени, эта теорія была скоро всѣми оставлена и почти забыта. Напротивъ, почти до самыхъ новыхъ временъ, почиталась чуть не аксіомою науки мысль о рѣшительной неизмѣнности и безусловномъ постоянствѣ породъ растеній и животныхъ. Эта мысль была доведена до крайности. Исходя изъ принципа родовой неизмѣнности, не хотѣли допускать возможности образованія, вслѣдствіе внѣшнихъ и другихъ явленій, даже несущественныхъ разновидностей и неважныхъ особенностей въ предѣлахъ одного и того же рода. Такъ, напр., извѣстно, что большая часть натуралистовъ этого времени были рѣшительными противниками мысли о единствѣ человѣческаго рода и о происхожденіи расовыхъ отличій въ немъ отъ дѣйствія климата, пищи и образа жизни. Признавали, что даже такія незначительныя отличія, какъ нѣкоторая разность въ строеніи черепа, въ цвѣтѣ кожи, въ свойствѣ

волосъ, не могли образоваться вслѣдствіе видоизмѣненія одного первоначальнаго типа, но считали ихъ неизмѣнными особенностями первоначально и искони существовавшихъ расъ или породъ человѣка. Что касается до вопроса о первоначальномъ происхожденіи неизмѣняемыхъ породъ растеній и животныхъ, то, тогда какъ одни изъ натуралистовъ прибѣгали къ понятію непосредственнаго творенія ихъ Богомъ, другіе, съ матеріалистическимъ направленіемъ, необходимо должны были склоняться къ теоріи самопроизвольнаго зарожденія (generatio aequivoca) или возникновенія ихъ непосредственно изъ неорганическихъ элементовъ, несмотря на всю затруднительность примѣнить эту теорію къ объясненію происхожденія высшихъ и болѣе сложныхъ организмовъ.

Но, мало по малу, столь прочно, повидимому, установившаяся теорія неизмѣнности породъ стала колебаться. Прежде всего, новѣйшія геологическія и палеонтологическія изслѣдованія показали несостоятельность той мысли, будто геологическія эпохи строго разъединены между собою и что, поэтому, каждая новая эпоха, не имѣя никакой связи съ предъидущею, предполагаетъ для объясненія возникновенія на ней органической жизни каждый разъ или новое твореніе или новое самопроизвольное зарожденіе. Изслѣдованія геологовъ, особенно Ляйэля, устранили прежнее мнѣніе о внезапныхъ катастрофахъ и всеобщихъ видоизмѣненіяхъ поверхности земнаго шара. Ляйэль доказалъ, что такого рода катастрофы могли быть только мѣстными и случайными, но что вообще измѣненія земной коры происходили послѣдовательно и чрезвычайно медленно и что большіе геологическіе періоды незамѣтно переходили одинъ въ другой. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ и палеонтологія показала, что флора и фауна земнаго шара измѣнялись постепенно, что онѣ не представляли рѣзкихъ особенностей для каждаго геологическаго періода, что нѣкоторыя породы принадлежали многимъ геологическимъ періодамъ, тогда какъ другія встрѣчались только въ одномъ какомъ либо изъ нихъ и изчезали въ другомъ.

Конечно, эти геологическія изслѣдованія непосредственно и сами по себѣ еще нисколько не опровергали теоріи неизмѣняемости породъ и не рѣшали вопроса о способѣ ихъ происхожденія, но, тѣмъ не менѣе, они невольно наводили на мысль

о возможности такого же медленнаго, естественнаго и послѣдовательнаго видоизмѣненія органическихъ формъ, какое признавалось геологами для неорганической массы нашей планеты. Впервые эта мысль нашла себѣ научное выраженіе въ анонимномъ сочиненіи, появившемся въ Англіи въ 1844 г. подъ заглавіемъ: „Слѣды естественной исторіи творенія“, которое, благодаря переводу его на нѣмецкій языкъ К. Фохтомъ (1851), пріобрѣло громкую извѣстность *). По мнѣнію автора этого сочиненія, первоначальные и простѣйшіе организмы могли явиться путемъ произвольнаго зарожденія. Отъ нихъ, въ теченіи сотней тысячъ и милліоновъ лѣтъ, возникли путемъ разнообразнѣйшихъ измѣненій болѣе совершенные организмы. Большое сходство между ячейками растеній и животныхъ, а также сходство зародышей и яицъ у животныхъ въ первое время ихъ развитія, указываетъ и теперь на родство всѣхъ организмовъ по происхожденію. Превращенія многихъ низшихъ животныхъ, метаморфозы насѣкомыхъ (напр. бабочекъ), лягушекъ и другихъ земноводныхъ и теперь представляютъ аналогію возможности преобразованія породъ. Въ пользу этой возможности говоритъ также существованіе переходныхъ формъ между различными породами организмовъ какъ въ настоящемъ строѣ органическаго царства, такъ и между ископаемыми организмами. Въ частности, возможными переходными ступенями отъ низшихъ животныхъ къ человѣку авторъ упомянутаго сочиненія считаетъ дельфина, тихохода, летучую мышь, обезьяну и лягушку. Болѣе вѣроятнымъ онъ полагаетъ, что человѣкъ произошелъ путемъ постепеннаго преобразованія большаго животнаго въ родѣ лягушки,—преобразованія, при которомъ происходило облагороженіе и одухотвореніе; но отъ этой большой лягушки теперь не осталось никакихъ слѣдовъ. Впрочемъ, несмотря на это ученіе, неизвѣстный авторъ думаетъ держаться теистической точки зрѣнія и представляетъ весь этотъ процессъ развитія совершавшимся по божественному устроенію.

Но истиннымъ основателемъ современной теоріи трансформаціи организмовъ конечно долженъ быть признанъ Дарвинъ,

*) Vestiges of natural history of creation. Съ нѣмецкаго языка это сочиненіе переведено на русскій и дополнено примѣчаніями Пальховскимъ подъ заглавіемъ „Естественная исторія мірозданія“ М. 1863. Думаютъ, что авторъ ея есть извѣстный натуралистъ нашего времени Геккель.

по имени котораго она часто носитъ названіе дарвинизма. При существующихъ на русскомъ языкѣ переводахъ вяжнѣйшихъ сочиненій Дарвина, мы имѣемъ право предположить нѣкоторую общеизвѣстность ея и потому ограничимся здѣсь самымъ сжатымъ ея очеркомъ. Всѣ породы какъ животныхъ, такъ и растеній, по ученію Дарвина, происходятъ отъ четырехъ или пяти первобытныхъ родовъ; впрочемъ, ему кажется вѣроятнымъ, что можно сдѣлать шагъ еще дальше и допустить, что всѣ органическія существа произошли отъ одной какой либо первой формы, въ которую Творецъ первоначально вдохнулъ жизнь. Но это послѣднее предположеніе онъ не считаетъ особенно важнымъ для своей теоріи; его можно принять и нѣтъ *). На вопросъ: какимъ образомъ изъ столь немногихъ простыхъ формъ могло произойти безчисленное разнообразіе существующихъ и погибшихъ видовъ растеній и животныхъ, общій отвѣтъ даетъ уже самое заглавіе сочиненія Дарвина **). Это разнообразіе произошло путемъ такъ называемаго имъ естественнаго подбора или сохраненія усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Что нужно разумѣть теперь подъ именемъ этого *естественнаго подбора* или точнѣе: отбора (selection)? Терминъ: естественный подборъ, прежде всего напоминаетъ подборъ искусственный и объясняется аналогіею съ послѣднимъ. Человѣкъ, при культурѣ домашнихъ животныхъ и обработываемыхъ имъ растеній, искуснымъ подборомъ производителей и изолированіемъ нужныхъ ему экземпляровъ растеній и животныхъ отъ смѣшенія съ другими, какъ показываетъ опытъ, можетъ удачно производить полезныя ему разновидности, которыя потомъ упрочиваются и образуютъ новыя породы растеній и животныхъ. Такимъ способомъ онъ образовалъ различные виды огородныхъ и цвѣточныхъ растеній и плодовыхъ деревьевъ, рѣзко отличающихся по свойствамъ корней, цвѣтовъ, плодовъ отъ однородныхъ растеній, встрѣчающихся въ дикомъ состояніи; точно также съ помощію искусственнаго подбора произошли многія полезныя для чело-

*) Дарвинъ, О происхожденіи видовъ. Перев. Рачинскаго. 1864. 382.

**) Полное заглавіе сочиненія Дарвина „—О происхожденіи видовъ въ царствѣ растительномъ и животномъ путемъ естественнаго подбора родичей или осохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе“.

вѣка породы собакъ, овецъ, лошадей, голубей и пр. Но то, что дѣлаетъ человѣкъ при помощи искусства въ сравнительно небольшое время, дѣлаетъ и природа путемъ постепеннаго, продолжительнаго преобразованія существующихъ родовъ и видовъ растеній и животныхъ. Различіе здѣсь только въ томъ, что человѣкъ путемъ искусственнаго подбора вызываетъ и упрочиваетъ тѣ измѣненія, которыя полезны для него, а природа вызываетъ и сохраняетъ тѣ особенности, которыя полезны для самихъ органическихъ существъ, для сохраненія и продолженія ихъ существованія среди другихъ существъ, *въ борьбѣ* съ ними *за* это *существованіе*. Этимъ и отличается естественной подборъ отъ искусственнаго. У всякаго органическаго существа есть способность и стремленіе къ неизмѣримому, безграничному развитію разновидностей и къ распространенію въ природѣ. Каждое растеніе, каждое животное, если бы не полагали предѣловъ его размноженію другія растенія и животныя, размножилось бы до невѣроятности и вытѣснило бы всѣ другія растенія и другихъ животныхъ. Отсюда вытекаетъ естественное явленіе, что, при множествѣ стремящихся размножиться организмовъ, не только различныя особи, но и различныя породы должны вступить между собою въ борьбу или состязаніе изъ за условій сохраненія и возрастанія, въ чемъ и состоитъ главнымъ образомъ борьба за существованіе. Въ этой борьбѣ одолѣютъ тѣ особи или виды, которые окажутся организованными болѣе выгоднымъ образомъ, чтобы воспользоваться данными отношеніями природы или приспособиться къ нимъ; тѣ же организмы, которые устроены менѣе выгодно, будутъ подавляться или совсѣмъ изчезать, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ областяхъ природы, гдѣ отношенія для нихъ неблагопріятны и гдѣ они потому не въ силахъ выдерживать состязаніе съ другими организмами.

Отъ чего же теперь происходитъ то явленіе, что одни организмы, однѣ породы оказываются сильнѣйшими, а другія слабѣйшими или, что тоже, менѣе приспособленными къ борьбѣ за существованіе?

По мнѣнію Дарвина, въ силу стремленія каждаго органическаго существа къ произведенію разновидностей, первоначально возникаютъ случайно нѣкоторыя, очень незначительныя, но полезныя для нихъ видоизмѣненія въ нѣкоторыхъ

экземплярахъ даннаго рода растеній или животныхъ. Эти небольшія полезныя измѣненія служатъ къ тому, что обладающіе ими организмы сохраняются и развиваются преимущественно предъ тѣми, у которыхъ ихъ нѣтъ, такъ что первые получаютъ перевѣсъ и мало по малу вытѣсняютъ или совершенно поглощаютъ прочіе въ борьбѣ за существованіе, то есть, за условія и средства къ сохраненію и продолженію бытія въ природѣ. Эти полезныя измѣненія, дающія извѣстнымъ особямъ преимущество предъ другими въ сохраненіи и распространеніи, передаются путемъ наслѣдственности къ дальнѣйшимъ потомкамъ, постепенно накопляются болѣе и болѣе и послѣ долгаго времени упрочиваются дальнѣйшими поколѣніями, образуя изъ нихъ постоянныя, опредѣленныя породы органическихъ существъ.

Но, кромѣ сохраненія и упроченія *полезныхъ* для организма измѣненій, дающихъ ему устойчивость въ борьбѣ за существованіе, возникаютъ, сохраняются и за тѣмъ передаются по наслѣдству и нѣкоторыя другія особенности, которыхъ нельзя назвать въ точномъ смыслѣ полезными и которыхъ происхожденіе Дарвинъ объясняетъ инымъ путемъ. Именно сохраняются такія особенности, которыя, хотя и безполезны при борьбѣ за существованіе, но почему либо имѣютъ значеніе для животнаго, напр. какъ нравящееся имъ украшеніе. Для объясненія происхожденія такого рода особенностей, какъ напр. пѣніе, разноцвѣтныя, красивыя перья у птицъ, у Дарвина служитъ такъ называемый *половой подборъ*, по которому болѣе красивые или сильные самцы имѣютъ болѣе шансовъ оставить потомство и упрочить тѣмъ извѣстныя особенности, чѣмъ лишенные этихъ качествъ.

Представимъ теперь нѣкоторые примѣры для объясненія теоріи Дарвина. Насѣкомыя, питающіяся листьями, большею частію имѣютъ зеленый цвѣтъ, а питающіяся корою окрашены въ сѣрый или коричневый. Такая окраска произошла именно вслѣдствіе естественнаго подбора; такіе именно цвѣта полезны для этихъ насѣкомыхъ, потому что менѣе отличаютъ ихъ отъ тѣхъ частей растеній, на которыхъ они живутъ, отъ чего они становятся лучше защищенными отъ своихъ враговъ, чѣмъ если бы были окрашены другими цвѣтами. Отсюда, мало по малу, насѣкомыя, хотя той же породы, но иныхъ цвѣтовъ,

были истреблены какъ болѣе замѣтныя для своихъ враговъ, а помянутыя зеленыя, сѣрыя и коричневыя остались цѣлы, вслѣдствіе приспособленности ихъ цвѣта, а за тѣмъ ихъ цвѣтъ упрочился наслѣдственно. Подобнымъ образомъ произошли особенности и другихъ видовъ животныхъ. Если горная куропатка зимою бѣла, красная куропатка имѣетъ цвѣтъ вереска, а косачъ—цвѣтъ торфяной земли, то мы имѣемъ основаніе думать, что эта окраска полезна названнымъ птицамъ, какъ защита отъ опасности; всѣ виды этихъ птицъ, окрашенные иначе, погибли, какъ болѣе замѣтные для своихъ враговъ, а путемъ естественнаго подбора сохранился именно тотъ цвѣтъ, который теперь свойственъ этимъ птицамъ. Хищные звѣри точно также измѣняютъ свои особенности сообразно съ величиною и силою тѣхъ слабѣйшихъ животныхъ, которыя должны служить имъ добычею. Особенности инстинктовъ объясняются тѣмъ же путемъ. Нѣкоторымъ пчеламъ случилось разъ построить свои соты изъ шестистороннихъ, соприкасающихся между собою, ячеекъ; они замѣтили выгоду сбереженія воска при такомъ именно устройствѣ ячеекъ и стали, по крайней мѣрѣ, часть пчелъ, всегда строить такъ. Затѣмъ, сообразно съ закономъ естественнаго подбора, побѣдительницами въ борьбѣ за существованіе остались тѣ именно пчелы, которыя строили свои соты такимъ наивыгоднѣйшимъ способомъ. Кукушка какъ нибудь случайно положила свое яйцо въ чужое гнѣздо; она замѣтила выгоду для себя, которая отъ этого произошла; стала дѣлать это часто или постоянно; пріобрѣтенная привычка передалась по наслѣдству, упрочилась и составила извѣстную особенность кукушки; остальныя кукушки, не успѣвшія пріобрѣсти этой особенности, мало по малу вымерли.

Подобнымъ путемъ сначала случайнаго возникновенія, а потомъ удержанія и передачи по наслѣдству полезныхъ для жизни организма, въ его борьбѣ за существованіе, особенностей, изъ немногихъ простыхъ первичныхъ формъ, по мнѣнію Дарвина, возникло все разнообразіе столь различныхъ нынѣ растеній и животныхъ, въ теченіе неизмѣримо долгихъ періодовъ времени. Въ этомъ отношеніи, растительное и животное царство и его живущіе еще или уже погибшіе виды Дарвинъ сравниваетъ съ деревомъ, которое, имѣя корни въ древ-

нѣйшемъ геологическомъ пластѣ, пробивается съ своими сучьями и вѣтвями чрезъ всѣ послѣдующіе пласты и безчисленными вѣтвями разстилается по нынѣшней поверхности земли, хотя многіе сучья и вѣтви уже вымерли въ теченіе болѣе раннихъ эпохъ природы, также точно какъ засыхаютъ многія вѣтки на деревѣ *).

Появленіе сочиненія Дарвина о происхожденіи видовъ произвело громадное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ, которое отразилось сильнымъ и до нашего времени продолжающимся вліяніемъ не только въ области естествознанія (гдѣ образовалась многочисленная школа дарвинистовъ), но, что всего замѣчательнѣе, въ различныхъ, повидимому, довольно далекихъ отъ естествознанія научныхъ сферахъ. Теорію Дарвина усердные его почитатели стали примѣнять не только къ астрономіи, геологіи, но и къ исторіи, къ политикѣ, къ объясненію соціальныхъ и нравственныхъ явленій, даже къ филологіи. Введенные имъ въ свою теорію новые научные термины, напр. „борьба за существованіе“, изъ области науки перешли даже въ обыденное словоупотребленіе. Правда, когда прошелъ первый пылъ увлеченія этою теоріею, многіе естествоиспытатели мало по малу начали открывать и слабыя стороны ея, указывая на противорѣчіе ея фактамъ во многихъ существенныхъ пунктахъ. Подъ вліяніемъ критики она начала испытывать различныя частныя видоизмѣненія. Но, несмотря на это, основная идея дарвинизма,—происхожденіе органическихъ существъ, путемъ преобразованія низшихъ формъ въ высшія, остается и до настоящаго времени наиболѣе распространенною въ естествознаніи идеею при объясненіи развитія органической жизни на земномъ шарѣ. Эту идею, не будучи строгими дарвинистами, раздѣляютъ многіе выдающіеся натуралисты нашего времени, напр. Уоллесъ, Келликеръ, Геккель, Гексли, Фохтъ и др. **). Что касается до частнѣйшаго раскрытія этой идеи, то, по словамъ Катрфажа, ихъ можно раздѣлить на двѣ главныя группы, такъ какъ одни признаютъ трансформацію внезапную (transformation brusque), другіе медленную (tr. lente). Первые допускаютъ, что новые органическіе типы могутъ

*) О происх. видовъ, пер. Рачинскаго. 107, 108.

**) Они перечислены у Катрфажа, въ его: L'espèce humaine, 1878. 66.

происходить непосредственно отъ существъ различныхъ, отъ иной породы животныхъ; по ихъ мнѣнію, первая напр. птица могла произойти изъ яйца, снесеннаго пресмыкающимся; вторые, согласно съ Дарвиномъ, признаютъ, что модификаціи организмовъ всегда должны быть очень медленными и что между одною породою и другою существовало множество посредствующихъ типовъ, соединяющихъ ихъ; породы образовались съ крайнею медленностію и постепенностію прогрессивнымъ дифференцированіемъ существъ *).

Такое положеніе теоріи трансформаціи въ настоящее время освобождаетъ насъ отъ обязанности строго держаться въ нашемъ изслѣдованіи теоріи именно Дарвина и того порядка, въ какомъ изложены доказательства въ пользу этой теоріи въ его сочиненіи. Наша цѣль, — не всестороннее обсужденіе гипотезы Дарвина съ естествознательной точки зрѣнія. Это дѣло спеціалистовъ естествовѣдѣнія, и въ виду богатой литературы, созданной по вопросу о дарвинизмѣ, намъ едва-ли удалось-бы сказать здѣсь что-либо новое. Мы ограничимся здѣсь оцѣнкою наиболѣе важныхъ и имѣющихъ наиболѣе философское значеніе основаній, которыя могутъ быть представлены въ пользу теоріи трансформаціи и указаніемъ только на тѣ недостатки теоріи собственно Дарвина, которые безспорно и согласно отмѣчены въ ней естествоиспытателями не только прямо враждебными ей, но и болѣе или менѣе раздѣляющими основную ея идею. Безпристрастная оцѣнка теоріи трансформаціи самой по себѣ облегчитъ для насъ и дальнѣйшее обсужденіе тѣхъ выводовъ и примѣненій, которые могутъ быть сдѣланы изъ нея въ пользу того или другаго философскаго міросозерцанія и которые собственно и даютъ ей право на вниманіе философіи.

Какъ въ теоріи Дарвина, такъ и въ другихъ однородныхъ съ нею мы должны, прежде всего, отличить прямыя, строго фактическія основанія, которыя могутъ быть представлены въ пользу измѣненія породъ, отъ дальнѣйшихъ спеціальныхъ объясненій способовъ и причинъ этого измѣненія. Очевидно, напр., что у Дарвина такъ называемая борьба за существованіе, естественный и половой подборъ относятся къ объясненію причинъ измѣненія породъ и могутъ имѣть полное зна-

*) Quatrefages, ibid. p. 66. 67.

ченіе только при *предположеніи*, что породы измѣняются. Чтобы эти объясненія имѣли строго научную цѣнность, нужно допустить, что самый фактъ измѣнчивости уже доказанъ предварительно, на основаніи какихъ-либо эмпирическихъ данныхъ. Въ противномъ случаѣ, они могутъ имѣть значеніе только гипотетическое; они представятъ намъ объясненіе *возможности* измѣненія породъ, но измѣняются-ли они *дѣйствительно* или нѣтъ, на этотъ вопросъ мы должны ждать отвѣта, конечно, не отъ этихъ только объясненій, потому что иначе мы должны бы не логически заключать отъ возможнаго къ дѣйствительному. Поэтому, прежде чѣмъ мы остановимся на менѣе существенномъ для нашей цѣли, на оцѣнкѣ гипотетическихъ объясненій, *какъ* совершалась трансформація породъ, мы обратимъ вниманіе на главное, на то, есть-ли твердыя основанія къ признанію самого факта этой трансформаціи.

I. Для рѣшенія этого вопроса существуютъ только два пути: или запросъ прошедшаго,—историческій путь, или запросъ настоящаго,—наблюдательныя, экспериментальныя изслѣдованія. Тотъ и другой путь былъ одинаково избираемъ учеными.

а) Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что какъ на возникновеніе, такъ и на дальнѣйшее развитіе теоріи трансформаціи имѣло и имѣетъ существенное вліяніе общее впечатлѣніе той стройной послѣдовательности, какую представляетъ намъ природа въ общемъ строѣ органическаго царства. Дѣйствительно, въ этомъ царствѣ мы видимъ правильную лѣстницу восхожденія отъ самыхъ низшихъ и простыхъ органическихъ формъ до самыхъ высшихъ и сложныхъ, видимъ живую систему, въ которой каждый членъ занимаетъ свое опредѣленное мѣсто и тѣсно связанъ съ другими членами. Не только каждый родъ животныхъ или растеній тѣсно связанъ переходными видами и разновидностями съ высшими и низшими породами, но и цѣлыя царства природы не отдѣляются между собою столь рѣзкими границами, какъ бы можно предположить на первый взглядъ. Найдены звѣнья, соединяющія ихъ, переходные роды и виды существъ, связывающіе ихъ такъ незамѣтно, что мы уже не можемъ сказать, гдѣ опредѣленная граница одного класса и царства отъ другаго. Ближайшія наблюденія надъ зоофитами, лучистыми животными и инфузоріями, съ одной стороны, и

подобныя самопроизвольнымъ движенія различныхъ частей растеній, съ другой, дѣлаютъ незамѣтнымъ переходъ царства животнаго въ растительное, а самыя низшія формы какъ животной, такъ и растительной жизни сглаживаютъ переходъ отъ царства органическаго къ неорганическому. Итакъ, если въ настоящее время природа представляетъ стройную систему постепеннаго восхожденія отъ низшихъ организмовъ къ высшимъ, то не наводитъ-ли это на мысль, что эта система есть не что иное, какъ отображеніе нѣкогда совершавшагося процесса природы въ произведеніи ею существъ органическихъ? Замѣчаемыя нынѣ ступени совершенства растительныхъ и животныхъ формъ не суть-ли ступени дѣйствительнаго развитія органической жизни на землѣ? А тѣсная связь между различными родами и видами существъ не ведетъ ли къ мысли о постепенномъ преобразованіи однѣхъ органическихъ формъ въ другія? Такая мысль, повидимому, подтверждается и дѣйствительною исторіею органической жизни на земномъ шарѣ. Извѣстно, что въ самыхъ древнихъ слояхъ находятся ископаемые остатки только самыхъ простыхъ и низшихъ формъ животныхъ и растеній. Восходя дальше и дальше по геологическимъ наслоеніямъ, мы встрѣчаемъ останки рыбъ, амфибій, млекопитающихъ животныхъ въ довольно строгой послѣдовательности, и въ самыхъ только новыхъ слояхъ останки человѣка.

Вотъ общее, столько же естествознательное, сколько и философское основаніе теоріи трансформаціи *). Въ какой мѣрѣ прочно это основаніе, сейчасъ увидимъ. Но предварительно не можемъ не усомниться въ самой пригодности этого основанія (даже при предположеніи его фактической вѣрности) для разсматриваемой нами теоріи. Наше сомнѣніе прежде всего касается самаго права логически выводить какое-либо заключеніе относительно способа происхожденія

*) Еще задолго до Дарвина этотъ общій взглядъ на соотношеніе и послѣдовательность развитія органическихъ формъ привелъ Гердера къ воззрѣнію, поразительно напоминающему теорію Дарвина; въ этомъ воззрѣніи нашла себѣ мѣсто и та „борьба за существованіе“, которая играетъ столь важную роль въ ученіи Дарвина. Поэтому Фрогшаммеръ не безъ основанія почитаетъ Гердера первымъ основателемъ теоріи трансформаціи См. его Religionsphilosophie. 1878. 477. 478.

органическихъ существъ изъ факта послѣдовательности появленія ихъ на земномъ шарѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что строго логически слѣдуетъ изъ этого факта? Слѣдуетъ ни больше ни меньше какъ только то, что говорятъ факты,—именно, что появленіе органическихъ формъ шло прогрессивно, что въ началѣ, сообразно физическимъ условіямъ нашей планеты, существовали только простѣйшіе организмы, напр. мхи, поросты, моллюски, земноводныя низшихъ породъ; затѣмъ постепенно, по мѣрѣ измѣненія этихъ условій, смѣнялись и роды растеній и животныхъ, пока органическое царство не получило того вида, который теперь имѣетъ. Но *какъ* происходили эти смѣны растеній и животныхъ, *отъ чего* возникали новыя породы, этого ни геологія, ни палеонтологія намъ не говорятъ. Думать, что эта смѣна происходила именно путемъ превращенія однихъ организмовъ въ другіе, значитъ уже привносить въ объясненіе фактовъ произвольную гипотезу, на которую факты сами по себѣ не даютъ еще никакого права. Постепенность появленія и происхожденія организмовъ не есть еще превращеніе ихъ одного въ другой. Можно пожалуй сказать, что дворецъ произошелъ изъ дома, домъ изъ хижины, хижина изъ шалаша, въ томъ смыслѣ, что дворцу предшествовали въ исторіи культуры простые дома, хижины, шалаши; но значитъ ли это, что хижина *сама собою* превратилась въ домъ, а этотъ послѣдній въ дворецъ? Предположеніе о самопреобразованіи организмовъ не только не вызывается необходимостью объяснить послѣдовательность въ появленіи органическихъ формъ на землѣ, но, напротивъ, эта послѣдовательность съ не меньшимъ правомъ можетъ быть объясняема и другими предположеніями. Такъ мы можемъ объяснить ее тѣмъ, что, сообразно съ различными, измѣняющимися физическими условіями земнаго шара, были творческою силою постепенно вызываемы къ жизни различныя породы растеній и животныхъ, соотвѣтствующихъ своимъ строеніемъ той средѣ, въ которой въ данную эпоху міра имъ суждено было жить. Теорія самопроизвольнаго зарожденія, съ своей стороны, можетъ объяснять эту послѣдовательность тѣмъ, что измѣненіе химическихъ и физическихъ условій нашей планеты само собою вызывало спорадическое возникновеніе новыхъ организмовъ на землѣ. Какое изъ этихъ двухъ

воззрѣній болѣе удовлетворительно, это вопросъ для насъ теперь сторонній. Дѣло въ томъ, что оба они съ различныхъ точекъ зрѣнія объясняютъ послѣдовательность органической жизни на землѣ, оставляя неприкосновеннымъ самый фактъ ея, и никакихъ преимущественныхъ основаній въ этомъ фактѣ именно въ пользу теоріи трансформаціи нѣтъ. И это вполнѣ естественно; исторія міра, сама по себѣ, представляетъ только простую преемственность фактовъ, но не говоритъ о причинахъ, обусловливавшихъ эту преемственность.

Но этого мало. Если мы отъ логической силы доказательства въ пользу теоріи трансформаціи обратимся къ самому факту, служащему содержаніемъ этого доказательства,—именно къ факту послѣдовательности появленія органическихъ существъ на землѣ, то увидимъ, что онъ далеко не имѣетъ такого безусловнаго и всеобщаго значенія, какое ему приписываютъ. Въ исторіи міра, напротивъ, мы найдемъ такія данныя, которыя идутъ въ разрѣзъ съ разсматриваемою нами теоріею и представляютъ сильныя, до сихъ поръ неустраненныя ея защитниками, возраженія противъ нея.

Прежде всего, для состоятельности этой теоріи, постепенность въ исторіи органическаго міра нужно представлять себѣ такимъ образомъ, что въ началѣ существовали только самые простые организмы, стоящіе на рубежѣ между органическою и неорганическою природою, напр. простѣйшія водоросли, инфузоріи; за тѣмъ, первыя преобразовались напр. во мхи, послѣднія въ зоофитовъ или моллюсковъ; мхи, затѣмъ, въ высшія растенія, зоофиты и моллюски въ рыбъ и земноводныхъ, послѣднія—въ птицъ и, затѣмъ, въ млекопитающихъ животныхъ. Но, вопреки такому предположенію, палеонтологія уже въ древнѣйшихъ геологическихъ пластахъ, гдѣ впервые встрѣчается органическая жизнь, находитъ одновременное и параллельное существованіе не только главныхъ отдѣловъ животнаго царства, но и разныхъ видовъ въ каждомъ изъ нихъ *). Этотъ фактъ

*) Научныя изслѣдованія несомнѣнно доказали, что никогда изъ лучистаго животнаго не развивалось мягкотѣлое или изъ членистаго позвоночное. Уже въ самомъ первомъ большомъ періодѣ органическаго творенія, въ такъ называемомъ палезоическомъ періодѣ, когда еще не было никакой обитаемой земли и вся жизнь была сокрыта въ текучемъ элементѣ, мы находимъ зало-

до такой степени затрудняетъ защитниковъ разсматриваемой нами теоріи, что многіе изъ нихъ, не исключая и Дарвина, готовы отказаться отъ послѣдовательнаго проведенія ея и согласны допустить, что первоначально существовала не простѣйшая какая либо органическая форма, годная для превращенія во всѣ возможные роды растеній и животныхъ, но прототипы цѣлыхъ большихъ классовъ ихъ, напр. рыбъ, земноводныхъ, зоофитовъ и пр. Такихъ прототиповъ Дарвинъ, какъ мы видѣли, соглашается допустить пять или шесть, хотя и не отказывается отъ предположенія возможности когда нибудь найти и одну первообразную органическую форму. Но какъ скоро допущены такіе прототипы, а не допустить ихъ значитъ прямо противорѣчить палеонтологическимъ даннымъ, то наша гипотеза уже не можетъ быть строго выдержана и должна вступить въ компромиссъ съ другими теоріями. Неизбѣжно возникаетъ вопросъ: откуда же взялись эти прототипы рыбы, птицы, насѣкомыхъ и пр., которые существовали уже въ глубочайшей древности и за которыми палеонтологія не представляетъ уже никакихъ болѣе простыхъ формъ? Нужно признать или первоначальное твореніе ихъ Богомъ (къ чему какъ будто и склоняется Дарвинъ) или прибѣгнуть къ теоріи самопроизвольнаго зарожденія со всѣми ея неразрѣшимыми затрудненіями; потому что объяснить происхожденіе прямо изъ неорганическихъ элементовъ перворыбы, первоптицы и пр. едва ли болѣе легко, чѣмъ подобное же происхожденіе нынѣ существующихъ органическихъ формъ. Не говоримъ о томъ, что мысль объ органическихъ прототипахъ есть чистая гипотеза,

---

женнымъ очеркъ всего животнаго царства, такъ какъ уже тогда мы встрѣчаемъ и лучистыхъ, и членистыхъ, и мягкотѣлыхъ, и позвоночныхъ животныхъ, представителями которыхъ въ то время служатъ рыбы (Snell, Die Schöpfung d. Menschen. 1863. 44). Точно также думаетъ и Бурмейстеръ, отрицающій мысль о твореніи; и онъ допускаетъ одновременное существованіе многихъ основныхъ органическихъ типовъ, вдругъ возникавшихъ въ различные геологическіе періоды (Gesch. d. Schöpfung. 431). Самъ Фохтъ, вообще сочувствующій теоріи Дарвина и находящій, что „его взгляды ближе подходятъ къ истинѣ, чѣмъ какіе либо другіе“, въ виду указаннаго факта принужденъ сознаться, что „онъ объявляетъ себя его послѣдователемъ, но только по отношенію къ происхожденію ближе между собою сродныхъ типовъ (K. Vogt. Vorles. üb. d. Menschen, Vorl. 1. 14). См. также: Buckland, Geologie et Miner. tr. p. Doyer. T. 1. 33. 100. 256.

нисколько не оправдываемая фактами. Палеонтологія въ самыхъ древнихъ пластахъ открываетъ опредѣленныя, специфическія породы организмовъ, съ индивидуальными и видовыми признаками, но не открыла еще ни одного такого неопредѣленнаго вида, который могъ бы быть названъ перворыбою, первоптицею, въ томъ смыслѣ, чтобы онъ представлялъ только хаотическое, зачаточное состояніе тѣхъ органическихъ особенностей, которыя потомъ преобразовались или развились въ отличительные признаки, характеризующіе различные виды упомянутыхъ животныхъ *).

Далѣе, когда въ пользу теоріи трансформаціи ссылаются на фактъ послѣдовательности въ появленіи органическихъ существъ на земномъ шарѣ, то необходимо предполагаютъ, что эта послѣдовательность представляетъ собою строго правильное восхожденіе отъ болѣе простыхъ органическихъ формъ къ болѣе сложнымъ и совершеннымъ. Безъ этого предположенія рушится вся теорія трансформаціи, потому что болѣе сложное и совершенное, очевидно, можетъ развиться только изъ менѣе сложнаго и совершеннаго. Но противъ вѣрности мысли о большей и большей простотѣ организмовъ, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ настоящихъ органическихъ формъ въ глубь вѣковъ, существуютъ очень сильныя возраженія.

Прежде всего, за существующими нынѣ органическими типами природа представляетъ намъ въ ископаемыхъ останкахъ цѣлые ряды такъ называемыхъ палеонтологическихъ растеній и животныхъ, съ странными и причудливыми формами, рѣзко уклоняющимися отъ современныхъ типовъ. Но, не смотря на

*) Въ виду несомнѣннаго факта разнообразія древнѣйшихъ растительныхъ и животныхъ формъ, нѣкоторые натуралисты допускаютъ, что первое появленіе жизни на землѣ, какъ бы его ни объясняли, могло обнаружиться точно также тысячами различныхъ формъ, какъ и въ видѣ единственнаго типа. Другіе идутъ дальше и приходятъ къ мысли, что первоначально существовали только индивидуумы, а что породы суть уже продуктъ времени (Janet, Causes finales. 1876. 410). Едва ли нужно говорить, что эта гипотеза такъ называемаго полиморфизма возбуждаетъ недоумѣнія гораздо болѣе неразрѣшимыя, чѣмъ теорія Дарвина. Какая сила могла вдругъ и внезапно произвести безчисленное множество индивидуальныхъ формъ? Если это сила природы, то почему она угасла и не дѣйствуетъ нигдѣ въ настоящее время? Какимъ образомъ изъ разнообразія индивидуальныхъ формъ могли образоваться твердыя и устойчивыя, ограниченныя въ своемъ числѣ, породы?

своеобразность этихъ формъ, нельзя сказать, чтобы онѣ были болѣе просты и менѣе сложны, чѣмъ современныя. Сколько можно судить по сохранившимся остаткамъ скелета, они должны были представлять не меньшую сложность физіологическаго строенія и органическихъ функцій, какъ и современныя животныя. Большинство палеонтологовъ согласны въ томъ, что „роды и фамиліи, находимые въ древнѣйшихъ слояхъ, хотя и различны отъ нашихъ, но представляютъ тоже совершенство формъ въ цѣломъ и частяхъ, какъ и нынѣ живущія породы“ *). Своеобразная ихъ форма не есть выраженіе какой либо грубости или недоразвитости организаціи, но, напротивъ, представляетъ возможно полное и цѣлесообразное приспособленіе организма къ той средѣ и къ тѣмъ условіямъ жизни, среди которыхъ они должны были существовать. Вообще, сравнивая древнѣйшія эпохи земнаго шара съ позднѣйшими, можемъ сказать только то, что онѣ имѣли своеобразный и, можетъ быть, менѣе разнообразный органическій міръ, чѣмъ теперь, но никакъ не можемъ утверждать, чтобы тогдашніе организмы были въ своемъ родѣ менѣе совершенны и менѣе сложны, чѣмъ позднѣйшіе.

Но, можетъ быть, той простоты и несложности первоорганизмовъ, которая такъ нужна для теоріи трансформаціи и которой мы не замѣчаемъ въ ближайшія къ намъ геологическія эпохи, мы должны искать еще дальше и глубже,—на самыхъ первыхъ порахъ возникновенія органической жизни? Дѣйствительно, защитники теоріи, нами разсматриваемой, любятъ переноситься мыслію въ эту темную и, по отсутствію сохранившихся ископаемыхъ остатковъ, совершенно недоступную точному изслѣдованію область міровой исторіи и здѣсь искать тѣ простѣйшія органическія формы, которыхъ напрасно ищутъ въ тѣхъ геологическихъ наслоеніяхъ, въ которыхъ встрѣчаются первые признаки существованія на землѣ органическихъ существъ. Здѣсь-то, въ ту эпоху, когда поверхность земнаго шара покрыта была еще водою, мы встрѣчаемъ безраздѣльное царство: протистовъ, протогеновъ, эозоновъ, монеръ, батибій и другихъ открытыхъ Геккелемъ первоорганизмовъ, едва отличающихся отъ неорганическихъ соединеній, изъ которыхъ

*) Serres, Cosmogonie du Moise. T. II. 46.

путемъ послѣдовательнаго развитія чрезъ милліоны вѣковъ могли возникнуть болѣе и болѣе сложные организмы. Не станемъ говорить о томъ, что самый фактъ существованія нѣкоторыхъ изъ этихъ первоорганизмовъ многими подвергается сомнѣнію *). Обратимъ вниманіе лишь на два обстоятельства: а) вполнѣ ли доказана мысль, что въ отдаленнѣйшія эпохи земнаго шара существовали *только* упомянутыя нами или имъ подобныя простѣйшія органическія формы? б) что эти первоначальныя формы были, дѣйствительно, просты и несложны? Какъ на тотъ, такъ и на другой вопросъ мы должны отвѣчать отрицательно.

Къ числу организмовъ, которые могутъ существовать при самыхъ простыхъ и несложныхъ физическихъ условіяхъ жизни, принадлежатъ, какъ извѣстно, инфузоріи. Что инфузоріи существовали въ отдаленнѣйшія первобытныя эпохи земнаго шара, когда о другихъ, болѣе крупныхъ, организмахъ не могло быть и рѣчи, это не только вѣроятное предположеніе, но и фактъ, засвидѣтельствованный геологіею, которая цѣлые мѣловые пласты считаетъ отложеніями известковыхъ покрововъ кремнепанцырныхъ инфузорій. Но какъ скоро допущено существованіе инфузорій, какъ самыхъ раннихъ представителей органической жизни на земномъ шарѣ, даже болѣе, быть можетъ, раннихъ, чѣмъ организмы растительные, то теоріи трансформаціи наносится сильный ударъ даже въ томъ періодѣ исторіи органической жизни, который именно по своей темнотѣ могъ бы показаться особенно благопріятнымъ ей. Оказывается, что и въ этотъ отдаленнѣйшій періодъ господствовала не одна какая либо простѣйшая органическая форма, почти приближающаяся къ неорганическимъ соединеніямъ, но цѣлая система довольно сложныхъ низшихъ и высшихъ организмовъ, какіе могли существовать тогда при данныхъ условіяхъ жизни. Потому что, по изслѣдованіямъ микрографовъ, инфузоріи вовсе не суть какія либо простѣйшія органическія формы, выражающія собою первую степень перехода неорганическаго царства

*) Относительно напр. батибій неоспоримо доказано, что Гекели принялъ чисто неорганическаго свойства осадки, при своихъ опытахъ надъ морскою водою, за органическія существа. Revue des questions scientifiques. 1878. Ш. 67 et sq.

въ органическое, но сложныя существа, съ довольно развитою организаціею и сложными физіологическими функціями *).

Но какъ скоро мы признаемъ фактъ существованія сложности органическихъ формъ (въ видѣ напр. инфузорій) на самыхъ первыхъ порахъ появленія органической жизни, то не будетъ имѣть уже никакого значенія для теоріи трансформаціи фактъ параллельнаго съ нимъ и продолжающагося до настоящаго времени существованія предполагаемыхъ болѣе простыхъ органическихъ формъ, каковы напр. монеры, протозои, батибіи и др. Ибо, чтобы онъ имѣлъ такое значеніе, нужно бы доказать: а) что сами инфузоріи образовались изъ упомянутыхъ первообразныхъ организмовъ; б) что самые эти организмы дѣйствительно такъ просты и первообразны, какъ предполагаютъ. Но ни того, ни другаго разсматриваемая нами теорія доказать не можетъ. Въ частности, относительно послѣдняго обстоятельства, болѣе осторожные естество-испытатели возбуждаютъ вполнѣ справедливыя сомнѣнія. Какъ извѣстно, единственный рѣшающій голосъ относительно сложности или несложности данной органической формы принадлежитъ микро-

*) Эренбергъ раздѣляетъ инфузорій на два класса: на классъ *полигастрическихъ инфузорій*, имѣющихъ внутренности раздѣленными на множество желудковъ (свѣтящіяся цикліідіи, орфидины, неридины и др.) и на классъ *ротиферъ* или рогаторныхъ животныхъ, снабженныхъ свертывающимися, кружащимися рѣсничками, которыя служатъ для нихъ органами движенія. Какъ перваго, такъ, особенно, послѣдняго рода инфузоріи, по его мнѣнію, суть довольно развитые организмы, снабженные пятью органическими аппаратами: обращенія соковъ, ощущенія, питанія, движенія и рожденія. Вернекъ (Werneck) послѣ Эренберга сдѣлавшій наибольшія открытія въ области микроскопической жизни природы, также, глубоко убѣжденъ, что полигастрическія инфузоріи, точно также какъ и ротиферы, суть высоко развитые организмы, и что подробности ихъ организаціи, какъ они ни достаточно изслѣдованы, однако же, при нашихъ научныхъ средствахъ, не могутъ быть изучены до ихъ послѣднихъ границъ. Организація этихъ микроскопическихъ животныхъ формъ не есть какое-либо измѣнчивое, непостоянное проявленіе пластической силы природы, но послѣдовательное, однообразное, правильное развитіе, по законамъ не менѣе точнымъ и правильнымъ, какъ и тѣ, которые уже много столѣтій открыты и приняты для большихъ организмовъ. Организація микроскопическихъ животныхъ по своей правильности можетъ быть законно сравниваема съ органическими системами всякаго большаго животнаго тѣла, самаго человѣческаго организма. Слова его см. въ кн. Die Welt, v. W. Gärtner. 2 Auf. 203; тамъ же см. объ относящихся сюда изслѣдованіяхъ Эренберга, Вернека и другихъ, стр. 198—203.

скопическому изслѣдованію. Если микроскопъ не открылъ сложности въ извѣстномъ организмѣ, то онъ признается простымъ и несложнымъ. Но противъ подобнаго метода опредѣленія степени сложности органическихъ элементовъ справедливо замѣчаютъ, что онъ никакъ не можетъ быть строго научнымъ методомъ и приводить къ вѣрнымъ заключеніямъ, такъ какъ микроскопъ далеко не достигаетъ послѣднихъ предѣловъ эмпирическаго познанія строенія организмовъ и, поэтому, несложность извѣстнаго органическаго элемента подъ микроскопомъ нисколько не ручается за его дѣйствительную несложность *). Вѣрность этой мысли постоянно подтверждается наблюденіями, которыя какъ въ области химіи, такъ и въ области біологіи

*) Такъ извѣстный физикъ Тиндаль очень вѣрно замѣчаетъ противъ Геккеля, Гексли и другихъ матеріалистическихъ естествоиспытателей, позволяющихъ себѣ смѣлыя біологическія заключенія на основаніи простоты и несовершенства открытыхъ будто бы ими первоорганизмовъ: „Нѣкоторые естествоиспытатели составляютъ себѣ очень несовершенное понятіе о разстояніи, которое отдѣляетъ микроскопическую границу отъ дѣйствительной молекулярной границы и, какъ необходимое слѣдствіе этого, допускаютъ физіологію, которую можно назвать впередъ разсчитанною съ цѣлью обмана,—когда напр. они описываютъ содержаніе клѣточки, какъ нѣчто совершенно однородное и абсолютно не имѣющее структуры, на томъ только основаніи, что микроскопъ не можетъ открыть въ ней никакой структуры. Я думаю, что микроскопъ въ этомъ случаѣ начинаетъ играть роль злостнаго обманщика". Затѣмъ Тиндаль доказываетъ неоспоримыми опытами, что „между микроскопическимъ предѣломъ и истиннымъ молекулярнымъ предѣломъ находится мѣсто безконечныхъ сочетаній" (слова Тиндаля у Moigno, въ его Splendeurs de la foi. 1879. T. IV. 486—187). Тоже самое утверждаютъ и другіе извѣстные натуралисты, напр. Шульцъ, Брюкке. „Я не могу думать, говоритъ послѣдній, чтобы какой либо микрографъ серьезно думалъ, будто наши микрографическія изображенія могутъ дать даже приблизительно точный очеркъ строенія клѣточки. Когда намъ говорятъ: клѣточная перепонка не имѣетъ никакой структуры, протоплазма есть однородная масса и т. д., то это значитъ не что иное, какъ слѣдующее: клѣточная перепонка *кажется* намъ лишенною структуры, протоплазма *кажется* намъ однородною массою. А если кто-либо захотѣлъ бы употреблять эти выраженія въ болѣе строгомъ смыслѣ, тотъ показалъ бы тѣмъ только крайнюю ограниченность своего кругозора, который я не смѣю предположить ни въ комъ изъ моихъ сотоварищей въ области естествознанія. Какъ ни похвально строго держаться непосредственно наблюдаемаго, но въ то же время необходимо не закрывать свой умственный взоръ передъ тѣмъ, что недоступно наблюденію и не преувеличивать вмѣстѣ съ тѣмъ достоинства нашихъ микроскопическихъ наблюденій" (H. Czolbe, Die Grenzen d. mensch. Erkenntniss. 1885. 122—123).

постоянно открываютъ сложность такихъ элементовъ, которые при менѣе тщательныхъ наблюденіяхъ прежде казались простыми. Такъ самый первоначальный и простой органическій элементъ,—клѣточка, которую прежде по ея простотѣ приравнивали къ неразложимымъ атомамъ неорганической природы, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается все болѣе и болѣе сложною. Даже безформенная зернистая масса,—протоплазма, составляющая содержаніе клѣточки, въ которой думали иногда видѣть настоящую органическую матерію, по мнѣнію многихъ авторитетовъ естествознанія, должна быть признана весьма сложною, такъ что она далеко не есть послѣдній предѣлъ, до котораго достигаетъ микроскопическій анализъ организованнаго міра *). Если же теперь даже такіе первоначальные органическіе элементы, какъ клѣточка, должны быть признаны сложными, то, очевидно, тоже самое съ большею вѣроятностью должно сказать о сложныхъ изъ клѣточекъ организмахъ, какъ бы несложными подъ микроскопомъ они не представлялись. Но какъ скоро мысль о существованіи несложныхъ органическихъ формъ оказывается въ высшей степени сомнительною, то теорія трансформаціи теряетъ свою научную почву, такъ какъ мы нигдѣ на самомъ дѣлѣ не находимъ ни въ самой отдаленной древности, ни въ настоящее время такихъ несложныхъ органическихъ формъ, которыя могли бы служить такъ сказать матеріаломъ дальнѣйшаго осложненія, — матеріаломъ, изъ котораго путемъ трансформаціи могло бы образоваться дальнѣйшее богатство органической жизни **).

*) Клодъ Бернаръ. Послѣдн. труды его. Русск. Вѣсти. 1878. Май, стр. 89 90. Точно также новѣйшія изслѣдованія разрушаютъ прежнее мнѣніе о крайней простотѣ, несложности и однообразіи сѣмянныхъ зародышей растеній и животныхъ. Czolbe, Grenzen d. m. Erkenntniss, 123 et sq.

**) Сила фактовъ, свидѣтельствующихъ о сложности считавшихся до сихъ поръ простыми органическихъ формъ, до такой степени убѣдительна, что заставляетъ даже такихъ рѣшительныхъ противниковъ идеи Бога и творенія, какъ Чольбе, отказаться отъ надежды объяснить происхожденіе организмовъ естественнымъ путемъ, посредствомъ ли то непосредственнаго возникновенія ихъ изъ неорганическихъ элементовъ (generatio aequivoca) или путемъ развитія сложнаго изъ простаго (трансформація), котораго нигдѣ не представляетъ природа. При этомъ безвыходномъ положеніи, остается одно,—отвергнуть самую мысль о *происхожденіи* или началѣ органической жизни. Такъ и поступаетъ Чольбе. Онъ предполагаетъ, вопреки всѣмъ эмпирическимъ даннымъ, *вѣчность* органической жизни на земномъ

Но если мы даже допустимъ фактъ существованія несложныхъ организмовъ и дальнѣйшую за тѣмъ градацію появленія органическихъ существъ на земномъ шарѣ по степени ихъ сложности и совершенства, то этимъ въ сущности нисколько не рѣшимъ еще вопроса объ ихъ происхожденіи въ пользу теоріи трансформаціи. Въ настоящее время эта градація представляется намъ въ видѣ органическихъ формъ, строго отдѣленныхъ между собою, не сливающихся и не переходящихъ одна въ другую,—въ видѣ устойчивыхъ и опредѣленныхъ родовъ и видовъ существъ. Для того, чтобы доказать, что эти, строго устойчивыя въ настоящее время формы могли переходить одна въ другую, нужно предположить, что границы ихъ нѣкогда не были столь строго проведены, какъ теперь, что существовали многочисленныя переходныя ступени между ними и что переходы отъ одной породы къ другой совершались съ крайнею медленностію. Это предположеніе вполнѣ принимаетъ теорія трансформаціи, такъ какъ никакъ не допускаетъ какихъ либо скачковъ въ переходѣ отъ одной породы къ другой. Но вѣрно ли это предположеніе? Можемъ ли мы найти напр. органическія формы, составляющія переходъ отъ моллюска или червя къ рыбѣ, отъ рыбы къ птицѣ, отъ птицы къ млекопитающему? Далѣе, можемъ ли найти переходныя породы отъ столь своеобразныхъ палеонтологическихъ животныхъ, напр. ихѳіозавра, птеродактила и др. къ современнымъ типамъ? На эти вопросы наука даетъ отрицательный отвѣтъ; требуемыхъ теоріею трансформаціи многочисленныхъ переходныхъ между породами формъ она также не находитъ въ палеонтологическій періодъ, какъ и въ настоящемъ составѣ органическаго царства, а вмѣстѣ съ этимъ и отнимаетъ у этой теоріи надежду утверждать генетическую связь и родство всѣхъ органическихъ формъ между собою. Это отсутствіе палеонтологическихъ переходныхъ формъ между различными породами, на которомъ особенно настаивалъ великій основатель палеонтологіи Кювье, было въ свое время рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ гипотезѣ Ламарка и Ж. Сенъ-Илера. „Если бы породы измѣнялись постепенно, говорилъ Кювье, то мы

шарѣ, точно также какъ и вѣчность самой нашей планеты. Die Grenzen d. m. Erkenntniss, 127 et sq.

должны бы находить слѣды такихъ измѣненій въ остаткахъ ископаемыхъ животныхъ; между палеотеріумомъ напр. и существующими породами должны бы открыть какія либо посредствующія формы; но ихъ нѣтъ. Если же во внутренностяхъ земной коры не сохранилось памятниковъ столь любопытной генеалогіи, то, очевидно, потому, что и прежнія породы были столь же постоянны какъ и нынѣшнія *). Нельзя сказать, чтобы это, столь рѣшительное для теоріи трансформаціи, положеніе Кювье было сколько нибудь ослаблено, не говоримъ опровергнуто, послѣдующими палеонтологическими изслѣдованіями. Вмѣсто фактическаго опроверженія защитники этой теоріи стараются только умалить и ослабить его научное значеніе и силу. „Свидѣтельства палеонтологіи, какъ говоритъ Дарвинъ, несравненно отрывочнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ, и въ геологической лѣтописи много еще пробѣловъ, восполнить которые предстоитъ будущему“ **). Защитники теоріи Дарвина, соглашаясь, что въ этомъ пунктѣ его теорія нуждается въ болѣе обстоятельномъ подтвержденіи, вообще надѣются, что съ теченіемъ времени и съ распространеніемъ геологическихъ изслѣдованій земной коры на неизвѣстныя еще нынѣ наукѣ страны найдутся, вѣроятно, и искомыя посредствующія породы.

Но отвѣтъ на сильное и рѣшительное для теоріи возраженіе одною надеждою, что современемъ оно можетъ быть устранено, едва ли можно назвать удачнымъ. Область возможнаго и уповаемаго, конечно, безгранична; но нельзя не замѣтить что настоящее положеніе науки дѣлаетъ эту надежду болѣе сомнительною, чѣмъ вѣроятною. Въ самомъ дѣлѣ, по какой странной случайности могло произойти то, что въ изслѣдованныхъ нынѣ геологіею мѣстахъ (а эти мѣста не сгруппированы въ одномъ какомъ либо уголкѣ земли, а распространены почти во всѣхъ частяхъ свѣта), какъ нарочно исчезли всѣ переходныя формы растеній и животныхъ между различными геологическими эпохами, а должны онѣ сохраниться тамъ, гдѣ кора земли еще неизслѣдована? И тѣмъ удивительнѣе это отсутствіе переходныхъ формъ, что, по теоріи трансформаціи,

*) Cuvier. Discours sur les revol. du globe, ed. Hoefer, 1850, 77. 78.
**) О происх. видовъ Пер. Рачинскаго; 1864. 140.

переходы между породами должны были совершаться съ необычайною медленностію и постепенностію, что, поэтому, мы должны бы ожидать чрезвычайнаго ихъ обилія и разнообразія.

Не ожидая вмѣстѣ съ защитниками разсматриваемой нами теоріи разрѣшенія этихъ недоумѣній въ будущемъ, мы имѣемъ полное право остановиться на томъ фактѣ, что въ настоящее время ни геологія, ни палеонтологія не даютъ никакихъ основаній для этой теоріи. Напротивъ, данныя эпохи наукъ скорѣе наводятъ на мысль, что организмы появлялись цѣлыми группами въ извѣстныя геологическія эпохи и продолжали жить въ видѣ неизмѣнныхъ породъ, пока эта эпоха продолжалась. Съ измѣненіемъ физическихъ условій жизни на землѣ, съ наступленіемъ новой эпохи, нѣкоторыя прежнія породы, для которыхъ эта перемѣна была гибельна, вымирали, а взамѣнъ ихъ появлялись новыя группы, приспособленныя къ новымъ условіямъ жизни на нашей планетѣ *). Но такой порядокъ вещей предполагаетъ не постепенную трансформацію прежнихъ породъ (противъ чего говоритъ отсутствіе переходныхъ формъ), а скорѣе спорадическое возникновеніе новыхъ формъ органической жизни въ различныя времена. Но если это возникновеніе не могло быть слѣдствіемъ произвольнаго зарожденія, то намъ остается только одно,— признать участіе въ этомъ дѣлѣ высшей, мірообразовательной силы.

Если археологія природы (какъ называлъ геологическія и палеонтологическія изслѣдованія Кювье) неблагопріятна для теоріи трансформаціи, то не болѣе ли надежною для нея почвою будетъ служить ея исторія въ послѣдній, доступный исторической памяти и наблюденію, современный геологическій періодъ? Конечно, въ сравненіи съ цѣлою эпохою существованія органической жизни на земномъ шарѣ, этотъ періодъ относительно незначителенъ для того, чтобы мы могли наблюдать въ немъ такія превращенія, какъ напр. моллюска въ рыбу, птицы или амфибіи въ млекопитающее. Но онъ достаточно великъ, чтобы замѣтить въ немъ перерожденія одной породы въ другую, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ одного какого либо большаго отдѣла животныхъ или растеній, напр.

*) Къ этому мнѣнію склоняется Агазисъ. См. Wagner's, Urwelt, 187.

переходы одной породы рыбъ или птицъ въ другую. Если бы такіе переходы были доказаны, то мы, по аналогіи, могли бы заключить, что въ отдаленнѣйшія эпохи возможны были еще болѣе значительные переходы и что все органическое царство образовалось путемъ трансформаціи породъ. Но наши надежды открыть подобнаго рода переходы оказываются совершенно напрасными. Напротивъ, опытъ рѣшительно показываетъ полную неизмѣнность породъ за все то время, на какое только могутъ простираться наши наблюденія. Климатъ, пища, образъ жизни имѣютъ, конечно, вліяніе на образованіе такъ называемыхъ разновидностей данной породы; они могутъ напр. увеличить размѣры растенія или животнаго, всего ли вообще или нѣкоторыхъ только органовъ въ немъ, могутъ нѣсколько видоизмѣнить эти органы, точно также какъ и внѣшнія, несущественныя его особенности, напр. цвѣтъ, густоту шерсти и т. п. Но наука не указываетъ ни одного сколько нибудь достовѣрнаго факта, чтобы какая либо порода растеній или животныхъ потеряла свои характеристическія особенности и преобразовалась въ другую породу. Опытъ показываетъ, что какъ бы ни были различны положенія, въ какія поставлено извѣстное растеніе или животное, какъ бы ни были различны страны, имъ обитаемыя, климатъ, пища, оно никогда не теряетъ и не измѣняетъ своихъ *родовыхъ* отличій. Если измѣненіе внѣшней среды не слишкомъ значительно, оно получитъ только незначительныя измѣненія въ своихъ несущественныхъ признакахъ; въ противномъ случаѣ оно скорѣе погибнетъ, чѣмъ измѣнитъ какой либо изъ неважныхъ даже, повидимому, но родовыхъ признаковъ. Сажайте сѣмя извѣстнаго растенія въ какую угодно почву, подвергайте его всѣмъ возможнымъ вліяніямъ тепла, свѣта, удобренія, оно выйдетъ одно и тоже. Оно можетъ стать роскошнѣе или хилѣе, можетъ измѣнить величину плода, оттѣнки своихъ цвѣтовъ, потерять или пріобрѣсти случайныя принадлежности въ родѣ усовъ, прицѣпокъ и т. п., но само не перемѣнится въ другое растеніе. Перемѣна условій жизни можетъ произвести новыя разновидности, но не новую породу. Тоже самое мы найдемъ и въ царствѣ животномъ. Левъ, слонъ, крокодилъ напр. и другія тропическія животныя, будучи перевезены въ холодныя страны и оставлены на свободѣ, не могутъ прина-

ровиться къ данной мѣстности, точно также какъ полярный медвѣдь или сѣверный олень, перевезенные на югъ; они погибнутъ въ первой же генераціи, но не преобразуются въ другія породы. Опытъ тысячелѣтій показываетъ, что постоянны и устойчивы не только органическія особенности породъ, но даже самые инстинкты животныхъ и образъ ихъ жизни; никакія новыя условія жизни не вызываютъ въ нихъ новыхъ способностей и принаровленій, не говоря уже о новыхъ органахъ. Паукъ точно также дѣлаетъ свою воздушную ткань, какъ дѣлалъ ее тысячу лѣтъ тому назадъ; образъ жизни муравья, бобра, лисицы всегда одинаковъ; окружайте ихъ какими угодно новыми условіями, они не станутъ дѣлать норы вмѣсто паутины, гнѣздо вмѣсто берлоги, питаться травой вмѣсто мяса, жить на сухой равнинѣ вмѣсто берега рѣки. Новыя условія жизни скорѣе погубятъ животное, чѣмъ заставятъ его примѣниться къ нимъ, хотя точное примѣненіе и не представляло бы иногда ничего не возможнаго, по свойству организаціи животнаго.

Какъ неизмѣнны родовые признаки организма и какъ устойчивы противъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній, лучше всего показываетъ наблюденіе надъ человѣкомъ; ни одно, можетъ быть, животное не одарено такою гибкостію и способностію организма примѣняться къ самымъ разнообразнымъ условіямъ жизни, какъ человѣкъ; отъ того и живетъ онъ вездѣ, отъ полюсовъ до экватора. Ни одно животное не подвергается столь разнообразнымъ вліяніямъ климата, пищи и пр.,—вліяніямъ, которыя безконечно усложняются еще разнообразіемъ его соціальныхъ отношеній и занятій. Но велики ли и существенны ли измѣненія, произведенныя въ его организмѣ этими столь сильными, разнообразными, въ теченіе тысячелѣтій дѣйствующими вліяніями? Ни одного лишняго зуба, мускула, кости не явилось у него во все продолженіе его долговременнаго существованія на землѣ. Всѣ видоизмѣненія, произведенныя дѣйствіемъ среды и разнообразнѣйшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, не выходятъ изъ предѣла тѣхъ измѣненій, которымъ подвержены и другія животныя, гораздо меньше, чѣмъ онъ, испытывающія вліяніе среды; они ограничиваются незначительными отличіями въ величинѣ и очертаніи костей, цвѣтомъ кожи и свойствомъ волосъ. А между тѣмъ, сколько нужно было человѣку усилій

ума, терпѣнія и постоянства, чтобы помочь дѣйствію своихъ слабыхъ естественныхъ органовъ искусственными орудіями, найти новыя средства къ жизни, которыхъ не дала ему природа; но, несмотря на всѣ его новыя нужды, природа не произвела въ немъ ни одного изъ тѣхъ мелочныхъ, но полезныхъ приспособленій, о которыхъ говоритъ Дарвинъ, не вызвала въ его организмѣ ни одного новаго органа, ни одного новаго средства къ защитѣ его отъ враждебнаго дѣйствія климата, мѣстности. Онъ не оброс густою шерстью на сѣверѣ, но долженъ былъ шить шубы; онъ не пріобрѣлъ плавательныхъ перьевъ рыбы на берегу рѣкъ и морей, но долженъ былъ изобрѣсти лодку; его руки и ноги не превратились въ цѣпкія оконечности обезьянъ, чтобы также легко, какъ она, лазить и прыгать по деревьямъ въ лѣсахъ; онъ не пріобрѣлъ устройства желудка, которое позволяло-бы ему цѣлые дни проводить безъ питья въ пустыняхъ, подобно верблюду. Однимъ словомъ, никакія впѣшнія вліянія, несмотря на его умъ и на большую, чѣмъ у другихъ животныхъ, способность приноравляться къ этимъ вліяніямъ, не переродили его въ существо иной какой-либо породы.

Конечно, принимая столь противорѣчащую наблюдаемымъ фактамъ гипотезу, какова перерожденіе породъ изъ одной въ другую, защитники ея, для устраненія этихъ фактовъ, любятъ указывать на ограниченность времени, доступнаго нашему наблюденію и на десятки и сотни тысячъ лѣтъ, необходимыхъ будто-бы для постепеннаго измѣненія организмовъ. Созданіе тысячъ, даже милліоновъ лѣтъ, конечно, ничего не стоитъ для пылкаго воображенія. Но дѣло въ томъ, что этотъ всесильный агентъ, — время можетъ имѣть какое-либо значеніе только для олицетворяющей его, въ видѣ какого-то реальнаго дѣятеля, фантазіи, а не для строго научнаго мышленія. Время само по себѣ ничего не значитъ и нисколько не можетъ объяснить самый процессъ бытія или развитія, совершающагося во времени. Это безконечно долгое время, столь щедро расточаемое защитниками теоріи трансформаціи, даетъ только возможность процесса во времени, но не объясняетъ ни причинъ этого процесса, ни силъ, дѣйствующихъ въ немъ. Какъ-бы безконечно долгимъ мы не представляли себѣ это время, оно одно само собою, своею длиннотою не можетъ со-

ставлять дѣйствующей причины преобразованія породъ. Какъ безконечное продолженіе двухъ параллельныхъ линій не можетъ служить основаніемъ для ихъ пересѣченія, потому что одна безконечность ихъ не даетъ къ тому никакого основанія; такъ и безконечное продолженіе времени не можетъ произвести чего-либо такого, чему одно время не можетъ служить причиною, коротко-ли оно или долго. Какъ при короткомъ, такъ и при долгомъ времени намъ нужно знать иную, дѣйствительную причину для объясненія какъ начала процесса, совершающагося во времени, такъ и продолженія его *).

Но если произвольное удлиненіе времени, нужнаго для гипотезы трансформаціи породъ, въ сущности не приноситъ для нея никакой пользы, то, съ другой стороны, оно не дозволяется и наукою, полагающею нѣкоторый предѣлъ произвольной игрѣ цифрами. Правда, наука въ настоящее время не можетъ представить еще сколько-нибудь точнаго хронологическаго опредѣленія эпохи существованія настоящаго порядка вещей на земномъ шарѣ, не можетъ сказать, какъ давно существуютъ настоящія породы растеній и животныхъ и, въ числѣ ихъ, человѣкъ. Тогда какъ Кювье (съ которымъ согласенъ Делюкъ и Доломье) полагалъ, что происхожденіе человѣка и окружающаго его органическаго міра не можетъ восходить многимъ далѣе принятаго лѣтосчисленія отъ сотворенія міра **), Шлейденъ напр. относитъ древность рода человѣческаго по крайней мѣрѣ за сто тысячъ лѣтъ до нашего времени. Какъ-бы то ни было, но наука, съ одной стороны, признаетъ періодъ существованія настоящаго органическаго міра не безграничнымъ, а по сравненію съ предъидущими геологическими эпохами, даже не особенно продолжитель-

---

*) Athenaüm. 1864. 1. B. 495. 496. Да и самое допущеніе безконечно долгихъ періодовъ времени, какъ справедливо замѣчаетъ Фрогшаммеръ, очень проблемматично и потому самому не можетъ служить прочнымъ, достаточнымъ основаніемъ для объясненія явленій. При этомъ двигаются въ какомъ-то логическомъ кругу, объясняя одно другимъ, а потомъ это другое объясняя первымъ. Такъ принимаютъ безконечно долгіе періоды времени, чтобы объяснить происхожденіе земныхъ формацій и произведеній, а потомъ опять на происхожденіи этого строенія земной коры основываютъ мысль о безконечно долгихъ періодахъ времени.

**) Discours sur les revol. du globe. 1850. 91—178.

нымъ *); съ другой, и въ этомъ періодѣ предлагаетъ для наблюденія такія пространства времени, которыя очень достаточны для сужденія надъ измѣнчивостью породъ, если-бы такая дѣйствительно имѣла мѣсто. Пять, семь тысячъ лѣтъ, исторически извѣстныхъ, составляютъ довольно большое пространство времени, чтобы въ теченіе его могли возникнуть значительныя измѣненія, даже преобразованія древнихъ породъ, могли явиться новыя породы растеній и животныхъ, уже на исторической памяти людей. Но самыя тщательныя изысканія Кювье и Ж. Сенъ-Илера не оправдали этого ожиданія. Они, именно съ цѣлью разъясненія вопроса объ измѣнчивости породъ, сравнивали, какъ изображенія различныхъ животныхъ на Египетскихъ обелискахъ, такъ и сохранившіеся въ муміяхъ набальзамированные трупы нѣкоторыхъ изъ нихъ (ибисовъ, кошекъ, фараоновыхъ мышей и пр.) съ нынѣ существующими ьъ Египтѣ породами тѣхъ же животныхъ и не нашли между ними никакого различія. Пшеничныя зерна, найденныя въ гробницахъ сохранившимися, сѣяли и получали тотъ-же видъ пшеницы, который и теперь растетъ въ Египтѣ. Къ тому же выводу пришли и другіе извѣстные естествоиспытатели **).

---

*) Если трудно, почти невозможно, даже приблизительно вѣрно опредѣлить время существованія настоящихъ формъ органической жизни на земномъ шарѣ, то эта трудность, конечно, еще болѣе возрастаетъ по отношенію къ древнѣйшимъ геологическимъ эпохамъ. Геологи, пользуясь здѣсь отсутствіемъ всякаго научнаго контроля, даютъ полную волю фантазіи и любятъ нагромождать милліоны на милліоны лѣтъ. Но дѣйствительныхъ основаній для такой хронологіи нѣтъ. „Напротивъ, какъ справедливо замѣчаетъ Фихте (младшій), столько-же возможно, даже по другимъ основаніямъ болѣе вѣроятно, что такъ какъ прежніе періоды жизни земнаго шара служили только переходными ступенями и приготовленіемъ къ настоящему законченному и достигшему своей цѣли образованію земли, то они должны-бы имѣть несравненно меньшую продолжительность, чѣмъ установившіяся отношенія настоящаго періода земли. Подобное мы видимъ въ исторіи развитія всѣхъ органическихъ существъ; приготовительныя ступени развитія они проходятъ несравненно быстрѣе, чѣмъ возрастъ ихъ полнаго образованія, въ которомъ они достигли своей цѣли". J. H. Fichte, Seelenfortdauer d. Menschen. 1867.212.

**) Ячмень, говоритъ А. Гумбольдтъ въ своей географіи растеній, которымъ питались лошади Атридовъ, былъ безспорно тотъ-же самый, который и теперь мы жнемъ. Всѣ растенія и животныя, которыя нынѣ обитаютъ на земномъ шарѣ, повидимому, въ теченіе тысячъ лѣтъ не измѣнили своей характеристической формы. Ибисъ, котораго находятъ между муміями змѣй и

Итакъ предъ нами наблюденія, которыя говорятъ, что три, четыре, можетъ быть и пять тысячъ лѣтъ не оставили никакого слѣда измѣненія породъ. Но если бы старались ослабить силу этихъ возраженій тѣмъ, что и пять тысячъ лѣтъ слишкомъ незначительный періодъ времени, чтобы въ теченіе его могли быть замѣчены какія-либо перемѣны, то мы имѣемъ свидѣтельства еще болѣе древнія, чѣмъ показанія Египетскихъ мумій и катакомбъ. Въ Америкѣ находятъ ископаемые остатки слоновъ, носороговъ, тигровъ и другихъ животныхъ нашей геологической эпохи, теперь тамъ не живущихъ; эти остатки несравненно древнѣе Египетскихъ мумій: но и они не представляютъ никакихъ отличій отъ существующихъ нынѣ породъ тѣхъ же животныхъ. Агасизъ замѣчаетъ, что для образованія коралловыхъ рифовъ Флориды и прибрежьевъ Тихаго океана требовалось по крайней мѣрѣ 30.000, а можетъ быть и до 200.000 лѣтъ; но построившіе ихъ коралловые полипы ничѣмъ не разнятся отъ нынѣ существующихъ въ тѣхъ же водахъ. Ту же неизмѣнность находитъ Агасизъ и въ тѣхъ породахъ животныхъ, которыя сохранились до настоящаго времени отъ прежнихъ геологическихъ эпохъ *).

насѣкомыхъ въ Египетскихъ катакомбахъ, время построенія которыхъ можетъ быть старше пирамидъ, — этотъ ибисъ тожественъ съ тѣмъ, который и теперь живетъ на болотистыхъ берегахъ Нила“ (J. B. Meyer, Philos. Zeitfragen. 1874. 58). Заключенія Кювье, Гумбольдта и др. нисколько не обезсиливаются тѣмъ, что, по нѣкоторымъ болѣе тщательнымъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, „полное тожество нѣкоторыхъ растеній, находимыхъ въ древнихъ Египетскихъ гробницахъ, съ современными представляется сомнительнымъ“, такъ какъ „сомнительныя“ разности во всякомъ случаѣ касаются не различія породъ или видовъ, но лишь очень незначительныхъ разновидностей, образованіе которыхъ въ теченіе столь долгаго времени, и возможно, и естественно (J. B. Meyer. ibid.).

*) Нѣкоторые защитники теоріи трансформаціи стараются ослабить силу значенія этихъ фактовъ тѣмъ предположеніемъ, что современная геологическая эпоха представляетъ намъ уже окончательно установившійся и остановившійся порядокъ органической жизни, отъ котораго нельзя дѣлать заключеній къ предъидущимъ эпохамъ. Изъ того, говоритъ К. Фохтъ, что взрослый человѣкъ не растетъ уже болѣе, не слѣдуетъ, чтобы и прежде онъ не росъ; и прежде того времени, о которомъ мы знаемъ, можно предположить еще время, котораго мы не знаемъ. Но справедливо замѣчаетъ на это Бона Мейеръ: „недостаточность исторически возможныхъ доказательствъ дозволять себѣ восполнять произвольными предположеніями о возможныхъ измѣ-

б) При столь очевидныхъ фактахъ въ пользу неизмѣняемости породъ, которыхъ теорія трансформаціи устранить или перетолковать не въ силахъ, послѣдняя надежда ея можетъ заключаться только въ томъ, что она на ряду съ этими фактами выставитъ другіе, указывающіе на измѣняемость породъ. Согласить эти факты съ указанными нами, противоположнаго свойства, было бы уже дальнѣйшею задачею естествознанія; но, во всякомъ случаѣ, если бы подобнаго рода факты были найдены, то ими уравновѣшивалось-бы значеніе первыхъ и они могли-бы дать теоріи трансформаціи видъ, если не научной истины, то, по крайней мѣрѣ, вѣроятной гипотезы, имѣющей равныя права на существованіе въ наукѣ, какъ и противуположная гипотеза, основывающаяся въ свою очередь на не менѣе достовѣрныхъ фактахъ неизмѣнности породъ. Такого рода факты, въ которыхъ давно нуждалась теорія трансформаціи и отсутствіе которыхъ было причиною пораженія и забвенія затѣмъ гипотезы Ламарка, думаетъ представить намъ Дарвинъ и въ этомъ, по мнѣнію его послѣдователей, заключается величайшая его заслуга и преимущество его теоріи,

---

неніяхъ въ предъидущее время, которое для насъ совершенно неизвѣстно, значитъ, на самомъ дѣлѣ полагать конецъ всякому научному изслѣдованію“ (Philos. Zeitfragen, 56). Дѣйствительно, было бы совершенно не логично противъ удостовѣренныхъ фактовъ возражать *предположеніемъ* возможныхъ фактовъ противоположнаго свойства въ неизвѣстное намъ время. Не говоримъ о томъ, что предположеніе объ окончательно установившемся, и потому неизмѣнномъ уже, порядкѣ природы въ нашу геологическую эпоху противорѣчитъ самому принципу теоріи трансформаціи. Другіе защитники этой теоріи стараются ослабить значеніе указанныхъ нами фактовъ тѣмъ, что явленія неизмѣнности родовыхъ признаковъ будто-бы представляютъ намъ только высшіе классы животныхъ, которые завершены въ своемъ развитіи и потому не подвержены болѣе никакимъ существеннымъ перемѣнамъ; иное дѣло у животныхъ низшихъ, собственно и предназначенныхъ къ развитію. Но, съ одной стороны, такое ограниченіе закона развитія только низшими породами не оправдывается принципомъ теоріи трансформаціи: съ другой, оно, какъ мы видѣли, опровергается и фактами. Полипы напр., по этой теоріи, принадлежатъ къ однимъ изъ самыхъ низшихъ, по организаціи, животныхъ, слѣд. къ наиболѣе эластичнымъ и пригоднымъ, для дальнѣйшаго преобразованія, формамъ. Но на самомъ дѣлѣ въ нихъ-то мы и видимъ необыкновенную устойчивость породы, недопускающую даже образованіе замѣтныхъ разновидностей (Jm. Fichte, Seelenfort. und die Weltstellung d. Menschen. 1867. 215. 216).

какъ обоснованной научно, предъ прежними однородными ученіями.

Какого же рода эти факты и достаточно ли сильны они, чтобы, если не устранить факты противоположнаго свойства, то, по крайней мѣрѣ, быть равноправными съ ними?

Эти факты даютъ будто бы наблюденія Дарвина надъ многочисленными разностями такъ наз. культурныхъ растеній и животныхъ и надъ происхожденіемъ этихъ разностей путемъ искусственнаго подбора. Несомнѣнный фактъ, что существуютъ чрезвычайно разнообразные виды культурныхъ растеній и животныхъ, напр. овецъ, лошадей, собакъ, голубей и пр. Несомнѣнно и то, что эти виды произошли путемъ постепеннаго измѣненія одного первоначальнаго типа каждаго даннаго растенія или животнаго. Если бы и оставалась какая-либо тѣнь сомнѣнія касательно возможности такого происхожденія, то она окончательно разсѣевается предъ опытами возможности искусственнаго образованія новыхъ разновидностей культурныхъ растеній и животныхъ человѣкомъ, посредствомъ скрещиванія различныхъ индивидуумовъ, измѣненія пищи, среды и пр. Но если, заключаетъ Дарвинъ, различныя разновидности могутъ быть легко произведены человѣкомъ для его цѣлей и въ относительно короткое время, то отчего онѣ не могутъ быть произведены природою для своихъ цѣлей? На возраженіе, что однако же эти разновидности произведены не природою, а искусствомъ, слѣдовательно, силою постороннею естественному теченію природы и не аналогичною съ ея силами, онъ отвѣчаетъ, что въ природѣ замѣною искусства служитъ время и что тѣ или подобныя отличія, которыя производитъ человѣкъ при культурѣ домашнихъ растеній и животныхъ въ нѣсколько генерацій, могутъ быть достигнуты и природою въ теченіи несравненно большаго числа генерацій.

Но, несмотря на многочисленныя и дѣйствительно имѣющія важное значеніе для естествознанія и составляющія цѣнный вкладъ въ эту науку наблюденія Дарвина надъ происхожденіемъ разновидностей въ средѣ культурныхъ растеній и животныхъ, заключеніе, выводимое изъ нихъ въ пользу трансформаціи породъ, никакъ нельзя назвать вѣрнымъ. Самый капитальный недостатокъ этого заключенія, на который съ самаго начала указали противники его теоріи и который не устра-

ненъ ни имъ, ни его послѣдователями, тотъ, что онъ заключеніе, вѣрное относительно происхожденія *разновидностей* въ данной породѣ, совершенно вопреки опыту, прилагаетъ къ объясненію происхожденія *породъ*. Онъ упускаетъ изъ виду самое главное, что разности культурныхъ растеній и животныхъ, какъ бы они ни казались значительными, всегда происходятъ въ предѣлахъ одной и той же породы растеній и животныхъ и доказываютъ только возможность образованія чрезвычайнаго множества разновидностей, но никакъ не возможность образованія породы. Что въ предѣлахъ одной породы могутъ образоваться разновидности, вслѣдствіе вліянія напр. климата, пищи или даже воспитательнаго искусства человѣка, этотъ фактъ былъ давно извѣстенъ *), хотя честь болѣе подробнаго и тщательнаго изслѣдованія этого предмета безспорно принадлежитъ Дарвину. Возможности не только искусственнаго, но и естественнаго образованія разновидностей, не отвергалъ никто и прежде, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ односторонникъ защитниковъ неизмѣнности породъ, смѣшивавшихъ разновидности съ породами. Но иное дѣло образованіе разновидностей, какъ бы онѣ значительны ни были, и иное дѣло образованіе или преобразованіе породы. Мы видѣли фактическія доказательства неизмѣнности послѣдней, и всѣ наблюденія Дарвина не въ состояніи опровергнуть ихъ, потому что они нигдѣ и никогда не переходятъ границъ породы. Какъ бы ни были велики произведенныя человѣческимъ искусствомъ или стеченіемъ естественныхъ условій разновидности голубей, овецъ, собакъ и пр., натуралистъ, при первомъ же анатомическомъ анализѣ ихъ, сейчасъ откроетъ принадлежность ихъ къ одной породѣ и существенное единство въ ихъ строеніи. Внѣшнія отличія могутъ казаться поразительными только для совершенно незнакомаго съ наукою Ни одной лишней кости, ни одного сколько нибудь существеннаго измѣненія въ соотносительномъ положеніи частей и органовъ, составляющихъ типическую особенность породы, мы не найдемъ въ самыхъ повидимому отличныхъ по наружности разновидностяхъ напр. собакъ,—культурныхъ животныхъ, представляющихъ наиболѣе разнообразныхъ отклоненій отъ общаго родоваго типа. Какъ ни отли-

*) Объ этомъ см. J. B. Meyer, Phil. Zeitfragen. 1874. 70—72.

ченъ огромный бульдогъ отъ маленькой болонки, но естествоиспытатель сейчасъ увидитъ, что это одна и таже порода, тожественная по существеннымъ, родовымъ признакамъ; всѣ видоизмѣненія могутъ быть произведены только въ предѣлахъ этой породы и не могутъ перешагнуть за ея границы *). Культура могла, положимъ, произвести отъ простой собаки бульдога и болонку, но не въ силахъ создать какую-нибудь новую или промежуточную породу, между собакою напр. и кошкою. Вообще, ни опыты, ни наблюденія Дарвина не могутъ доказать возможности перехода одной породы въ другую, напр. голубя въ курицу или гуся, или овцы въ козу или волка; они свидѣтельствуютъ только о возможности образованія разновидностей въ границахъ даннаго рода, — не болѣе. Но всѣ многочисленныя и дѣйствительно имѣющія важное значеніе наблюденія его надъ происхожденіемъ этихъ разновидностей не даютъ ни малѣйшей фактической опоры теоріи трансформаціи. Они наносятъ только ударъ ученію о первоначальномъ, коренномъ различіи человѣческихъ расъ по происхожденію. Ученіе о единствѣ рода человѣческаго можетъ найти сильную опору въ наблюденіяхъ Дарвина, такъ какъ изъ нихъ очевидно, что естественнымъ путемъ въ предѣлахъ одного рода могутъ образоваться разности гораздо болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя теперь отличаютъ одну человѣческую расу отъ другой.

---

*) Какъ извѣстно, главное доказательство въ пользу измѣнчивости породъ Дарвинъ находитъ въ культурѣ голубей, которыхъ считается нынѣ не менѣе 150 видовъ. Подборъ голубей, которымъ много занимался онъ самъ, можетъ доставить, по его словамъ, разновидности столь значительныя, что если бы, какъ говоритъ онъ, найдены были остовы этихъ голубей и показаны естествоиспытателямъ, то они, дѣйствуя такъ же, какъ дѣйствуютъ теперь, не разъ признали бы здѣсь совершенно различные виды. Но естествоиспытатели, даже сочувствующіе Дарвину, вовсе не раздѣляютъ въ этомъ случаѣ его мнѣнія. К. Фохтъ замѣчаетъ, что, не смотря на значительныя разновидности голубей, однако же до сихъ поръ ни одному воспитателю этихъ птицъ не удалось измѣнить извѣстные законы отношеній между отдѣльными органами ихъ, отношеній, которыя именно и производятъ то, что, несмотря на всѣ перемѣны, мы въ первой расѣ узнаемъ того же голубя. Даже Гёксли соглашается, что, при всѣхъ разновидностяхъ голубей, въ нихъ всегда остается неизмѣннымъ извѣстное отношеніе между клювомъ и ногами, котораго до сихъ поръ не могли измѣнить воспитатели голубей и которое характеристично для этой породы птицъ. I. B. Meyer, Philos. Zeitfragen, 72.

Но, не представляя собою прямыхъ, фактическихъ доказательствъ въ пользу измѣненія породъ, можетъ быть, наблюденія Дарвина даютъ нѣкоторую точку опоры для умозаключенія вѣроятнаго, чрезъ аналогическое перенесеніе тѣхъ явленій измѣнчивости, которыя въ настоящее время имѣютъ мѣсто въ предѣлахъ одной породы, на все органическое царство и на всю прошедшую исторію его образованія? Дѣйствительно, Дарвинъ такъ и смотритъ на значеніе своихъ наблюденій и умозаключаетъ такъ: если въ средѣ культурныхъ животныхъ и растеній, въ короткое относительно время, возможны столь значительныя измѣненія, то тѣмъ болѣе природа можетъ произвести еще большія измѣненія въ несравненно болѣе продолжительное время; замѣною человѣческаго искусства тутъ служитъ время.

Но дозволительна ли подобнаго рода аналогія? Всякое аналогическое умозаключеніе для своей состоятельности требуетъ, чтобы сравниваемые предметы по возможности были однородны и сходны по сравниваемымъ признакамъ и чертамъ. Но есть ли такое сходство между искусственнымъ произведеніемъ культурныхъ растеній и животныхъ и естественнымъ ихъ образованіемъ и, поэтому, имѣемъ ли мы право отъ способа происхожденія разновидностей въ кругу первыхъ заключать къ естественному происхожденію породъ?

Прежде всего, внимательная критика теоріи Дарвина указываетъ на то обстоятельство, что самый фактъ, на которомъ держится аналогія,—чрезвычайное разнообразіе происходящихъ вслѣдствіе культуры растеній и животныхъ измѣненій въ ихъ организаціи,—далеко не такъ неоспоримъ, какъ полагаетъ Дарвинъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть допущенъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ допускаетъ онъ. Возникло сомнѣніе: дѣйствительно ли всѣ, выставленныя Дарвиномъ, разности извѣстной породы суть образовавшіяся вслѣдствіе культуры разности, а не постоянныя, неизмѣнныя типическія особенности извѣстной породы, существующія искони? Напр. дѣйствительно ли всѣ, столь разнообразные, виды собакъ произошли отъ одной первоначальной породы и не вѣрнѣе ли предположить нѣсколько первоначальныхъ, искони существующихъ типовъ или видовъ этого животнаго? Далѣе, замѣчали и то, что наблюдаемыя Дарвиномъ культурныя породы,

представляющія многочисленные оттѣнки, не могутъ итти въ параллель съ некультурными породами потому, что онѣ уже по самой природѣ своей исключительно способны къ образованію разновидностей, вслѣдствіе чего, по гибкости и измѣнчивости своего организма, онѣ и стали пригодными для цѣлей человѣка, то есть, культурными. Таковы напр. воздѣлываемыя человѣкомъ растенія; изъ животныхъ: лошади, овцы, собаки и проч. Если это такъ, то очевидно, что изъ возможности легкаго образованія разновидностей въ *этихъ* породахъ нельзя заключать къ такому же образованію у другихъ, болѣе устойчивыхъ, некультурныхъ.

Но самое главное препятствіе къ перенесенію явленій, замѣченныхъ въ области культурныхъ растеній и животныхъ, на природу состоитъ въ томъ, что эти явленія *искусственны*, то есть, посредственно или непосредственно созданы человѣкомъ и въ этомъ отношеніи не только не сходны, но даже противоположны естественному теченію природы. Неоспоримый фактъ, что произведенныя человѣкомъ или образовавшіяся вслѣдствіе сожитія, такъ сказать, съ человѣкомъ разности культурныхъ растеній и животныхъ продолжаются лишь дотолѣ, пока существуютъ и поддерживаются созданныя человѣкомъ условія ихъ жизни. Какъ скоро эти условія изчезаютъ, какъ скоро животное или растеніе предоставлено самому себѣ, по истеченіи немногихъ генерацій исчезаютъ въ немъ всѣ произведенныя культурою особенности и животное возвращается къ прежнему, натуральному типу. Такъ напр. наши роскошные садовые цвѣты, если предоставить ихъ ростъ и размноженіе природѣ, не обработывать подъ ними и не удобрять земли, не ухаживать за ними, скоро одичаютъ и обратятся въ тѣ простые полевые цвѣтки, отъ которыхъ они произошли путемъ культуры. Тоже самое будетъ съ огородными и хлѣбными растеніями. Одичавшія въ Южной Америкѣ лошади и собаки представляютъ уже одинъ типъ, потерявшій особенности тѣхъ культурныхъ видовъ, отъ которыхъ они произошли. Это явленіе происходитъ отъ того, что всѣ культурныя особенности суть, хотя и полезныя для человѣка и вызванныя имъ для своихъ цѣлей, но въ сущности болѣзненныя и ненормальныя измѣненія органическихъ типовъ, поддерживаемыя искусственно и вскорѣ исчезающія, какъ только

растеніе или животное предоставляется самому себѣ. Такова напр. махровость цвѣтовъ, составляющая въ сущности болѣзненное увеличеніе тычинокъ или пестиковъ въ растеніи; таково напр. искусственное увеличеніе корня на счетъ другихъ частей растенія въ корнеплодныхъ: моркови, свеклѣ, рѣпѣ и др.; таково увеличеніе массы жира, количества молока у животныхъ домашнихъ и т. под. Все это показываетъ, что культурныя видоизмѣненія породъ не только не могутъ служить доказательствомъ аналогическаго измѣненія породъ естественныхъ, но скорѣе представляютъ намъ образцы явленій, которыхъ нѣтъ и не можетъ быть въ природѣ, предоставленной самой себѣ. Они болѣе говорятъ противъ теоріи Дарвина, чѣмъ въ ея пользу.

Еще болѣе усиливается противоположность явленій въ сферѣ культурныхъ растеній и животныхъ съ явленіями въ обычномъ теченіи природы и еще болѣе, поэтому, уменьшается право заключать отъ первыхъ къ послѣднему, когда обратимъ вниманіе на то, что большая часть культурныхъ разновидностей организмовъ происходитъ вслѣдствіе искусственнаго совокупленія или скрещиванія различныхъ видовъ ихъ человѣкомъ; таково напр. искусственное опыленіе или прививка въ растительномъ царствѣ, совокупленіе и подборъ различныхъ производителей въ животномъ. Большая часть нашихъ культурныхъ растеній и животныхъ суть такъ называемые ублюдки. Ничего подобнаго не встрѣчается въ природѣ, а вмѣстѣ съ этимъ уничтожается и одна изъ причинъ образованія новыхъ и превращенія прежнихъ породъ. Природа въ плодотворности совокупленія индивидуумовъ даннаго рода и въ невозможности подобнаго соединенія породъ различныхъ положила рѣзкіе, характеристическіе признаки породы и вмѣстѣ непреодолимое препятствіе къ превращенію одной породы въ другую. Многочисленныя наблюденія вполнѣ подтвердили этотъ фактъ *), несмотря на нѣкоторыя, незначительныя, впрочемъ, исключенія изъ этого закона, которыя могла бы, повидимому, истолковать въ свою пользу теорія трансформаціи. Мы дѣйствительно находимъ нѣкоторые примѣры плодотворнаго соединенія раз-

*) Подробности объ этомъ см. у Катрфажа, въ его L'espèce humaine. 1878, 46—65.

личныхъ породъ и образованія, повидимому, новой породы; самый извѣстный изъ нихъ, это — мулъ, помѣсь отъ лошади и осла; рождались иногда ублюдки и отъ другихъ породъ, напр. отъ тигра и собаки, отъ волка и собаки и др. Но эти примѣры нисколько не нарушаютъ общаго закона неизмѣняемости породъ путемъ скрещиванія, уже потому, что они случайны или искусственны, отъ чего или вовсе не встрѣчаются въ природѣ или встрѣчаются, какъ аномаліи и неестественныя исключенія; большая часть ублюдковъ произведена человѣкомъ насильственно, напр. въ зоологическихъ садахъ, въ видѣ опыта и пр. Какъ неестественно вызванныя, эти ублюдочныя породы, не будучи поддерживаемы искусствомъ человѣка, не могутъ и продолжаться, но исчезаютъ въ первыхъ же генераціяхъ.

При такой совершенной разнородности видоизмѣненій, происходящихъ въ кругу культурныхъ растеній и животныхъ съ естественнымъ теченіемъ органической жизни въ природѣ, возникаетъ справедливое недоумѣніе касательно права отъ происхожденія первыхъ заключать къ способу естественнаго образованія породъ. Это недоумѣніе еще болѣе усиливается, когда мы видимъ, что и силы, дѣйствующія въ процессѣ культурныхъ видоизмѣненій и въ процессѣ природы, не только не сходны, но совершенно противоположны. Тамъ дѣйствуетъ, прямо или косвенно, сознательный разумъ и воля человѣка и особыя условія, созданныя жизнію разумнаго существа; здѣсь— безсознательно и неизмѣнно по даннымъ законамъ дѣйствующія силы природы. При такомъ коренномъ различіи дѣйствующихъ силъ, возможно ли способъ дѣйствія одной силы (произведеніе культурныхъ организмовъ человѣкомъ) аналогически переносить на другую силу (естественное образованіе породъ природою)? По строгимъ законамъ логики, конечно, нѣтъ*).

*) Невозможность подобнаго заключенія прекрасно разъясняетъ Фрогшамеръ. „Дарвинъ, прежде всего, выставляетъ на видъ послѣдствія искусственнаго подбора съ цѣлію доказать этимъ возможность подбора естественнаго, а затѣмъ изъ этой возможности выводитъ его дѣйствительность, и на такой то дѣйствительности, которая не доказана даже и какъ простая возможность, онъ строитъ всю теорію. Я говорю: она не доказана даже и какъ простая возможность... ибо не нужно опускать изъ вниманія того, что при искусственномъ подборѣ принимаетъ участіе человѣческое умѣнье и способность дѣйствовать сообразно съ задуманною цѣлью и, такимъ образомъ, тутъ участвуетъ сознательная дѣятельность духа, а отъ возможнаго для такой дѣя-

Но Дарвинъ не колеблется рѣшить этотъ вопросъ положительно. Если человѣкъ, заключаетъ онъ, въ средѣ культурныхъ растеній и животныхъ можетъ въ короткое время произвести столь значительныя измѣненія, то *тѣмъ болѣе* можетъ произвести природа гораздо большія измѣненія въ болѣе продолжительное время. Но такое рѣшеніе совершенно противорѣчитъ всѣмъ правиламъ аналогіи, дозволяющей заключать отъ сходнаго, но не отъ различнаго, даже противоположнаго. Чтобы имѣть право такъ заключать, нужно бы предварительно доказать, что сила, управляющая жизнію природы, тожественна или подобна той силѣ, которая дѣйствуетъ и въ человѣкѣ, что она, подобно человѣческому уму, разсчитываетъ впередъ, предлагаетъ себѣ сознательныя цѣли, избираетъ полезныя для этой цѣли особенности, упрочиваетъ ихъ и пр. Скажемъ болѣе, эта сила должна быть не только аналогичною съ человѣческимъ разумомъ, но гораздо выше и совершеннѣе его, такъ какъ результаты искуственнаго подбора, какъ бы они ни казались разительными, всегда совершенно незначительны въ сравненіи съ тѣми, какихъ долженъ бы достигать подборъ естественный, производя самыя разнообразныя растенія и животныхъ. Но такая сила, далеко превосходящая силу человѣка, можетъ быть только силою творческою, признаніе которой, очевидно, разрушило бы всю теорію *естественнаго* самообразованія органическаго царства. Поэтому Дарвинъ и не останавливается на ней, а говоритъ только, что замѣною этой силы для природы служитъ *время*. Но понятія разума и времени не представляютъ никакой аналогіи и мы уже видѣли, что время само по себѣ ничего не объясняетъ въ процессѣ природы, да и объяснить не можетъ.

тельности нельзя съ достовѣрностію заключать, что тоже самое будетъ возможно и для природы безсознательной, предоставленной однимъ собственнымъ силамъ, хотя бы нужныя для этого условія и заключались въ природѣ. Вещественныя условія для происхожденія какого либо произведенія искусства, напр. книги, заключаются въ самой природѣ; но невозможно утверждать, что природа сама собою, въ продолженіе, положимъ, безчисленнаго множества вѣковъ, можетъ создать такое искусственное произведеніе, — утверждать на томъ основаніи, что сознательной духовной дѣятельности удалось создать такое произведеніе изъ средствъ природы же". Athenäum. Т. 1. 488. 489.

Фактъ образованія многочисленныхъ разновидностей въ кругу культурныхъ растительныхъ и животныхъ породъ, съ особенною тщательностію разъясненный Дарвиномъ, составляетъ главное эмпирическое доказательство въ пользу теоріи трансформаціи. При болѣе чѣмъ сомнительной пригодности этого факта для обоснованія этой теоріи, намъ нѣтъ нужды останавливаться на второстепенныхъ и косвенныхъ ея доказательствахъ, которымъ и самъ Дарвинъ, по видимому, не придаетъ особеннаго значенія *). Изъ нихъ мы обратимъ вниманіе только на эмбріологическія наблюденія, такъ какъ на нихъ съ особенною настойчивостію указываютъ многіе защитники теоріи трансформаціи. По ихъ мнѣнію, несомнѣнный фактъ, что всѣ организмы въ своемъ первоначальномъ зародышномъ состояніи оказываются однообразными и неразличными въ своемъ составѣ. Затѣмъ „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что почти всѣ животныя, будучи зародышами, проходятъ фазы развитія, въ которыхъ они имѣютъ какъ общее, такъ и частное сходство съ другими животными, стоящими на низшихъ сравнительно съ ними ступеняхъ въ зоологической системѣ.... Человѣкъ тоже не выходитъ изъ подъ этого закона. Его первая форма соотвѣтствуетъ постоянной формѣ инфузорій. За тѣмъ организація его, прежде чѣмъ дойдетъ до своего полнаго развитія, проходитъ постепенно фазы, въ которыхъ человѣческій зародышъ имѣетъ сходство съ червемъ, рыбой, земноводнымъ, птицей и низшими млекопитающими. На одной изъ послѣднихъ степеней утробнаго развитія, у человѣка бываетъ междучелюстная кость, свойственная обезьянамъ, но потомъ она изчезаетъ, и человѣческій зародышъ становится уже совершенно человѣческимъ существомъ“ **). Изъ этихъ фактовъ защитники теоріи трансформаціи по аналогіи заключаютъ, что тѣ самые переходы низшихъ органическихъ формъ въ высшія, которые те-

*) Эти доказательства заимствуются имъ изъ *морфологіи* (ученія объ одинаковости общаго плана строенія организмовъ или о единствѣ органическаго типа); изъ *эмбріологіи* (ученія о зародышахъ и ихъ развитіи); и, наконецъ, изъ факта существованія *зачаточныхъ* (заглохшихъ, недорослихъ и выродившихся) *органовъ* въ организмахъ. О происхожденіи видовъ; пер. Рачинскаго. Гл. XIII, 343 -362.

**) Естеств. исторія мірозданія, пер. Пальховскаго. 1863, стр. 144. 145. 146.

перь имѣютъ мѣсто только въ зародышной жизни, совершались нѣкогда и дѣйствительно въ жизни большаго организма природы, выражаясь преобразованіемъ низшихъ органическихъ породъ въ высшія.

Что касается до фактовъ, изъ которыхъ здѣсь выводится подобнаго рода заключеніе, то они слишкомъ далеки отъ того, чтобы ихъ можно было назвать „несомнѣнными фактами". Прежде всего, нисколько не доказано то, чтобы сходство органическихъ зародышей различныхъ породъ животныхъ простиралось до полнаго ихъ тожества. Однообразіе и неразличимость ихъ подъ микроскопомъ нисколько не говоритъ противъ ихъ дѣйствительнаго различія. Если же мы обратимъ вниманіе на то явленіе въ исторіи науки, что казавшіеся прежде самыми простыми органическіе элементы и существа (напр. клѣточки, инфузоріи) при болѣе тщательномъ наблюденіи оказывались сложными, то можемъ съ вѣрностью заключить, что кажущіеся однообразными зародыши представляютъ въ существѣ своемъ какія-нибудь характеристическія отличія для каждой породы и что они далеко не такъ просты по своему составу, какъ представляется. Далѣе, что касается до дальнѣйшихъ эмбріологическихъ метаморфозъ, то, кажется, можно съ несомнѣнностію сказать, что въ описаніи этихъ метаморфозъ болѣе значительная доля принадлежитъ воображенію, чѣмъ дѣйствительно научному наблюденію. Очень отдаленныя, тусклыя, случайныя подобія подъ перомъ защитниковъ теоріи трансформаціи принимали ясныя и опредѣленныя очертанія, какихъ вовсе не имѣли, и въ результатѣ получалось мнимое сходство различныхъ моментовъ эмбріологическаго развитія съ различными породами животныхъ. Если бы дѣйствительно зародыши высшихъ органическихъ существъ въ своемъ утробномъ развитіи проходили фазисы низшихъ ступеней органической жизни, то мы вправѣ были бы ожидать, съ одной стороны, возможности, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и при продолженномъ развитіи зародыша, рожденія высшей породы животнаго отъ низшаго, съ другой, при недостаточномъ развитіи зародыша, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ (напр. въ преждевременныхъ родахъ), появленія низшаго животнаго отъ высшаго. Но ничего подобнаго не представляетъ намъ физіологія. Нѣтъ ни одного факта, который бы дока-

зывалъ, чтобы напр. зародышъ рыбы при дальнѣйшемъ развитіи образовался въ птицу или зародышъ человѣка, при аномальномъ какомъ либо развитіи или преждевременныхъ родахъ, явился въ видѣ рыбы или животнаго; напротивъ, наука показываетъ, что и въ аномаліяхъ и въ недостигшихъ своего развитія организмахъ всегда ясно выражается общій типъ данной породы. Кромѣ того, противъ гипотезы постепеннаго переживанія, такъ сказать, каждымъ высшимъ организмомъ всѣхъ низшихъ его формъ органической жизни въ утробномъ состояніи прямо говоритъ и тотъ фактъ, что нѣкоторыя особенности, характеристичныя для высшихъ организмовъ, встрѣчаются иногда въ зачаточной жизни низшихъ и затѣмъ исчезаютъ, слѣдовательно, вовсе не имѣютъ того значенія переходныхъ ступеней отъ низшаго къ высшему, какое имъ приписываютъ. Такъ напр. тѣ подобія жаберныхъ отверстій въ человѣческомъ зародышѣ, которыя защитниками теоріи трансформаціи приводились въ подтвержденіе возможности перерожденія органическихъ формъ, найдены не только у человѣка и животныхъ, высшихъ рыбъ, но и низшихъ ихъ по своему строенію, у многихъ амфибій и безпозвоночныхъ. Слѣдовательно, если изъ присутствія ихъ въ зародышахъ высшихъ классовъ заключаютъ о постепенномъ перерожденіи животныхъ изъ низшаго класса въ высшій, то ихъ присутствіе въ низшихъ, напр. въ паукахъ, будетъ доказывать перехожденіе животнаго отъ высшей формы къ низшей, такъ какъ жабры, при совершеномъ развитіи животнаго, свойственны только рыбамъ и нѣкоторымъ изъ амфибій, стоящимъ, по своему строенію, гораздо выше насѣкомыхъ *).

*) Вообще, что касается до эмбріологическихъ наблюденій, то значенія ихъ для подтвержденія теоріи трансформаціи не признаютъ даже ученые, вообще сочувствующіе этой теоріи. Такъ К. Фохтъ дѣлаетъ слѣд. замѣчаніе по поводу этихъ наблюденій. „Справедливо, что зародыши высшихъ животныхъ, во время своего развитія, проходятъ фазы, аналогичныя съ постоянными формами низшихъ животныхъ. Однако эта аналогія *никогда* и *ни въ какомъ случаѣ* не заходитъ такъ далеко, чтобы за нею исчезалъ частный планъ организаціи животнаго. Эта аналогія ограничивается въ отдѣльныхъ случаяхъ только извѣстными и опредѣленными органами: такъ напр. человѣческій зародышъ, по жаберной щели, бывающей у него на шеѣ въ первое время, имѣетъ нѣкоторое сходство съ рыбой, хотя у него и нѣтъ настоящихъ жабръ и хотя въ другихъ отношеніяхъ онъ нисколько не походитъ на рыбу... Организація

При несостоятельности самыхъ фактовъ, которые думаютъ находить въ эмбріологіи защитники трансформизма, едва ли нужно говорить и о несостоятельности выводимаго изъ нихъ заключенія. Но если бы даже они были отчасти вѣрны, то это не давало бы еще намъ никакого права аналогически переносить явленіе въ индивидуальномъ развитіи организмовъ на исторію происхожденія всего органическаго царства. Заключеніе по аналогіи можетъ, конечно, имѣть нѣкоторое научное значеніе, но лишь въ томъ случаѣ, когда сравниваемые предметы представляютъ между собою дѣйствительное сходство. Но здѣсь сравниваемые элементы представляютъ различіе именно тамъ, гдѣ нужно сходство. 1) Эмбріологическія и другія метаморфозы (напр. въ жизни насѣкомыхъ) совершаются въ предѣлахъ одной и той же породы и совершаются безъ существеннаго измѣненія самого животнаго, которое при всѣхъ ихъ

каждаго животнаго въ частности есть какъ бы результатъ двухъ силъ: 1) *Общаго плана*, лежащаго въ основаніи обширнаго класса животныхъ (напр. позвоночныхъ) и обусловливающаго тѣ особенности, въ силу которыхъ животное относится къ позвоночнымъ, членистымъ и т. д., и 2) *частнаго плана*, сообщающаго животному болѣе опредѣленный характеръ. Вотъ этотъ-то первый планъ и даетъ возможность возникать упомянутымъ сходствамъ (аналогіямъ), которыя, однако жъ, далѣе этого плана не заходятъ; зародышъ позвоночнаго животнаго никогда не походитъ на членистое, на моллюска, лучистое или наливочное. У каждаго типа есть свой *особый* планъ развитія, который съ планомъ развитія другаго типа не имѣетъ ничего общаго". Русскій переводчикъ „Естественной исторіи мірозданія", гдѣ эмбріологическому доказательству трансформаціи породъ придается особенное значеніе, замѣчаетъ съ своей стороны: „здѣсь у автора проявляется одно изъ тѣхъ увлеченій, которыя были въ такомъ ходу еще очень недавно въ зоологіи и остались ей въ наслѣдство отъ натурфилософовъ... Теперь уже не признаютъ этихъ крайнихъ обобщеній, потому что человѣческій зародышъ напр. никогда не бываетъ червемъ и т. д." (Ест. исторія мірозданія, 146. 147). Замѣчаніе г. Пальховскаго о связи этого воззрѣнія съ натурфилософіею Шеллинга, Окена, Стеффенса и др. вѣрно; они охотно защищали ту мысль, что въ человѣкѣ, какъ микрокосмѣ, долженъ повториться процессъ развитія всей природы; но, тѣмъ не менѣе, не всѣ изъ нихъ считали этотъ процессъ совершенно тожественнымъ съ процессомъ дѣйствительнаго возникновенія организмовъ на земномъ шарѣ. „Зародышъ человѣка и высшихъ животныхъ, говоритъ Стеффенсъ, проходитъ тѣ же метаморфозы, которыя проходитъ и цѣлое животное царство; однако же нельзя отвергать, что степени развитія, которыя мы находимъ установившимися, какъ классы животныхъ, отличны отъ различныхъ степеней этихъ метаморфозъ". Steffens, Anthopol. II, 157.

остается однимъ и тѣмъ же животнымъ; между тѣмъ, теорія трансформаціи выводитъ отсюда возможность метаморфозы данной породы въ совершенно иную, самостоятельно существующую. 2) Эмбріологическія и другія измѣненія условливаются и вызываются строго опредѣленными, специфическими законами жизни индивидуумовъ каждой породы; предполагаемые переходы породъ одной въ другую условливаются и вызываются внѣшними причинами, каковы напр. борьба за существованіе, необходимость примѣняться къ различнымъ климатическимъ, мѣстнымъ условіямъ. Это послѣднее различіе, по нашему мнѣнію, имѣетъ особенное значеніе въ томъ отношеніи, что если бы даже и допустить аналогическое объясненіе процесса происхожденія органическаго міра процессомъ индивидуальнаго развитія организма, — то эта аналогія говорила бы скорѣе противъ теоріи трансформаціи, чѣмъ въ ея пользу. Она доказала бы, что главная, можно сказать, единственная дѣйствующая причина органическаго развитія заключается не внѣ организмовъ (напр. во вліяніи внѣшнихъ условій жизни), но въ нихъ самихъ; что, поэтому, и особенности организмовъ опредѣляются внутреннею, специфическою силою (назовемъ ли ее пластическою, органическою силою или имманентнымъ закономъ жизни,—все равно), которая самостоятельно и неизмѣнно принадлежитъ каждой органической породѣ и условливаетъ ея специфическій типъ.

II. Приступая къ критическому разсмотрѣнію теоріи трансформаціи, мы замѣтили, что въ этой теоріи необходимо отличать самый фактъ, ею устанавливаемый и объясненіе этого факта. Фактъ,—это измѣнчивость породъ и постепенное видоизмѣненіе ихъ одна въ другую; объясненіе этого факта состоитъ въ указаніи самыхъ способовъ, посредствомъ которыхъ совершается въ природѣ это видоизмѣненіе. Самое главное и существенное, это, конечно, научное доказательство истины самаго факта; объясненія его—дѣло второстепенное; они могутъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, когда предварительно прочно обоснованъ самый изъясняемый фактъ.

До сихъ поръ мы занимались изслѣдованіемъ основоположенія или факта теоріи трансформаціи и пришли къ убѣжденію, что въ пользу его не только нѣтъ никакихъ неоспоримыхъ данныхъ, но что, напротивъ, наука представляетъ не-

сомнѣнные факты, свидѣтельствующіе о неизмѣнности породъ. Многіе изъ такого рода фактовъ указаны извѣстными естествоиспытателями (Кювье, Флурансомъ и др.) еще при самомъ первомъ появленіи этой теоріи въ лицѣ Ламарка и до сихъ поръ не устранены ни Дарвиномъ, ни его послѣдователями. Они только затемнены или отодвинуты на задній планъ дальнѣйшими, подробными, часто остроумными объясненіями самаго процесса трансформаціи, каковы: борьба за существованіе, унаслѣдованіе полезныхъ для организма пріобрѣтеній, половой подборъ и пр. За этими объясненіями и примѣненіями ихъ къ конкретнымъ случаямъ легко ускользаетъ изъ вниманія самое главное,—недоказанность самаго объясняемаго факта. При этомъ также легко забывается, что эти объясненія, эти дополнительные элементы теоріи трансформаціи могутъ имѣть научное значеніе въ томъ лишь случаѣ, если предварительно будетъ доказано, что породы переходятъ, по крайней мѣрѣ, могутъ переходить одна въ другую. Въ такомъ случаѣ объясненія Дарвина служили бы отвѣтомъ на дальнѣйшій вопросъ: *какъ* совершаются эти переходы? Но такъ какъ предположеніе объ этихъ переходахъ остается недоказаннымъ, то и самыя объясненія его въ сущности суть только объясненія гипотетическаго или возможнаго, но не реальнаго факта; они объясняютъ трансформацію породъ,—если только такая трансформація *возможна*, что еще требуется доказать *).

Такое второстепенное значеніе спеціальнаго объясненія способовъ преобразованія породъ по отношенію къ главной идеѣ теоріи трансформаціи давало бы намъ право, оставивъ

*) Для объясненія указаннаго нами отношенія между основнымъ фактомъ теоріи трансформаціи и объясненіемъ его позволимъ себѣ привести примѣръ изъ другой области знанія. Предположимъ, что какому нибудь оригинальному историку вздумалось доказывать происхожденіе Варяго-Руссовъ изъ Китая, и для доказательства этого положенія онъ представилъ бы цѣлый рядъ остроумныхъ и вѣроятныхъ соображеній и разъясненій, — *какимъ образомъ* изъ Китая они могли бы достигнуть предѣловъ Новгородскихъ. Не въ правѣ ли мы были бы сказать такому историку: подобнаго рода соображенія были бы очень хороши и вѣроятны, если бы только предварительно фактически было доказано, что Варяги-Русь дѣйствительно произошли изъ Китая. Въ противномъ случаѣ, ваша гипотеза виситъ на воздухѣ, и всѣ объясненія относительно того, какъ они пришли изъ Китая, служатъ объясненіями только возможнаго и предполагаемаго, а не дѣйствительнаго факта.

въ сторонѣ эти объясненія, остановиться на томъ достигнутомъ уже и достаточномъ для насъ результатѣ, что эта теорія не только не представляетъ никакихъ положительныхъ доказательствъ въ свою пользу, но и прямо опровергается фактами, свидѣтельствующими о постоянствѣ породъ. Но, къ сожалѣнію, въ области науки часто забывается простое логическое правило, что a posse ad esse non valet consequentia, и болѣе или менѣе вѣроподобное объясненіе возможности извѣстнаго факта принимается часто за доказательство его дѣйствительности. Это явленіе съ особенною силою выразилось въ судьбѣ теоріи Дарвина; остроумныя, во всякомъ случаѣ, оригинальныя объясненія процесса преобразованія породъ были приняты за несомнѣнныя научныя доказательства его дѣйствительности. Это заставляетъ и насъ остановиться на нихъ и посмотрѣть, дѣйствительно ли вѣроятность этихъ объясненій такъ сильна и увлекательна, что невольно можетъ заставить насъ забыть объ ихъ настоящемъ научномъ значеніи и предполагаемый, возможный фактъ—преобразованіе породъ принять за дѣйствительный.

Въ гипотезѣ Дарвина основнымъ началомъ для объясненія происхожденія породъ, какъ не трудно замѣтить, служатъ два предположенія: 1. Возможность или способность каждаго органическаго существа производить безчисленныя разновидности или оттѣнки въ своемъ потомствѣ; сѣмена напр. одного и того же растенія, посѣянныя въ одномъ и томъ же грунтѣ, въ одно и тоже время и при одинаковыхъ условіяхъ, производятъ, однакоже, не совершенно однородныя и во всемъ одно на другое похожія растенія, но одни особи выходятъ больше, другія меньше, одни цвѣтомъ темнѣе, другія свѣтлѣе и т. п. 2. Возможность или способность а) сохранять и б) преемственно передавать именно тѣ отличія и особенности, которыя оказались устойчивѣе, прочнѣе, такъ сказать, сильнѣе въ борьбѣ за существованіе и которыя, кромѣ того, полезнѣе и необходимѣе для этого существованія. Постепенное накопленіе и унаслѣдованіе такихъ особенностей и видоизмѣняетъ однѣ породы въ другія.

Противъ перваго положенія Дарвина, вѣрнаго какъ фактъ, справедливо замѣчаютъ, что его гипотеза нисколько не объясняетъ этого основнаго факта, и поэтому въ сущности остав-

ляетъ насъ въ совершенной неизвѣстности относительно самаго принципа или коренной причины возникновенія разнообразія породъ.

„Первая причина тѣхъ незначительныхъ, но выгодныхъ видоизмѣненій въ организмахъ, при помощи которыхъ долженъ дѣйствовать естественный подборъ и могутъ возникать виды,— эта первая причина является у Дарвина совершенно непонятною. Наиболѣе вѣроятнымъ онъ считаетъ, что эти видоизмѣненія возникаютъ преимущественно отъ какихъ нибудь измѣненій въ очень чувствительной и воспріимчивой системѣ воспроизведенія или зарожденія. Но и основаніе этой воспріимчивости и причины, дѣйствующія на воспріимчивость, непонятны и во всякомъ случаѣ Дарвиномъ не объяснены. По этому основнымъ началомъ его теоріи служитъ, собственно говоря, *случай*, и уже отъ этого одного она не можетъ быть названа строго научною теоріей. Въ ней мы встрѣчаемъ такое основное начало, котораго не можемъ понимать въ его основаніи, законосообразности, необходимости, вообще, въ его сущности, а потому не можемъ и ставить его прочнымъ началомъ научнаго объясненія *)".

Но этого мало. Вдумываясь ближе въ это таинственное начало,—способность каждаго индивидуума производить разновидности, которыя, потомъ, мало по малу образуются въ виды, мы необходимо приходимъ къ мысли, что признаніе этого начала рѣшительно противорѣчитъ теоріи механическаго объясненія происхожденія органической жизни. Такъ какъ коренное начало происхожденія разновидностей въ сущности условливается не внѣшними причинами, каковы напр. борьба за существованіе, примѣненіе къ даннымъ условіямъ жизни, но какою то чисто внутреннею, необъяснимою причиною (назовемъ ли ее жизненною, органическою, пластическою или какою угодно силою), то аналогически, по методу теоріи трансформаціи, перенося явленія, замѣчаемыя въ области настоящаго теченія органической жизни, на образованіе породъ вообще, мы должны будемъ признать, что главная причина ихъ появленія также заключалась не во внѣшнихъ условіяхъ, но въ какой-то таинственной, внутренней силѣ или законѣ бы-

*) Фрогшаммеръ. См. Athenäum, p. 309.

тія органическаго царства. Эта сила или этотъ законъ въ концѣ концевъ и опредѣлялъ различіе и разнообразіе породъ, при чемъ физическіе агенты могли играть только одну второстепенную роль. Но съ признаніемъ такой силы, очевидно, теряетъ почву теорія *естественнаго*, въ смыслѣ вполнѣ объяснимаго наличными физическими силами, происхожденія органическихъ существъ.

За случайнымъ возникновеніемъ разновидностей слѣдуетъ а) сохраненіе тѣхъ изъ нихъ, которыя оказываются *полезнѣе* въ борьбѣ за существованіе и потому устойчивѣе. Противъ этого положенія Дарвина можетъ быть выставлено множество фактовъ, которые говорятъ не въ пользу его теоріи.

а) Прежде всего, его законъ сохраненія полезныхъ особенностей не имѣетъ *всеобщности*, не составляетъ такого принципа, изъ котораго можно бы объяснять и выводить все въ происхожденіи организмовъ съ такою необходимостію, чтобы инаго объясненія не возможно было и допустить. Зеленый напр. цвѣтъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, питающихся листьями и коричневый или сѣрый питающихся корою объясняется, положимъ, началомъ сохраненія полезныхъ особенностей, такъ какъ этотъ именно цвѣтъ скрываетъ этихъ насѣкомыхъ отъ ихъ враговъ. Но въ тоже время, какъ признаетъ и самъ Дарвинъ, зеленый цвѣтъ, напр. дятла, не можетъ быть объясненъ изъ этого начала, точно также какъ ярко-красный и пестрый цвѣтъ очень многихъ насѣкомыхъ, который легко ихъ выдаетъ ихъ врагамъ. Очевидно, это явленіе разнообразія окраски происходитъ отъ какой либо другой причины, а не отъ той, которая указана Дарвиномъ; его началу, такимъ образомъ, не достаетъ той всеобщности и необходимости, которыя нужны для всякаго основнаго начала теоріи.

Еще важнѣе то, что, прямо вопреки теоріи сохраненія полезныхъ особенностей, мы замѣчаемъ множество случаевъ, когда сохраняются особенности не только безполезныя, но и положительно вредныя въ борьбѣ за существованіе. Напр. гремучая змѣя имѣетъ позвонки, которые легко выдаютъ приближеніе этого животнаго и, не принося ему ни малѣйшей пользы, служатъ къ его гибели. Къ чему напр. можетъ служить жало пчелы съ своимъ крючечкомъ, которое не можетъ быть вынуто изъ раны, если впущено туда при нападеніи или

защитѣ пчелы, но извлекаетъ за собою ея внутренности и причиняетъ ей самой смерть? Противъ подобнаго рода многочисленныхъ фактовъ теорія Дарвина защищаетъ себя прежде всего тѣмъ, что, кромѣ начала сохраненія полезныхъ особенностей, признаетъ еще и нѣкоторыя другія причины возникновенія особенностей, повидимому, безполезныхъ; напр. такъ называемый половой подборъ, въ силу котораго сохраняются не только полезныя, но и просто красивыя или нравящіяся животнымъ особенности. Но такъ какъ и эта дополнительная гипотеза не объясняетъ однако же всѣхъ случаевъ, противорѣчащихъ его теоріи, то онъ большею частію или игнорируетъ эти случаи, или прибѣгаетъ къ натянутымъ и изысканнымъ объясненіямъ полезности извѣстныхъ особенностей или, наконецъ, прямо ссылается на то, что намъ хорошо неизвѣстно, что и какъ полезно для извѣстнаго животнаго, и потому мы должны предположить на вѣру, что и кажущееся намъ безполезнымъ, даже вреднымъ, вѣроятно полезно въ какомъ нибудь отношеніи *). Какъ это послѣднее доказательство, такъ и особенно изысканныя, иногда почти фантастическія объясненія Дарвина невольно напоминаютъ методъ и пріемы прежнихъ телеологовъ, о которыхъ, однако же, съ такимъ пренебреженіемъ отзываются современные естествоиспытатели. Сочиненія Дарвина могутъ представить не мало обращиковъ такой сомнительной телеологіи **).

---

*) О происх. видовъ. Пер. Рачинскаго, стр. 156–161.

**) Въ подтвержденіе сказаннаго нами можемъ привести примѣръ объясненія Дарвиномъ происхожденія одного органа у животныхъ, повидимому, противорѣчащаго его теоріи сохраненія и унаслѣдованія полезныхъ пріобрѣтеній; это хвостъ млекопитающихъ животныхъ. По его мнѣнію, онъ сохранился потому, что оказался очень нужнымъ животному для отмахиванія мухъ. На первый разъ кажется страннымъ, даже невозможнымъ, чтобы онъ могъ образоваться для такой ничтожной цѣли, какъ отмахиваніе мухъ. Но мы должны остановиться прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ объ этомъ случаѣ, ибо мы знаемъ, что распредѣленіе и существованіе рогатаго скота и другихъ звѣрей въ Южной Америкѣ положительно зависитъ отъ ихъ средствъ защиты противъ насѣкомыхъ, такъ что особи, которыя могли бы какъ нибудь обороняться отъ этихъ мелкихъ враговъ, имѣли бы возможность распространяться на новыя пастбища и, такимъ образомъ, пріобрѣли бы значительное преимущество. Конечно, крупные звѣри лишь въ рѣдкихъ случаяхъ положительно истребляются мухами, но они подвергаются отъ мухъ безпрестанному

б) Не имѣя значенія всеобщаго закона природы, теорія Дарвина нисколько не объясняетъ намъ ни сохраненія случайно возникшихъ полезныхъ особенностей, ни ихъ развитія за тѣмъ въ особые органы, что и было причиною преобразованія однихъ породъ въ другія.

По ученію Дарвина, полезныя въ борьбѣ за существованіе особенности въ началѣ были очень незначительны, а потомъ въ теченіе долгаго времени постепенно увеличивались и накоплялись, пока не образовали рѣзкихъ видовыхъ отличій. Но на это можно справедливо замѣтить, что если эти особенности были такъ безконечно малы, какъ предполагаетъ теорія трансформаціи, то организмы никакъ не могли воспользоваться ими, сохранять и развивать ихъ въ теченіе безконечно долгаго времени. Понятно напр., что если бы у животнаго, первоначально неимѣвшаго крыльевъ, случайно произошла особь, имѣющая крылья, то она воспользовалась бы ими въ борьбѣ за существованіе и передала бы (положимъ) эту полезную особенность по наслѣдству. Но такъ какъ крылья, по теоріи Дарвина, не могли образоваться вдругъ у животнаго безкрылаго, а первоначально случайно произошло въ немъ только нѣкоторое малѣйшее органическое видоизмѣненіе, которое лишь въ теченіе вѣковъ могло превратиться въ крылья, видоизмѣненіе, которое, поэтому, не только въ своей первичной, микроскопической формѣ, но и въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ было совершенно безполезно для организма, то возникаетъ вопросъ:

мученію, отъ котораго они ослабѣваютъ и хилѣютъ, вслѣдствіе чего, въ случаѣ голода, менѣе способны добывать себѣ пищу или спасаться отъ враговъ". (О происх. видовъ, 157). Но какъ это телеологическое назначеніе хвоста не объясняетъ однако жъ всѣхъ случаевъ существованія его у животныхъ, то Дарвинъ прибѣгаетъ тутъ же и къ другому предположенію, именно, что у животныхъ наземныхъ хвостъ есть только сохранившійся остатокъ или слѣдъ того хвоста, который имѣли предки ихъ, когда были животными водными,—рыбами. Этотъ рыбій хвостъ „могъ впослѣдствіи переработаться въ органы самаго разнороднаго назначенія: въ мухогонку, въ хватательный органъ, въ правило, помогающее собакамъ поворачивать на бѣгу,—помощь (откровенно замѣчаетъ при этомъ Дарвинъ) впрочемъ незначительная, потому что и почти купый заяцъ также быстро поворачиваетъ на скаку". Наконецъ, далѣе, Дарвинъ, повидимому, склоняется и къ той мысли, что хвостъ можетъ быть образовался и потому, что „давалъ средства самцамъ къ взаимной борьбѣ и къ прельщенію самокъ". (Ibid. 158. 159).

почему же въ организмѣ могла сохраняться и передаваться наслѣдственно такая особенность, которая пока вовсе не нужна была для борьбы за существованіе? Ужели мы должны предположить, что въ первоначально безкрыломъ животномъ было какое то темное. инстинктивное предчувствіе, что эта столь незамѣтная вначалѣ и ничтожная особенность со временемъ, чрезъ сотни тысячъ лѣтъ, превратится въ крылья, которыя нѣкогда принесутъ пользу для животнаго? Очевидно, нѣтъ. Если бы въ первоначально несовершенныхъ и простыхъ организмахъ какъ нибудь и произошли малѣйшія измѣненія, то они, по самой своей незначительности, нисколько не проложили бы пути къ постепенному увеличенію этихъ измѣненій и чрезъ то къ образованію породъ. Какъ случайно возникло такое измѣненіе, также точно оно могло и опять исчезнуть, не сознавая своей полезности.

Вообще, сохраненіе полезныхъ особенностей и постепенное превращеніе ихъ въ полезныя для экономіи животнаго органы, съ точки зрѣнія Дарвина, возможно только при двухъ предположеніяхъ. Или природа животнаго должна была какимъ то ясновидѣніемъ предусматривать могущую образоваться изъ ничтожнаго, случайнаго зачатка пользу въ отдаленномъ будущемъ и потому чрезъ послѣдовательный рядъ генерацій развивать этотъ зачатокъ; или эти случайно возникавшія въ организмѣ измѣненія оказывались сразу столь значительными, что представили дѣйствительную, замѣтную выгоду для благосостоянія животнаго и, поэтому, передались по наслѣдству. Но первое предположеніе завело бы насъ слишкомъ далеко отъ *естественно-научнаго* объясненія происхожденія видовъ; притомъ, при этомъ предположеніи нельзя было бы объяснить, ни существующаго постоянства породъ, ни причинъ, почему и въ настоящее время не происходитъ пріобрѣтенія новыхъ или развитія пріобрѣтенныхъ уже полезностей. Почему напр., если хвостъ полезенъ для животныхъ, не развивается онъ у тѣхъ животныхъ. у которыхъ его нѣтъ или очень малъ? Если крылья такъ полезны для птицы, то почему до сихъ поръ страусъ не развилъ свои, почти безполезныя для него теперь, короткія крылья до настоящаго размѣра? Второе предположеніе, конечно, противорѣчитъ теоріи Дарвина, допускающей лишь крайне медленное образованіе органовъ изъ

ничтожныхъ зачатковъ ихъ. Но если мы даже и примемъ его, по примѣру нѣкоторыхъ трансформистовъ *); то, независимо отъ противорѣчія такого предположенія опыту, для насъ останется совершенно непонятнымъ, почему же и теперь не являются внезапно новыя полезныя для организма измѣненія, а вслѣдствіе этого не происходятъ и новыя породы **)?

Еще болѣе возбуждаетъ недоумѣній теорія Дарвина, когда мы отъ незначительныхъ и чисто внѣшнихъ особенностей (какъ напр. цвѣтъ) перейдетъ къ важнѣйшимъ органическимъ аппаратамъ и спросимъ о происхожденіи того или другаго устройства напр. нервной системы, желудка и т. п. Дарвинъ высказываетъ мысль, что даже самыя незначительныя внѣшнія измѣненія въ организмѣ могутъ „вслѣдствіе внутренней, тѣсной связи всѣхъ частей его“ вызывать соотвѣтствующія измѣненія и въ цѣломъ организмѣ. Но едва ли эта мысль пригодна для объясненія происхожденія крупныхъ особенностей въ организмѣ животныхъ. Измѣненія внѣшнихъ частей, конечно, сопровождаются соотвѣтствующимъ измѣненіемъ и другихъ частей организма; но это общее измѣненіе строго пропорціонально величинѣ и значенію даннаго частнаго измѣненія. Незначительное измѣненіе въ одномъ органѣ, поэтому, можетъ произвести нѣкоторое измѣненіе въ цѣломъ строеніи организма, но до такой степени ничтожное, что оно останется совершено неуловимымъ и не можетъ имѣть никакого существеннаго значенія. Для насъ напр. совершенно необъяснимо, какимъ образомъ присутствіе или отсутствіе хвоста у животнаго можетъ произвести мало по малу совершенную реорганизацію внутреннихъ частей организма; еще менѣе понятно, чтобы такое значеніе могли

*) Защитники ученія о такъ наз. transformation brusque, — по Катрфажу, L'espece hum 1878. 66.

**) Не говоримъ о томъ, что ученіе Дарвина о случайномъ возникновеніи и за тѣмъ сохраненіи полезныхъ особенностей, если и можетъ имѣть нѣкоторую вѣроятность, то лишь въ примѣненіи къ царству животному и, притомъ, въ болѣе развитыхъ его формахъ. Но оно представляется совершенно непримѣнимымъ къ царству растительному. Самая изобрѣтательная и смѣлая фантазія откажется объяснить, какимъ напр. образомъ по этой теоріи могло возникнуть и затѣмъ образоваться столь безконечное различіе формы листьевъ въ различныхъ породахъ растеній и какимъ образомъ для каждаго растенія, въ его борьбѣ за существованіе, могла быть полезною именно та, а не другая форма листьевъ?

имѣть ничтожныя, зачаточныя, такъ сказать, случайно возникшія особенности, которыя могли стать замѣтными лишь по истеченіи многихъ генерацій.

Если, такимъ образомъ, самая мысль, будто случайное возникновеніе незначительныхъ особенностей могло имѣть вліяніе на коренное и всецѣлое измѣненіе организма, представляется невѣроятною, то мы не можемъ ожидать сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія и того, какъ именно могли образоваться, путемъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе, различія въ строеніи важнѣйшихъ частей организма у различныхъ животныхъ. Самое сильное воображеніе отказывается объяснить намъ, какъ напр. по теоріи Дарвина могли пройзойти первые зачатки легкихъ, положимъ, изъ жабръ или изъ плавательнаго пузыря рыбы и какая необходимость въ борьбѣ за существованіе вызывала такое видоизмѣненіе въ строеніи первоначально не имѣвшаго легкихъ и не нуждавшагося въ нихъ животнаго. Еще труднѣе объяснить, какъ у высшихъ животныхъ произошла столь совершенная нервная система, съ своимъ средоточіемъ — мозгомъ, съ дѣйствующими такъ различно нервами ощущенія, движенія, чувствъ. Тоже самое должно сказать и о происхожденіи отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Обратимъ вниманіе напр. на зрѣніе. Если первоначальные, простые организмы существовали безъ глазъ, то непонятно, какая причина могла вызвать ихъ образованіе, такъ какъ относительно борьбы за существованіе всѣ организмы находились тогда въ одинаковыхъ условіяхъ и имѣли одинаковую возможность существовать безъ зрѣнія; въ глазахъ не было нужды. Но, положимъ, такъ или иначе образовался какой нибудь слабый зачатокъ глаза, какъ основа для дальнѣйшаго развитія: какъ объяснить послѣдовавшее за тѣмъ возникновеніе глазъ различнаго устройства и различнаго совершенства у разныхъ животныхъ? Первоначальный глазъ нужно будетъ признать совершенно простымъ, похожимъ напр. на просто облеченный пигментомъ зрительный нервъ, который и теперь находимъ у нѣкоторыхъ членистыхъ животныхъ, безъ хрусталика и безъ всякихъ другихъ принадлежностей оптическаго аппарата. Изъ такого простаго глаза, путемъ естественнаго подбора, должны произойти и сложные глаза, и простые глаза съ хрусталикомъ и съ роговою оболочкою,

встрѣчающіеся у другихъ членистыхъ животныхъ. Но какъ все это могло произойти? Какъ изъ такихъ несовершенныхъ глазъ могли образоваться глаза, столь напр. сложные, какъ у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, состоящіе изъ сотней, даже тысячъ частей. Болѣе совершенные глаза и потому еще не могутъ быть объяснены постепеннымъ измѣненіемъ глазъ несовершенныхъ (какіе мы и теперь находимъ у нѣкоторыхъ животныхъ), что они отличаются отъ послѣднихъ совершенно *новыми* частями,—такими частями, которыя никакъ не могли произойти отъ прежнихъ посредствомъ послѣдовательнаго ихъ развитія. Они могли появиться только въ силу какого нибудь внезапнаго скачка въ теченіи природы, слѣдовательно, въ силу какой то непостижимой, таинственной причины, а отнюдь не вслѣдствіе естественнаго подбора.

При затруднительности, можно сказать, невозможности объяснить по теоріи Дарвина происхожденіе важнѣйшихъ органическихъ частей и аппаратовъ, чрезвычайно странною представляется та самоувѣренность, съ какою онъ высказываетъ свое убѣжденіе въ истинѣ своей гипотезы. Если бы можно было доказать, говоритъ онъ, что существуетъ какой либо сложный органъ, который никакъ не могъ бы сложиться чрезъ многочисленныя, легкія и послѣдовательныя видоизмѣненія, то моя теорія окончательно бы рушилась“ *). Намъ кажется, что его теорія разрушается при каждой попыткѣ приложить ее къ объясненію происхожденія какого либо сложнаго органическаго аппарата. Во всякомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы требовать доказательствъ невозможности объясненія фактовъ изъ его теоріи, Дарвинъ самъ долженъ бы представить доказательства ея возможности. Слѣдовало бы ожидать, что въ виду чрезвычайной важности объясненія происхожденія сложныхъ органовъ для его теоріи, онъ остановится съ большею подробностію на этомъ предметѣ и представитъ намъ положительныя доказательства или, по крайней мѣрѣ, примѣры примѣненія своей теоріи. Къ удивленію, Дарвинъ, столь щедрый на объясненія возникновенія незначительныхъ и второстепенныхъ особенностей, здѣсь останавливается на одномъ только зрѣніи и для объясненія происхожденія зрительнаго аппарата глаза прибѣгаетъ къ такому

*) О происх. видовъ, 153.

телеологическому объясненію, которое едва ли можетъ быть соглашено съ его теоріею *естественнаго* образованія видовъ. Это объясненіе состоитъ въ аналогіи естественнаго образованія глаза съ изобрѣтеніемъ телескопа. „Трудно, говоритъ онъ, избѣгнуть сравненія глаза съ телескопомъ. Мы знаемъ, что этотъ инструментъ былъ усовершенствованъ продолжительными усиліями самыхъ высшихъ человѣческихъ умовъ; и мы естественно заключаемъ, что глазъ достигъ своего совершенства процессомъ болѣе или менѣе подобнымъ“ *). Аналогія эта проведена у Дарвина довольно остроумно; но дѣло въ томъ, что она невѣрна въ самой основѣ своей. Въ изобрѣтеніи оптическихъ инструментовъ и ихъ постепенномъ усовершеніи дѣйствующею силою является, хотя ограниченный, но свободный и сознательный разумъ человѣка. Но что можетъ соотвѣтствовать этой силѣ въ неразумной природѣ? Безсознательная природа такъ же не можетъ подражать дѣятельности оптика, какъ не можетъ подражать дѣятельности художника напр. живописца или механика. Сама собою она также не создастъ глаза, какъ не можетъ произвести напр. картину или часы.

Если теперь отъ происхожденія отдѣльныхъ органовъ и особенностей органическихъ существъ перейдемъ къ цѣлымъ породамъ ихъ, то и здѣсь встрѣтимъ много недоразумѣній, которыхъ не разрѣшаетъ намъ Дарвинова теорія естественнаго подбора.

Прежде всего, подлежитъ сильному сомнѣнію самый фактъ передачи по наслѣдству вновь пріобрѣтаемыхъ полезныхъ особенностей съ ихъ постепеннымъ усовершенствованіемъ въ каждой генераціи. По теоріи Дарвина выходитъ, что эта передача есть какой-то всеобщій и необходимый законъ. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что, наоборотъ, случаи наслѣдованія потомствомъ вновь возникающихъ случайно органическихъ особенностей составляютъ не общее правило, а исключеніе. Такъ напр. между людьми бывали примѣры, что наслѣдственно передавался избытокъ или недостатокъ пальцевъ на рукахъ, шероховатость кожи и т. п. Но противъ этихъ случаевъ стоитъ масса другихъ, когда пріобрѣтенныя случайно особенности вовсе не передаются, такъ что перваго рода случаи ско-

*) О происх. видовъ. 150—153.

рѣе можно назвать исключеніями, чѣмъ нормальнымъ явленіемъ. Съ другой стороны, опытъ не только не подтверждаетъ, даже въ исключительныхъ случаяхъ, того, чтобы передавались именно полезныя, случайно возникшія, особенности, но, напротивъ, чаще всего передаются потомству или ненормальныя или болѣзненныя органическія разстройства. Такъ напр. у человѣка и у животныхъ передаются наслѣдственно разнаго рода болѣзни, хотя и здѣсь не замѣчено, чтобы такая передача происходила неизбѣжно и постоянно *). Принимая во вниманіе указанные факты, мы должны признать въ высшей степени сомнительною ту передачу потомкамъ случайно возникшихъ полезныхъ особенностей, которая составляетъ движущій, такъ сказать, нервъ всей теоріи Дарвина. Такая передача можетъ быть только явленіемъ случайнымъ, даже болѣе случайнымъ, чѣмъ передача различныхъ болѣзненныхъ поврежденій въ организмѣ, и расчитывать на эту случайную передачу для объясненія постепеннаго образованія породъ, очевидно, невозможно. Наравнѣ съ полезными особенностями могли точно также быть переданы по наслѣдству и безполезныя, даже вредныя и ничто не можетъ ручаться, чтобы удержались въ теченіе генерацій именно первыя. Правда, Дарвинъ можетъ замѣтить, что потому то именно и удержались первыя, что они были полезны для организма въ борьбѣ за существованіе, тогда какъ особенности безполезныя или вредныя, въ силу именно этого своего качества, должны были мало по малу изчезнуть, имѣя мало шансовъ устоять въ борьбѣ за существованіе съ особями, унаслѣдовавшими пріобрѣтенія полезныя. Но противъ этого служитъ сильнымъ возраженіемъ то, уже указанное нами, обстоятельство, что полезныя особенности въ началѣ могли явиться только въ ничтожныхъ, микроскопическихъ зачаткахъ, и что полезность ихъ могла обнаружиться лишь по истеченіи милліоновъ генерацій, когда ничтожная особенность путемъ развитія превратится въ сформировавшійся полезный органъ (напр. зачатокъ крыльевъ у птицы въ настоящія крылья). Такимъ образомъ, передача и сохраненіе въ теченіи милліоновъ генерацій ничтожныхъ и безполезныхъ особенностей

*) О нормальной и патологической наслѣдственности см. Revue des questions scient. 1878. Janv. 1–44.

(въ виду не оказавшейся еще полезности ихъ въ борьбѣ за существованіе) представляется дѣломъ совершенно непонятнымъ.

Конечно, Дарвину при этомъ постоянно предносится мысль о искусственномъ подборѣ, когда дѣйствительно передаются по наслѣдству и сохраняются полезныя для человѣка особенности культурныхъ растеній и животныхъ. Но онъ забываетъ, что въ природѣ совершенно отсутствуютъ тѣ условія, которыя имѣютъ здѣсь мѣсто и главное изъ нихъ,—сознательный разумъ и воля человѣка. При искусственномъ подборѣ всѣ неблагопріятные для улучшенія породы или для образованія новой разновидности шансы искусственно устраняются. На племя напр. отбираются лучшія особи и не однажды, а каждый разъ снова, и въ то же время оберегаются отъ особей менѣе совершенныхъ. Когда искусственный подборъ производителей и обереганіе прекращаются, то начатое усовершенствованіе не идетъ дальше и животное, какъ извѣстно, возвращается къ прежнему типу. Если мы обратимъ вниманіе на это и перенесемся теперь къ тому времени, когда на землѣ возникала органическая жизнь, то намъ не представляется возможности двинуться и на одинъ шагъ впередъ отъ первоначальнаго состоянія этой жизни. Если бы въ первоначальныхъ, несовершенныхъ организмахъ и возникли какія нибудь незначительныя измѣненія, то они не могли бы передаваться наслѣдственно и, усиливаясь болѣе и болѣе, произвести различіе породъ. Какъ случайно возникало какое либо измѣненіе, точно также оно и изчезало бы, не имѣя за собою того тщательнаго ухода, который бываетъ при культурѣ домашнихъ растеній и животныхъ.

Но положимъ, какъ ни трудно объяснить причину этого явленія, дѣйствительно передались по наслѣдству и развились до характеристическихъ видовыхъ признаковъ тѣ именно особенности, которыя оказались полезнѣе для животнаго въ борьбѣ за существованіе съ другими породами. Очевидно теперь, что такъ называемая борьба за существованіе есть главное начало или принципъ, опредѣляющій и условливающій происхожденіе органическихъ породъ. При такомъ важномъ значеніи этого принципа слѣдовало бы ожидать, что въ дѣйствительной жизни органическихъ существъ онъ явится намъ въ видѣ всеобщаго,

неизмѣннаго и твердо установленнаго закона природы. Но на самомъ дѣлѣ его значеніе далеко не таково. Что касается до такъ называемой борьбы за существованіе, то безпристрастные и не увлеченные дарвинизмомъ естествоиспытатели, не отвергая значенія этого элемента въ объясненіи жизни природы и отдавая полную справедливость Дарвину, что онъ первый выставилъ на видъ этотъ элементъ, тѣмъ не менѣе полагаютъ, что онъ, увлеченный своею теоріею, преувеличилъ ея значеніе и незаконно возвелъ ее во всеобщій законъ органической жизни. Совершенно вѣрно, что борьба за существованіе составляетъ дѣйствительно существенную силу и потому пригодна служить для объясненія нѣкоторыхъ явленій въ жизни органическихъ существъ. Къ одинаковымъ условіямъ существованія пріурочено множество существъ, и такъ какъ эти условія недостаточны, чтобы одинаково сохранять жизнь всѣмъ этимъ существамъ, то тѣ изъ нихъ, которыя владѣютъ какими нибудь болѣе выгодными особенностями, дающими перевѣсъ въ пользованіи условіями существованія, могутъ удобнѣе сохраняться и вытѣснять другихъ. Здѣсь теорія вѣрна и согласна съ фактами. Но эта борьба за существованіе можетъ объяснить только сохраненіе нѣкоторыхъ разновидностей въ предѣлахъ одного вида или породы и гибель другихъ разновидностей, но никакъ не первое начало и происхожденіе новыхъ породъ *). Далѣе, эта борьба за существованіе нисколько не можетъ объяснить того, что составляетъ главное какъ въ теоріи Дарвина, такъ и вообще въ вопросѣ о происхожденіи организмовъ, именно—постепенное усовершенствованіе въ ходѣ органической жизни. По теоріи Дарвина необъяснимо, почему до сихъ поръ существуютъ низшіе организмы, когда изъ нихъ выдѣлились высшіе и выдѣлились именно потому, что сохранили нѣкоторыя полезныя особенности, которыя обезпечили имъ побѣду въ борьбѣ за существованіе преимущественно предъ тѣми низшими организмами, изъ коихъ они возникли и кои были лишены такихъ особенностей. Опытъ показываетъ, что сохраняются и одолѣваютъ въ борьбѣ за существованіе далеко не всегда тѣ животныя или растенія, которыя совершеннѣе, но преимущественно тѣ, которыя уживчивѣе. Такъ, сорныя

*) Frohschammer. Athen. 317.

травы заглушаютъ культурныя растенія, какъ скоро они лишены искусственнаго ухода. Такъ напр. красивый каменный баранъ, зубръ вымираетъ, тогда какъ обыкновенный воробей распространяется свободно по всей землѣ. Часто, именно въ слѣдствіе своей простоты и несложности, низшіе организмы распложаются легче и въ большемъ количествѣ, чѣмъ высшія. Несомнѣнныхъ примѣровъ усовершенствованія вслѣдствіе борьбы за существованіе можно указать немного, да и тѣ теряютъ свое значеніе отъ такихъ примѣровъ, которые свидѣтельствуютъ, что при извѣстныхъ условіяхъ нѣкоторыя существа, именно вслѣдствіе своего большаго совершенства, одолѣваются и вытѣсняются существами менѣе совершенными.

Самъ Дарвинъ какъ будто чувствуетъ, что его знаменитый законъ борьбы за существованіе далеко не имѣетъ того всеобъемлющаго значенія въ дѣлѣ образованія породъ, какое онъ ему приписываетъ. Поэтому у него, какъ вспомогательныя средства при осуществленіи этого закона, принимаются, кромѣ условливаемаго имъ естественнаго подбора, половой подборъ и вліяніе внѣшнихъ условій жизни, климата, пищи, мѣстности, заставляющихъ организмы примѣняться къ нимъ.

Оставивъ въ сторонѣ половой подборъ, такъ какъ имъ, по мнѣнію самого Дарвина, объясняется происхожденіе только не многочисленныхъ, въ сущности безполезныхъ, но нравящихся животнымъ, какъ украшеніе или пріятное качество, особенностей (напр. яркіе колера перьевъ и пѣніе у самцовъ въ нѣк. породахъ птицъ, грива у животныхъ и пр. *), мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о вліяніи внѣшнихъ условій жизни.

Вліяніемъ измѣняющихся внѣшнихъ условій жизни и необходимостью примѣняться къ нимъ, какъ извѣстно, исключительно объясняли происхожденіе разнообразія породъ предшествовавшіе Дарвину трансформисты,—Ламаркъ, Ж. Сенъ-Илеръ и др. Дарвинъ, выставивъ на первый планъ законъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе, не отвергая совершенно этого явленія, не придаетъ ему важнаго зна-

*) Что касается до полового подбора, то противъ сохраненія при помощи его и передачи *нравящихся* особенностей можно сказать все то же, что сказано нами относительно происхожденія *полезныхъ* особенностей: и возникновеніе, и передача по наслѣдству, и усовершенствованіе этихъ особенностей также мало вѣроятны, какъ и послѣднихъ.

ченія. По его мнѣнію, возникшія этимъ путемъ измѣненія у животныхъ крайне незначительны; въ растеніяхъ они можетъ быть нѣсколько больше; внѣшнимъ вліяніямъ можно приписать развѣ нѣкоторыя особенности въ окраскѣ птичьихъ перьевъ, въ толстотѣ листьевъ у растеній и т. п.

Но внимательные критики сочиненія Дарвина справедливо замѣчаютъ, что здѣсь его теорія значительно расходится съ дѣломъ, что въ дѣйствительности онъ гораздо больше приписываетъ вліянію внѣшнихъ условій на образованіе породъ, чѣмъ предполагаетъ, и что въ этомъ отношеніи онъ не такъ далеко ушелъ отъ Ламарка, какъ думаетъ. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно то, что фактовъ и объяснительныхъ примѣровъ вліянія (дѣйствительно естественнаго, а не искусственнаго) подбора и борьбы за существованіе на происхожденіе видовъ въ его сочиненіи представлено несравненно меньше, чѣмъ примѣровъ образованія органическихъ особенностей вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ условій и необходимости примѣняться къ нимъ. Въ виду этого нельзя не признать нѣкоторой доли справедливости въ мнѣніи тѣхъ, которые думаютъ, что новое, внесенное Дарвиномъ въ теорію трансформаціи состоитъ только въ измѣненіи терминологіи, что новыми именами естественнаго, искусственнаго, половаго подбора, борьбы за существованіе обозначается почти то же, что прежде называли измѣнчивостью организма отъ вліянія климата, пищи, образа жизни, привычки и пр. *).

Въ виду собственнаго сознанія Дарвина, что вліяніе внѣшнихъ условій можетъ произвести только очень незначительныя измѣненія въ устройствѣ организма, намъ нѣтъ нужды снова останавливаться на разъясненномъ уже отчасти нами фактѣ устойчивости органическихъ породъ и независимости ихъ въ этомъ отношеніи отъ внѣшнихъ вліяній. Этотъ фактъ еще прежде появленія теоріи Дарвина былъ достаточно доказанъ естествоиспытателями вопреки ученію Ламарка, который во вліяніи внѣшнихъ условій и въ приспособленіи къ нимъ видѣлъ главную причину видоизмѣненія породъ. Дѣйствительно, опытъ показываетъ, что хотя растеніе, животное и можетъ нѣсколько примѣняться къ новымъ условіямъ жизни и вслѣд-

*) I. Meyer, Philos, Zeitfragen, 1871, 64—67.

ствіе этого измѣняться, но кругъ измѣненій, отсюда проистекающихъ, очень не значителенъ, а что вообще измѣненіе внѣшнихъ условій скорѣе повлечетъ за собою гибель извѣстной породы, чѣмъ заставитъ ее примѣниться къ нимъ и получить какіе либо новые органы или особенности, нужныя для такого примѣненія *).

Мы указали важнѣйшіе недостатки, отмѣченные естествознаніемъ въ теоріи Дарвина. Теперь, въ виду того особеннаго значенія, которое приписываютъ этой теоріи ея защитники, не только для естествознанія, но и для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ знанія и жизни, мы должны оцѣнить ея дѣйствительное значеніе и характеръ, въ частности, съ точки зрѣнія: а., естествознательной и б., философской.

а) Не только защитники теоріи трансформаціи, но и противники ея въ области естествознанія, согласно признаютъ несомнѣнныя достоинства изслѣдованій Дарвина. Онъ взялъ на себя трудъ рѣшить одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ естествознанія,—о происхожденіи разнообразія органической

---

*) Такъ напр. истребленіе лѣсовъ въ данной мѣстности губитъ и животныхъ, жизнь которыхъ условливалась существованіемъ лѣса, напр. насѣкомыхъ, питающихся корою хвойныхъ деревьевъ, лѣсныхъ птицъ, звѣрей; эти животныя ни вдругъ, ни постепенно не могутъ примѣниться къ жизни въ странѣ безлѣсной; птица, по своей организаціи предназначенная жить по болотамъ, не можетъ жить на сухой равнинѣ. Какъ на примѣръ вліянія мѣстныхъ условій на измѣненіе организаціи, Дарвинъ указываетъ на различіе двухъ разновидностей волковъ: горной и равнинной,—первой съ легкими формами, напоминающими складъ борзой собаки и охотящейся за оленями, второй,—болѣе массивной, на болѣе короткихъ ногахъ, чаще нападающей на овецъ (Происх. видовъ, стр. 73). Конечно, эти разности въ строеніи волковъ слишкомъ незначительны для того, чтобы они не могли образоваться и указаннымъ Дарвиномъ способомъ. Но вѣроятность этого предположенія ослабляется тѣмъ, приведеннымъ и у Дарвина обстоятельствомъ, что оба вида волковъ не пріурочены строго одинъ къ горной, другой къ равнинной мѣстности, но, по свидѣтельству Пирса, обѣ разновидности одинаково водятся въ Кэсткильскихъ горахъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Отсюда скорѣе выходитъ то, что не въ мѣстности заключается причина образованія двухъ разновидностей волка, но на оборотъ, какимъ либо инымъ путемъ возникшія особенности въ организаціи сдѣлали то, что одни волки предпочтительно стали охотиться за овцами, другіе за оленями и лѣсными животными.

жизни,—вопросъ, который именно въ виду его трудности и послѣ неудачи попытки Ламарка замѣтно старались обходить естествоиспытатели. Какъ ни сродна, почти однородна, съ гипотезою Ламарка теорія Дарвина, но она далеко оставляетъ за собою первую по полнотѣ обработаннаго имъ естественно-научнаго матеріала, по тщательному выбору фактовъ, по остроумію, съ какимъ прилагаются начала его теоріи къ объясненію этихъ фактовъ. Этимъ преимуществомъ научнаго обоснованія объясняется и различная судьба въ ученомъ мірѣ обѣихъ, по идеѣ очень сходныхъ, теорій,—кратковременный успѣхъ первой и обширное и глубокое вліяніе послѣдней. Самые факты и наблюденія, собранныя Дарвиномъ, независимо отъ ихъ доказательной силы въ пользу его основнаго воззрѣнія, представляютъ въ высшей степени цѣнный научный матеріалъ, особенно, его изслѣдованія объ искусственномъ подборѣ и видоизмѣненіяхъ культурныхъ растеній и животныхъ.

Но иное дѣло факты, и иное—заключеніе, выводимое изъ фактовъ. Что касается до послѣдняго, то болѣе сдержанные и неувлеченные теоріею естествоиспытатели согласны, что здѣсь Дарвинъ переступилъ границы, дозволяемыя строгимъ индуктивнымъ методомъ и сдѣлалъ слишкомъ смѣлое заключеніе и обобщеніе отъ частнаго факта къ рѣшенію общаго вопроса о происхожденіи органической жизни. Этотъ частный фактъ есть измѣняемость органическихъ существъ. Эту измѣняемость, въ болѣе или менѣе тѣсныхъ границахъ, всегда признавали естествоиспытатели, какъ прежде появленія теоріи Дарвина, такъ и впослѣдствіи; признавали даже ученые, вообще несогласные съ его теоріею *). Дарвинъ сдѣлалъ многое для

*) Напр. Агасизъ, Р. Вагнеръ, Беръ и др. (I. B. Meyer, Philos. Zeitfragen. 1874. 86). Особенно замѣчательно отношеніе къ этому вопросу отечественнаго естествоиспытателя Бэра. Сначала онъ допускалъ измѣнчивость породъ въ довольно широкихъ границахъ. „Я не могу, говоритъ онъ, удержаться отъ того убѣжденія, что многія формы, которыя теперь дѣйствительно сохраняются отдѣльными, только мало по малу достигли до этой отдѣльности, первоначально же образовали только одну породу. Настоящее распространеніе животныхъ по землѣ, сколько съ вѣроятностью можно отсюда заключать къ предыдущему, кажется мнѣ, рѣшительно говоритъ въ пользу этого мнѣнія... Такъ какъ все существующее въ природѣ измѣнчиво, частію подвижно въ пространствѣ, частію способно къ развитію, то не видно, почему бы единичныя формы не могли имѣть другаго развитія, кромѣ того общаго, въ порядкѣ по-

разъясненія этого факта; но онъ не ограничился тѣмъ, чтобы показать, какъ велики предѣлы и гдѣ границы измѣнчивости породъ, какія изъ существующихъ нынѣ органическихъ породъ должны быть признаны видами и какія разновидностями, отъ нихъ происшедшими. Отъ немногихъ фактовъ онъ рѣшился сдѣлать смѣлое и неоправдываемое ими заключеніе, что и всѣ растительныя и животныя формы образовались тѣмъ же путемъ, какъ и разновидности, и произошли изъ немногихъ первичныхъ, даже, можетъ быть, изъ одной формы. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, вся его теорія можетъ имѣть значеніе, но только въ гораздо болѣе тѣсной и скромной области, именно,—въ области происхожденія разновидностей въ предѣлахъ даннаго вида или породы. Въ этой ограниченной области могутъ находить свое примѣненіе и столь тщательно собранные Дарвиномъ факты и наблюденія, и его ученіе о естественномъ и половомъ подборѣ и о борьбѣ за существованіе. Впрочемъ, по суду болѣе осторожныхъ естествоиспытателей, даже и въ этой ограниченной области, едва ли этимъ началамъ видоизмѣняемости, указаннымъ Дарвиномъ, можетъ быть приписано исключительное и всеобщее значеніе. И здѣсь все еще остается открытымъ для науки вопросъ: въ какой мѣрѣ и степени можно допустить вліяніе этихъ условій на образованіе самыхъ разновидностей и не нужно ли, кромѣ этихъ условій, допустить какія либо другія, незамѣченныя Дарвиномъ, такъ какъ они, какъ мы видѣли, далеко не могутъ объяснить вполнѣ возникновенія даже всѣхъ разновидностей. Но, во всякомъ случаѣ, изслѣдованія Дарвина указываютъ, если не на всѣ, то на нѣкоторыя важнѣйшія причины

явленія ихъ на землѣ, на которое указываетъ намъ Палеонтологія". Но съ осторожностью строгаго естествоиспытателя, онъ прибавляетъ при этомъ: „какъ широко должно принимать это развитіе однѣхъ породъ изъ другихъ, объ этомъ я не осмѣливаюсь составить себѣ какого либо мнѣнія". (Memoires del'A. S. Petersb. 1859. см. Meyer, 86). Но, къ удивленію, появленіе сочиненія Дарвина, спеціально разработавшаго этотъ вопросъ, не только не утвердило Бера въ этомъ мнѣніи, но, напротивъ, недостаточностію приведенныхъ имъ фактовъ, заставило его измѣнить и свое прежнее убѣжденіе. „Чѣмъ болѣе я читаю Дарвина ,говоритъ онъ въ письмѣ къ Р. Вагнеру, тѣмъ болѣе я отступаюсь отъ моего собственнаго прежняго (ограниченнаго) ученія о видоизмѣненіи породъ". (Fabri, Briefe g. d. Materialismus, 232).

происхожденія измѣненій даннаго вида, въ этомъ состоитъ безспорная заслуга его теоріи.

Но какъ скоро теорія Дарвина переходитъ за границы вида и совершающихся въ предѣлахъ его измѣненій и законъ образованія разновидностей переноситъ на образованіе породъ, она теряетъ подъ собою строгонаучную почву и обращается въ бездоказательную, противорѣчащую фактамъ, гипотезу. Въ виду такого противорѣчія фактамъ, напрасно Дарвинъ и его послѣдователи, какъ на свое право гипотетически переносить законъ происхожденія разновидностей на происхожденіе породъ, ссылаются на то обстоятельство, что понятія рода, вида, разновидности далеко не установлены наукою, что границы ихъ на дѣлѣ не опредѣлены съ точностью и что, поэтому, переходъ разновидности въ видъ, а этого послѣдняго въ родъ, не можетъ считаться невозможнымъ. Все это отчасти справедливо: въ этомъ отношеніи можно согласиться съ тѣми естествоиспытателями, которые считаютъ одною изъ заслугъ Дарвина то, что онъ съ особенною тщательностью выяснилъ неудовлетворительность существующихъ понятій о родѣ, видѣ, разновидности; очень можетъ быть и то, что именно вслѣдствіе изслѣдованій Дарвина и возбужденныхъ имъ сомнѣній, многія породы или виды животныхъ будутъ признаны не болѣе какъ разностями одного первоначальнаго вида. Но недостатокъ научной точности въ классификаціи родовъ и видовъ можетъ говорить только о необходимости исправить его, но онъ нисколько не опровергаетъ подтверждаемой несомнѣнными фактами мысли о существованіи неизмѣнныхъ органическихъ типовъ, назовемъ ли мы ихъ породами или видами. Опредѣлить точное число ихъ, — дѣло естествознанія. Во всякомъ случаѣ, исправленіе частныхъ ошибокъ въ этомъ отношеніи, посредствомъ перенесенія нѣкоторыхъ видовъ въ разрядъ разновидностей или на оборотъ, не можетъ поколебать того основнаго факта, что существующія неизмѣнныя породы растеній и животныхъ не могутъ произойти ни изъ одной органической формы, ни изъ тѣхъ немногихъ первичныхъ формъ, на которыя указываетъ Дарвинъ.

б) При дознанной неудовлетворительности теоріи трансформаціи, въ частности, гипотезы Дарвина, съ естествознательной точки зрѣнія, невольно рождается вопросъ: какая при-

чина, что столь слабая въ научномъ отношеніи теорія имѣла и имѣетъ въ настоящее время столь обширный кругъ распространенія и пользуется столь глубокимъ сочувствіемъ и вниманіемъ не только въ сферѣ естествознанія, но и въ другихъ научныхъ и не научныхъ, но считающихъ себя интеллигентными, кругахъ?

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что дѣйствительная причина этого явленія есть философское значеніе этой теоріи, какъ опоры для столь распространеннаго въ наше время матеріалистическаго міросозерцанія, которое въ ней думаетъ найти для себя ту научную поддержку, которой до сихъ поръ не имѣло. И сама по себѣ теорія трансформаціи есть столько же философская, сколько и естествознательная теорія *); но еще болѣе она получаетъ такой характеръ по тѣмъ выводамъ, какіе матеріалистическая философія думаетъ извлечь изъ нея для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ о первой причинѣ бытія, о происхожденіи міра и человѣка. Главная причина успѣха теоріи трансформаціи та, что она представляетъ намъ теорію *естественнаго* мірообразованія, такого образованія, въ которомъ устраняется всякое вліяніе верховной разумной Силы и все сводится къ простому дѣйствію необходимыхъ, естественныхъ законовъ природы. Такое философское значеніе теоріи трансформаціи даетъ намъ право оцѣнить ее съ этой точки зрѣнія

*) Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ согласны съ оцѣнкою методологическаго значенія теоріи трансформаціи, сдѣланною г. Хлѣбниковымъ. „Очень многіе предполагаютъ, что философія эволюціонизма тѣмъ разнится отъ идеалистическихъ философскихъ системъ, что она опирается на факты, тогда какъ послѣднія опираются лишь на теоретическія положенія внѣопытныя. Это убѣжденіе невѣрно съ двухъ сторонъ. Во 1-хъ, въ смыслѣ болѣе широкомъ нѣтъ ни одной чисто фактической науки, ибо каждое сопоставленіе фактовъ уже предполагаетъ умозрѣніе, каждый выводъ изъ фактовъ есть въ сущности умозрительной выводъ, только вспомоществуемый фактами, почерпая въ нихъ наглядность. Во 2-хъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ эволюціонизмъ, отправляясь отъ незначительнаго числа фактовъ наблюденныхъ, тотчасъ переходитъ къ заключенію о фактахъ, никогда не наблюдавшихся, и на этихъ то предполагаемыхъ фактахъ строитъ свои выводы, слѣдовательно, онъ дѣлается совершенно умозрительной системой, какъ и идеализмъ и создаетъ чистую метафизику матеріализма, вращаясь въ разсмотрѣніи не фактовъ, а понятій, ибо предполагаемый фактъ есть, конечно, ничто иное, какъ чистое понятіе“. Н. Хлѣбникова, Изслѣдованія и характеристики, Кіевъ. 1879. 306.

и посмотрѣть, въ какой мѣрѣ она пригодна для той цѣли, для которой думаютъ употребить ее, именно, какъ надежное орудіе для защиты матеріалистическаго міросозерцанія.

На первый взглядъ можетъ показаться, что, приписывая теоріи трансформаціи матеріалистическую тенденцію, мы навязываемъ ей воззрѣніе, котораго она въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ первыхъ ея представителей, вовсе не держится. Такъ авторъ „Естественной исторіи мірозданія“ во всемъ своемъ сочиненіи очень часто кстати и не кстати говоритъ о Богѣ, о Провидѣніи, о мудрости и благости Его намѣреній и пр., хотя весь ходъ его изслѣдованій показываетъ сильное желаніе устранить изъ исторіи міра все сверхъестественное и истинно божественное. Что касается до Дарвина, то и онъ, повидимому, допускаетъ естественное міробразованіе только до извѣстныхъ предѣловъ. Онъ не распространяется вообще о происхожденіи первоначальныхъ органическихъ типовъ, но согласенъ допустить что „всѣ органическія существа, когда либо жившія на землѣ, вѣроятно, произошли отъ одной первичной формы, въ которую впервые вдохнулъ жизнь Творецъ“ *). Такимъ образомъ, теорія Дарвина, повидимому, далека отъ матеріализма; въ философскомъ отношеніи она составляетъ скорѣе опытъ примиренія двухъ противоположныхъ воззрѣній на происхожденіе организмовъ. Тогда какъ одни, — защитники постоянства видовъ, какъ Агасизъ, принимали первоначальное созданіе ихъ Богомъ и затѣмъ вновь повторяющійся актъ творенія въ каждую геологическую эпоху, а другіе, напротивъ, совершенно устраняли первую верховную Причину и первоначальныя органическія формы производили прямо изъ неорганической матеріи (gener. spontanea), — Дарвинъ соединяетъ обѣ гипотезы: допускаетъ актъ творенія въ самомъ началѣ, а затѣмъ даетъ самое широкое мѣсто естественному развитію.

Мы не станемъ заподозривать ни Дарвина, ни другихъ послѣдователей теоріи трансформаціи въ неискренности и въ непохвальной аккомодаціи къ общественному мнѣнію, когда они въ своихъ сочиненіяхъ говорятъ о Богѣ и твореніи **). Но не

*) О происх. видовъ. Пер. Рачинскаго, 382.

**) Довольно замѣчательно, впрочемъ, что въ позднѣйшихъ изданіяхъ своего сочиненія Дарвинъ выпустилъ находящіяся въ первыхъ приведенныя нами

можемъ не замѣтить, что подобнаго рода примиреніе теизма съ матеріализмомъ страдаетъ непослѣдовательностью и потому естественно, что оно одинаково не могло удовлетворить защитниковъ ни того, ни другаго и, при дальнѣйшемъ развитіи, теорія трансформаціи легко могла получить чисто матеріалистическую окраску.

Дѣйствительно, для тѣхъ, кто признаетъ идею творенія, самъ собою представляется вопросъ: если для объясненія происхожденія первичныхъ органическихъ формъ необходимо допустить сверхъестественный актъ творческой силы, то почему мы должны ограничивать этотъ актъ созданіемъ только одной или очень немногихъ (четырехъ или пяти по Дарвину) первоначальныхъ формъ? Почему не могли быть созданы въ началѣ и многія органическія существа? Признавать созданіе Богомъ только одного или немногихъ простыхъ организмовъ и не допускать созданія многихъ, болѣе совершенныхъ, значитъ допускать логическую непослѣдовательность. Напротивъ, допуская первоначальное созданіе Богомъ органическихъ существъ,— родоначальниковъ извѣстныхъ породъ растеній и животныхъ, мы не только не повредимъ тому, что есть вѣрнаго въ дарвинизмѣ (объясненіе происхожденія разновидностей), но и устранимъ тѣ неразрѣшимыя затрудненія, какія, какъ мы видѣли, представляетъ эта теорія. Но такое видоизмѣненіе теоріи трансформаціи, къ которому необходимо должно привести признаніе идеи творенія, очевидно, разрушило бы эту теорію въ самыхъ существенныхъ ея чертахъ.

Поэтому гораздо послѣдовательнѣе и ближе къ общему направленію теоріи Дарвина были тѣ его послѣдователи, которые совершенно отвергли ненужное, по ихъ мнѣнію, „вторженіе“ верховной силы въ ходъ естественнаго развитія міра. Дарвинъ, замѣчали они, былъ не вѣренъ себѣ, когда, признавая естественное образованіе всѣхъ породъ, допускалъ сверхъ-естественное происхожденіе одной, первоначальной. Допуская естественное образованіе важнѣйшаго и болѣе совершеннаго, странно было бы не допустить такого же происхожденія лишь для одного ничтожнаго органическаго элемента,—

слова: „въ которую впервые вдохнулъ жизнь Творецъ“. Fichte, Seelenfortdauer et cet. 200.

простой первоформы. И эта первоначальная форма произошла естественнымъ путемъ, чрезъ самопроизвольное зарожденіе изъ неорганической матеріи. Хотя такое происхожденіе и не есть несомнѣнно удостовѣренный для настоящаго времени фактъ, но оно должно быть принято какъ необходимый постулятъ всей теоріи естественнаго образованія органическаго царства *).

Такимъ образомъ стоило сдѣлать въ теоріи Дарвина только ничтожную перемѣну, которую, вѣроятно, не сталъ бы слишкомъ оспаривать и самъ Дарвинъ и которая вытекала само собою послѣдовательно изъ его собственной теоріи, чтобы теорія трансформаціи потеряла то, слабое, впрочемъ, примирительное значеніе между супранатурализмомъ и атеизмомъ въ объясненіи природы, какое она оставляла за собою, допуская актъ творчества въ самомъ началѣ органической жизни, и оказалась чисто матеріалистическою гипотезою. Понятно, поэтому, отъ чего она съ такимъ сочувствіемъ и торжествомъ была встрѣчена при своемъ появленіи именно матеріалистами**).

Предѣлы нашего настоящаго изслѣдованія о теоріи трансформаціи не дозволяютъ намъ входить въ подробный разборъ дополнительнаго къ этой теоріи ученія о такъ называемомъ самопроизвольномъ зарожденіи. Это ученіе потребовало бы особаго изслѣдованія, которое и показало бы намъ, что подпора одной произвольной теоріи другою, еще болѣе произвольною, не только не можетъ служить къ подкрѣпленію первой,

---

*) Таково мнѣніе Негелли, Фохта, Геккеля и др. I. B. Meyer, Phil. Zeitfragen, 92. 93.

**) Такъ напр. К. Фохтъ, которому въ средѣ другихъ матеріалистовъ принадлежитъ то преимущество, что онъ прямо и безъ застѣнчивости всегда высказываетъ свои матеріалистическія убѣжденія, такъ оцѣниваетъ значеніе изслѣдованій Дарвина: „слѣдствія этого ученія во всякомъ случаѣ страшны для извѣстнаго направленія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію: Дарвинова теорія совершенно изгоняетъ личнаго Творца и его повременное вторженіе въ ходъ творенія и въ происхожденіе породъ, такъ какъ она дѣйствію такого Творца не даетъ ни малѣйшаго мѣста. Какъ скоро дана первая исходная точка, — первый организмъ, то изъ нея посредствомъ естественнаго подбора сама собою развивается органическая жизнь чрезъ всѣ геологическіе періоды, по простымъ законамъ наслѣдственности; не возникаетъ никакой новой породы и не изчезаетъ старой вслѣдствіе творческаго вмѣшательства; естественное теченіе вещей достаточно для произведенія всѣхъ явленій“. Vorles. üb. Menschen. 1863. См. Fabri, Briefe g. d. Materialismus. 245.

но, напротивъ, еще ярче выставило бы на видъ невозможность для матеріализма сколько нибудь раціонально объяснить происхожденіе органической жизни. Здѣсь, оставаясь строго въ предѣлахъ обсужденія разсматриваемой нами теоріи трансформаціи, замѣтимъ только, что эта теорія и сама по себѣ, при болѣе внимательномъ взглядѣ на основную идею ея, едва ли можетъ быть признана столь надежною и вѣрною союзницею матеріализма, какъ онъ обыкновенно думаетъ. Въ увлеченіи ею матеріалистами заключается недоразумѣніе, которое рано или поздно выяснившись, можетъ легко мнимаго союзника матеріализма превратить въ опаснаго врага.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы, оставивъ въ сторонѣ подробности теоріи Дарвина, обратимъ вниманіе на характеристическія черты этой теоріи и на то общее впечатлѣніе, которое она производитъ, то должны будемъ признать, что эту теорію только по недоразумѣнію можно назвать матеріалистическою. Для сколько нибудь философски развитаго читателя изслѣдованій Дарвина легко замѣтить, что у него вездѣ предполагается столь ненавистное матеріализму телеологическое дѣйствованіе природы, безсознательное на низшихъ ступеняхъ органическаго царства и постепенно переходящее въ сознательное на высшихъ. Несмотря на его желаніе придавать какъ можно больше значенія случайности (напр. въ первоначальномъ возникновеніи зачатковъ полезныхъ особенностей) и внѣшнимъ физическимъ условіямъ, у него постоянно усвояется растенію, животному инстинктивное стремленіе руководствоваться извѣстными цѣлями и, притомъ, въ виду отдаленнѣйшаго будущаго. Мы видѣли, что ничтожная, случайно возникшая особенность, въ виду ея будущей полезности въ борьбѣ за существованіе сохраняется, постоянно передается по наслѣдству, усовершается съ каждою генераціею, пока не разовьется въ дѣйствительно нужный для животнаго органъ. Какая причина этого явленія? Откуда взялось у органическихъ существъ такое стремленіе, такое умѣнье выбирать и сохранять полезное, отстранять вредное? Все это, конечно, у Дарвина остается неизвѣстнымъ, но дѣло въ томъ, что чѣмъ выше мы восходимъ по степенямъ органической жизни, тѣмъ болѣе вторгается въ область его изслѣдованій цѣлая масса понятій, совершенно чуждыхъ матеріализму и предполагающихъ въ

природѣ *разумъ*, умѣнье достигать извѣстныхъ цѣлей вѣрными средствами. Кукушка напр., по его теоріи, однажды почему нибудь положила свое яйцо въ чужое гнѣздо, замѣтила выгоду для себя, которая произошла отъ этого, стала дѣлать это часто или постоянно; отсюда произошла наслѣдственность такого образа дѣйствованія и характеристическая черта кукушки. Пусть такъ; но при этомъ не объяснено, откуда взялась у кукушки способность такъ разсуждать, быть такою сообразительною и довѣрять свои яйца только извѣстнымъ породамъ птицъ? Нѣкоторымъ пчеламъ случилось разъ построить свои соты изъ шестистороннихъ, соприкасающихся между собою, ячеекъ; они замѣтили при этомъ выгоду сбереженія воска при подобной формѣ ячеекъ и стали, по крайней мѣрѣ, часть пчелъ, строить всегда такъ; затѣмъ, по закону естественнаго подбора побѣдительницами въ борьбѣ за существованіе вышли тѣ пчелы, которыя строили соты такимъ наивыгоднѣйшимъ способомъ; прочія съ теченіемъ времени погибли. Опять предполагается, что пчелы должны были замѣтить и сообразить случайно оказавшуюся выгоду и воспользоваться ею. Какая нибудь первая птица, случайно залетѣвъ зимою изъ холоднаго климата въ теплый, нашла, что очень удобно и всегда удаляться изъ холодныхъ странъ въ теплыя; она передала свою привычку по наслѣдству,— и вотъ явились породы перелетныхъ птицъ Но откуда опять явилось у птицы соображеніе, и какъ оно передалось потомству? Оставимъ въ сторонѣ частную невѣроятность подобныхъ объясненій; человѣкъ поумнѣе пчелы и птицы, но и онъ не можетъ передавать наслѣдственно привычныхъ ему ремеслъ и познаній. Дѣло въ томъ, что всѣ подобнаго рода объясненія, которыя у Дарвина встрѣчаются постоянно, далеко выходятъ изъ области чисто механическаго объясненія природы; ими необходимо предполагается въ ней какое то разумное и по планамъ дѣйствующее начало, какъ бы мы его ни называли *).

*) Тоже самое безотчетное, невольное введеніе не матеріальнаго начала въ кругъ физическихъ и химическихъ агентовъ мы замѣчаемъ не только у Дарвина но и у Ламарка, хотя преобладающее значеніе, которое онъ приписываетъ въ дѣлѣ происхожденія организмовъ внѣшнимъ вліяніямъ, повидимому, дѣлаетъ его ученіе болѣе матеріалистическимъ, въ сравненіи съ теоріею Дарвина, который не придаетъ много значенія этимъ вліяніямъ. Это начало

Но не въ однихъ только частныхъ объясненіяхъ происхожденія высшихъ отправленій органической жизни выступаетъ у Дарвина предположеніе телеологически дѣйствующаго разума, слѣд., не матеріальнаго начала. Оно прямо высказывается въ тѣхъ чисто психическаго свойства чертахъ, которыми онъ характеризуетъ свое естественное начало органическаго развитія. Въ этомъ началѣ онъ видитъ какую-то безпредѣльную силу разумной дѣятельности, далеко оставляющую за собою разумъ человѣка. „Если человѣкъ, говоритъ онъ, при нѣкоторомъ терпѣніи можетъ подобрать уклоненія, полезныя для него, то почему и природа не могла-бы подобрать уклоненія полезныя, при измѣняющихся условіяхъ жизни, ея живымъ произведеніямъ? Какой предѣлъ можемъ мы положить этой силѣ, дѣйствующей въ теченіи долгихъ вѣковъ и строго изслѣдующей весь складъ каждаго организма, его строеніе, его образъ жизни, благопріятствующей всему хорошему, отбрасывающей все дурное? Я не могу представить себѣ предѣловъ этой силѣ, медленно, но въ совершенствѣ приспособляющей каждую форму къ самымъ сложнымъ жизненнымъ соотношеніямъ“ *). Въ другихъ мѣстахъ сочиненій Дарвина, вмѣсто природы этимъ могучимъ началомъ органическаго развитія является олицетворенный имъ естественный подборъ; онъ, по его словамъ, „точно наблюдаетъ, тщательно подбираетъ, безошибочно отыскиваетъ всякое улучшеніе для цѣлей дальнѣйшаго существованія“.

у Ламарка является въ видѣ способности организмовъ приспособляться къ окружающей средѣ и безъ привнесенія этой способности его гипотеза не могла бы сдѣлать и одного шага. Вспомнимъ приведенный нами примѣръ образованія изъ первоптицы различныхъ породъ водяныхъ, хищныхъ и другихъ птицъ. Предполагается, что эта первоптица въ мѣстахъ болотистыхъ будетъ постоянно вытягивать шею, чтобы добывать лягушекъ, въ мѣстахъ сухихъ и открытыхъ разовьетъ способность отыскивать зерна, въ мѣстахъ лѣсныхъ пріобрѣтетъ цѣпкость и тонкость когтей, чтобы цѣпляться за сучья, въ мѣстахъ гористыхъ, гдѣ нужно свысока и издали усматривать добычу, разовьетъ силу зрѣнія, крыльевъ, полета и пр. Очевидно и здѣсь, кромѣ вліянія среды, и въ самой птицѣ предполагается нѣчто такое, что учитъ ее примѣняться къ даннымъ условіямъ и, соображаясь съ ними, видоизмѣнять свою пищу, способы добыванія ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ (что уже невѣроятно) и самые органы тѣла,—предполагается извѣстная доля соображенія, слѣд. нѣчто совершенно отличное отъ дѣйствующихъ механическихъ силъ природы и необъяснимое изъ нихъ.

*) О происх. видовъ. Пер. Рачинскаго, 370.

Спрашивается: какой смыслъ мы должны придавать этимъ и подобнымъ выраженіямъ? Послѣдователи Дарвина, конечно, скажутъ, что все это не болѣе какъ олицетворенія, которыхъ нельзя понимать въ собственномъ смыслѣ. Но въ такомъ случаѣ могутъ ли имѣть какое нибудь научное значеніе и всѣ частныя объясненія различныхъ видоизмѣненій путемъ естественнаго подбора,—объясненія, которыя условливаются именно предположеніемъ, что природа, сохраняя извѣстныя, въ началѣ незамѣтныя особенности, дѣйствуетъ предусмотрительно, въ интересахъ борьбы за существованіе? Безъ реальнаго или буквальнаго значенія этого предположенія, всѣ эти объясненія будутъ наборомъ словъ,—не болѣе, и гипотеза Дарвина будетъ утверждать нѣчто такое, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Ибо очевидно, что природа или естественный подборъ, если разумѣть здѣсь на самомъ дѣлѣ лишь одну совокупность естественныхъ, дѣйствующихъ причинъ, не можетъ ни разсуждать, ни подбирать, ни дѣйствовать, на основаніи какихъ либо отдаленныхъ цѣлей, ни усовершать. Если же съ этими, повидимому, неидущими къ теоріи *естественнаго* мірообразованія выраженіями, такъ тѣсно связано однако же самое существованіе ея, то очевидно также, что они вызваны не одною чисто риторическою потребностію олицетворенія, но болѣе глубокимъ, инстинктивнымъ, не доведеннымъ до степени отчетливой ясности сознаніемъ, что самая трансформація породъ невозможна безъ предположенія условливающей ее разумной силы и не можетъ быть объяснена изъ однихъ матеріальныхъ условій.

Все это показываетъ, что теорія трансформаціи, если бы даже вполнѣ была вѣрна и доказана, чего, какъ мы видѣли, на самомъ дѣлѣ нѣтъ, не можетъ быть надежною союзницею матеріализма. Потому что, чтобы быть вѣрнымъ себѣ и послѣдовательнымъ, матеріализмъ для объясненія происхожденія органическихъ существъ не долженъ бы рѣшительно допускать ничего, кромѣ химическихъ и физическихъ агентовъ. Теорія произвольнаго зарожденія, дѣйствительно, имѣетъ то достоинство, что вѣрна этому матеріалистическому принципу; теорія трансформаціи не имѣетъ его. Въ ней на ряду съ извѣстными силами и законами природы является неизвѣстное x, какая-то новая таинственная сила, называемая то приро-

дою, то приспособленіемъ организмовъ къ окружающей средѣ, то естественнымъ подборомъ; этой-то силѣ, а не внѣшнимъ условіямъ жизни, и принадлежитъ дѣйствительная роль въ образованіи органической жизни на землѣ. Вотъ почему эта теорія, какъ не имѣющая спеціальнаго сродства съ матеріализмомъ, легко можетъ быть допущена (и допускалась) совершенно противоположною матеріализму философіею, — идеалистическою. Даже можно сказать болѣе, — съ этою философіею она, по своему внутреннему характеру, имѣетъ гораздо больше сродства, чѣмъ съ матеріализмомъ. Не даромъ знаменитый Кювье, при первомъ появленіи теорій трансформаціи въ лицѣ Ламарка и Жофруа Сенъ-Илера, называлъ ихъ порожденіемъ нѣмецкаго пантеизма. Можетъ быть, фактически онъ былъ и не правъ, приписывая образованіе этихъ теорій во Франціи вліянію Германской философіи; но онъ вѣрно угадалъ дѣйствительную метафизическую основу теоріи трансформаціи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ лучшаго метафизическаго объясненія для телеологически дѣйствующаго въ этой теоріи начала, какъ предположеніе, что въ основѣ какъ всей міровой, такъ, въ частности, и органической жизни, лежитъ общая, въ высшей степени разумно, но въ тоже время безсознательно дѣйствующая субстанція,—субстанція послѣдовательно развивающаяся въ различныхъ формахъ міровыхъ существъ и достигающая самосознанія въ человѣкѣ. Съ предположеніемъ этой субстанціи, этого „Безсознательнаго", какъ называетъ его Гартманъ, можетъ быть отчасти объяснена разумность естественнаго подбора и постепенное усовершенствованіе органической жизни; для матеріалистическаго же толкованія дарвинизма и сродныхъ ему теорій телеологическія явленія остаются совершенно непонятными.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о теоріи трансформаціи считаемъ не излишнимъ упомянуть о важнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ въ ученіи Дарвина въ новѣйшее время. Эти видоизмѣненія заслуживаютъ нашего вниманія уже потому, что они вынуждены массою фактовъ, противорѣчащихъ этой теоріи, и служатъ, такимъ образомъ, косвеннымъ признаніемъ ея несостоятельности и вѣрности высказанныхъ нами замѣчаній.

Въ какой мѣрѣ сами по себѣ они составляютъ дѣйствительное улучшеніе теоріи Дарвина, сейчасъ увидимъ.

Одни изъ этихъ видоизмѣненій касаются самой сущности ученія Дарвина, тѣхъ началъ, при помощи которыхъ совершается преобразованіе породъ; другія касаются объясненія спеціальныхъ способовъ этого преобразованія.

а) Мы видѣли, что движущія начала трансформаціи у Дарвина, —борьба за существованіе, естественный и половой подборъ также недостаточны для объясненія видоизмѣненія породъ, какъ и вліяніе внѣшнихъ условій (климата, пищи и пр.), которыя играли главную роль въ ученіи предшественниковъ Дарвина, Ламарка и др.; что, по самому свойству объясняемыхъ явленій, должна быть признана, только по недоразумѣнію устраняемая трансформистами, какая-то внутренняя, неизвѣстная, выходящая изъ ряда механическихъ силъ и законовъ природы, сила. Въ этомъ пунктѣ нѣкоторые новѣйшіе защитники теоріи трансформаціи дѣлаютъ существенную уступку. Такъ Негелли, вопреки Дарвину, признаетъ, что для объясненія происхожденія организмовъ необходимо допустить существованіе въ нихъ внутренняго „прирожденнаго стремленія къ прогрессивному развитію“. По мнѣнію Кёлликера, Дарвиновъ телеологическій законъ сохраненія полезныхъ особенностей „не имѣетъ никакого смысла“; въ замѣнъ его долженъ быть признанъ „внутренній законъ развитія“. Ланге, хотя не такъ строгъ въ сужденіи о теоріи Дарвина, но вмѣстѣ съ Кёлликеромъ признаетъ, что, кромѣ начала сохраненія полезныхъ особенностей, должны быть признаны „положительныя причины развитія, которыя имѣютъ свое основаніе во внутренней способности (Anlage) организмовъ“. Тоже самое начало подъ именемъ органо-пластической или эволютивной силы признаетъ и французскій трансформистъ Ноденъ *).

Въ необходимости признать внутреннюю дѣйствующую силу въ образованіи органическаго царства со стороны извѣстныхъ ученыхъ мы могли бы видѣть полное торжество виталистическаго принципа и разрушеніе матеріалистическаго объясне-

*) Мнѣнія Негелли, Кёлликера и самого Ланге см. въ его: Geschichte des Materialismus. 1874. II B. 262. 263. ОНоденѣ см. Quatrefages, L'espèce humaine. 1878. 89. Janet, Causes finales. 1876. 414. 415.

нія начала органической жизни, еслибы такое признаніе соединялось съ отчетливымъ представленіемъ объ этой силѣ и допускало бы всѣ логически вытекающія изъ него послѣдствія. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Допуская силу, очевидно, выходящую изъ ряда химическихъ и физическихъ силъ природы, упомянутые ученые, подъ вліяніемъ страха допустить съ этою силою что либо сверхъестественное въ объясненіи природы, спѣшатъ скорѣе взять назадъ свою уступку и оговориться, что подъ именемъ этой силы они не хотятъ разумѣть ничего иного, какъ обыкновенные, нынѣ дѣйствующіе законы природы, хотя и въ неизвѣстномъ ихъ сочетаніи *). Но подобная оговорка не заключаетъ ли въ себѣ логическаго противорѣчія, и не отрицается ли ею въ сущности то, что утверждалось? Признаются недостаточными, для объясненія происхожденія органической жизни, дѣйствующія силы природы и внѣшнія условія, признается необходимость новой внутренней силы,— и въ тоже время утверждается, что никакой особой силы не нужно, что всѣ явленія объясняются взаимодѣйствіемъ извѣстныхъ намъ силъ природы.

Но если бы даже, оставивъ въ сторонѣ эту непослѣдова-

*) „Слово: внутренній законъ развитія, говоритъ Ланге, звучитъ нѣсколько подозрительно для иного естествоиспытателя. Можетъ показаться, что здѣсь идетъ рѣчь о какомъ нибудь „планѣ творенія“ и что при этомъ проходитъ мысль о послѣдовательномъ, повторяющемся вторженіи какихъ либо сверхъестественныхъ силъ. Но на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія при „внутреннихъ причинахъ“, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, предполагать какое либо мистическое содѣйствіе къ обыкновенному ходу естественныхъ силъ. Законъ развитія, по которому организмы являются въ опредѣленной послѣдовательности совершенства, есть не что иное, какъ мыслимое нами совокупное дѣйствованіе общихъ естественныхъ законовъ, для произведенія явленія развитія“... „Конечно въ строеніи организмовъ господствуютъ законы, которые намъ неизвѣстны не только по объему ихъ дѣйствія, но и по самому роду своему: но, при этомъ, естественно, нѣтъ никакой необходимости думать о какихъ либо новыхъ или неизвѣстныхъ силахъ; своеобразное, совокупное дѣйствіе всѣмъ извѣстныхъ силъ природы достаточно (?), чтобы объяснить тотъ особенный результатъ ихъ дѣйствія, который мы называемъ организмомъ“ (Gesch. d. Materialismus. 1874. 265. 262). О невозможности объяснить явленія органической жизни, не только дѣйствіемъ одной какой либо физической силы, но и совокупнымъ дѣйствіемъ или своеобразною комбинаціею всѣхъ ихъ, сказано нами въ нашемъ изслѣдованіи о самостоятельномъ началѣ органической жизни (см. выше, стр. 50 и сл.).

тельность матеріалистическаго трансформизма, мы рѣшились придать этой гипотезѣ идеалистическій характеръ, признавъ дѣйствительно отличную отъ механическихъ силъ образовательную силу природы, то и въ такомъ случаѣ мы едва ли внесли бы въ нее какое либо существенное улучшеніе. Прежде всего, можетъ ли быть допущено существованіе такой „естественной", хотя и не механико-физической, силы, которая своимъ могущественнымъ дѣйствіемъ могла бы произвести все разнообразіе существующихъ и существовавшихъ прежде растеній и животныхъ? На это, и опытъ, и умозрѣніе даютъ одинаково отрицательный отвѣтъ.

Что въ организмахъ должно быть допущено существованіе внутренней образовательной силы, которую мы назовемъ пластическою силою, это вполнѣ согласно съ наблюденіями. Безъ этой силы, органическія существа обратились бы въ простыя машины, а не были бы существами живыми, возвышающимися на верхнихъ ступеняхъ органическаго царства до существъ чувствующихъ, обладающихъ полусознательною (инстинктивною) разумностію и дѣятельностію. Эта сила проявляется въ способности организма производить разновидности и нѣкоторыя несущественныя отличія, въ способности исправлять различныя болѣзненныя поврежденія организма и, наконецъ, въ способности приспособляться къ даннымъ условіямъ жизни и инстинктивно выбирать наилучшія средства къ сохраненію жизни и продолженію породы *). Но размѣры дѣйствія этой силы вообще не обширны, строго очерчены извѣстными предѣлами, различными для различныхъ породъ,—предѣлами, которыхъ не можетъ переступить ни отдѣльное органическое существо въ частности, ни цѣлая порода. Самое большее, до чего можетъ простираться дѣйствіе пластической силы, и то у нѣкоторыхъ животныхъ, это—способность воспроизводить новые органы вмѣсто утраченныхъ; такъ напр. у рака, вмѣсто оторванной клешни, можетъ вырости новая, хотя меньшихъ размѣровъ. Но и здѣсь пластическая сила никогда не создаетъ ничего новаго, но только воспроизводитъ старое, по

*) О необходимости допустить существованіе пластической силы и о производимыхъ ею явленіяхъ см. въ Прав. Обозр. 1877, мартъ, статью: Телеологическая идея и матеріализмъ, стр. 508—514.

данному неизмѣнному плану. Наука не можетъ представить ни одного примѣра, чтобы пластическая сила существенно преобразовала животное или создала для него какой либо новый органъ, что давало бы хотя малѣйшее основаніе для аналогическаго заключенія о возможности образованія посредствомъ этой силы новыхъ растительныхъ и животныхъ породъ.

Но если опытъ запрещаетъ намъ придавать универсальное значеніе дѣйствительно присущей организмамъ пластической силѣ и создавать по аналогіи съ нею какую-то міровую пластическую силу природы, то и умозрѣніе, съ своей стороны, показываетъ невозможность допустить такую силу, какъ скоро подъ именемъ ея мы будемъ разумѣть „естественную силу“ — не болѣе. Это ясно изъ того круга и характера дѣйствованія, какой мы должны будемъ приписать этой силѣ и который выходитъ далеко за предѣлы дѣятельности какой бы то ни было естественной,—поэтому механически и безсознательно дѣйствующей силы. Мы видѣли, что Дарвинъ, имѣя въ виду кругъ дѣйствія своей силы естественнаго подбора, вынужденъ былъ безотчетно приписать ей такія черты, которыя вовсе не идутъ къ силѣ естественной и могутъ принадлежать только высшей могущественно-разумной силѣ. Эти же качества, но еще въ большей степени и въ болѣе точномъ значеніи, должны быть приписаны и предполагаемой универсальной, пластической силѣ природы, которой сила естественнаго подбора будетъ только однимъ изъ спеціальныхъ обнаруженій *). Дѣйствительно, если мы вспомнимъ безчисленное разнообразіе растительныхъ и животныхъ организмовъ, произведенныхъ этою силою, вспомнимъ, что они появлялись въ строго разумной послѣдовательности, что, какъ въ самомъ порядкѣ ихъ появленія, такъ и въ устройствѣ каждаго изъ нихъ ясно выражается стройный планъ и величайшая разумность, то, не нарушая всѣхъ правилъ логическаго мышленія въ его заклю-

*) Вотъ какъ напр. описываетъ дѣйствіе своей органопластической силы французскій трансформистъ Ноденъ: „эта сила есть начало цѣлесообразности, таинственная мощь (puissance), сила неопредѣленная, рокъ для однихъ, провиденціальная воля для другихъ,—сила, непрестанное дѣйствіе которой на существа живыя опредѣляетъ во всѣ эпохи міра форму, объемъ и продолженіе бытія каждаго изъ нихъ, имѣя въ виду его назначеніе въ порядкѣ вещей, часть котораго онъ составляетъ и пр. См. Janet, Causes finales. 416.

ченіи отъ дѣйствій къ причинѣ, не можемъ допустить, чтобы этою силою могла быть какая либо безсознательная, естественная сила природы. Какою же она должна быть? Это не трудно опредѣлить по тѣмъ качествамъ, какія должны допустить въ ней и сами защитники естественнаго мірообразованія, если только признаніе такой силы имѣетъ какой-либо серьезный смыслъ, а не есть только общая фраза, олицетворяющая механическія силы природы. Эта сила выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, извѣстныхъ намъ силъ природы, имманентныхъ веществу и въ немъ дѣйствующихъ; слѣдовательно, она—сила необыкновенная, невещественная; а такъ какъ реальное бытіе, противоположное матеріальному, мы называемъ духовнымъ, то эту силу мы можемъ назвать *духовною*. Будучи такого рода силою, она, очевидно, не можетъ быть простымъ предикатомъ матеріи, не можетъ быть выведена изъ нея, какъ ея свойство или качество; она должна быть мыслима независимою отъ матеріи, самостоятельною; она есть слѣдов. сила *самобытная*. Эта сила находилась сначала въ недѣятельномъ состояніи (до начала образованія органическихъ существъ), а потомъ стала дѣйствовать независимо отъ какихъ-либо внѣшнихъ возбужденій; слѣд. ея дѣйствіе было извнутри ея самой происходящее; мы должны, поэтому, приписать ей самоопредѣляемость, иначе,—*свободу*. Наконецъ, эта сила въ безчисленныхъ родахъ и видахъ органическихъ существъ и въ порядкѣ ихъ происхожденія представила намъ такую стройность плана и разумность его выполненія, что мы должны признать ее силою въ высшей степени *разумною*. Но разсчитанный впередъ порядокъ и разумность исполненія плана могутъ быть дѣломъ не слѣпаго, инстинктивнаго влеченія, но мысли сознательной; итакъ, мы должны почитать эту силу *сознательною*. Но сила духовная, самобытная, свободная, разумная, сознательная, чѣмъ инымъ можетъ быть какъ не Божествомъ? И не должны ли мы, поэтому, признать, что первоначальное происхожденіе органическихъ существъ есть дѣйствіе этой высочайшей, творческой Силы?

б) Что касается до видоизмѣненій теоріи Дарвина въ тѣхъ или другихъ частностяхъ ея, то намъ нѣтъ нужды подробно останавливаться на нихъ потому уже, что улучшенія (если только можно назвать ихъ улучшеніями) нѣкоторыхъ сторонъ

ея, при принципіальной ея невѣрности, не могутъ имѣть большаго значенія. Мы укажемъ только на одно ея видоизмѣненіе, которое касается самаго больнаго и слабаго мѣста въ теоріи Дарвина. По его ученію, преобразованія породъ совершались съ крайнею медленностію посредствомъ постепеннаго накопленія, передачи по наслѣдству и развитія въ органы незначительныхъ въ началѣ органическихъ особенностей. Въ виду противорѣчія опыту подобнаго ученія, нѣкоторые трансформисты думаютъ устранить его разомъ тѣмъ, что вмѣсто постепеннаго преобразованія породъ считаютъ возможнымъ допустить преобразованіе внезапное. По ихъ мнѣнію, въ такомъ медленномъ преобразованіи, какое принимаетъ Дарвинъ, нѣтъ никакой нужды; при стеченіи извѣстныхъ благопріятныхъ условій отъ даннаго организма могъ и *вдругъ* произойти другой, не похожій на него, и возникнуть новая порода. Это и есть гипотеза гетерогенезиса или внезаннаго преобразованія (transformation brusque—по Катрфажу).

Первая мысль этой гипотезы предшествуетъ появленію дарвинизма. Она принадлежитъ Шопенгауеру. Организмы, по крайней мѣрѣ высшіе, не могли произойти, по его мнѣнію, ни изъ морской органической слизи (какъ думалъ Окенъ), ни изъ согнившей органической массы. Происхожденіе ихъ можетъ быть мыслимо только какъ generatio in utero heterogeneo, именно такимъ образомъ, что при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, при особенномъ, ненормальномъ напряженіи жизненной силы, въ видѣ исключенія, отъ извѣстнаго растенія или животнаго могло произойти не подобное ему, но стоящее ступенью выше, органическое существо, хотя и близко родственное ему, такъ что данная пара въ извѣстномъ случаѣ можетъ родить не простой индивидуумъ по образу и подобію своему, но новый видъ; обезьяна напр. можетъ родить человѣка. Въ настоящее время защитниками теоріи гетерогенезиса являются упомянутые нами естествоиспытатели Ноденъ и Кёлликеръ. По мнѣнію перваго, Дарвинова теорія медленнаго преобразованія породъ противорѣчитъ геологическимъ даннымъ и опыту; опытъ представляетъ намъ случаи только внезапныхъ перемѣнъ, но никогда медленнаго измѣненія одной породы въ другую *). Основная мысль теоріи Кёлликера та, что

*) Janet, Causes fin. 413.

„подъ вліяніемъ всеобщаго закона развитія существъ, изъ произведенныхъ ими зародышей могутъ образоваться другія уклоняющіяся отъ нихъ существа, иной породы“. Для объясненія возможности такого способа происхожденія, онъ указываетъ на метаморфозы и такъ называемый парѳеногенезисъ въ нѣкоторыхъ породахъ животныхъ и на часто-встрѣчающееся различіе самцовъ, самокъ и безполыхъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ породахъ насѣкомыхъ; это, по его мнѣнію, показываетъ, что не всегда изъ одного и того же зародыша происходятъ совершенно одинаковыя существа *).

Противъ такого способа объясненія происхожденія новыхъ породъ должно замѣтить, что онъ не только не представляетъ улучшенія теоріи Дарвина, но, напротивъ, уступаетъ послѣдней относительно аналогической вѣроподобности. Въ пользу мнѣнія Дарвина о медленномъ образованіи видовыхъ отличій могутъ служить наблюденія надъ происхожденіемъ разновидностей въ средѣ культурныхъ растеній и животныхъ. Эти полезныя для человѣка разновидности возникаютъ и упрочиваются не вдругъ, а посредствомъ постояннаго и тщательнаго ухода въ теченіе нѣсколькихъ генерацій. Но природа, за исключеніемъ ничтожныхъ и ненормальныхъ особенностей (напр. рожденіе человѣка съ шестью или четырьмя пальцами), нигдѣ не представляетъ намъ примѣровъ внезапнаго возникновенія новой породы растеній или животныхъ. Между тѣмъ, если такое возникновеніе возможно, то возникаетъ вопросъ, почему мы ни теперь, ни на исторической памяти людей не видимъ происхожденія новыхъ породъ? Теорія Дарвина отъ подобнаго вопроса легко уклоняется тѣмъ, что для образованія породы признаетъ нужнымъ необычайно долгое время; теорія гетерогенезиса не имѣетъ этого исхода, и непоявленіе новыхъ породъ для нея явленіе необъяснимое.

Что касается до метаморфозъ насѣкомыхъ и происхожденія изъ одинаковыхъ зародышей различныхъ, повидимому, организмовъ, то справедливо замѣчаютъ (Р. Вагнеръ), что это явленіе нисколько не можетъ служить къ объясненію происхожденія породъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто вовсе не образованіе существенно новой породы, а только

*) I. B. Meyer. Philos. Zeitfr. 84. 85.

различное видоизмѣненіе одного и того же животнаго или развитіе различныхъ формъ въ предѣлахъ одного и того же рода. Подобныя явленія не только не могутъ служить доказательствами въ пользу гетерогенезиса, но, напротивъ, съ большимъ даже правомъ, приводятся иногда въ доказательство постоянства типическихъ, родовыхъ формъ. Да и самъ Кёлликеръ соглашается, что никакимъ прямымъ фактомъ въ настоящее время нельзя доказать, чтобы оплодотворенное яйцо какого-либо животнаго могло развиться въ животное какой-либо высшей формы. Вообще, по суду извѣстныхъ натуралистовъ, вся теорія гетерогенезиса не выходитъ изъ ряда очень слабыхъ и произвольныхъ гипотезъ *).

*) I. B. Meyer. Philos. Zeitfr. 84. 85.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ ПО КОСМОЛОГІИ *).

ПРОИСХОЖДЕНІЕ МІРА.

Самое заглавіе настоящаго изслѣдованія способно возбудить недоумѣніе: за свое ли дѣло берется философія, когда думаетъ разсуждать о происхожденіи міра? Этотъ вопросъ невольно возникаетъ при томъ замѣтномъ антагонизмѣ, который въ настоящее время существуетъ между философіею и естествознаніемъ. Такъ называемое, точное естествознаніе, по видимому, вправѣ спросить насъ: къ чему какія-то философскія, умозрительныя разсужденія о происхожденіи міра, когда мы имѣемъ цѣлый рядъ наукъ, которыя на основаніи опыта, строго научнымъ, индуктивнымъ методомъ раскрываютъ намъ процессъ образованія вселенной. Физика, астрономія, геологія, палеонтологія, эволюціонная гипотеза Дарвина, даютъ намъ достаточно данныхъ, чтобы возстановить предъ нами образъ происхожденія вселенной, начиная съ момента образованія астральныхъ и планетныхъ массъ, разсѣянныхъ въ міровомъ пространствѣ, и оканчивая органическими существами на земномъ шарѣ, въ строгой градаціи восходящими до человѣка. Конечно, естествознаніе не рѣшается сказать, чтобы при настоящемъ состояніи научныхъ знаній процессъ мірообразованія вездѣ и во всѣхъ подробностяхъ могъ быть представленъ съ абсолютною и не допускающею возраженій точностію и правильностію. Въ частности могутъ быть ошибки, не вполнѣ научно обоснованныя гипотезы; но что касается до общей картины происхожденія вселенной, то она на столько ясна,

*) Статьи эти печатаны были въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1890—1892 годы.

понятна и соотвѣтственна съ дѣйствительностью, что вовсе не нуждается въ какихъ-либо замѣнахъ ея и поправкахъ со стороны философіи. Естествознаніе даетъ намъ вѣрный, и при наличныхъ средствахъ науки вполнѣ достаточный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи міра,—и искать какого-либо другого отвѣта, внѣ области точной науки, нѣтъ ни малѣйшей нужды. Что касается до философіи, то не заходя далеко, послѣдніе опыты конструированія природы a priori въ системахъ Шеллинга и Гегеля до очевидности ясно показали полную неспособность этой науки въ рѣшеніи космологическихъ вопросовъ.

Мы могли бы вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, если бы задачу философіи по отношенію къ вопросу о происхожденіи міра полагали въ рѣшеніи *тѣхъ же самыхъ* вопросовъ, которыми занимается и естествознаніе. Дѣйствительно философія не можетъ, да и не пытается дать намъ какой-либо умозрительной астрономіи, геологіи, палеонтологіи, біологіи и пр., въ замѣнъ существующихъ эмпирическихъ наукъ этого рода. Такое апріорное построеніе вселенной было бы, конечно, незаконнымъ вторженіемъ въ область естествознанія, для котораго философія не имѣетъ ни побужденій, ни средствъ. Но дѣло въ томъ, вполнѣ ли исчерпывается естественно-научными данными вопросъ о происхожденіи міра? Все ли, что можно сказать объ этомъ предметѣ, говоритъ намъ естествознаніе и потому можно ли назвать отвѣты его на вопросы о началѣ міра вполнѣ достаточными и удовлетворительными для нашего ума? Если окажется, что естествознаніе, не смотря на всю массу предлагаемыхъ имъ научныхъ данныхъ, не отвѣчаетъ однакоже на нѣкоторые, и при томъ важнѣйшіе и коренные вопросы ума касательно происхожденія вселенной, если оно и не можетъ дать на нихъ отвѣта, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ единственно свойственному ему эмпирически-индуктивному методу, то ничто уже не можетъ служить препятствіемъ къ попыткѣ рѣшить эти вопросы другимъ единственно остающимся методомъ познанія,—раціональнымъ, умозрительнымъ. Удачна ли будетъ эта попытка или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ для философіи остается право и возможность изслѣдовать вопросъ о происхожденіи міра съ той стороны, съ какой онъ не можетъ входить въ область эмпирическаго естествознанія,—изслѣдовать безъ опасенія вторгнуться въ чуждую для нея область.

Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь ближе въ строго эмпирическія теоріи мірообразованія, не трудно замѣтить, что всѣ онѣ возможны только при нѣкоторыхъ *предположеніяхъ*, которыя выходятъ изъ ряда эмпирическихъ фактовъ, но принимаются какъ a priori данныя, первоначальныя условія возможности самаго объясненія процесса мірообразованія. Такъ, прежде всякаго изложенія исторіи образованія міра предполагается, что существуетъ пространство и время, затѣмъ матерія и притомъ въ извѣстной опредѣленной формѣ (напр. въ видѣ атомовъ), что существуютъ различныя силы природы, которыя или приводятъ въ движеніе эту матерію, или сообщаютъ ей различныя свойства, что эти силы дѣйствуютъ по опредѣленнымъ законамъ, открытымъ и открываемымъ наукою. Каждая естествознательная теорія мірообразованія рѣшаетъ только дальнѣшій вопросъ: какимъ образомъ происходятъ различныя комбинаціи этихъ основныхъ элементовъ природы для образованія того строя ея, какой мы теперь видимъ, какимъ образомъ изъ данныхъ и предполагаемыхъ условій образовалась вселенная? Но отвѣчая на этотъ вопросъ, естествознаніе ничего не говоритъ еще намъ о происхожденіи самыхъ этихъ условій; слѣдовательно оно говоритъ только объ относительномъ, а не абсолютномъ началѣ міра. Рѣшеніе послѣдняго вопроса не входитъ въ область точнаго естествознанія, да оно и не нужно для ближайшей его цѣли. Можно быть отличнымъ астрономомъ, не касаясь вопроса, откуда произошла самая матерія небесныхъ тѣлъ и законы управляющіе ихъ движеніемъ,— химикомъ, не спрашивая о первоначальной причинѣ различія простыхъ химическихъ элементовъ и т. п. Но для философіи, для науки, подвергающей изслѣдованію тѣ самыя основныя понятія, которыя служатъ самоочевидными предположеніями спеціальныхъ наукъ, вопросъ нами выставленный имѣетъ существенное значеніе. Она не только путемъ раціональнаго анализа старается изслѣдовать эти понятія, показать ихъ истинное значеніе и степень достовѣрности, но и объединить ихъ въ какомъ-либо высшемъ и единомъ принципѣ и показать ихъ происхожденіе изъ этого принципа. А какъ скоро ближайшій анализъ этихъ понятій покажетъ, что они не суть только субъективныя представленія нашей познавательной силы, категоріи и формы, подъ которыя мы подводимъ эмпирическій

матеріалъ нашего познанія (какъ полагалъ Кантъ), но служатъ выраженіемъ истинно сущаго въ реальномъ бытіи, что матерія, силы природы, ея законы существуютъ не только въ нашемъ умѣ, но и внѣ нашего ума, какъ реальныя основы чувственнаго бытія, то тотчасъ же возникаетъ вопросъ не о субъективномъ только генезисѣ общихъ понятій нашихъ о мірѣ въ нашемъ разумѣ, но и о реальномъ происхожденіи общихъ условій міроваго бытія изъ какого-либо высшаго, *реальнаго* принципа,—вопросъ о *началѣ* міра. Вопросъ о началѣ міра, въ смыслѣ нами сейчасъ указанномъ. готовы уступить философіи многіе, вполнѣ понимающіе методъ и границы естествознанія, натуралисты. Они могутъ скептически отнестись къ тому, удастся ли философіи рѣшить ту задачу, которую многіе считаютъ вовсе неразрѣшимою для человѣческаго ума на томъ только основаніи, что она неразрѣшима эмпирически, но ничего не могутъ сказать противъ самой попытки ея рѣшенія, какъ скоро она не затрогиваетъ ближайшихъ интересовъ естествознанія. Но уступая здѣсь философіи, естествознаніе тѣмъ ревнивѣе оберегаетъ свои права при изъясненіи дальнѣйшаго процесса мірообразованія, полагая, что указаніемъ первой, абсолютной причины бытія міра и основныхъ условій мірообразованія и должна ограничиться вся задача философіи въ рѣшеніи вопроса о началѣ міра и что дальнѣйшее затѣмъ, фактическое изложеніе исторіи міра есть уже исключительное дѣло естествознанія. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли между первымъ началомъ и дальнѣйшимъ продолженіемъ мірообразованія можетъ быть положена столь рѣзкая граница, которая рѣшительно и рѣзко опредѣляла-бы, что въ вопросѣ о происхожденіи вселенной принадлежитъ философіи и что естествознанію?

Если обратимся къ философіи, то увидимъ, что она никогда не ограничивала своей задачи по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу только общимъ указаніемъ на первую причину міра съ его основными элементами, силами и законами, но стремилась болѣе или менѣе примѣнять понятія объ этой первопричинѣ къ уразумѣнію дальнѣйшаго хода міроразвитія. И это естественно; хотя философія есть главнымъ образомъ наука о самыхъ общихъ и абстрактныхъ основахъ и свойствахъ существующаго, но какъ наука въ то же время

имѣющая цѣлью установить полное и цѣльное міросозерцаніе, она обязана, для самого оправданія своихъ общихъ положеній и идей, показать ихъ отношеніе къ дѣйствительному, реальному бытію вещей. Въ частности, въ вопросѣ о происхожденіи міра, она обязана не только дать истинное понятіе объ абсолютномъ началѣ бытія, но и представить примѣненіе этого понятія къ объясненію наличной дѣйствительности, къ установленію правильнаго, истинно-философскаго воззрѣнія не только на исходное начало, но и на самый процессъ міроваго бытія. Эта обязанность особенно настоятельна для тѣхъ философскихъ системъ, которыя во главу міробытія ставятъ не слѣпой случай или бездушную матерію, но высочайше разумное и живое Существо. Какъ скоро допущено такое Существо, то мы уже не можемъ ограничить Его мірообразующую дѣятельность единичнымъ и первоначальнымъ актомъ положенія коренныхъ основъ міроваго бытія. Мы необходимо должны предположить и показать отношеніе его къ дальнѣйшему процессу образованія міра, — отношеніе, условливаемое самымъ понятіемъ о Немъ, какъ о живомъ и дѣятельномъ Началѣ, а не о механической только причинѣ, сообщившей лишь первый толчекъ самостоятельному затѣмъ образованію вселенной. Кромѣ этого, положительнаго требованія, предъявляемаго извѣстнымъ философскимъ понятіемъ о первой причинѣ міра, обратить вниманіе не только на начало, но и на дальнѣйшій процессъ мірообразованія заставляетъ и критическое отношеніе къ инымъ, противоположнымъ философскимъ міросозерцаніямъ, которыя своей опоры ищутъ именно въ естествознательномъ ученіи о происхожденіи вселенной; таковъ, напр., матеріализмъ. Это налагаетъ на философію долгъ обратить ближайшее вниманіе на тѣ данныя естествознанія, которыя приводятся матеріализмомъ и родственными съ нимъ направленіями, какъ неопровержимыя доказательства въ свою пользу, и оцѣнить ихъ дѣйствительное значеніе и смыслъ.

Конечно, нисходя отъ общаго вопроса о началѣ міра къ болѣе частнымъ вопросамъ, касающимся образованія вселенной и ея существъ, мы неизбѣжно придемъ въ ближайшее соприкосновеніе съ естествознаніемъ, то заимствуя изъ него данныя для оправданія нашего положительнаго міросозерцанія, то критически относясь къ нѣкоторымъ естествознательнымъ

гипотезамъ, которыя выставляетъ въ свою пользу матеріализмъ. Но это нисколько не можетъ возбуждать опасеній какихъ-либо столкновеній между философіею и естествознаніемъ. Области этихъ наукъ вовсе не раздѣлены столь непроходимою гранью, какъ полагаютъ нѣкоторые. Ничто столько не вредитъ обоюднымъ ихъ интересамъ, какъ распространенный, преимущественно въ естествознательныхъ кругахъ, предразсудокъ, будто философія основывается исключительно на умозрѣніи и идетъ къ рѣшенію своихъ задачъ исключительно дедуктивнымъ методомъ, тогда какъ въ естествознаніи все должно быть основано (и будто бы дѣйствительно основывается) на одномъ опытѣ и индукціи. На самомъ дѣлѣ, въ философіи, какъ и въ другихъ областяхъ познанія, за исключеніемъ чистой математики, имѣетъ значеніе и приложеніе какъ дедуктивный, такъ и индуктивный методъ; вопросъ можетъ быть только объ относительномъ и преимущественномъ значеніи того и другаго *). Какъ скоро признана эта истина, то нѣтъ уже для философіи никакихъ препятствій вступить въ болѣе живую и тѣсную связь съ естествознаніемъ, особенно при разъясненіи тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ естествознаніе по самому предмету своему можетъ принести наиболѣе пользы для философіи,— вопросовъ космологическихъ. Для самой состоятельности своихъ изслѣдованій философія вправѣ обращаться къ болѣе общимъ и наиболѣе удостовѣреннымъ результатамъ естественныхъ наукъ, чтобы здѣсь искать подтвержденія и разъясненія своихъ положительныхъ выводовъ. Это право обращается для нея въ обязанность, какъ скоро нѣкоторыя естествознательныя гипотезы, по важности затрогиваемыхъ ими вопросовъ, по обширному кругу примѣненія въ различныхъ областяхъ научнаго знанія имѣютъ существенное соприкосновеніе съ философіею, такъ что по своему значенію и вліянію на движеніе философской мысли, могутъ быть названы столько же естествознательными гипотезами, сколько и философскими теоріями. Такова напр. эволюціонная теорія происхожденія человѣка. Для философіи вовсе не безразлично, произошелъ ли

*) О временномъ отношеніи умозрительнаго и эмпирическаго метода въ философіи, см. наше изслѣдованіе: „Методъ философіи“. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. октябрь—ноябрь. См. Соч. В. Д. Кудр. т. I, вып. 1, стр. 195—241.

человѣкъ путемъ послѣдовательной трансформаціи низшихъ органическихъ формъ, изъ которыхъ наиболѣе близкую и родственную ему составляетъ обезьяна, или инымъ какимъ-либо способомъ. Рѣшеніе этого вопроса въ пользу или противъ эволюціонизма, какъ и показываетъ опытъ, не замедлитъ отразиться въ такомъ или иномъ рѣшеніи и другихъ философскихъ вопросовъ, какъ въ теоретической (напр. въ психологіи), такъ особенно въ нравственной ея области. Подобнаго рода философское значеніе могутъ имѣть и другія эмпирическія гипотезы въ вопросѣ о происхожденіи вселенной.

Изъ сказаннаго нами видно, что космологическій вопросъ о происхожденіи міра *) для насъ распадается на два частные вопросы: а) о происхожденіи міра вообще, то есть основныхъ началъ физическаго бытія: матеріи, силъ и законовъ въ немъ дѣйствующихъ, независимо отъ частныхъ ихъ обнаруженій въ той или другой области міроваго бытія; б) о происхожденіи двухъ главныхъ формъ, въ какихъ является намъ чувственное бытіе: природы неорганической и органической, включая въ послѣднюю и человѣка, въ какой мѣрѣ онъ есть не только духовное, но и органическое существо, входящее по этой послѣдней сторонѣ въ составъ природы физической и подчиненное ея законамъ.

Въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи міра мы можемъ отличить четыре главныя воззрѣнія, въ своей сущности опредѣляемыя философскими понятіями о первой, высочайшей Причинѣ бытія: матеріалистическое, пантеистическое, дуалистическое и теистическое. Матеріализмъ, отрицая существованіе какой-либо высочайшей, независимой отъ міра, духовной причины бытія, производитъ міръ, такъ сказать, изъ самого же міра,—изъ матеріи, какъ его субстанціальной основы. Къ матеріализму болѣе или менѣе примыкаютъ многія естествознательныя теоріи мірообразованія, которыя хотя въ принципѣ не отвергаютъ су-

*) Само собою разумѣется, что міръ, какъ предметъ космологіи, есть не міръ вообще, а въ тѣсномъ смыслѣ міръ,—физическій, природа. Понятіе о мірѣ, какъ бытіи ограниченно-условномъ вообще, входитъ въ составъ философскаго ученія о сущности бытія (онтологію); понятіе о мірѣ духовномъ принадлежитъ философіи духа, раціональной психологіи. Поэтому, говоря о происхожденіи міра, мы не будемъ касаться ни вопроса о происхожденіи конечнаго изъ абсолютнаго вообще, ни вопроса о происхожденіи души человѣка.

ществованіе высочайшей трансцендентной причины міра, но при объясненіи происхожденія вселенной забываютъ о ней, представляя весь процессъ мірообразованія какъ результатъ самостоятельнаго дѣйствованія матеріи и присущихъ ей силъ. Такой непослѣдовательный матеріализмъ мы можемъ назвать натурализмомъ. Пантеизмъ, наоборотъ, отрицая субстанціальное бытіе матеріальной основы физическаго бытія, считаетъ міръ модификаціею единаго абсолютнаго, духовнаго начала и на процессъ мірообразованія смотритъ какъ на процессъ саморазвитія этого начала; онъ производитъ міръ *изъ* Бога. Кажущееся примиреніе матеріализма и пантеизма представляетъ намъ дуализмъ, одинаково признавая самостоятельное существованіе какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго начала бытія; въ слѣдствіе этого и самый міръ онъ почитаетъ произведеніемъ того и другаго,—результатомъ воздѣйствія Бога на матерію; міръ онъ производитъ, такъ сказать, отчасти отъ Бога, отчасти отъ матеріи. Теизмъ, согласно съ пантеизмомъ признавая высочайшею причиною міра духовное начало, существенно отличается отъ него тѣмъ, что не уничтожаетъ относительной самостоятельности міра и въ слѣдствіе этого почитаетъ его не модификаціею или проявленіемъ Божества, но свободнымъ актомъ его всемогущей воли,—твореніемъ; онъ производитъ міръ не *изъ* Бога, но *отъ* Бога.

Эти четыре основныя воззрѣнія на происхожденіе міра и будутъ служить предметами нашего изслѣдованія. Изъ нихъ, съ большею подробностію мы остановимся на первомъ и послѣднемъ; на первомъ, — потому, что оно, особенно въ смягченномъ видѣ натурализма, есть наиболѣе распространенное въ наше время въ сравненіи съ пантеизмомъ и дуализмомъ; на второмъ потому, что въ немъ именно, какъ увидимъ, и заключается истинное и вполнѣ удовлетворительное для разума рѣшеніе вопроса о происхожденіи міра.

I.

Матеріалистическая теорія происхожденія міра.

Признавая все существующее видоизмѣненіемъ одной первоначальной и основной сущности міроваго бытія — матеріи съ присущими ей силами, матеріализмъ вполнѣ естественно и послѣдовательно изъ нея же одной думаетъ объяснить происхожденіе вселенной, безъ предположенія какой-либо внѣ и выше ея лежащей духовной силы. Къ такому заключенію приводитъ насъ, по его мнѣнію, и эмпирическое наблюденіе надъ ходомъ міровой жизни,—наблюденіе, которое должно служить единственнымъ источникомъ для рѣшенія вопросовъ, касающихся міра. Опытъ, говорятъ намъ, показываетъ, что въ настоящей жизни міра предметы и явленія происходятъ по неизмѣннымъ, естественнымъ законамъ природы. Мы не замѣчаемъ нигдѣ вмѣшательства и вліянія какой-либо выходящей изъ ряда обыкновенныхъ, естественныхъ причинъ явленій, высшей, сверхъестественной Причины. Это заставляетъ насъ предполагать, что и предыдущая исторія міра, а затѣмъ и первоначальное возникновеніе его, было также возможно путемъ естественнымъ безъ участія какой-либо трансцендентной силы. Естествознаніе говоритъ намъ, что настоящій порядокъ вещей въ мірѣ не существуетъ вѣчно, что существа міра являлись по законамъ природы постепенно, восходя отъ простыхъ и менѣе сложныхъ къ болѣе сложнымъ и совершеннымъ. Палеонтологія показываетъ намъ, что заходя дальше и дальше въ глубь вѣковъ, мы за настоящими сложными организмами находимъ организмы болѣе и болѣе простые и, затѣмъ, совершенное ихъ отсутствіе. Геологія, слѣдя еще далѣе за процессомъ мірообразованія, представляетъ намъ исторію постепеннаго образованія земнаго шара отъ той эпохи, когда онъ принялъ настоящій видъ и сталъ способнымъ къ произведенію органической жизни, до того момента когда онъ находился въ расплавленномъ состояніи. Идя еще далѣе, мы можемъ представить себѣ ту эпоху, когда наша земля, равно какъ и прочія небесныя тѣла, существовала въ видѣ простого скопленія не

сформировавшагося еще въ твердыя тѣла газообразнаго вещества. Наконецъ, такъ какъ и это состояніе матеріи не можетъ быть абсолютно первымъ, то мы дойдемъ наконецъ до представленія простой матеріи, разсѣянной въ безконечномъ пространствѣ, — до безусловнаго начала вселенной. Итакъ матерія есть единая первооснова и сущность всѣхъ вещей изъ нея происшедшихъ, самобытное и первое начало бытія и происхожденія вещей. Выше и дальше матеріи, мы, слѣдуя эмпирическимъ путемъ, итти не можемъ; она существуетъ сама по себѣ и понятія о ней вполнѣ достаточно для объясненія начала міра безъ предположенія какого-либо высшаго міра сверхъестественнаго Начала.

Мы оставимъ до времени въ сторонѣ вопросъ, дѣйствительно ли ни въ настоящемъ положеніи и строѣ міра, ни въ предшествующей его исторіи нельзя открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ участія въ теченіи міровыхъ явленій какой-либо трансцендентной, отличной отъ естественныхъ, физическихъ силъ, высшей Силы. Въ настоящемъ случаѣ насъ занимаетъ вопросъ не о процессѣ мірообразованія, а о происхожденіи первыхъ и основныхъ условій, дѣлающихъ возможнымъ самый этотъ процессъ; но этотъ вопросъ, очевидно, нисколько не предрѣшается тѣмъ,—будемъ ли мы допускать участіе высшей силы въ дальнѣйшемъ процессѣ образованія вселенной, или почитать его совершающимся исключительно по естественнымъ законамъ. Вполнѣ можетъ быть мыслимо (и осуществленіе этой мысли мы находимъ въ деизмѣ и отчасти въ натурализмѣ), что все въ мірѣ происходитъ и происходило по естественнымъ законамъ, но это явленіе имѣетъ мѣсто только въ слѣдствіе того, что первоначальная, высочайшая и разумная Причина міра какъ вызвала въ бытіе самую матерію съ присущими ей силами, такъ и дала опредѣленные, называемые нами естественными, законы дѣйствія этихъ силъ. При этомъ условіи вполнѣ мыслимо, что настоящій міръ могъ законосообразно и естественно-необходимо явиться, какъ результатъ дѣйствія этихъ *данныхъ* условій своего существованія. Поэтому матеріализмъ никакъ не въ правѣ, какъ на доказательство въ пользу своей теоріи, ссылаться на тотъ (предполагаемый) фактъ, что ни въ настоящее время, ни въ предшествующей исторіи вселенной мы нигдѣ не замѣчаемъ слѣ-

довъ „вторженія“ высшей, трансцендентной Силы въ естественное теченіе природы. Онъ долженъ положительно доказать, что полагаемое имъ въ основу мірообразованія понятіе матеріи вполнѣ достаточно для объясненія начала міра, безъ предположенія какой-либо иной, не матеріальной причины міра.

Первое условіе каждой, имѣющей притязаніе на научное значеніе, теоріи состоитъ въ томъ, чтобы основныя понятія, служащія для объясненія извѣстнаго круга явленій, были ясно и опредѣленно установлены и обоснованы въ своей достовѣрности. Но таково ли понятіе о матеріи, давшее самое названіе разсматриваемому нами философскому направленію и играющее такую существенную роль въ его теоріи мірообразованія? Если бы мы рѣшились подвергнуть критическому анализу существующія не только среди матеріалистовъ, но и въ другихъ философскихъ системахъ понятія о матеріи, то легко увидѣли бы, что это понятіе принадлежитъ къ числу самыхъ неустойчивыхъ, спорныхъ и неопредѣленныхъ философскихъ понятій, что при ближайшемъ анализѣ само оно разрушается и разлагается въ понятіе чего-то нематеріальнаго. При такомъ положеніи дѣла и матеріалистическая гипотеза происхожденія вселенной въ самомъ корнѣ своемъ оказалась бы несостоятельною, не имѣющею никакой твердой почвы ни въ опытѣ, ни въ умозрѣніи. Но рѣшеніе вопроса о матеріи какъ съ гносеологической, такъ и онтологической точки зрѣнія вывело бы насъ далеко за предѣлы настоящаго космологическаго изслѣдованія и само по себѣ потребовало бы особаго, спеціальнаго труда *). Въ настоящемъ случаѣ мы считаемъ возможнымъ безъ ущерба для дѣла освободить себя отъ этого труда, такъ какъ надѣемся показать несостоятельность ученія матеріализма о началѣ міра, даже дѣлая ему капитальную и притомъ двойную уступку,—предполагая реальное существованіе матеріи и затѣмъ существованіе ея въ той именно формѣ, въ какой обыкновенно представляетъ ее матеріализмъ, согласно съ наиболѣе распространеннымъ естествознательнымъ воззрѣніемъ на нее,—въ формѣ атомовъ **).

*) Элементарныя свѣдѣнія по вопросу о матеріи, какъ субстанціальной основѣ физическаго міра, читатель можетъ получить въ изданной нами книжкѣ „Начальныя основанія философіи. Вып. II. М. 1890 г.“ стр. 1—33.

**) Что изъ существующихъ въ философскомъ мірѣ ученій о матеріи: пред-

Сдѣлавъ эту уступку матеріализму, теперь чрезъ необозримый рядъ вѣковъ перенесемся мыслію къ той безконечно отдаленной отъ насъ эпохѣ, когда ничего еще не было кромѣ безграничнаго пространства, наполненнаго одною, неоформировавшеюся въ опредѣленныя тѣла, матеріею. Такую эпоху, конечно, долженъ допустить матеріализмъ, если не хочетъ признать міръ вѣчнымъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ теперь, и если признаетъ несомнѣннымъ тотъ выводъ естествознанія, что вселенная образовалась постепенно, восхода отъ простѣйшихъ формъ бытія къ болѣе сложнымъ. Очевидно, состоянію матеріи, образовавшейся въ міръ, должно было предшествовать состояніе ея въ видѣ необразовавшемся; матерія должна предшествовать міру. Итакъ, предъ нами первобытная матерія, то есть безконечное множество атомовъ, безпорядочно ли движущихся въ пространствѣ, или неподвижно покоющихся въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого. Въ такомъ положеніи матерія находилась безконечно неопредѣленное время. Но вотъ долженъ наступить въ вѣчности извѣстный, опредѣленный моментъ, когда атомы должны

ставленія ея въ видѣ сплошь протяженнаго бытія (continuum), атомизма, динамизма, математическаго атомизма и монадизма, матеріализмъ долженъ былъ избрать именно атомизмъ, это вполнѣ естественно. Динамизмъ, математическій атомизмъ и монадизмъ не могли быть допущены матеріализмомъ по самому принципу, какъ посящія болѣе или менѣе идеалистическій оттѣнокъ. Изъ остающихся воззрѣній на матерію,—представленіе ея въ видѣ continuum'а и въ видѣ атомовъ, онъ долженъ былъ остановиться на послѣднемъ, отчасти въ слѣдствіе того, что это воззрѣніе имѣетъ особенное значеніе въ естествознаніи, родствомъ съ которымъ такъ дорожитъ матеріализмъ, отчасти потому, что при предположеніи однородной сплошь протяженной въ пространствѣ матеріи, несравненно труднѣе было бы объяснить возникновеніе разнообразія и отдѣльности вещей безъ предположенія какой-либо духовной силы, или дѣйствующей въ самой матеріи (древній гилозоизмъ) или отвнѣ воздѣйствующей на нее. Въ виду этой трудности, еще въ древности гилозоизмъ Іонійскихъ философовъ перешелъ въ атомизмъ Левкиппа и Демокрита съ одной стороны, въ дуализмъ Анаксагора и послѣдующихъ греческихъ философовъ—съ другой. Что сама по себѣ атомистическая теорія матеріи, не смотря на нѣкоторое значеніе ея для естествознанія, страдаетъ существенными недостатками, а въ той формѣ, въ какой принимаетъ ее матеріализмъ, должна быть признана вполнѣ несостоятельной въ философскомъ отношеніи теоріею,—это мы старались показать въ нашей статьѣ: „Матеріалистическій атомизмъ“. См. выше, стран. 1 и дал.

были выйти изъ того положенія, въ какомъ находились до тѣхъ поръ. Въ одномъ или въ нѣсколькихъ пунктахъ безграничнаго, наполненнаго атомами, пространства должно возникнуть *движеніе*, хотя въ самой простой и элементарной его формѣ,—въ видѣ сближенія и соединенія однихъ атомовъ и отталкиванія другихъ.

Необходимо является вопросъ: отчего же вдругъ произошла такая перемѣна въ положеніи атомовъ, которой не было въ нихъ въ теченіе предшествующаго, безконечнаго продолженія времени? Если они стояли въ пространствѣ неподвижно искони, отъ чего они задвигались въ извѣстныхъ пунктахъ? Если они хаотически двигались и кружились, — отъ чего это движеніе вдругъ смѣнилось правильнымъ и законосообразнымъ? Словомъ, отъ чего матерія въ теченіе безконечнаго множества вѣковъ находилась въ извѣстномъ одинаковомъ состояніи, и потомъ съ извѣстнаго момента начала измѣнять это состояніе?

Въ самыхъ атомахъ, конечно, не могло возникнуть никакого внутренняго побужденія или желанія перемѣнить свое прежнее состояніе на новое. Они находились въ извѣстномъ положеніи безконечное время и въ силу свойственной матеріи инерціи въ нихъ самихъ не заключалось никакого достаточнаго основанія къ измѣненію этого положенія. Всего естественнѣе возникаетъ предположеніе, что какая-то внѣшняя и чуждая атомамъ сила, какой-то нематеріальный, имѣвшій собственную силу начать то, чего прежде не было, *двигатель*, сообщилъ атомамъ то первоначальное движеніе, которымъ начался процессъ мірообразованія.

Но такой, внѣшней матеріи и чуждой ей силы не хотятъ допустить матеріалисты. По ихъ ученію матерія есть единственно и абсолютно сущее. Какъ же объяснить теперь начало мірообразованія или,—что тоже,—правильнаго движенія и соединенія атомовъ?

Древніе матеріалисты (Левкиппъ, Демокритъ, Епикуръ), безъ дальнихъ разсужденій, для объясненія такого необычайнаго измѣненія въ положеніи атомовъ, ссылались на *случай* (или, что въ сущности то же, на *рокъ*). Атомы безконечное время хаотически и безпорядочно носились въ пространствѣ, пока случайное столкновеніе нечаянно не поставило ихъ въ такое положеніе, что они образовали міръ. Но ссылаться на

случай, значитъ заранѣе отказываться отъ всякаго раціональнаго объясненія причинъ явленій; мы обыкновенно ссылаемся на случай, когда не знаемъ дѣйствительныхъ причинъ какого-либо явленія. Далѣе, случай представляется намъ какъ нѣчто неразумное, безцѣльное, нарушающее правильное теченіе законовъ природы и человѣческихъ дѣйствій. Можно ли же думать, чтобы такое стройное и законосообразное цѣлое, какъ міръ, могло произойти случайно? Наконецъ, съ понятіемъ случая никакъ не вяжется необходимость послѣдовательнаго и законосообразнаго *развитія*, какое мы видимъ въ постепенномъ образованіи міра. Признавая случай дѣйствующею причиною мірообразованія, мы никакъ не можемъ понять, почему это мірообразованіе шло постепенно, почему тотъ или иной предметъ природы не явился и не можетъ явиться вдругъ случайно; почему напр., случайно, отъ столкновенія атомовъ, не могла гдѣ-нибудь образоваться отдѣльная гора, дерево, членъ тѣла, прежде чѣмъ эти предметы явились многочисленнымъ, строго опредѣленнымъ путемъ развитія міра. Еще въ древности, здравый смыслъ Цицерона замѣтилъ нелѣпость той мысли, будто отъ случайнаго столкновенія атомовъ могла образоваться вселенная. „И мнѣ не удивляться, говоритъ онъ, что есть люди, которые увѣряютъ себя, будто есть какіе-то атомы, носящіеся собственною силою и тяжестію, и что столь прекрасный и разнообразный міръ составился изъ ихъ столкновенія! Если такъ, то я не вижу, почему тотъ, кто считаетъ это возможнымъ, не почитаетъ возможнымъ и того, чтобы безчисленное множество золотыхъ или другихъ какихъ-либо формъ двадцати одной буквы нашего алфавита, будучи высыпаны на землю, составили лѣтописи Еннія, такъ, чтобы потомъ ихъ можно было читать. Не знаю, удалось ли бы по какому-нибудь случаю составиться хотя одной строчкѣ. Какъ же утверждаютъ, что изъ частичекъ, не имѣющихъ никакого качества, сталкивающихся безъ всякаго смысла и причины, могъ образоваться міръ?... Если столкновеніе атомовъ могло произвести міръ, то отчего не можетъ оно произвести портика, храма, дома, города? Это менѣе многосложно и гораздо удобнѣе“ *).

*) De nat. deorum, II, 17.

Доказывать въ наше время невозможность происхожденія міра отъ случайнаго столкновенія атомовъ, имѣя при этомъ въ виду устарѣлое мнѣніе древнихъ атомистовъ, могло бы показаться тривіальностію, если бы мы не встрѣчали въ новой философіи попытокъ взять это мнѣніе подъ свою защиту, по крайней мѣрѣ вопреки ученію теистовъ, показать, что оно не такъ нелѣпо, какъ можетъ показаться для непросвѣщеннаго философіею здраваго смысла, представителемъ котораго въ настоящемъ случаѣ служитъ Цицеронъ. Такъ, напр., Дидро, имѣя въ виду именно примѣръ, впервые указанный Цицерономъ, старается доказать, что отсюда можетъ вытекать только то заключеніе, что возможность случайнаго происхожденія міра очень мала, но не то, что она абсолютно невѣроятна. Это отъ того, что, по его мнѣнію, число случайностей безконечно, или другими словами: малая вѣроятность такого событія болѣе чѣмъ достаточно вознаграждается *неограниченнымъ* множествомъ случайностей (между которыми поэтому должна быть и случайность происхожденія міра въ настоящемъ его видѣ). Отсюда, допуская вѣчное движеніе матеріи и безконечное число возможныхъ ея комбинацій, мы должны признать противнымъ разуму предположеніе, будто случайное происхожденіе міра невозможно. Напротивъ, „скорѣе было бы удивительнымъ для разума безконечное продолженіе хаоса, чѣмъ образованіе изъ него міра“.

На первый взглядъ, съ чисто логической точки зрѣнія, противъ правильности этого вывода, повидимому, ничего сказать нельзя. Если возможно *безконечное* число случайныхъ комбинацій атомовъ, то очевидно возможно и случайное возникновеніе той ихъ комбинаціи, какую представляетъ намъ существующая вселенная. Но иное дѣло, если мы отъ абстрактной, логической возможности, обратимъ вниманіе на отличную отъ нея реальную возможность или невозможность чего-либо. Съ этой точки зрѣнія предполагаемая возможность оказывается совершенно невѣроятною. Прежде всего, въ разсужденіи Дидро (которое было въ большомъ ходу и у другихъ матеріалистовъ его времени) совершенно упускается изъ вида существенное различіе между опредѣленнымъ и безконечнымъ числомъ случайностей. При опредѣленномъ числѣ случайностей вѣроятность выпаденія извѣстнаго случая конечно увеличивается по

мѣрѣ того, какъ умножается общее число уже выпавшихъ на удачу случайностей. Иное дѣло, если число возможныхъ случайностей безконечно; въ безконечномъ числѣ исчезаетъ различіе между бо́льшимъ и меньшимъ; сколько бы случайностей изъ безконечнаго числа ихъ ни выпадало, вѣроятность выпаденія опредѣленной случайности всегда остается безконечно малою, т. е. почти равною нулю; ихъ безконечное число не можетъ быть исчерпано. Сколько бы ни происходило случайностей изъ безконечнаго числа возможныхъ, осуществленіе ихъ не было бы никогда даже малѣйшимъ приближеніемъ къ этой безконечности. Затѣмъ, положимъ, что подобная случайная комбинація атомовъ въ формѣ настоящаго міра какъ-нибудь состоялась въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ. Было бы совершеннымъ нарушеніемъ правилъ логической и математической теоріи вѣроятностей предположить при этомъ, что подобная комбинація можетъ повториться при этомъ во второй, въ третій, даже безконечное число разъ *). Но допустивъ случайное образованіе міра одинъ разъ, мы должны объяснить тѣмъ же способомъ и продолженіе бытія міра въ теченіе множества вѣковъ. Ибо ничто, кромѣ безконечнаго продолженіе ряда счастливыхъ случайностей, не ручается за то, чтобы міръ ежеминутно не былъ обращенъ въ хаосъ точно тою же случайностію, при помощи которой онъ и возникъ. Скажутъ: но при настоящемъ строѣ вселенной, въ ней существуютъ неизмѣнные законы, которые и служатъ ручательствомъ того, что жизнь вселенной упрочена на столько, что уже она не можетъ подвергнуться какому-либо новому случайному разрушенію и уничтоженію. Но вѣдь если все произошло случайно, то очевидно случайны не только извѣстныя комбинаціи матеріальныхъ элементовъ (атомовъ), но и самые законы ими управляющіе. Но случайно возникшій законъ не можетъ быть неизмѣннымъ и также случайно можетъ измѣниться и исчезнуть, какъ случайно возникъ. Вообще мысль о возможности случайнаго образованія вселенной, въ виду крайней невѣроятности подобнаго факта, отвергается даже тѣми учеными, которые вообще придаютъ большое значеніе теоріи математиче-

*) Charpentier, „Memoire sur la logique du probable“ 1875. Цит. у Ianet, въ его „Causes finales. 1876“ p. 211. 433.

ской вѣроятности и вовсе не склонны допускать какую либо трансцендентную причину міра. Такъ напр. Лапласъ, прилагая эту теорію къ объясненію причинъ даннаго расположенія и движенія солнца и планетъ съ ихъ спутниками въ нашей солнечной системѣ, приходитъ къ заключенію, что „можно ставить (à parier) болѣе четырехъ тысячъ милліардовъ противъ единицы, что это расположеніе не есть дѣло случая; вѣроятность этой послѣдней мысли несравненно больше, чѣмъ вѣроятность историческихъ происшествій самыхъ для насъ несомнѣнныхъ. Итакъ, мы должны вѣрить, по крайней мѣрѣ съ тою же самою увѣренностью, съ какою вѣримъ въ самые достовѣрные историческіе факты, что не случай, а первоначальная причина такъ, а не иначе, направила (a dirigé) планетныя движенія“ *). Но движеніе планетной системы, какъ оно ни удивительно, по своей относительной простотѣ и механическому характеру составляетъ только малѣйшій отрывокъ въ безконечномъ разнообразіи и многосложности явленій природы. Если фактъ механическаго движенія не можетъ быть объясненъ простою случайностью, то что сказать о законосообразности явленій химическаго сродства, о взаимодѣйствіи физическихъ силъ природы, о жизни органической и психической?

Конечно, софисты матеріализма могутъ сказать, что наши замѣчанія ведутъ, положимъ, къ мысли о совершенной невѣроятности, *почти* невозможности случайнаго происхожденія міра, но не доказываютъ однакоже окончательно абсолютной невозможности и немыслимости подобнаго факта. Хотя съ эмпирически-научной точки зрѣнія совершенная невѣроятность извѣстнаго факта равняется устраненію его изъ области возможныхъ фактовъ, но и съ чисто философской точки зрѣнія такую фиктивную возможность случайнаго образованія міра не трудно устранить окончательно, какъ скоро обратимъ вниманіе на то, что представленнное нами возраженіе матеріалистовъ исходитъ изъ совершенно ложной посылки и потому падаетъ вмѣстѣ съ нею. Оно исходитъ изъ того положенія, что возможно *безконечное* множество *случайныхъ* комбинацій атомовъ, слѣдовательно и той комбинаціи, которую мы назы-

*) Цит. у H. Faye, въ его: „Sur l'origine du monde, 1885“, p. 154.

ваемъ міромъ. Но на самомъ дѣлѣ невозможно ни безконечное число, ни случайность въ комбинаціи атомовъ. Что касается до послѣдней, то матеріализмъ злоупотребляетъ здѣсь понятіемъ случайности, принимая ее въ вульгарномъ смыслѣ явленія не имѣющаго никакой причины, выходящаго изъ ряда законосообразнаго теченія вещей. Но такой случайности не признаетъ ни наука въ силу абсолютнаго закона причинной связи вещей, по которой не можетъ быть никакого явленія безъ причины, ни логика, требующая достаточнаго основанія для признанія истины каждаго факта. Поэтому въ точномъ смыслѣ случайнаго столкновенія атомовъ не было и быть не могло. Если и предположимъ, что до появленія настоящаго міра атомы вступали въ какія-либо иныя нынѣ неизвѣстныя соединенія, то эти соединенія также не могли быть случайными; причиною ихъ не могъ быть случай, а какая-либо дѣйствительная, притомъ независимая отъ нихъ причина, заключающая въ себѣ достаточное основаніе такихъ именно, а не иныхъ комбинацій ихъ *).

---

*) Фенелонъ думаетъ окончательно уничтожить представленное нами возраженіе матеріалистовъ указаніемъ на логическую несостоятельность другого заключающагося въ его посылкѣ понятія: безконечнаго числа возможныхъ случайностей. Онъ доказываетъ, что никакое число не можетъ быть безконечнымъ. 1) „Я могу отъ каждаго числа отнять единицу; тогда оно станетъ меньшимъ, чѣмъ было прежде, слѣдовательно конечнымъ; но число, которое становится конечнымъ какъ скоро отымутъ отъ него единицу, не можетъ быть безконечнымъ прежде этого отъятія. Единица есть несомнѣнно число конечное; итакъ конечное, прибавленное къ другому конечному, не можетъ составить безконечнаго. Если бы одна единица, прибавленная къ конечному числу, могла составить безконечное, то мы должны бы допустить нелѣпую мысль, что конечное равняется почти безконечному. 2) Я могу прибавить единицу къ этому числу и слѣдовательно умножить его; но то, что можетъ быть умножено, не есть безконечное; ибо безконечное не можетъ имѣть никакой границы. Но какъ скоро признана невозможность безконечнаго числа, то фантастическое предположеніе матеріалистовъ разсѣевается въ ту же минуту; съ разрушеніемъ посылки падаетъ и заключеніе. (Fénelon. Oeuvres philosophiques. Ed. p. Jacques. 1845. p. 75). Но намъ кажется, что этотъ аргументъ, даже предполагая его правильность, не достигаетъ своей цѣли. Потому что и допуская на основаніи его лишь ограниченное и опредѣленное число возможныхъ случайностей, матеріалистъ можетъ допустить случайное возникновеніе міра, если оно принадлежитъ къ числу опредѣленныхъ возможныхъ случайностей; при этомъ условіи случайное явленіе міра будетъ для него даже болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ при предположеніи безконечнаго числа воз-

Новѣйшій матеріализмъ не указываетъ уже на случай или рокъ, какъ на первую причину мірообразованія, хотя въ сущности все его ученіе о происхожденіи міра въ результатѣ ведетъ къ этому откровенному и наивному представленію древнихъ философовъ. Онъ понимаетъ, что признаніе случая первою причиною бытія міра было бы только замаскированнымъ признаніемъ его собственной несостоятельности и невозможности дать сколько-нибудь раціональный отвѣтъ на вопросъ о началѣ міра. Онъ понимаетъ, что для самаго элементарнаго и простого измѣненія въ положеніи атомовъ, для перехода ихъ изъ хаотическаго или неподвижнаго состоянія въ законосообразное движеніе, положившее начало образованію вселенной, нужна сообщившая имъ эти движенія *сила*. Матерія и сила— вотъ краеугольные столбы современной матеріалистической космологіи. Что же такое эта сила и откуда возникла она?

По самому простому, непосредственно соединяемому съ понятіемъ силы, смыслу, сила есть нѣчто совершенно противоположное матеріи, какъ начало дѣятельное противоположно страдательному, какъ движущее противоположно движимому. Но допустить, въ слѣдствіе такой противоположности, двойственность мірообразующихъ началъ, матеріализмъ, конечно, не можетъ. Ничего онъ столько не боится, какъ, такъ называемаго, непримиреннаго дуализма въ міросозерцаніи,—дуализма, въ которомъ онъ и обвиняетъ обыкновенно теистическое противоположеніе Бога и міра, духа и матеріи. Итакъ, онъ долженъ вывести эти понятія не изъ какого-либо высшаго ихъ понятія или начала, такъ какъ кромѣ матеріи и силы (физической) онъ не признаетъ никакихъ другихъ началъ бытія, но одно изъ другого, изъ какого,—само собою понятно. Хотя были въ философіи попытки вывести понятіе матеріи, какъ феноменъ силы или результатъ взаимодѣйствія силъ (напр. у Канта), но подобнаго рода динамизмъ очевидно не пригоденъ для матеріализма; онъ неминуемо завелъ-бы

можныхъ случайностей, такъ какъ здѣсь болѣе шансовъ наступить этому явленію скорѣе, чѣмъ при послѣднемъ условіи. Дѣло въ томъ, возможно ли *опредѣленное число* возможныхъ случайностей и принадлежитъ ли къ числу этихъ случайностей возникновеніе міра? Очевидно, нѣтъ; *опредѣленное* число возможныхъ комбинацій матеріи исключаетъ ео ipso случай, предполагаетъ начало и причину остановившую такую или иную опредѣленность.

его въ столь чуждую для него область идеализма субъективнаго или объективнаго. Для него, какъ показываетъ и самое названіе, существенное значеніе имѣетъ понятіе матеріи; она есть абсолютное и единое начало бытія; внѣ и кромѣ матеріи чего-либо противоположнаго и отличнаго отъ нея быть не можетъ. Итакъ, для сохраненія единства и цѣльности матеріалистическаго принципа необходимо какъ-нибудь вывести понятіе силы изъ понятія матеріи. Задача не легкая, потому что здѣсь приходится выводить одно понятіе изъ другого съ совершенно противоположными логическими предикатами, — изъ инерціи — движеніе, изъ неподвижнаго, безформеннаго, мертваго начала—разнообразіе формъ, законовъ и жизни въ мірѣ. Поэтому неудивительно, что здѣсь-то въ рѣшеніи самого принципіальнаго вопроса—о сущности силы и объ отношеніи ея къ матеріи, матеріализмъ путается въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ и не давая никакихъ точныхъ и ясныхъ опредѣленій, ограничивается чисто догматическими положеніями самаго общаго свойства, нисколько не выясняющими вопроса о сущности силы, играющей наравнѣ съ понятіемъ матеріи столь важную роль въ матеріалистической космологіи. Вообще всѣ матеріалистическія опредѣленія силы, если очистить ихъ отъ гиперболическихъ описаній великаго значенія ея въ дѣлѣ мірообразованія, можно свести къ тремъ не хитрымъ формуламъ: а) сила тожественна съ матерією; б) сила имманентна матеріи; в) сила есть существенно принадлежащее матеріи ея свойство.

Что касается до первой формулы, то, конечно, въ ней со всею послѣдовательностію выдерживается матеріалистическій принципъ о матеріи, какъ единственномъ абсолютно сущемъ началѣ бытія; въ ней прямо утверждается, что понятіемъ силы не вводится какого-либо новаго понятія, которое не заключалось бы въ основномъ принципѣ. Но за то она не даетъ намъ ни малѣйшаго отвѣта на вопросъ, что такое сила, и нисколько не приноситъ помощи при объясненіи происхожденія міра. Въ сущности, эта формула, если понимать ее буквально, не имѣетъ смысла, такъ какъ здѣсь въ другихъ только словахъ получается то же понятіе, — матерія. Но если такъ, если сила та же матерія, или какъ иногда выражаются „ни чѣмъ не отлична отъ матеріи“, то нечего и говорить о ней и воображать, будто

замѣною одного слова другимъ, мы сколько-нибудь объяснимъ то, что не поддается объясненію при помощи другого слова,— будто, если мы скажемъ, что міръ произошелъ изъ матеріи, то не объяснимъ его происхожденія, а если скажемъ, что міръ произошелъ изъ матеріи, при помощи силы (которая однакоже тожественна съ матеріей), то легко объяснимъ это происхожденіе?

Но положимъ, скажетъ матеріалистъ, представленная сейчасъ формула, не совсѣмъ удачна; но это нисколько не ведетъ къ необходимости допускать, для объясненія происхожденія міра, какое-либо другое начало, отличное отъ матеріи. Положимъ, сила не тожественна съ матеріей, но она имманентна ей, не мыслима безъ нея, какъ нѣчто само по себѣ существующее, противоположное матеріи. „Нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы“,—вотъ любимое основоположеніе современнаго матеріализма, „простѣйшая, но въ то же время богатѣйшая по своимъ послѣдствіямъ истина, которая по тому самому можетъ быть и принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ и наименѣе признаваемымъ истинамъ“, и которую поэтому Бюхнеръ и старается подтвердить цѣлымъ рядомъ эмпирическихъ данныхъ *). Но кто же и когда отвергалъ эту элементарную и общеизвѣстную истину естествознанія? Бюхнеръ напрасно тратитъ свои усилія въ борьбѣ съ вѣтряными мельницами и сражается со мнѣніемъ, котораго никто на самомъ дѣлѣ не защищалъ. Никто не споритъ, что извѣстныя намъ на опытѣ силы природы физической не висятъ гдѣ-то на воздухѣ, не существуютъ сами по себѣ безъ вещества, въ которомъ обнаруживаются, и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы имманентными веществу, не мыслимыми существующими отдѣльно отъ него. Но дѣло въ томъ, что признаніемъ этой истины ровно ничего не выигрывается въ пользу матеріализма, что̀ видно изъ того уже одного, что эта истина удобно и безспорно принимается направленіями противоположными матеріализму. Дѣйствительно, формулою: „сила имманентна веществу“ или: „нѣтъ силы безъ матеріи и матеріи безъ силы“, указывается только на взаимное *отношеніе* силы и матеріи, но нисколько не рѣшается еще вопросъ о сущности силы и

*) L. Büchner. Kraft und Stoff. 1864; стр. 2 и слѣд.

о ея происхожденіи. Говоря, что сила имманентна матеріи, мы утверждаемъ этимъ только взаимную ихъ связь, которая нисколько еще не свидѣтельствуетъ объ ихъ субстанціальномъ тожествѣ или единствѣ. Два предмета въ своемъ существованіи могутъ вполнѣ зависѣть одинъ отъ другого, но отъ этого они не сольются въ одинъ предметъ, а все также останутся двумя предметами, хотя въ своемъ бытіи они неразрывно связаны другъ съ другомъ. Свѣтъ, напр., теплота, звукъ, движеніе не могутъ, конечно, существовать безъ матеріи, въ которой обнаруживаются; однакоже они не суть ни самое вещество, въ которомъ они дѣйствуютъ, ни существенное его свойство. Камень существуетъ и безъ толчка, который заставилъ его катиться; сила механическаго движенія, хотя и не можетъ обнаружиться если бы ей не попался камень или другое вещество, но не есть еще самый этотъ камень или его свойство. Сила магнетическая, хотя не можетъ обнаружиться безъ желѣза, но не есть это самое желѣзо, въ которомъ она обнаружилась. Органическая жизнь не можетъ существовать безъ данной комбинаціи матеріальныхъ элементовъ, составляющихъ то, что мы называемъ органическимъ тѣломъ, но не есть то же, что это самое тѣло, какъ извѣстный аггрегатъ мертвыхъ, химическихъ элементовъ. Вообще всѣ силы, какія мы ни видимъ въ природѣ, хотя могутъ быть названы имманентными матеріи въ томъ смыслѣ, что не могутъ существовать отдѣльно отъ нея, но этотъ фактъ нисколько не уполномочиваетъ насъ выходить куда-либо за предѣлы его и выводить отсюда какія-либо заключенія о происхожденіи вещей.

При такомъ дѣйствительномъ, а не мнимомъ значеніи понятія объ имманентности (нераздѣльности) силы и матеріи мы не только отказываемся видѣть въ немъ какую-либо „богатую по своимъ послѣдствіямъ истину“ въ дѣлѣ объясненія происхожденія міра, но даже думаемъ, что, будучи проведено послѣдовательно, оно ведетъ къ разрушенію самаго матеріализма. Въ самомъ дѣлѣ, все значеніе этой истины для объясненія начала міра состоитъ въ томъ, что существующее фактически отношеніе между физическими силами и веществами, въ которыхъ онѣ обнаруживаются, обобщается и аналогически переносится къ первому моменту мірообразованія. Какъ при объясненіи даннаго порядка вещей мы допускаемъ существованіе

физическихъ силъ имманентныхъ матеріи, такъ и для объясненія начала міра мы должны допустить матерію и имманентную ей силу, — понимая эти понятія въ абстракціи отъ спеціальныхъ, нынѣ существующихъ, силъ и веществъ въ природѣ. Не говоримъ о томъ, что при этомъ матеріализмъ нѣсколько подмѣниваетъ въ свою пользу понятіе силы, разумѣя подъ силою вообще,—чисто физическую силу, тогда какъ абстракція отъ данныхъ силъ природы, въ числѣ которыхъ мы находимъ силу психическую и органическую, должна бы вести къ иному, болѣе широкому понятію о силѣ вообще, какъ о возможномъ источникѣ *всѣхъ* силъ природы, а не однихъ только механическихъ. Самая необходимость для объясненія начала міра принять понятіе о силѣ, наряду съ понятіемъ матеріи, прямо ведетъ къ дуалистическому міросозерцанію, какъ скоро матерія *и* сила признаются равноправными дѣйствующими началами и сила не есть только иное названіе для того же понятія матеріи. Этотъ дуализмъ не уничтожится отъ того, что сила признается имманентною матеріи; этимъ признаніемъ утверждается лишь та мысль, что дѣятельное начало необходимо предполагаетъ страдательное, что оба понятія суть коррелятивныя и не могутъ быть мыслимы одно безъ другаго. Уничтоженіе дуализма и сохраненіе столь дорогаго для матеріализма, монизма, возможно лишь въ двухъ случаяхъ: или выше матеріи и силы мы должны признать какую-либо единую причину и начало, отъ котораго та и другая могли получить свое бытіе, — но это признаніе уничтожило бы матеріализмъ; или мы должны уничтожить призрачную самостоятельность силы и ея равноправность съ матеріею, которая заключалась въ выраженіи: „сила *и* матерія“ и сдѣлать силу аттрибутомъ матеріи.

Это, повидимому, и достигается въ третьей матеріалистической формулѣ: „сила есть *свойство* матеріи“, качество существенно и отъ вѣка ей принадлежащее. Этою формулою, по видимому, совершенно устраняется подозрѣніе въ дуализмѣ, отъ котораго не свободна была предыдущая и потому она есть наиболѣе распространенная между матеріалистами для опредѣленія сущности силы и ея отношенія къ матеріи *). Но всма-

*) Выраженіе: „сила есть свойство матеріи“, часто встрѣчается у Бюхнера въ его „Kraft und Stoff“. По опредѣленію другого столпа новѣйшаго матеріа-

триваясь ближе въ эту, допускаемую часто и не одними матеріалистами, формулу, не трудно открыть въ ней логическое противорѣчіе, показывающее ея несостоятельность. Это противорѣчіе состоитъ въ томъ, что одному и тому же объекту матеріи мы должны приписать противорѣчащіе и взаимно исключающіе себя предикаты. Существенный признакъ матеріи, согласно усвояемый ей всѣми матеріалистами, есть инерція; но въ то же время ей приписывается другой также существенный признакъ—сила, т. е. дѣятельность, активность. Какимъ образомъ возможно совмѣщеніе въ одномъ объектѣ обоихъ этихъ признаковъ, отрицающихъ другъ друга? Какъ одинъ и тотъ же объектъ можетъ быть въ то же время и недѣятельнымъ и дѣятельнымъ, какъ ему могутъ принадлежать и инерція и сила? Какъ онъ въ то же время можетъ быть и субстратомъ дѣйствія силы (т. е. матеріею въ точномъ смыслѣ) и силою дѣйствующею на этотъ субстратъ?

Далѣе, если бы сила была свойствомъ или качествомъ матеріи, то она по существу должна бы быть однородна съ матеріей, иначе—матеріальною въ точномъ смыслѣ слова, потому что свойство не можетъ быть противоположнымъ тому, чего свойство оно составляетъ. Но можемъ ли мы сказать о силѣ, что она есть нѣчто матеріальное, то есть нѣчто такое, что, какъ и прочіе матеріальные предметы, можетъ быть раздѣлено на части (въ послѣдней инстанціи—на атомы), усмотрѣно при помощи внѣшнихъ чувствъ — зрѣнія, слуха, осязанія и др. Можно видѣть, слышать и пр. измѣненія, производимыя тою или другою силою природы въ окружающихъ насъ предметахъ, но не самую силу, производящую эти явленія.

Наконецъ, если бы сила была существеннымъ свойствомъ матеріи, безъ котораго она немыслима, то мы должны предположить, что она будетъ составлять постоянное и неотъемлемое ея свойство. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Можемъ ли

лизма Молешотта, „матеріи безъ свойствъ никогда никто не наблюдалъ и потому такая матерія не мыслима“ (Kreislauf des Lebens. p. 317); „То свойство матеріи, которое дѣлаетъ возможнымъ ея движеніе, мы называемъ силою“ (p. 321). „Сила не есть какое-либо сообщающее толчекъ матеріи Божество (Kein stossender Gott), не есть какая-либо отдѣльная отъ матеріальной основы, сущность вещей; она есть нераздѣльное отъ вещества, отъ вѣчности ему присущее, ея свойство“ (348).

мы сказать, напр., что магнетизмъ, обнаруживающійся въ этомъ кускѣ желѣза, есть свойство или качество этого желѣза? что движеніе камня, катящагося вслѣдствіе толчка отвнѣ, есть существенное качество этого камня? Очевидно, нѣтъ; потому что существенныя свойства предмета суть постоянная принадлежность его природы, а не явленія, производимыя въ немъ внѣшнею ему причиною. Кусокъ желѣза можетъ вовсе и не обнаруживать магнитности, камень — не двигаться. Всѣ эти явленія возникаютъ не изъ самой природы этихъ предметовъ, не суть слѣдовательно ихъ качества или свойства, но только *явленія* или состоянія, вызываемыя въ нихъ дѣйствіемъ внѣшнихъ имъ силъ. О самыхъ этихъ предметахъ или веществахъ, въ которыхъ обнаруживаются силы, можемъ сказать только то, что они имѣютъ возможность или способность обнаруживать извѣстныя явленія, — желѣзо, напр., намагничиваться, камень катиться. Обобщая теперь и распространяя сказанное нами на всѣ силы природы и наконецъ на ту первосилу, которая наряду съ матеріею поставляется во главѣ міробразованія, мы не имѣемъ права утверждать, что сила есть свойство или качество матеріи, но имѣемъ право сказать лишь то, что матерія имѣетъ возможность или способность обнаруживать извѣстныя явленія подъ условіемъ воздѣйствія на нее извѣстной силы или силъ, изъ нея не выводимыхъ.

Вообще, какъ бы ни было сильно желаніе матеріализма, въ виду сохраненія единства принятаго имъ философскаго міросозерцанія, свести понятіе силы къ понятію матеріи, какъ ея простое свойство, эти понятія неизбѣжно разъединяются въ силу необходимаго логическаго требованія мыслить матерію и силу какъ понятія, хотя соотносительныя, но по существу различныя. Этого различія не могли не признать безпристрастные ученые и въ области естествознанія, какъ для нихъ ни трудно было при этомъ условіи дать какое либо точное понятіе о сущности силы и ея отношенія къ матеріи. Такъ, по мнѣнію однихъ, сила не можетъ быть мыслима какъ свойство или принадлежность какой-либо вещи, какъ скрытая въ ней или покоющаяся возможность произвести какое либо дѣйствіе,—возможность, существующая въ ней прежде дѣйствія. Сила есть не что иное, какъ самое совершившееся дѣйствіе; она состоитъ единственно во вновь являющемся каждый разъ взаимо-

дѣйствіи между двумя матеріальными предметами или элементами, которые каждый въ отдѣльности не могутъ имѣть никакой силы. Такъ напр. нѣтъ никакой силы притяженія, присущей какому-либо физическому тѣлу, а есть только фактъ извѣстнаго взаимоотношенія между двумя тѣлами, который мы называемъ силою. Выраженіе: „сила“, есть собственно словесная аббревіатура для обозначенія игры различныхъ отношеній между предметами природы *). Другіе отожествляютъ понятіе силы съ понятіемъ закона природы. Что такое физическая сила, спрашиваетъ извѣстный физикъ Коши? Есть ли она какая-либо самостоятельная сущность (être) или аттрибутъ, свойство какой-либо сущности? Матеріальна она или нематеріальна? Физическая сила, отвѣчаетъ онъ, съ которою имѣетъ дѣло механика, прежде всего *не есть матеріальна*. Невозможно какую-либо часть матеріи или матеріальный пунктъ смѣшать или отожествить съ силою, которая прилагается къ матеріи. Но она *не есть также* и существенный аттрибутъ или *свойство матеріи*. Основоположеніе раціональной механики состоитъ въ томъ, что матерія косна, инертна, то есть не способна перемѣнить свое состояніе покоя или движенія. Если должна произойти перемѣна, то на нее должна подѣйствовать сила. Но такое воздѣйствіе вообще не есть необходимо, поелику матерія можетъ оставаться и безъ него; итакъ, она не обладаетъ имъ, какъ существенно необходимымъ аттрибутомъ. Тѣло, напр., помѣщенное на поверхности земли, притягивается ею; но эта сила тяготѣнія не существенно принадлежитъ тѣлу; она постоянно уменьшается, тѣмъ больше, чѣмъ тѣло дальше отдаляется отъ земли и можетъ совершенно прекратиться; поэтому Ньютонъ и говорилъ: gravitatem corporibus essentialem esse minime affirmo... За тѣмъ доказавъ, что сила не можетъ быть ни матеріальною сущностью, ни свойствомъ матеріи, знаменитый физикъ показываетъ, что она не можетъ быть также и духовною сущностью или ея свойствомъ. Что же такое сила? Сила, по его опредѣленію, есть не что иное какъ *законъ* природы, служащій выраженіемъ воли „Необходимаго существа (Être necessaire)“. Спеціальныя силы

*) Къ такому понятію о силѣ склоняется и Лотце. Mikrocosmus. 1856. B. I. S. 40 и слѣд.

природы суть вторичныя причины или частные законы, обязанные своимъ происхожденіемъ божественной волѣ, которые и служатъ причинами, т. е. *силами*, производящими различные феномены природы *). Наконецъ, въ новѣйшее время встрѣчаются попытки замѣнить понятіе силы, составляющей свойство матеріи, понятіемъ *энергіи*. Такъ, на основаніи тщательныхъ эмпирическихъ изслѣдованій, извѣстный современный физикъ Клаузіусъ приходитъ къ заключенію, что матеріальные атомы не могутъ обладать сами по себѣ тѣми силами, которыя являются намъ какъ причины свѣта, тепла, электричества и магнетизма; источника этихъ силъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, искать въ особой невѣсомой энергіи заключающеюся *между* матеріальными атомами и сообщающею имъ тѣ движенія, проявленія которыхъ мы наблюдаемъ. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ мнѣнія физиковъ, стоящихъ за тожество и нераздѣльность силы и матеріи **).

Мы не касаемся здѣсь вопроса, въ какой мѣрѣ удовлетворительны представленныя нами понятія о силѣ; для насъ здѣсь важно не положительное опредѣленіе понятія, возбуждавшаго въ наукѣ еще большія разногласія чѣмъ понятіе о матеріи; а то, что современное естествознаніе само приходитъ къ убѣжденію въ несостоятельности матеріалистическаго ученія о силѣ, какъ свойствѣ матеріи,—по крайней мѣрѣ матеріи въ томъ ея въ видѣ, въ какомъ понимаетъ ее матеріализмъ, т. е. въ видѣ атомовъ. Несомнѣнный же результатъ этого признанія тотъ, что матерія не можетъ заключать въ самой себѣ, какъ своего свойства, *силы* произвести міръ, что для этого нужно допустить кромѣ матеріи существованіе иного, не матеріальнаго начала.

---

*) Comptes rendus. t. 21 P. 1845. У Фрошаммера въ его соч. Ueber die Aufgabe der Naturphilosophie, p. 180. 181.

**) Впрочемъ, при дальнѣйшемъ разъясненіи дѣла оказывается, что отличная отъ матеріи (атомовъ) сила или энергія Клаузіуса, есть только особаго рода невѣсомое вещество (въ родѣ эѳира), заключающееся между матеріальными частицами, различныя движенія котораго вызываютъ то свѣтъ, то теплоту, то электричество, то магнетизмъ. Согласный въ принципѣ съ Клаузіусомъ Гирсъ отличается отъ него тѣмъ, что считаетъ нужнымъ допустить не одну, а двѣ различныя энергіи или силы,—одну для свѣта и тепла, другую для электричества. О теоріяхъ Клаузіуса и Гирса, см. Моск. Вѣдом. за 1885 г. № 225. 295.

До сихъ поръ, говоря о силѣ, мы имѣли въ виду самое общее и абстрактное понятіе о ней. Мы не имѣли предъ собою никакого конкретнаго признака, по которому могли бы отличить эту, полагающую начало мірообразованію, силу отъ другихъ второстепенныхъ и спеціальныхъ силъ природы. У насъ нѣтъ еще опредѣленнаго представленія о ней, такого, напр., какое имѣемъ о другомъ космогоническомъ принципѣ,—матеріи, о которомъ знаемъ, что это атомы. Итакъ, что же такое первобытная сила матеріалистовъ? Можетъ быть, при болѣе точномъ опредѣленіи ея, для насъ станетъ яснѣе самый процессъ мірообразованія, обязанный этой силѣ?

Если представимъ, что существо матеріи составляютъ инертные атомы, что для того, чтобы изъ нихъ образовался міръ, прежде всего нужно нарушеніе этой инерціи, т. е. движеніе атомовъ, соединеніе ихъ одного съ другимъ, то необходимо придемъ къ той мысли, что первоначальная мірообразовательная сила есть сила механическаго *движенія*. Въ иномъ видѣ нельзя представить, да и матеріалисты не представляютъ, той силы, которая положила начало вселенной, потому что всѣ прочія замѣчаемыя теперь въ природѣ силы, напр. свѣта, тепла, электричества и другія, суть уже силы производныя, послѣ привзошедшія въ природу съ ея образованіемъ. Дѣйствительно, въ силѣ движенія матеріалисты видятъ первоисточникъ всѣхъ прочихъ силъ природы и ею одною пользуются при объясненіи начала міра, когда говорятъ, что это начало началось, такъ сказать, простымъ сближеніемъ и отталкиваніемъ атомовъ.

Но достаточно ли одной простой силы механическаго движенія для объясненія начала міра?

Станемъ ли мы представлять себѣ до-мірное положеніе матеріи въ видѣ неподвижно пребывающихъ въ пространствѣ атомовъ, въ видѣ ли хаотическаго и безпорядочнаго столкновенія ихъ или припишемъ имъ нѣкоторое элементарное и простое движеніе, напр. прямолинейное *), во всякомъ случаѣ начало

*) Такъ, по ученію Демокрита, атомы отъ вѣчности движутся или падаютъ сверху внизъ; такъ какъ при этомъ бо́льшіе, а потому и болѣе тяжелые атомы падаютъ быстрѣе, чѣмъ меньшіе и болѣе легкіе, то первые толкаютъ послѣдніе; въ слѣдствіе этого меньшіе оттѣсняются къ верху и изъ встрѣчи обоихъ движеній—сталкиванія и отталкиванія атомовъ, происходитъ круговоротное

міра мы должны мыслить какъ переходъ или измѣненіе прежней неподвижности или прежняго нестройнаго и однороднаго движенія въ правильное и законосообразное. Прежде всего для этой цѣли, по видимому, нужно распаденіе одной общей атомамъ силы движенія на притягательную и отталкивательную силы. Одни атомы должны привлечь къ себѣ другіе окружающіе ихъ атомы, чтобы могло составиться нѣчто похожее на отдѣльное тѣло. Но не понятно, какимъ образомъ, въ отвѣка принадлежавшей атомамъ силѣ движенія могло возникнуть такое раздвоеніе этой силы! Почему одна часть атомовъ стала активными (притягивающими), другая пассивными?—Затѣмъ, чтобы образовавшіеся при помощи этихъ силъ элементарныя тѣла были не однородны, нужно опять представить, что силы притяженія и отталкиванія въ различныхъ атомахъ начали дѣйствовать безконечно различно по степени интенсивности, т. е. одни атомы притянули къ себѣ бо́льшее количество атомовъ, другіе—меньшее; иначе, ничего бы не вышло; при совершенной однородности силы притяженія вмѣсто простыхъ атомовъ мы получили бы лишь однородныя скопленія атомовъ, вмѣсто атомовъ меньшаго размѣра—почти тѣ же атомы большаго размѣра. Что же условливало эти различныя степени интенсивности силъ притяженія и отталкиванія?—Но и допустивъ различныя степени интенсивности этихъ силъ, мы могли бы получить только большія и меньшія скопленія или группы атомовъ въ различныхъ частяхъ міроваго пространства. Разъ объединенныя силою притяженія, эти группы остались бы затѣмъ навсегда въ одномъ положеніи. Отсюда нужно допустить, что образовавшимся такимъ образомъ группамъ атомовъ, каждой стала свойственна различная по степени и направленію, сила движенія и притомъ движенія правильнаго и зако-

---

движеніе, которое и служитъ причиною соединенія атомовъ въ большія массы или цѣлые міры. Имѣя въ виду замѣчаніе Аристотеля, что въ пустомъ пространствѣ всѣ атомы, большіе и малые, падали бы одинаково быстро и слѣд. не могли бы столкнуться другомъ, Епикуръ допускалъ, что атомы произвольно чуть-чуть отступаютъ отъ отвѣсной линіи паденія. Вслѣдствіе этого они сталкиваются, перемѣшиваются другъ съ другомъ, отскакиваютъ другъ отъ друга; иные вытѣсняются кверху; отсюда возникаютъ тѣ круговоротныя движенія, которыя производятъ въ различныхъ частяхъ безконечнаго пространства безчисленные міры.

носообразнаго, вполнѣ согласованнаго съ движеніями другихъ группъ. Въ противномъ случаѣ, образовавшіяся изъ атомовъ группы или стали бы двигаться по одному только направленію и съ одинаковою скоростью, или безпорядочное ихъ движеніе заставило бы ихъ сталкиваться и разсѣеваться безъ всякаго порядка, что̀ и при образовавшихся отдѣльныхъ группахъ атомовъ произвело бы такой же хаосъ, въ какомъ находились они до соединенія ихъ силою притяженія. Какая же причина могла вызвать въ матеріи это чрезвычайное разнообразіе въ степени напряженія силы движенія и урегулировать его такъ, чтобы отсюда возникъ порядокъ, а не случайный хаосъ? Очевидно, если не хотимъ признать, что сила механическаго движенія сама себя безконечно оразнообразила въ своемъ дѣйствіи, по произволу сокращаясь, расширяясь, перемѣняя направленія, и такимъ образомъ признать за нею качества самоопредѣляемости и разумности, то должны искать этой причины внѣ матеріи, въ законахъ, начертанныхъ для дѣйствія силъ природы высшею духовно-разумною силою.

Очевидная невозможность сколько-нибудь удовлетворительно объяснить начало правильнаго и законосообразнаго движенія атомовъ, т. е. начало міра, естественно возбудило у нѣкоторыхъ матеріалистовъ желаніе затушевать самый вопросъ, столь непріятный для нихъ, вопросъ о началѣ міра. Такое средство, прежде всего, они находятъ въ ученіи о вѣчномъ круговращеніи вещества. Подъ такимъ круговращеніемъ нужно разумѣть не хаотическое и безпорядочное движеніе атомовъ Демокрита и Епикура, но вѣчную смѣну различныхъ, законосообразныхъ формъ сочетанія атомовъ. Матерія никогда не находилась въ безформенномъ нестройномъ состояніи; она только постоянно мѣняла формы своего существованія и данный, настоящій видъ, который представляетъ вселенная, есть только одна изъ этихъ формъ, которой предшествовали и за которою послѣдуютъ другіе, намъ неизвѣстныя. Эта мысль о круговращеніи вещества, не есть что-либо новое, но видоизмѣненіе издавна встрѣчавшагося въ философіи ученія о вѣчности міра, т. е. о вѣчномъ, благоустроенномъ состояніи матеріи (κόσμος), исключающемъ иное представленіе о какомъ-либо предшествовавшемъ этому состоянію небытіи міра или неустроенномъ положеніи веществъ. Оно сильно напоминаетъ ученіе древнихъ

атомистовъ о безчисленномъ множествѣ міровъ, то возникающихъ, то исчезающихъ въ пространствѣ, а еще болѣе фантастическія космогоніи Буддистовъ *). И цѣль этого представленія одна и та же, что у буддійскихъ философовъ. — При невозможности сколько-нибудь раціонально объяснить начало міра безъ признанія высшей мірообразовательной силы, казалось всего лучше устранить самую необходимость такого объясненія чрезъ уничтоженіе самаго вопроса о *началѣ*. О началѣ міра нечего и спрашивать, потому что собственно такого начала и не было; міръ, какъ законосообразное и устроенное состояніе матеріи, вѣченъ, смѣняются только формы міроваго

*) Вопреки пантеизму браминской религіозной философіи, которая истинною сущностью вещей почитала единое абсолютное бытіе—Браму, а на міръ смотрѣла, какъ на призрачный феноменъ этого единаго абсолютнаго, Буддизмъ, отрицая существованіе Брамы, истинно сущимъ признавалъ только безконечную множественность постоянно смѣняющихся и текучихъ явленій. Существенный характеръ этой множественности есть ея ничтожество и несамостоятельность; все постоянно возникаетъ и исчезаетъ въ вѣчномъ круговоротѣ бытія (Самсара): уничтоженіе есть конечная цѣль всего существующаго; ничтожество—его сущность, ничтожество есть его начало.

Но если ничтожество есть основаніе міра, а въ то же время изъ ничего не бываетъ ничего, то для буддиста дѣйствительное существованіе міра оставалось бы въ сущности также непонятнымъ, какъ и для браминиста происхожденіе его изъ абсолютно единаго и простого. Выхода изъ этого противорѣчія—необходимости мыслить начало міра и въ то жо время отрицать это начало съ устраненіемъ абсолютной, первой причины міра, буддистъ искалъ въ представленіи безконечной цѣпи смѣняющихся явленій, безъ начала и конца. Онъ полагалъ, что простирая смѣну частныхъ и множественныхъ явленій въ безконечность какъ по пространству, такъ и по времени, онъ тѣмъ самымъ какъ бы уничтожаетъ въ туманѣ безконечной дали самый вопросъ о началѣ этой смѣны, о началѣ міра. Поэтому въ космогоніи буддистовъ главную роль играютъ фантастическія представленія о множественности существующаго въ пространствѣ и о громадности періодовъ жизни міра. Вмѣсто истинной безконечности божественнаго начала, буддистъ старается наполнить пустоту, оставшуюся въ его мысли съ устраненіемъ этого начала, ложною безконечностію чиселъ и пространствъ. Безчисленны у буддистовъ существующіе міры, безчисленны минувшіе и имѣющіе впредь явиться: неизмѣримо громадны и продолжительны эпохи міровой жизни. (О космологіи буддистовъ см. мою статью: „Религія культурныхъ языческихъ народовъ“. Прав. Обозр. за 1880 г. Мартъ, стр 433—436. См. Сочин. В. Д. Кудрявцева т. II, вып. 2, стр. 310 318). Не тотъ же ли въ сущности мотивъ проходитъ и въ ученіи современныхъ матеріалистовъ о вѣчномъ круговращеніи вещества и въ игрѣ ихъ милліардами цифръ при объясненіи начала существующей вселенной?

бытія; предъ нами вѣчное круговращеніе матеріи, отдѣльные моменты котораго мы, пожалуй, можемъ называть мірами.

Не станемъ здѣсь касаться вопроса, возможно ли вообще допустить вѣчное существованіе міра. Чтобы видѣть, какъ мало можетъ для матеріализма принести пользы его предположеніе о круговращеніи вещества, допустимъ это предположеніе и посмотримъ, достигается ли при этомъ та цѣль, какую онъ имѣетъ въ виду,—устранить необходимость признанія высочайшей Причины міра и представить все дѣло міробразованія, какъ періодическое самопреобразованіе матеріи и присущихъ ей силъ?

Представимъ себѣ въ вѣчномъ круговоротѣ вещества тотъ отрывокъ или моментъ, когда предыдущая форма комбинаціи матеріи разложилась на свои составные элементы (атомы) и должно начаться образованіе новой комбинаціи,—новаго міра. Представимъ, напр., себѣ то положеніе атомовъ, въ какомъ они послѣ разложенія предыдущаго, неизвѣстнаго намъ, міра, находились предъ началомъ нынѣшняго, когда только полагалось еще начало скученія атомовъ для образованія перваго зерна будущихъ небесныхъ тѣлъ. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ передъ собою то же неустроенное положеніе, какое допускаютъ и тѣ матеріалисты, которые принимаютъ абсолютное начало міра безъ всякаго круговращенія предшествовавшихъ міровъ. Но при этомъ очевидно и то, что здѣсь снова возникаютъ тѣже самые неразрѣшимые вопросы и недоумѣнія касательно возможности матеріи или атомамъ начать міробразовательное движеніе, какіе представлены нами выше. Всѣ эти вопросы не только не разрѣшаются, но болѣе и болѣе усложняются, возникая каждый разъ снова и снова. какъ скоро нужно бываетъ объяснить переходъ неустроеннаго состоянія матеріи (матеріи, разложившейся на свои элементы по окончаніи извѣстнаго періода міровой жизни) къ устроенному и законосообразному (начало новаго міра). Само собою понятно, что тѣже затрудненія останутся и въ томъ случаѣ, если мы будемъ представлять круговращеніе вещества не въ видѣ общаго періодическаго разрушенія и возникновенія одного и того же міра, но въ видѣ разновременнаго и частичнаго возникновенія и разрушенія отдѣльныхъ міровыхъ тѣлъ въ различныхъ мѣстахъ безграничнаго пространства.

Такимъ образомъ представленіе о круговращеніи вещества, о вѣчной смѣнѣ міровъ, нисколько не помогаетъ матеріализму при объясненіи происхожденія вселенной. Не говоримъ о томъ, что самое это представленіе есть чисто произвольная гипотеза, не имѣющая въ свою пользу никакихъ эмпирическихъ данныхъ и придуманная только для устраненія неразрѣшимыхъ для матеріализма философскихъ вопросовъ. Естествознаніе имѣетъ основанія предполагать, что настоящій строй міра образовался постепенно, восходя отъ сложныхъ современныхъ формъ міровой жизни до самыхъ простыхъ и элементарныхъ, за которыми мы не предполагаемъ ничего, кромѣ матеріи или атомовъ. Но естествознаніе не имѣетъ ни малѣйшихъ фактовъ, которые уполномочивали бы его на признаніе, что это элементарное состояніе матеріи не есть абсолютно первоначальное, что оно есть только результатъ какого-то предыдущаго міроваго процесса, исчезнувшаго, чтобы дать мѣсто иному. Въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей оно, на основаніи строго научныхъ данныхъ, приходитъ къ заключенію, что міръ имѣетъ опредѣленное, временное начало *).

Изъ сказаннаго нами видно, что опредѣляя присущую атомамъ мірообразующую силу, какъ силу механическаго движенія, матеріализмъ не только не подвигается въ рѣшеніи вопроса о началѣ міра, но напротивъ, приходитъ къ результатамъ разрушительнымъ для его теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, воз-

---

*) „Изъ новѣйшихъ открытій въ области физики, говоритъ извѣстный физикъ Секки, изъ которыхъ матеріалисты часто думали выводить заключенія въ свою пользу, на самомъ дѣлѣ вытекаетъ та очевиднѣйшая истина, что міръ сотворенъ въ опредѣленный моментъ времени и потому не вѣченъ, какъ они утверждаютъ, я привожу одно изъ этихъ открытій. Изъ теоріи превращенія силъ слѣдуетъ, что всѣ нынѣ дѣйствующія и находящіяся въ состояніи энергіи силы стремятся къ состоянію равновѣсія, не исчезая при этомъ. Но теперь вся совокупность явленій въ природѣ основывается на разнообразіи этихъ силъ; съ прекращеніемъ ихъ различія, съ достиженіемъ равновѣсія прекращается такимъ образомъ и существованіе міра. Но если бы міръ существовалъ отъ вѣчности, то, при непрестанномъ обмѣнѣ силъ, вся совокупность находящихся въ дѣйствіи силъ природы уже достигла бы состоянія равновѣсія; слѣдовательно міръ уже не существовалъ бы. Итакъ, если онъ существуетъ, то существуетъ потому, что не отъ вѣчности находится въ движеніи, но только съ извѣстнаго, опредѣленнаго пункта времени“. A. Secci. Die Grösse der Schöpfung. Üb. v. Güttler. 1883. p. 14.

никшее въ матеріи движеніе (и притомъ, какъ мы видѣли, движеніе не безпорядочное, а законосообразное, ибо только при послѣднемъ условіи возможно образованіе міра) мыслимо только при двухъ предположеніяхъ: или начало этого движенія заключалось въ самыхъ атомахъ или внѣ ихъ. Въ первомъ случаѣ мы должны признать въ атомахъ сокровенную, сначала недѣятельную, а потомъ начавшую дѣйствовать, силу движенія, и притомъ различную по интенсивности и направленію въ различныхъ атомахъ. Но такого признанія не можетъ допустить матеріализмъ, который отвергаетъ всякія потаенныя и недѣйствующія силы; притомъ же, если бы онъ и допустилъ ихъ, то необходимо долженъ былъ прійти къ понятію объ атомахъ, какъ о живыхъ, по собственной самоопредѣляемости удерживающихъ или обнаруживающихъ свою силу движенія, субстанціяхъ. Атомы замѣнились бы монадами, и матеріализмъ измѣнился бы въ теорію близкую къ монадологіи Лейбница и Гербарта. Если же такой исходъ не выгоденъ для матеріализма, то остается одинъ способъ объяснить мірообразующее движеніе атомовъ,—признать воздѣйствіе на нихъ внѣшней и независимой отъ матеріи силы. Это, конечно, значило бы допустить тотъ дуализмъ принциповъ бытія, котораго столько опасается матеріализмъ; но тѣмъ не менѣе этого дуализма, какъ мы видѣли, никакъ избѣжать нельзя.

Если же теперь, для раціональнаго объясненія начала міра, мы должны допустить существованіе независимой отъ матеріи силы, или непосредственно сообщившей движеніе атомовъ или возбудившей въ нихъ дремлющія до того силы, то какъ мы должны представлять себѣ эту мірообразовательную силу? Качества ея не трудно опредѣлить по ея противоположности матеріи и по тѣмъ дѣйствіямъ, въ какихъ она обнаружила себя. Она противоположна веществу, слѣдовательно невещественна, или,—что то же,—такъ какъ реальное бытіе противоположное матеріи мы называемъ духомъ, — то эта первосила можетъ быть названа *духовною*. Эта сила, хотя, по теоріи матеріализма, условливается въ своихъ дѣйствіяхъ матеріею, имманентна ей, но не есть однакоже то же, что матерія, и не можетъ быть выведена изъ нея, какъ ея свойство или качество; слѣдовательно она должна быть мыслима непроисходящею изъ матеріи, самостоятельною; она есть сила *само-*

бытная. Эта сила находилась прежде въ недѣятельномъ состояніи (т. е. до того момента движенія, которымъ положено начало міра), а потомъ стала дѣйствовать независимо отъ какихъ-либо внѣшнихъ возбужденій; слѣдовательно ея дѣйствіе было извнутри ея самой происходящее; поэтому мы должны приписать ей самоопредѣляемость, иначе—свободу; она есть сила *свободная*. Наконецъ эта сила имѣла возможность сообщить матеріи или атомамъ такого рода движеніе, что въ слѣдствіе его образовался тотъ именно порядокъ и строй міра, какой теперь видимъ; но если мы, не безъ основанія, называемъ этотъ строй и порядокъ правильнымъ, законосообразнымъ, разумнымъ, то очевидно и первопричину этого порядка мы имѣемъ право назвать *разумною*.

Итакъ, для объясненія начала міра, мы, кромѣ матеріи, должны предположить отличную отъ нея, самобытную, духовную, свободную и разумную силу, а эти предикаты прямо указываютъ на Божество. Раціональное размышленіе о началѣ міра такимъ образомъ необходимо приводитъ насъ къ признанію Божества, какъ виновника того положенія матеріи, которое мы называемъ міромъ. Мы приходимъ теперь къ той точкѣ зрѣнія, на которой стояли древніе греческіе философы, признававшіе, кромѣ вѣчной, самобытной матеріи, существованіе вѣчнаго самобытнаго двигателя или образователя этой матеріи, Бога. Всѣ тѣ доказательства, которыми Аристотель подтверждалъ необходимость допустить бытіе перваго, нематеріальнаго Двигателя для объясненія происхожденія движенія въ мірѣ, по отношенію къ матеріализму имѣютъ полное значеніе и въ наше время. Мы увидимъ, что этотъ взглядъ, въ свою очередь, не можетъ быть признанъ вѣрнымъ; дуализмъ матеріи и духа можетъ быть примиренъ въ высшемъ понятіи творенія. Но дѣло въ томъ, что подобный дуализмъ есть необходимый результатъ тѣхъ самыхъ понятій, которыя допускаются матеріалистами для объясненія начала міра, т. е. матеріи и силы; эти понятія, будучи проведены послѣдовательно, заключаютъ въ себѣ сѣмена разрушенія матеріализма и совершенно иного міросозерцанія. Если сила не есть то же, что матерія, и различеніе ихъ не есть пустая тавтологія, то первоначальная сила не можетъ быть мыслима иначе, какъ Божествомъ.

Вопросъ о началѣ міра есть больной пунктъ, Ахиллесова

пята матеріализма. Это чувствуютъ сами матеріалисты и потому не любятъ долго останавливаться на этомъ вопросѣ, ограничиваясь наборомъ общихъ фразъ о всемогуществѣ матеріи и силы, о ихъ безначальности, „безсмертіи“ и т. п. За неудачу перваго шага они надѣются вознаградить себя въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ раскрытіи процесса мірообразованія, „безъ вмѣшательства чуждой силы“, по однимъ естественнымъ законамъ. Нѣкогда Архимедъ въ гордомъ сознаніи силы механики говорилъ: дайте мнѣ только мѣсто, гдѣ бы стать, и я, при помощи механики, однимъ давленіемъ моей руки, сдвину съ мѣста весь міръ. Матеріалисты готовы сказать: дайте намъ только твердую точку опоры,—самобытную матерію и силу механическаго движенія, и мы создадимъ міръ. Не спрашивайте насъ только, откуда возникла матерія съ присущею ей силою законосообразнаго движенія,—и мы легко объяснимъ затѣмъ дальнѣйшій процессъ образованія вселенной.

Очевидно, мы переходимъ теперь отъ вопроса о первомъ или абсолютномъ *началѣ* міра къ вопросу о его *происхожденіи* въ тѣсномъ смыслѣ или образованіи. Сдѣлаемъ требуемую матеріализмомъ уступку. Не станемъ спрашивать, откуда и какъ началось мірообразовательное движеніе атомовъ; положимъ, оно началось. Возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: достаточно ли этого движенія для объясненія тѣхъ безконечно разнообразныхъ формъ бытія, какія мы теперь видимъ? Не нужно ли и здѣсь, въ дальнѣйшемъ процессѣ міроразвитія, точно такъ же, какъ и въ его началѣ, допустить дѣйствіе высшей, независимой отъ вещества, Силы? Нужно ли представлять себѣ генесизъ міра такимъ образомъ, что эта Сила только начала мірообразовательное движеніе, дала ему, такъ сказать, первый толчекъ, а затѣмъ все пошло само собою, или такъ, что эта же Сила принимала участіе и въ дальнѣйшемъ образованіи природы?

Рѣшеніе этого вопроса въ философіи имѣетъ значеніе уже не въ отношеніи только къ матеріализму, но и къ дуализму и деизму, съ родственнымъ ему натурализмомъ. То направленіе древняго дуализма, представителями котораго можно считать Анаксагора и Аристотеля, вело къ мысли, что мірообразующая дѣятельность верховнаго Ума или перваго Двигателя ограничивается только первымъ моментомъ начала міра,—

сообщеніемъ матеріи толчка или движенія; какъ скоро движеніе началось, міръ началъ образовываться самъ собою. Деизмъ прошлаго столѣтія, въ лицѣ англійскихъ философовъ этого направленія и болѣе умѣренныхъ представителей французскаго энциклопедизма, въ желаніи согласить признаніе Божества съ независимостію природы, какъ по ея настоящему положенію, такъ и по происхожденію, ограничивалъ дѣятельность Его въ образованіи міра, такъ называемое, твореніе, только созданіемъ матеріи съ ея коренными свойствами; какъ скоро она была создана, то, въ силу данныхъ ей законовъ, она сама собою образовала міръ; Божество оказывалось ненужнымъ и отходило на задній планъ. Тоже значеніе имѣетъ и „неизвѣстная трансцендентная причина міра“ въ новѣйшемъ, естествознательномъ натурализмѣ.

Очевидно, что различіе между всѣми этими направленіями состоитъ только въ принципахъ, взятыхъ для объясненія *начала* міра; что́ касается до его образованія или *происхожденія*, то всѣ они одинаково объясняютъ его изъ естественнаго дѣйствія силъ природы. Тогда какъ матеріализмъ первую причину міра видитъ въ матеріи и имманентной ей силѣ, дуализмъ, деизмъ и натурализмъ ищутъ абсолютнаго начала міра въ Богѣ или неизвѣстной трансцендентной силѣ; но затѣмъ, какъ матеріализмъ, такъ и послѣднія направленія одинаково допускаютъ самостоятельное образованіе вселенной.

Главнымъ, можно сказать, единственнымъ доказательствомъ въ пользу такого, вполнѣ самостоятельнаго образованія міра, какъ для матеріализма, такъ и для единомышленныхъ съ нимъ въ этомъ отношеніи философскихъ направленій, служатъ естественно-научныя гипотезы происхожденія вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, раскройте любое сочиненіе, написанное съ матеріалистической точки зрѣнія, въ которомъ говорится о происхожденіи міра. О чемъ собственно идетъ рѣчь? Сначала говорится о вѣчной матеріи и имманетныхъ ей силахъ; за тѣмъ, болѣе или менѣе согласно съ наиболѣе распространенными въ данное время естествознательными гипотезами, слѣдуетъ теорія образованія планетныхъ массъ при помощи центробѣжной и центростремительной силы; далѣе идетъ процессъ образованія земнаго шара, начиная съ того момента, когда наша земля находилась въ парообразномъ состояніи и кончая

тою эпохою, когда, вслѣдствіе ряда геологическихъ переворотовъ, она получила наконецъ ту форму, при которой стала способною къ появленію на ней существъ органическихъ; далѣе слѣдуетъ исторія послѣдовательнаго возникновенія растительныхъ и животныхъ организмовъ, начиная палеонтологическими и кончая нынѣ существующими, завершеніемъ которыхъ является человѣкъ.

На первый взглядъ можетъ представиться, что подобный, эмпирическій методъ доказательства матеріалистическаго ученія о происхожденіи міра вполнѣ удовлетворителенъ и предполагая, что естествознательныя теоріи мірообразованія вездѣ и во всемъ безукоризненны, вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли эмпирическія гипотезы образованія вселенной могутъ служить надежными доказательствами въ пользу того или другаго философскаго міросозерцанія,—матеріализма въ частности? Матеріализмъ на этотъ вопросъ, конечно, отвѣчаетъ утвердительно. По его мнѣнію, однимъ изложеніемъ этихъ гипотезъ уже доказывается именно его ученіе о происхожденіи міра, такъ какъ здѣсь, на основаніи научныхъ данныхъ, представляется самый способъ образованія вселенной безъ вмѣшательства какой-либо высшей силы, единственно по законамъ природы, намъ извѣстнымъ и нынѣ дѣйствующимъ. Не очень дальновидные противники матеріализма, пожалуй, согласятся съ нимъ, почитая всякаго рода попытки изобразить исторію мірообразованія ведущими прямо къ атеизму. Отсюда подозрительные взгляды на всякаго рода естествознательныя теоріи образованія вселенной; отсюда полемика противъ частностей той или другой теоріи,—и такъ какъ наука не выработала еще здѣсь окончательныхъ и вполнѣ твердыхъ результатовъ, такъ какъ теорія образованія звѣздныхъ и планетныхъ массъ, геологія и палеонтологія во многихъ пунктахъ представляютъ только гипотезы и разногласныя, не установившіяся мнѣнія, то удачное иногда указаніе нетвердости различныхъ теорій и противорѣчія различныхъ мнѣній принимается иногда за опроверженіе самаго матеріализма. Но изъ этого ничего не выходитъ; съ движеніемъ эмпирической науки недостаточныя теоріи исправляются; пробѣлы пополняются; возникаютъ новыя теоріи, которыя, конечно, ожидаетъ таже участь исправленія; критика ихъ обѣщаетъ затянуться

въ безконечность безъ всякаго рѣшительнаго результата. Матеріализмъ всегда можетъ отвѣтить на самую основательную критику такъ, какъ онъ отвѣчаетъ часто и теперь: положимъ, въ теоріи естественнаго мірообразованія въ настоящее время есть по мѣстамъ пробѣлы и она не въ силахъ отвѣтить на многіе частные вопросы; но эти пробѣлы, устранимые съ дальнѣйшимъ движеніемъ науки, нисколько не опровергаютъ общей основы и коренной идеи этой теоріи,—что міръ образовался естественно, законосообразнымъ путемъ.

Отсюда видно, что для оцѣнки ученія матеріализма о происхожденіи міра важно не столько указаніе недостатковъ той или другой естествознательной теоріи мірообразованія, какою онъ пользуется, сколько вообще опредѣленіе степени логической силы и доказательности самихъ этихъ теорій при рѣшеніи даннаго вопроса. Но въ такомъ доказательномъ ихъ значеніи заставляетъ насъ прежде всего усомниться тотъ фактъ, что однѣ и тѣже естествознательныя гипотезы могутъ быть приводимы и приводятся въ связь съ совершенно различными міросозерцаніями, такъ что никакъ нельзя сказать, чтобы онѣ исключительно служили къ подтвержденію одного какого-либо изъ нихъ, и матеріализмъ, только по какому-то недоразумѣнію, считаетъ ихъ своею собственностію. Такъ напр. мы видимъ, что философы идеалисты (напр. Шеллингъ, Гегель) въ своемъ изложеніи процесса развитія абсолютнаго начала въ формѣ природы (инобытія духа) не уклоняются отъ данныхъ естествознанія своего времени и допускаютъ иногда гипотезы, признаваемыя спеціально матеріалистическими; Окенъ, напримѣръ, раздѣляетъ теорію произвольнаго зарожденія организмовъ и при томъ въ примѣненіи ея къ происхожденію не только низшихъ, но и высшихъ организмовъ,—самого человѣка. Такъ, мы встрѣчаемъ опыты изложенія исторіи міра на основаніи астрономическихъ, геологическихъ, палеонтологическихъ данныхъ у ученыхъ и признающихъ бытіе высочайшаго Творца міра и участіе Его въ дѣлѣ мірообразованія (напр. Букландъ), и эти опыты вполнѣ согласны съ ихъ теистическою точкою зрѣнія. Еще болѣе,— въ области богословія мы встрѣчаемъ не мало попытокъ согласовать современныя естествознательныя теоріи образованія вселенной (напр. Канто-Лапласовскую гипотезу) съ библейскимъ ученіемъ о твореніи міра;

удовлетворительны ли эти попытки или нѣтъ съ богословской точки зрѣнія, другой вопросъ; но несомнѣнно то, что эти гипотезы вполнѣ могутъ быть примирены съ понятіемъ о Богѣ, какъ Творцѣ міра.

Отчего происходитъ это явленіе, которое одно и само по себѣ значительно обезсиливаетъ матеріализмъ, потому что могутъ ли служить надежнымъ доказательствомъ въ пользу какой либо теоріи факты, которые съ равнымъ правомъ могутъ быть приведены и въ пользу другой, противоположной? Причина этого явленія въ томъ, что естествознательныя теоріи мірообразованія, если онѣ держатся строго эмпирической почвы и индуктивнаго метода, изображаютъ предъ нами только преемственность фактовъ въ процессѣ развитія міра, но ничего не говорятъ и не могутъ сказать о глубочайшихъ, внутреннихъ причинахъ и условіяхъ этого процесса. Для рѣшенія послѣдняго вопроса мы должны изъ области опыта перейти въ область умозрѣнія,—философіи. Вотъ почему, при различія, даже противоположности философскихъ направленій, одинъ и тотъ же послѣдовательный рядъ фактовъ, связанныхъ закономъ эмпирической причинности, можетъ получить различное освѣщеніе и истолкованіе, что касается до ея внутренняго смысла и глубочайшаго основанія; самое же эмпирическое изложеніе процесса мірообразованія, какъ позволяетъ судить о немъ естествознаніе, можетъ быть однимъ и тѣмъ же и для матеріалиста, и для пантеиста, и для теиста. Различіе будетъ не въ фактическомъ изложеніи дѣла, а только въ различной философской подкладкѣ его и въ различномъ пониманіи сущности и смысла міроваго процесса. Такъ, по теоріи матеріализма, этотъ процессъ будетъ процессомъ жизни самого абсолютнаго, раскрывающагося въ многоразличіи явленій. По теоріи теизма, этотъ процессъ будетъ выполненіемъ божественнаго плана, осуществленіемъ воли Божества чрезъ посредство вызванныхъ Имъ изъ небытія въ бытіе элементовъ, силъ и законовъ природы. Но самый процессъ съ своей эмпирической стороны отъ этого не измѣнится; таже физика, астрономія, геологія, палеонтологія останутся и для теиста и для атеиста. Эмпирическіе факты сами по себѣ равнодушны къ тому или другому изъясненію ихъ, которое можетъ быть дано не опытомъ, а философскимъ или религіознымъ воззрѣніемъ на нихъ.

Все это показываетъ, что естественно-научныя гипотезы происхожденія вселенной, если только сами онѣ не носятъ тенденціознаго характера и не состоятъ подъ вліяніемъ матеріалистическаго міросозерцанія, истолковывая и освѣщая факты съ точки зрѣнія этой философіи, сами по себѣ не могутъ служить въ пользу матеріалистическаго ученія о происхожденіи міра, такъ какъ изображаютъ послѣдовательный ходъ образованія вселенной при предположеніи данныхъ уже существующихъ условій этого образованія. Но существенное значеніе для философіи имѣютъ, какъ мы видѣли, не эти спеціальныя гипотезы, а именно вопросъ о происхожденіи самыхъ этихъ предполагаемыхъ условій образованія вселенной, въ частности, по отношенію къ матеріализму,—вопросъ: могутъ ли эти условія быть выведены и объяснены изъ основнаго матеріалистическаго принципа, — матеріи съ имманентною ей силою?

Въ основѣ всякаго рода естествознательныхъ гипотезъ о происхожденіи вселенной лежитъ предположеніе о разнообразіи *веществъ, силъ и законовъ*, дѣйствующихъ въ вселенной, и своими комбинаціями и взаимоотношеніемъ производящихъ чрезвычайное разнообразіе предметовъ и явленій природы. Обратимъ вниманіе на каждое изъ этихъ предположеній порознь и посмотримъ, можно ли объяснить это разнообразіе съ матеріалистической точки зрѣнія?

а) Обратимся сначала къ разнообразію веществъ, входящихъ въ составъ предметовъ природы и производящихъ то различіе ихъ, которое можно назвать качественнымъ или химическимъ. Такъ какъ предметы природы въ этомъ отношеніи очень разнообразны, а матерія (атомы), какъ первое начало бытія, должна быть чѣмъ-то простымъ и однороднымъ, то кажется довольно труднымъ понять, какимъ образомъ изъ этого однороднаго вещества сами собою могли образоваться столь различныя тѣла, отъ чего атомы въ одномъ случаѣ являются намъ камнемъ, въ другомъ водою, воздухомъ и солнцемъ и пр.

Для разрѣшенія этого затрудненія возможны два предположенія: или атомы сами по себѣ первоначально не однообразны, но различны и при томъ это различіе есть или качественное (химическое) или формальное; или они совершенно однородны,

а различіе происшедшихъ изъ нихъ предметовъ зависитъ отъ относительнаго ихъ положенія другъ къ другу.

При настоящемъ положеніи природы различіе состава тѣлъ зависитъ отъ качественнаго различія первоначальныхъ ихъ элементовъ. Число такихъ элементовъ, иначе называемыхъ простыми тѣлами, постоянно измѣняется съ успѣхами химіи. Въ настоящее время ихъ насчитываютъ до 67, при чемъ химія оставляетъ открытымъ вопросъ: ограничивается ли этими простыми тѣлами, наблюдаемыми на нашей землѣ и отчасти въ нашей солнечной системѣ (путемъ спектральнаго анализа) вся совокупность первичныхъ элементовъ природы, или могутъ, на другихъ планетахъ и за предѣлами нашей солнечной системы, существовать какіе либо другіе элементы, намъ неизвѣстные. Но какъ бы то ни было, матеріализмъ для облегченія объясненія разнообразія природы, едва ли рѣшится допустить, чтобы матерія абсолютно и искони существовала въ видѣ качественно различныхъ атомовъ, по числу простыхъ элементовъ химіи, что искони существуютъ не атомы вообще, но атомы напр. кислорода, азота, золота, сѣры и т. п. *). Такое предположеніе не допустимо ни съ эмпирической, ни съ философской точки зрѣнія. Съ первой, какъ потому, что для такого мнѣнія опытъ не можетъ представить никакихъ основаній, такъ и потому, что факты разложенія нѣкоторыхъ, считавшихся прежде простыми, веществъ, ведутъ къ предположенію, что

*) Мнѣніе о разнокачественности состава первобытной матеріи въ древности мы встрѣчаемъ исключительно у Анаксагора. Матерію, по его ученію, нельзя представлять себѣ однородной массой, ни даже смѣшеніемъ такихъ простыхъ первовеществъ, каковы элементы Емпедокла или атомы Левкиппа. Напротивъ, она состоитъ изъ смѣси безчисленныхъ, непроисшедшихъ, неуничтожимыхъ и неизмѣнныхъ, по своей малости недоступныхъ зрѣнію, недѣлимыхъ частичекъ (*σπέρματα, χρήματα, ὁμοιομερῆ*) съ специфическими качествами: частичекъ напр. золота, плоти, костей и т. п. У новѣйшихъ матеріалистовъ нѣтъ рѣшительныхъ указаній на то, признаютъ ли они свою матерію первоначально разнокачественною или однородною. Философское требованіе единства принципа должно вести ихъ къ послѣднему воззрѣнію; но въ тоже время у нихъ проскальзываютъ мысли, заставляющія предполагать, что имъ не чуждо и первое. Такъ напр. Молешоттъ говоритъ, что „азоту, кислороду, водороду, сѣрѣ и фосфору ихъ свойства присущи отъ вѣка“, что „свойства основныхъ веществъ отъ вѣка неизмѣнны“. (Kreislauf. d. Lebens. 317, 362). Подобнаго рода выраженія, предполагающія вѣчность опредѣленныхъ химическихъ элементовъ, встрѣчаются и у Бюхнера.

неразложимость и другихъ простыхъ тѣлъ есть не абсолютная, а относительная, зависящая отъ недостатка въ настоящее время химическихъ способовъ разложенія. Что касается до философіи, то такое предположеніе противорѣчило бы идеѣ первоначальнаго единства матеріи. Самъ матеріализмъ, какъ философская система, не можетъ допустить такого предположенія о первоначальномъ качественномъ различіи атомовъ, потому что тогда, вмѣсто желаемаго имъ единства принципа, получится множество самостоятельныхъ началъ бытія; вмѣсто единой матеріи онъ долженъ будетъ допустить множество самобытныхъ матерій, по числу простыхъ тѣлъ природы. Но съ такимъ признаніемъ тѣмъ ярче выступитъ его несостоятельность, потому что, если трудно признать самобытность простой, безформенной матеріи, то еще труднѣе признать, чтобы само собою могло искони существовать нѣсколько, качественно различныхъ, матерій. Такое различіе необходимо вызывало бы вопросъ о причинѣ точнаго различія въ составѣ самой матеріи.

Древніе атомисты (Левкиппъ, Демокритъ, Епикуръ) коренной причины разнообразія предметовъ природы искали въ первоначальномъ различіи не качествъ, а формы, слагающихъ тѣла, атомовъ; по ихъ мнѣнію одни изъ нихъ больше, другіе меньше; одни круглы, другіе имѣютъ видъ куба, призмы и пр.; различная комбинація этихъ, различныхъ по формѣ, атомовъ и производитъ различныя тѣла. Такое воззрѣніе, по видимому, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ современной химіи. Такъ, она предполагаетъ, для объясненія нѣкоторыхъ химическихъ явленій (эквивалентности простыхъ тѣлъ), что атомы имѣютъ различный вѣсъ *). Но различный вѣсъ атомовъ можетъ зависѣть только отъ ихъ величины,—и вотъ... химія предполагаетъ первоначальную различную величину атомовъ, что̀ и служитъ для нея къ объясненію явленій такъ называемаго изоморфизма. Далѣе, когда онъ говоритъ о явленіяхъ кристаллизаціи и объясняетъ, почему одни тѣла кристаллизуются вмѣстѣ, другія нѣтъ, то предполагаетъ, что атомы имѣютъ первоначально различную форму или фигуру **). Но что

*) Хотя она, для объясненія другаго рода явленій, допускаетъ въ тоже время существованіе иныхъ невѣсомыхъ атомовъ.

**) Извѣстно, что нѣкоторыя вещества смѣшиваются при кристаллизаціи, нѣкоторыя — нѣтъ. Такъ напр. поваренная соль и сѣра, если смѣшать ихъ

касается до данныхъ химіи, то матеріализмъ едвали можетъ воспользоваться ими для своихъ цѣлей, такъ какъ химія говоритъ о величинѣ, вѣсѣ, фигурѣ атомовъ въ настоящее время и при данномъ положеніи природы, а вовсе не касается вопроса о самой сущности и первоначальномъ видѣ матеріи; она ничего не говоритъ, да и сказать не можетъ, принадлежитъ ли это различіе къ самому существу матеріи или есть явленіе, вызванное дѣйствіемъ на матерію какой либо силы, сформировавшей ее въ тѣ или иныя первоначальныя очертанія. Что касается до матеріализма, то утверждать именно первое, онъ не имѣетъ никакого основанія. Эмпирически рѣшить вопросъ о первоначальной фигурѣ атомовъ, конечно, нельзя, а признавать a priori абсолютное формальное ихъ различіе, значитъ допускать не философскую мысль о множественности началъ бытія въ видѣ множества абсолютно первыхъ формъ, что̀ также противорѣчитъ единству принципа объясненія природы, какъ и признаніе абсолютнаго качественнаго различія матерій.

По видимому болѣе философскій характеръ носитъ воззрѣніе тѣхъ матеріалистовъ, которые причину разнообразія предмеметовъ по ихъ составу полагаютъ единственно въ различномъ положеніи атомовъ относительно другъ друга. Атомы сами по себѣ однородны и тожественны; различіе же состава тѣлъ происходитъ отъ того, ближе ли, дальше ли отстоятъ между собою атомы. Такъ какъ степени такого разстоянія могутъ быть безконечно разнообразны, то очевидно здѣсь находится достаточное основаніе къ объясненію чрезвычайнаго разнообразія предметовъ. Данное количество атомовъ при извѣстной степени сближенія будетъ давать извѣстное простое тѣло, напр. кислородъ; тоже или большее количество ихъ при двойномъ

растворы, кристаллизуются изъ этой смѣси каждое вещество отдѣльно и каждое особеннымъ образомъ. Напротивъ, горькая соль и цинковый купоросъ, если ихъ смѣшать, кристаллизуются вмѣстѣ и частицы того и другаго вещества не выдѣляются въ видѣ особыхъ кристалловъ. Вѣроятную причину этого явленія химія находитъ въ томъ, что сѣра и поваренная соль состоятъ изъ имѣющихъ различный видъ и форму первоначальныхъ частичекъ (атомовъ), которые поэтому и не могутъ слагаться смѣшанно; напротивъ того, горькая соль и цинковый купоросъ состоятъ изъ атомовъ одинаковой формы, которые поэтому при кристаллизаціи могутъ смѣшиваться и наслояться одинъ на другой.

сближеніи даетъ другое тѣло и т. д. Эти первоначально образовавшіяся тѣла, какъ цѣлости, въ свою очередь, могутъ вступать въ новыя, разнообразныя сочетанія съ другими и производить дальнѣйшее различіе тѣлъ *).

Очевидно, такое предположеніе о причинѣ качественнаго разнообразія тѣлъ удовлетворительнѣе прежнихъ, какъ по своей простотѣ, такъ и потому, что при немъ выдерживается единство матеріалистическаго принципа и сохраняется субстанціальная однородность основы физическаго бытія, матеріи. Но въ сущности здѣсь затрудненіе объяснить разнообразіе предметовъ нисколько не устраняется, а только переносится на другой принципъ міроваго бытія, силу. Атомы сами по себѣ ничего не значатъ; они —однородная инертная матерія. Все различіе состава тѣлъ зависитъ отъ силы, которая такъ или иначе расположила атомы, поставила ихъ въ такое или иное взаимное отношеніе. Но мы уже видѣли невозможность изъ понятія имманентной матеріи, силы механическаго движенія вывести все разнообразіе направленій и степеней интенсивности этой силы, необходимыхъ для законосообразнаго сочетанія атомовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если качественное разнообразіе простыхъ и сложныхъ тѣлъ зависитъ исключительно отъ положенія атомовъ относительно другъ друга (ихъ сравнительной близости или отдаленности), то является неразрѣшимый вопросъ: отъ чего возникло первоначально это относительное положеніе атомовъ, основанія для котораго вовсе не дано въ понятіи простаго движенія? Но что всего важнѣе, въ понятіи движенія, результатомъ котораго могутъ быть

*) Къ такому мнѣнію склоняется знаменитый основатель новѣйшей химіи— Берцеліусъ. „Съ полнѣйшею вѣроятностью“, говоритъ онъ, „мы имѣемъ право считать элементарные атомы *сфероидальными*, потому что именно сферическую форму принимаетъ матерія, когда она не подвержена вліянію постороннихъ силъ“. При этомъ возможно, что элементарные атомы имѣютъ различную величину; но возможно также и то что они равны по величинѣ. Напротивъ, форма и величина сложныхъ атомовъ (молекулъ) должна быть далеко не одинакова, смотря по количеству составляющихъ ихъ элементарныхъ атомовъ. Форма ихъ зависитъ отъ числа и взаимнаго положенія этихъ элементарныхъ атомовъ; очевидно, что атомъ сложенный изъ $a+2b$, долженъ занимать большее пространство, чѣмъ сложенный изъ $a+b$“. Большинство химиковъ доселѣ согласны съ этимъ воззрѣніемъ Берцеліуса. Ulrici. Gott und Natur. 1862. I p. 57, 58.

различныя степени сближенія и отдаленія атомовъ, вовсе не дано ни малѣйшаго указанія на качественное (химическое) различіе тѣлъ. Атомы, однородные по существу, не могутъ измѣниться качественно отъ одной перемѣны относительнаго положенія; отсюда можетъ быть объяснено различіе величины, формы, вѣса тѣлъ, но не ихъ химическія отличія. Даже рѣшительные защитники динамизма (Кантъ) признавали невозможнымъ изъ понятій силы и движенія вывести эти отличія.

Изъ сказаннаго нами видно, что какое бы изъ трехъ, указанныхъ нами, предположеній матеріализмъ ни принялъ для объясненія качественнаго разнообразія природы, ни при одномъ изъ нихъ онъ не въ состояніи сколько нибудь раціонально объяснить происхожденіе этого разнообразія, безъ признанія высшей независимой отъ матеріи и имманентной ей силы механическаго движенія, разумной Силы. При первыхъ двухъ предположеніяхъ онъ долженъ допустить совершенно нераціональное мнѣніе объ абсолютномъ, первоначальномъ различіи матеріи по качеству или по формѣ,—не одну матерію, а нѣсколько ихъ. При послѣднемъ, онъ долженъ допустить безпричинное распаденіе единой механической силы, движенія на безчисленное множество отдѣльныхъ самостоятельныхъ дѣйствій, различныхъ по интенсивности и направленію, въ различныхъ пунктахъ наполненнаго атомами пространства.

б) Но для объясненія разнообразія предметовъ и явленій природы и ихъ законосообразной смѣны недостаточно одного химическаго различія въ составѣ тѣлъ и дѣйствія одной силы механическаго движенія, проявившей себя первоначально въ простомъ сближеніи и отталкиваніи атомовъ. Для объясненія дальнѣйшаго процесса мірообразованія нужно предположить, что одновременно съ силою химическаго сродства и механическаго движенія или мало по малу, послѣдовательно выступали на сцену исторіи міра и другія силы, отличныя отъ этихъ, напр. сила тяготѣнія, свѣта, тепла и другія, не говоря объ органической и психической. Чѣмъ объяснить происхожденіе этихъ частныхъ силъ? Источника ихъ матеріализмъ очевидно можетъ искать только въ какомъ либо одномъ изъ двухъ принциповъ, полагаемыхъ имъ въ основу міробытія,—матеріи или силѣ. Прежде всего, онъ можетъ сказать, что эти силы суть различныя свойства матеріи, или точнѣе, такъ какъ матерія

представляется въ видѣ атомовъ,—свойства, принадлежащія самимъ атомамъ, но только постепенно выступавшія въ процессѣ мірообразованія. Но такое представленіе должно быть отвергнуто, въ виду уже сказаннаго нами, что сила не можетъ быть существенно принадлежащимъ матеріи свойствомъ. Но если невозможно, какъ мы видѣли, считать принадлежностью матеріи простую силу механическаго движенія, то тѣмъ болѣе кажется чрезвычайно затруднительнымъ приписать ей разнородныя силы природы, какими онѣ являются теперь въ дѣйствительности. Еще труднѣе объяснить, почему эти силы не обнаружились всѣ вдругъ и одновременно, но постепенно одна за другою возникали въ исторіи міра. Такое явленіе рѣшительно противорѣчитъ основному принципу матеріализма, который не допускаетъ никакихъ потаенныхъ силъ, которыя въ началѣ не дѣйствовали, а потомъ начали проявлять себя *). При томъ, если мы допустимъ такое постепенное проявленіе атомами присущихъ имъ отъ вѣка силъ, то атомы матеріализма существенно измѣнятъ свой характеръ; вмѣсто простыхъ частицъ безкачественной матеріи мы получимъ какія-то живыя монады, обладающія in potentia множествомъ силъ и свойствъ, проявляемыхъ по мѣрѣ надобности.

Итакъ, матеріализму остается искать причины разнообразія силъ природы не въ матеріи, какъ таковой, а въ какой-либо имманентной ей силѣ, въ частности, въ силѣ механическаго движенія, которую, какъ мы видѣли, онъ и признаетъ первоначальною и коренною силою матеріи. Такъ и поступаетъ матеріализмъ,—и въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, полнѣйшую и несокрушимую поддержку ему оказываетъ современное естествознаніе, своимъ ученіемъ о единствѣ силъ природы и о превращеніи ихъ одна въ другую. Сущность этого ученія состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ прежнее, сравнительно недавнее, время, многіе естествоиспытатели смотрѣли на физическія силы, какъ на какія-то особыя, тонкія, невѣсомыя жидкости своего рода; принимали, напримѣръ, существованіе особой теплородной матеріи, осо-

*) „Сила, которая не обнаруживаетъ себя", говоритъ Бюхнеръ, „и существовать не можетъ; такую силу никоимъ образомъ нельзя принимать въ разсчетъ въ нашемъ мышленіи". Kraft und Stoff. p. 6.

бой электрической жидкости и т. п. Но съ теченіемъ времени, съ развитіемъ естествознанія, стала выясняться, съ одной стороны, неудовлетворительность такого воззрѣнія, съ другой, тѣсная связь различныхъ физическихъ силъ между собою и особенно,—соотношенія ихъ съ движеніемъ. Движеніе при различныхъ обстоятельствахъ производитъ теплоту, электричество, магнетизмъ и свѣтъ. Отъ согрѣванія рукъ потираніемъ ихъ одна о другую и до раскаленія вагоннаго тормаза, вслѣдствіе сильнаго тренія, отъ взрыва гремучаго пороха вслѣдствіе сотрясенія и до воспламененія куска дерева отъ нѣсколькихъ ударовъ пароваго молота, намъ представляются обильные примѣры того, какъ съ прекращеніемъ движенія возникаетъ теплота. Примѣры же порожденія электричества движеніемъ, представляются намъ опытомъ съ сургучемъ, точно также, какъ и обыкновенной электрической машиной и аппаратомъ для возбужденія электричества посредствомъ освобожденія паровъ. Гдѣ есть треніе между разнородными тѣлами, тамъ однимъ изъ слѣдствій его бываетъ электрическое разряженіе. Магнетизмъ можно получить изъ движенія, или непосредственно, напримѣръ путемъ тренія, или же посредственно, напримѣръ при помощи электрическихъ токовъ, добытыхъ передъ тѣмъ черезъ движеніе. Точно также движеніе можетъ произвести свѣтъ, или прямо, какъ мы это видимъ, на мелкихъ раскаленныхъ осколкахъ, отскакивающихъ отъ тѣлъ при сильныхъ столкновеніяхъ, или же косвенно: напримѣръ, посредствомъ электрической искры. Тотъ видъ силы, который мы называемъ теплотой, признается въ настоящее время всѣми физиками также за молекулярное движеніе. За однимъ или двумя исключеніями, нагрѣтыя тѣла расширяются: расширеніе же можно объяснить только какъ движеніе единицъ массы во взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Такъ называемое лучеиспусканіе, посредствомъ котораго тѣло высшей температуры, нежели окружающіе предметы, сообщаетъ теплоту этимъ послѣднимъ, есть очевидно извѣстный родъ движенія. А что молекулярное движеніе, которое мы называемъ теплотою, можетъ перейти въ видимое движеніе, наглядное доказательство этому представляетъ паровая машина, въ которй поршень и всѣ связанныя съ нимъ массы матеріи приводятся въ движеніе молекулярнымъ расширеніемъ водяныхъ паровъ. Превращеніе

теплоты въ электричество проявляется, когда различные металлы, примыкающіе одинъ къ другому, будутъ нагрѣты въ точкѣ соприкосновенія; такимъ образомъ возбуждаются электрическіе токи. Твердое несгораемое вещество, будучи введено въ нагрѣтый газъ, напримѣръ, известь въ пламень гремучаго газа, становится раскаленнымъ, и такимъ путемъ представляетъ примѣръ перехода теплоты въ свѣтъ. Если нельзя доказать, чтобы теплота непосредственно производила магнетизмъ, то, во всякомъ случаѣ, можно доказать, что это имѣетъ мѣсто при посредствѣ электричества. При помощи этого же самаго посредника можно установить соотношеніе между теплотой и химическимъ сродствомъ,—соотношеніе, которое уже предполагается тѣмъ рѣзкимъ вліяніемъ, какое теплота оказываетъ на химическія соединенія и разложенія. Многочисленные и разнообразные опыты показываютъ затѣмъ тѣсную связь между собою всѣхъ указанныхъ нами силъ природы и переходы ихъ одна въ другую. Такъ, намагничиваніе тѣла измѣняетъ его внутреннее строеніе, и на оборотъ, измѣненіе внутренняго строенія въ тѣлѣ, напр.—подъ вліяніемъ механическаго сжатія, сказывается и на его магнитномъ состояніи. Солнечный лучъ измѣняетъ расположеніе атомовъ нѣкоторыхъ кристалловъ. Нѣкоторые смѣшанные газы, не соединяющіеся при другихъ условіяхъ, соединяются подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей; а въ нѣкоторыхъ химическихъ соединеніяхъ свѣтъ производитъ разложеніе. Обычный спутникъ химическаго соединенія есть теплота, а если сродство сильно, то, при извѣстныхъ условіяхъ, производится также и свѣтъ. Химическія измѣненія, которыми обусловливаются измѣненія и объема тѣлъ, производятъ измѣненія какъ въ элементахъ, соединяющихся между собою, такъ и въ прилегающихъ къ нимъ массахъ матеріи; примѣръ этого представляетъ выталкиваніе пули расширеніемъ пороха Въ гальванической баттареѣ мы видимъ возникновеніе электричества изъ химическаго сочетанія и разложенія; а чрезъ посредство электричества, химическое дѣйствіе порождаетъ магнетизмъ.— Всѣ эти и подобные факты показываютъ, что каждая сила можетъ прямо или косвенно преобразовываться въ другія. Въ каждой перемѣнѣ сила испытываетъ превращеніе; при этомъ изъ новой формы, или изъ нѣсколькихъ новыхъ формъ, которыя она

принимаетъ, могутъ въ свою очередь получиться въ безконечномъ разнообразіи порядка и сочетаній, либо прежняя ея форма, либо какая нибудь изъ остальныхъ формъ. Очевидно, кромѣ того, что физическія силы состоятъ не просто только въ качественномъ соотношеніи между собою, но и въ количественномъ: это и есть законъ эквивалентности силъ. Силы, обнаруживающіяся на той или другой степени развитія, должны вытекать изъ такихъ же или иныхъ силъ, существовавшихъ прежде; изъ силъ же, происшедшихъ подобнымъ образомъ, должны вытекать, въ свою очередь, другія, болѣе или менѣе преобразованныя силы.

Въ число этихъ, болѣе или менѣе, преобразованныхъ силъ, матеріалисты и натуралисты включаютъ и силы органическую и психическую. Положеніе, что силы, обнаруживающіяся въ жизненной дѣятельности, растительной и животной, производятся тѣмъ же путемъ дальнѣйшаго превращенія силъ физическихъ, представляетъ очевидную дедукцію изъ фактовъ органической химіи. Вся растительная жизнь прямо или косвенно зависитъ отъ солнечнаго свѣта и теплоты, посредствомъ которыхъ растенія извлекаютъ матеріалы для своихъ тканей изъ окружающихъ неорганическихъ соединеній; силы, при помощи которыхъ онѣ растутъ и поддерживаютъ свои отправленія, суть силы существовавшія прежде въ видѣ солнечныхъ лучей. Что затѣмъ животная жизнь зависитъ посредственно или непосредственно отъ жизни растительной, это истина, знакомая каждому. Движенія животныхъ, внутреннія и внѣшнія, суть не что иное, какъ проявленія въ новыхъ формахъ той силы, которая была поглощена растеніями въ видѣ свѣта и теплоты. Вообще, всѣ дѣйствія животнаго организма можно свести къ дѣйствію космическихъ силъ безъ ничего не объясняющаго признанія какой-то особой, жизненной силы. Далѣе силы, извѣстныя намъ, подъ именемъ духовныхъ, подходятъ подъ тоже самое обобщеніе; фактовъ оправдывающихъ, или лучше, дѣлающихъ его неизбѣжнымъ, множество, и всѣ они неоспоримы (эти факты—обычныя явленія такъ называемой зависимости души отъ тѣла и обратно). „Всѣ эти разнообразные классы фактовъ“, говоритъ Спенсеръ, „сходятся въ доказательствѣ того, что законъ превращенія, дѣйствующій въ сферѣ физическихъ силъ, равнымъ образомъ имѣетъ мѣсто и отно-

сительно ихъ связи съ умственными силами. Тѣ виды непознаваемаго (абсолютнаго), которые мы называемъ движеніемъ, теплотою, свѣтомъ, химическимъ сродствомъ и проч., одинаково способны преобразовываться другъ въ друга точно также, какъ и въ тѣ виды непознаваемаго (абсолютнаго), которымъ мы даемъ названія ощущенія, душевнаго волненія, мысли. Послѣднія, въ свою очередь, могутъ снова, прямо или косвенно, преобразоваться въ первоначальныя формы. Что идея или чувство возникаетъ не иначе, какъ въ видѣ результата нѣкоторой физической силы, затраченной на ихъ произведеніе, это въ скоромъ времени станетъ общимъ мѣстомъ въ наукѣ, и всякій, кто взвѣситъ надлежашимъ образомъ доказательства, увидитъ, что непринятіе этого убѣжденія можно объяснить не инымъ чѣмъ, какъ только подавляющимъ предразсудкомъ въ пользу предвзятой теоріи *).

Прежде всего должно замѣтить, что философы, производящіе всю совокупность дѣйствующихъ въ природѣ силъ изъ силы механическаго движенія или изъ нѣкоторой непознаваемой въ существѣ физической силы (какъ Спенсеръ), рѣшительно злоупотребляютъ данными естествознанія и дозволяютъ себѣ дѣлать выводы и обобщенія, на которые вовсе не уполномочиваетъ насъ наука въ лицѣ наиболѣе компетентныхъ защитниковъ ученія о единствѣ силъ природы, каковы, напримѣръ, Фарадей, Гельмгольцъ, Секки. Законъ эквивалентности силъ у нихъ имѣетъ исключительное примѣненіе только въ области физическихъ силъ неорганической природы, и переносить его за предѣлы этой природы, значитъ, по ихъ мнѣнію, выходить за границы точной науки. Съ особенною рѣшительностію возстаетъ противъ такого злоупотребленія ученіемъ о единствѣ силъ природы Секки, голосъ котораго, какъ наиболѣе блестящаго защитника этого ученія, имѣетъ особенное значеніе. „Великое открытіе единства силъ природы“, говоритъ онъ, „ужаснуло философовъ старыхъ школъ; они долго стояли въ недоумѣніи, принять ли имъ этотъ выводъ или отвергнуть. Но поелику основанія въ его пользу были неоспоримы, то рѣшились не только принять его, но нашлись между

*) Ученіе о единствѣ физическихъ силъ изложено нами по Спенсеру. Les premiers principes. Éd. S. Trad. p. Cazelles. 1888. p. 178. et. sq.

ними люди, которые, вслѣдствіе нѣкотораго рода преувеличенной реакціи, перескочили гораздо дальше намѣченной цѣли и подобно необузданнымъ конямъ, понеслись въ самыя ужасныя пропасти. Они захотѣли въ фактахъ единства силъ природы видѣть побѣду чистой матеріи надъ духомъ, — вообразили, что въ простыхъ естественныхъ силахъ открыли происхожденіе жизни, даже мысли. Они сочли себя вправѣ отказаться отъ первой Причины и смѣшали продуктъ машины съ самою машиною, точно также, какъ машину съ машинистомъ".

„Подлинная наука держится далеко отъ подобныхъ заблужденій. Руководимая здравымъ смысломъ, она никогда не дозволяетъ себѣ уклоняться отъ прямой дороги. Она, конечно, достаточно взвѣсивши всѣ обстоятельства, воспользовалась этимъ открытіемъ для улучшенія физіологіи; но она строго отдѣлила то, что составляетъ простую функцію естественной силы, отъ тѣхъ явленій, источникомъ которыхъ служитъ высшій принципъ; она не обращаетъ вниманія на тѣхъ, которые ищутъ мысли въ фосфорѣ или въ сокращеніяхъ нервныхъ волоконъ; она признаетъ необходимымъ, для объясненія дѣятельности духа, принять отличное отъ свойствъ неразумной матеріи начало, хотя и допускаетъ, что вещество доставляетъ органъ и механизмъ, посредствомъ котораго это начало обнаруживаетъ во внѣ свои вещественныя, тѣлесныя функціи" *).

Еще болѣе злоупотребляетъ матеріализмъ ученіемъ о единствѣ силъ природы, когда, независимо отъ отожествленія органической и психической силы съ физическими, дозволяетъ себѣ дѣлать общій выводъ въ пользу своего ученія о происхожденіи міра, почитая эту всеединую силу, лежащую въ основѣ физическихъ силъ, простымъ продуктомъ или свойствомъ матеріи. Такъ въ извѣстной книгѣ Секки: „Единство физическихъ силъ", не только не дается ни малѣйшаго повода къ такому выводу, но напротивъ, всѣ изслѣдованія ея автора ведутъ къ необходимому признанію высочайшей, духовной

*) A. Secci. Die Grösse der Schöpfung. Ubers v. c. Güttler. 1883. p. 12, 13. Болѣе подробный разборъ ученія тѣхъ философовъ (Спенсера и др.), которые, на основаніи ученія о единствѣ силъ природы, считаютъ и самую душу съ ея психическими явленіями результатомъ взаимоотношенія и превращенія этихъ силъ, принадлежитъ раціональной психологіи.

причины міра. Въ самомъ дѣлѣ, если физическія силы сводятся къ движенію, если движеніе не можетъ само собою возникать безъ предшествующаго движенія, то необходимо является вопросъ: откуда же произошло движеніе въ началѣ? Единственный правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію Секки, открывается ищущему истины уму въ ученіи о Творцѣ міра. Творецъ, вызвавшій отъ небытія къ бытію вещество, сообщилъ ему и движеніе силою Своего всемогущества. Эту первоначальную истину Секки беретъ въ основаніе своихъ изслѣдованій, неоднократно говоритъ о ней въ своей книгѣ и съ особенною опредѣленностію выражаетъ ее въ окончательномъ заключеніи. „Энергія, сообщенная движенію первоначально Первымъ Движителемъ, сохраняется на основаніи того же самаго принципа, который обезпечиваетъ сохраненіе матеріи. Если отъ насъ потребуютъ сказать, какимъ могуществомъ произведено первоначальное движеніе, то мы не колеблясь скажемъ: *Это могущество есть Богъ*“ *).

Говоря о неправильности выводовъ матеріализма изъ ученія о единствѣ силъ природы, мы предположили полную научную состоятельность этого ученія. Но таково ли оно на самомъ дѣлѣ? Что первые защитники этого ученія, въ понятномъ увлеченіи новымъ открытіемъ, старались дать ему возможно широкое примѣненіе и распространить его на всѣ дѣйствующія силы природы, это явленіе вполнѣ естественное. Но болѣе внимательная критика не замедлила открыть въ этомъ ученіи многіе пробѣлы и слабыя стороны; она нашла, что дѣйствительно явленія движенія, свѣта и теплоты находятся между собою въ тѣснѣйшемъ соотношеніи и удачно объясняются закономъ эквивалентности этихъ силъ, но что другія силы природы далеко не могутъ быть сведены къ силѣ механическаго движенія; что существующіе факты связи различныхъ силъ природы именно указываютъ только на ихъ связь и взаимоотношеніе, но не доказываютъ еще ихъ тожества и дѣйствительнаго превращенія одной въ другую **). Не входя здѣсь

*) Брош. Д. Ѳ. Голубинскаго: „Книга Секки: Единство физическихъ силъ и тенденціи Вятскаго изданія ея на русскомъ языкѣ“. М. 1875. стр. 9, 10.

**) Обстоятельный разборъ ученія о единствѣ силъ природы (преимущественно ученія Секки) можно найти у преосв. Никанора въ его книгѣ: „По-

въ критику ученія о единствѣ силъ природы съ естествознательной точки зрѣнія, ограничимся имѣющимъ полное значеніе и для настоящаго времени заключеніемъ Ульрици, къ которому привело его внимательное изученіе естествознательныхъ гипотезъ о силахъ природы и ихъ соотношеніи. „Окончательный выводъ изъ изслѣдованія о физическихъ и химическихъ силахъ будетъ", говоритъ онъ, „такой: всѣ эти силы, начиная съ силы тяжести и vis inertiae и оканчивая магнетизмомъ и электричествомъ,—всѣ онѣ въ ихъ сущности еще совершенно не познаны. Естествознаніе только прослѣдило множество различныхъ, по видимости, явленій до того, что имѣетъ право принимать ихъ за дѣйствія извѣстныхъ общихъ причинъ, т. е. извѣстныхъ силъ, одинаково дѣйствующихъ во всѣхъ областяхъ природы. Оно обозначило эти силы болѣе или менѣе приличными названіями: сопротивленія, инерціи или силы устойчивости, силы притяженія и отталкиванія, силы тяжести, упругости, силы сцѣпленія и прилипанія, химическаго сродства, свѣта, тепла, магнетизма и электричества. Судя по ихъ образу дѣйствія и по ихъ отношенію къ такъ называемому веществу, оно подвело ихъ подъ различныя родовыя понятія, сообразно съ этимъ установило также различіе между силами физическими и химическими, динамическими и механическими, молекулярными и силами массъ. Оно настолько узнало образъ ихъ дѣйствій, что могло опредѣлить хотя небольшое число законовъ, которое выражаетъ общую форму ихъ дѣйствія, т. е. при тѣхъ же условіяхъ, объясняютъ постоянно повторяющіяся, а при перемѣнѣ условій идущія рука объ руку свойства и величину ихъ дѣйствій. Наконецъ естествознаніе доказало, что различныя силы находятся въ опредѣленномъ взаимномъ отношеніи между собою, мѣра и пропорціальность котораго можетъ быть подведена подъ законъ и, благодаря которымъ, одна сила можетъ посредственно производить дѣйствія другой (законъ эквивалентности силъ). Но—все таки наука до сихъ поръ не въ состояніи удовлетворительнымъ образомъ опредѣлить ни понятія о силѣ вообще, ни отношенія ея къ такъ называемой матеріи. Всѣ сдѣланныя

зитивная философія и сверхчувственное бытіе". Т. III. стр. 448 — 477. Ср. также Т. II, 253—330.

ею до сихъ поръ попытки—свести различныя силы на простыя элементарныя силы атомовъ (атомовъ тѣлъ и эѳирныхъ), на силу притяженія и отталкиванія, или на другую какую-нибудь *единичную* основную силу,—эти попытки нужно считать неудачными. И до сихъ поръ приходится еще говорить только о *множествѣ* силъ" *).

Слабыхъ сторонъ въ современномъ ученіи о единствѣ силъ природы, указываемыхъ часто самими естествоиспытателями, не могли, конечно, не замѣтить сами матеріалисты. Но эта нетвердость почвы, служащей основаніемъ для ихъ выводовъ, нисколько ихъ не смущаетъ. Соглашаясь, что въ этомъ ученіи есть въ настоящее время значительные пробѣлы, они вообще вопросъ о единствѣ силъ природы считаютъ вопросомъ только времени, не рѣшеннымъ лишь пока, при наличныхъ средствахъ науки; они надѣются, что это ученіе, какъ выражается Спенсеръ, „въ скоромъ времени станетъ общимъ мѣстомъ въ наукѣ" и всѣ возраженія противъ него считаютъ предразсудкомъ въ пользу предзанятыхъ теорій.

Не станемъ говорить о шаткости и логической несостоятельности той философіи, которая, утверждая, что стоитъ исключительно на почвѣ строго доказанныхъ и научно обоснованныхъ естествознательныхъ фактовъ, въ дѣйствительно-

---

*) Г. Ульрици: „Богъ и природа". Т. I. Казань. 1867. стр 145. Какъ шатко еще въ частностяхъ ученіе о единствѣ силъ, видно изъ того, что въ новѣйшее время извѣстными физиками отрицается значеніе тѣхъ фактовъ, которые недавно еще приводились какъ несомнѣнное доказательство превращенія одной силы въ другую. Такъ напр. Клаузіусъ, на основаніи научныхъ данныхъ, опровергаетъ возможность превращенія электричества въ свѣтъ и теплоту. „Въ новѣйшихъ руководствахъ къ физикѣ, особенно популярныхъ", говоритъ онъ, „находятся весьма смутныя увѣренія въ единствѣ силъ природы, которыя по видимому заключаютъ положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ". Дѣйствительно извѣстно, что помощію электрическихъ токовъ можно производить теплоту или свѣтъ, точно также какъ и наоборотъ помощію теплоты можно вызвать электрическіе токи. Но Клаузіусъ рѣшительно не допускаетъ, чтобы эти явленія указывали на *превращеніе* электричества въ свѣтъ или теплоту, или тепла въ электричество, и еще меньше, чтобы они дозволяли выводить заключеніе о единствѣ этихъ силъ, то есть, что свѣтъ - тепло, электричество и магнетизмъ суть только разныя проявленія одной и той же силы. Это заключеніе преждевременно и основано на ложномъ пониманіи явленій, называемыхъ превращеніемъ силъ. „Научная бесѣда". „Моск. Вѣд." за 1885 г. № 255.

сти основывается на ни чѣмъ пока не оправдываемой надеждѣ, что извѣстная излюбленная ею гипотеза скоро станетъ научною истиною. Даже допуская вѣроятность этой надежды, мы не думаемъ, чтобы гипотеза единства силъ природы могла принести какую либо пользу для матеріализма. Съ одной стороны, и предполагаемая *единая* сила природы, служащая источникомъ всѣхъ прочихъ, не можетъ (какъ мы видѣли) быть выведена изъ матеріи, какъ ея свойство или феноменъ; она должна быть равноправнымъ съ матеріею, хотя и тѣсно связаннымъ съ нею (имманентнымъ) принципомъ бытія. Съ другой, съ признаніемъ такой всеобщей первосилы, матеріализмъ принужденъ будетъ зайти въ такую область, которая совершенно чужда ему. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понять такую силу природы, которая сама собою, по мѣрѣ необходимости, становится то силою движенія, то силою тяготѣнія, химическаго сродства, то свѣтомъ, то магнетизмомъ, которая является живою въ существахъ органическихъ, сознательною въ существахъ разумныхъ, которая въ силу этихъ чудесныхъ метаморфозъ, изъ инертной и безформенной матеріи производитъ весь міръ съ его разнообразіемъ, за тѣмъ жизнь, сознаніе, общественность, науку, религію? Такая необычайная сила будетъ только другимъ названіемъ для того начала, которое у философовъ именовалось иногда то творящею, пластическою силою природы, то душею міра, то Божествомъ Съ такою силою мы получимъ не матеріализмъ, а гилозоизмъ или дуализмъ древнихъ философовъ. Міръ будетъ представляться намъ какъ цѣлое, условливаемое въ своемъ существованіи двумя принципами: матеріею и имманентною ей силою, — силою разумною, способною видоизмѣняться въ различныя силы природы и чрезъ то производить всѣ явленія міра.

в) Говоря о матеріи и имманентной ей силѣ, какъ принципахъ міробразованія, матеріалисты совершенно упускаютъ изъ виду третье, чрезвычайно важное космологическое понятіе,—*закона,* по которому дѣйствуютъ силы природы. Будемъ ли мы допускать нѣсколько различныхъ силъ въ природѣ или одну какую либо (напр. механическаго движенія) путемъ трансформаціи переходящую съ другія силы, во всякомъ случаѣ мы должны признать, что эти силы дѣйствуютъ по строгимъ, неизмѣннымъ законамъ, открытіе и изученіе которыхъ состав-

ляетъ главное дѣло естествознанія, предъ которымъ отступаютъ на задній планъ болѣе или менѣе общія и абстрактныя попытки опредѣлить сущность матеріи и силъ природы. Понятіе закона имѣетъ столь важное и неоспоримое значеніе, что какъ въ естествознаніи, такъ и въ философіи (Коши, Фехнеръ и др.) встрѣчаются попытки совершенно замѣнить этимъ понятіемъ излишнее будто-бы представленіе о силахъ природы и понять весь ходъ міровой жизни какъ движеніе матеріи по опредѣленнымъ законамъ, безъ посредства загадочныхъ силъ. Хотя подобное отожествленіе силы и закона едвали можетъ быть допущено *), но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что сама ли матерія непосредственно, силы ли природы, движущія матерію, подчинены опредѣленнымъ законамъ ихъ дѣйствія,—законамъ очень различнымъ, по различію силъ дѣйствующихъ и веществъ, въ которыхъ они дѣйствуютъ. Естествознаніе принимаетъ эти законы какъ данные, не пытаясь объяснить, откуда они произошли и почему они таковы, а не инаковы. Но отъ философіи, которая выставляетъ вопросъ о происхожденіи міра вообще, мы вправѣ требовать удовлетворительнаго для разума отвѣта на вопросъ о происхожденіи этихъ законовъ. Но можетъ ли дать такой отвѣтъ матеріалистическая философія? Можетъ ли она сказать, какъ и почему матерія дала себѣ такіе, а не иные спеціальные законы своего обнаруженія? Возмемъ напр. законъ тяготѣнія. Онъ состоитъ въ томъ, что сила притяженія дѣйствуетъ въ прямомъ отношеніи къ величинѣ массъ и въ обратномъ квадратовъ разстоянія. Но почему сила тяжести дѣйствуетъ именно такъ, а не иначе? Химія говоритъ, что столько-то атомовъ или паевъ такого-то вещества производитъ такое-то тѣло. Но почему для химическаго соединенія нужно столько-то паевъ, ни больше ни меньше, и почему это соединеніе образуетъ именно такое, а не другое тѣло, она сказать не можетъ. Очевидно, если не приписывать эти и подобныя явленія чистой случайности, то мы должны признать, какую-то высшую матеріи и физическихъ силъ, законоположную Силу, которая и начертала опредѣленные законы для дѣйствія силъ природы.

*) О необходимости различать понятія *силы* и *закона* природы, см. H. Ulrici, Gott und Natur. 1862. p. 36—42. Frohschammer, Ueber die Aufgabe der Naturphilosophie, p. 181—185.

Не признавая такой Силы и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи не въ состояніи объяснить происхожденіе законовъ, дѣйствующихъ во вселенной, матеріализмъ думаетъ уклониться отъ рѣшенія этого вопроса простою ссылкою на *необходимость* этихъ законовъ. „Міръ“, говоритъ Бюхнеръ, „не управляется кѣмъ либо, но движенія вещества повинуются совершенной, и въ нихъ самихъ основанной, натуральной необходимости“ *). „Вслѣдствіе неизмѣнности законовъ природы, существуетъ въ ней простирающаяся до извѣстной степени (?) необходимость, которая не терпитъ никакого исключенія“ **). Къ понятію необходимости, какъ къ послѣднему объясненію законовъ природы, обыкновенно прибѣгаютъ и другіе матеріалисты. Но очевидно, говоря о необходимости, всеобщности, неизмѣнности этихъ законовъ, матеріализмъ въ сущности утверждаетъ только существующій фактъ, но нисколько не объясняетъ причинъ этого факта. Что законы природы дѣйствуютъ съ не допускающею никакихъ исключеній (путемъ естественнымъ) необходимостью, это извѣстно каждому и никѣмъ не оспаривается. Но отъ чего происходитъ такая особенность этихъ законовъ? Если матеріализмъ полагаетъ, что въ самомъ понятіи необходимости заключается уже и отвѣтъ на этотъ вопросъ, то онъ нисколько не уходитъ дальше тѣхъ древнихъ философовъ, которые послѣднею причиною происхожденія міра и его законовъ признавали неизбѣжный рокъ или судьбу, которая ничѣмъ не отличается отъ случая; потому что въ сущности совершенно одинаково, будемъ ли мы считать міръ дѣломъ слѣпаго случая или столь же слѣпой необходимости.

Матеріализмъ имѣлъ бы нѣкоторое право говорить о естественной необходимости, какъ источникѣ законовъ природы, лишь въ томъ случаѣ, еслибы онъ доказалъ, что эти законы вытекаютъ изъ самаго существа матеріи или какой либо физической силы, составляютъ неизбѣжное логическое слѣдствіе этихъ принциповъ. Но этого онъ не дѣлаетъ и сдѣлать не можетъ, потому что ни въ понятіи матеріи, ни въ понятіи силы не дано ни малѣйшаго указанія на то, что законы природы должны быть таковы, а не инаковы. Напротивъ, вни-

*) Kraft und Stoff. p. 5.
**) Kraft und Stoff p. 101.

мательный анализъ существующихъ даже основныхъ законовъ природы приводитъ къ мысли, что въ самыхъ этихъ законахъ нѣтъ никакой „натуральной необходимости“, по которой они неизбѣжно, подъ опасеніемъ логическаго противорѣчія, должны быть мыслимы именно такими, какъ они существуютъ. Если необходимымъ называютъ обыкновенно то, противоположное чему не мыслимо, то очевидно законы природы не обладаютъ такою необходимостію и въ этомъ отношеніи они могутъ быть названы случайными, то есть такими, вмѣсто которыхъ, безъ противорѣчія разуму, могли-бы быть мыслимы и иные законы существованія вещей *).

Но если таковы законы природы, то причина, почему они существуютъ и притомъ въ той, а не въ иной формѣ, должна заключаться не въ нихъ самихъ, въ ихъ натуральной необходимости, но въ какой либо внѣ ихъ лежащей причинѣ, которая изъ возможно мыслимыхъ законовъ бытія вещей избрала и установила именно тѣ, а не иные законы. А такъ какъ эти законы, какъ показываетъ опытъ, вполнѣ обезпечиваютъ существованіе того порядка вещей, какой мы видимъ, то очевидно, основаніемъ для выбора этихъ законовъ, цѣлію ихъ установленія, могло быть только осуществленіе идеи вселенной, какъ единаго въ разнообразіи, стройнаго цѣлаго. Это прямо ведетъ къ мысли о свободной, разумной и всемогущей Причинѣ этихъ законовъ. Изъ понятія о такой Причинѣ естественно вытекаетъ и *необходимость* этихъ законовъ, какъ наиболѣе, можно сказать, единственно цѣлесообразныхъ для осуществленія и сохраненія міроваго строя, ибо высочайше разумная Сила необходимо должна была дать природѣ такого рода законы. Необходимость этихъ законовъ поэтому есть не

*) Само собою разумѣется, что называя законы природы *случайными*, мы употребляемъ это выраженіе въ логическомъ и метафизическомъ, а не объективномъ смыслѣ. Это выраженіе вовсе не значитъ того, чтобы законы природы возникли случайно, безъ всякаго основанія и причины, а лишь то, что они не имѣютъ абсолютно необходимаго бытія. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ напр. вопреки детерминизму назвать акты свободной воли человѣка случайными, такъ какъ они не опредѣляются таковою необходимостію, но могли бы быть таковы и инаковы. Въ этомъ же смыслѣ космологическое доказательство бытія Божія называли иногда argumentum a contingentia mundi, хотя этимъ вовсе не утверждалось того, чтобы все въ мірѣ происходило по случаю.

натуральная, а идеальная или метафизическая; она объясняется не изъ понятій неразумной матеріи и силы, но изъ понятія высочайшаго Разума, дѣйствующаго по цѣли *).

Въ понятіи идеальной необходимости законовъ природы заключается уже отвѣтъ и на то, повторяемое еще отъ временъ Лейбница (Фонтенель) возраженіе, будто признавая эти законы по существу случайными и зависящими отъ воли Творца, мы тѣмъ самымъ уничтожаемъ понятіе объ ихъ всеобщности и неизмѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣднимъ источникомъ законовъ природы служитъ воля Творца, то что ручается, что въ тѣхъ областяхъ вселенной, которыя не доступны нашему наблюденію, при томъ же матеріальномъ составѣ тѣлъ, не дѣйствуютъ иные законы, не похожіе на наши? Но что важнѣе — можемъ ли мы ручаться при этомъ

*) Мысль объ относительной случайности („безразличіи“) законовъ природы и о необходимости для объясненія ихъ происхожденія признать существованіе высочайше разумнаго Виновника ихъ, съ особенною ясностью раскрыта Лейбницемъ, — главнымъ образомъ въ примѣненіи къ законамъ механическаго движенія. „Высочайшая мудрость Божія“, говоритъ онъ, „преимущественно выразилась въ томъ, что Богъ избралъ законы движенія наилучшимъ образомъ приноровленные и наиболѣе соотвѣтствующіе причинамъ абстрактнымъ или метафизическимъ... И особенно удивительно то, что посредствомъ одного разсмотрѣнія причинъ дѣйствующихъ или матеріальныхъ нельзя дать отчета въ этихъ законахъ движенія, открытыхъ въ наше время, и часть которыхъ открыта мною самимъ. Я нашелъ, что для объясненія ихъ должно прибѣгнуть къ причинамъ конечнымъ и что эти законы не зависятъ отъ начала необходимости..., но отъ начала приличія или соотвѣтствія цѣли (du principe de la convenance), какъ отъ выбора мудрости. И это служитъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ и самыхъ ощутительныхъ доказательствъ бытія Божія для тѣхъ, кои способны углубляться въ эти предметы“. (Principes de la nature et de la grace. p. II. Op. L. edit. Dutens). И въ другомъ мѣстѣ: Я, конечно, соглашаюсь, что всѣ частныя явленія природы могутъ быть изъясняемы по законамъ механики, если онѣ достаточно изслѣдованы и что иначе нельзя понять причинъ вещей матеріальныхъ. Но я снова и снова утверждаю то, что самыя механическія начала и всеобщіе законы природы должны происходить (nasci) изъ высшихъ началъ и не могутъ быть изъяснены изъ разсмотрѣнія одного количества или понятій геометрическихъ; что, напротивъ, въ нихъ заключается нѣчто метафизическое“... Сила дѣйствія, присущая матеріи, „имѣетъ свои законы, выводимые не изъ принциповъ грубой (brutae) необходимости, но изъ принципа совершеннаго разума“. (Animadv. ad. Cartesium, p. 64). Другія, сходныя по содержанію мѣста, собраны у Жане, въ его: „Les causes finales, 1876“. p. 647—651.

условіи за неизмѣнность этихъ законовъ, даже въ сферѣ бытія намъ доступнаго? Волею Творца они могутъ быть ежеминутно измѣнены, дѣйствіе ихъ пріостановлено, могутъ совершаться явленія, имъ не подчиненныя. Но при такомъ понятіи о міровыхъ законахъ возможно ли будетъ какое бы то ни было точное научное познаніе ихъ, которое все и вполнѣ держится на мысли объ ихъ всеобщности и неизмѣнности?

Но очевидно, что въ волѣ Творца заключается несравненно больше гарантіи всеобщности и неизмѣнности законовъ природы, чѣмъ въ признаніи ихъ случайнымъ продуктомъ матеріи и слѣпо дѣйствующихъ ея силъ. Въ самомъ дѣлѣ, если источникомъ этихъ законовъ служитъ высочайшій Разумъ, то уже въ самомъ понятіи такого Разума содержится и та мысль, что эти законы будутъ такъ цѣлесообразны и совершенны, что для иныхъ какихъ либо, дѣйствующихъ въ другихъ частяхъ вселенной, не будетъ нужды *). Точно также изъ понятія о высочайшемъ Разумѣ вытекаетъ и мысль объ ихъ неизмѣнности (необходимости), потому что служило бы признакомъ несовершенства и ограниченности этого Разума, если бы законы имъ начертанные были неустойчивы, подвергались бы перемѣнамъ и поправкамъ, какъ оказавшіеся на дѣлѣ недостаточными. Поэтому наука въ высочайше разумной и неизмѣнной волѣ Творца можетъ найти полное метафизическое оправданіе для той всеобщности и неизмѣнности законовъ природы, къ индуктивному предположенію которой приводитъ ее наблюденіе надъ фактическою ихъ неизмѣнностью въ тѣхъ предѣлахъ времени и пространства, какіе доступны этому наблюденію. Правда, эта неизмѣнность касается только естественнаго теченія вещей въ мірѣ. Какъ скоро источникомъ законовъ, нынѣ дѣйствующихъ во вселенной, признается воля Творца, то не исключается совершенно абстрактная возможность измѣненія этихъ законовъ тою же волей и осуществленіе этой возможности въ тѣхъ сверхъестественныхъ дѣйствіяхъ этой воли, которыя мы называемъ чудесами. Возможность

*) Впрочемъ въ самой наукѣ не единогласно еще рѣшается вопросъ, дѣйствующіе въ нашей солнечной системѣ законы (напр. законъ тяготѣнія) простираются ли и на тѣ области вселенной, которыя лежатъ и за предѣлами ея и нѣтъ ли тамъ иныхъ законовъ, условливаемыхъ какимъ-либо особеннымъ строеніемъ матеріи.

такихъ дѣйствій въ сущности и есть сокровенная причина, почему не только матеріализмъ, но и состоящее подъ его вліяніемъ естествознаніе съ такимъ упорствомъ старается устранить мысль о верховномъ Законодателѣ природы и предпочитаетъ искать ручательства неизмѣнности ея законовъ или въ естественной необходимости, или въ свойствахъ самой матеріи. Но не касаясь здѣсь вопроса о возможности или невозможности дѣйствій Промысла, называемыхъ чудесами, замѣтимъ только, что состоятельность и твердость научнаго знанія нисколько не можетъ колебаться отъ того, что будутъ допущены нѣкоторые случаи сверхъестественнаго нарушенія законовъ природы. Наука имѣетъ въ виду естественный, а не сверхъестественный порядокъ вещей въ мірѣ, — и для этого обычнаго порядка законы природы дѣйствительно всеобщи, неизмѣнны, необходимы. Частныя же и сравнительно немногочисленныя исключенія изъ этихъ законовъ для науки могутъ имѣть значенія не больше того, какъ, напримѣръ, въ грамматикѣ исключенія изъ общаго правила, которыя не уничтожаютъ силы этого правила. Состоятельность нашего познанія о природѣ нисколько не пострадаетъ отъ того, что среди естественныхъ явленій, совершающихся по неизмѣннымъ законамъ природы, встрѣтятся нѣкоторыя изъ нихъ необъяснимыя и свойства которыхъ указываютъ на высшую, сверхъестественную причину. Существованіе такихъ явленій будетъ служить лишь болѣе явнымъ доказательствомъ того, что жизнь міра подчинена не однимъ только естественнымъ законамъ, но и высшему закону божественнаго міроуправленія, при чемъ перваго рода законы могутъ подчиняться послѣднимъ для высшихъ цѣлей *).

Такимъ образомъ самое существованіе законовъ природы, ихъ всеобщность и необходимость для естественнаго теченія вещей, рѣшительно опровергаютъ матеріалистическое ученіе о происхожденіи міра. Совершенно немыслимо и невѣроятно, чтобы безчисленное множество самостоятельныхъ и отдѣленныхъ другъ отъ друга атомовъ могло само собою образовать какой-либо общій законъ для своего движенія и взаимодѣй-

*) Объ этомъ предметѣ см. нашу статью: „О промыслѣ“, въ Приб. къ изданію твореній св. отцевъ 1871. Томъ XXIV, стр. 38—64. Соч. В. Д. Кудрявцева т. II, вып. 1, стр. 35—79.

ствія. Трудность еще болѣе увеличивается, когда обратимъ вниманіе на то, что дѣйствительный порядокъ вещей зависитъ не отъ одного какого-либо единичнаго, общаго закона, (напр. закона тяготѣнія), но отъ многихъ, первоначально различныхъ, свести которые къ единству или вывести изъ какого-либо одного принципіальнаго закона и не пытается наука, подобно тому, какъ она пытается свести разнообразіе силъ природы къ одной первоначальной. Потому что, даже допуская объединеніе всѣхъ силъ природы въ одной первоначальной, мы нисколько не объяснимъ еще отсюда происхожденія спеціальныхъ законовъ, по которымъ дѣйствуетъ эта сила при дальнѣйшемъ своемъ видоизмѣненіи и переходѣ въ другія силы. Если вспомнимъ при этомъ, что многоразличные законы природы вполнѣ согласованы между собою для достиженія единой цѣли, — сохраненія даннаго строя и единства вселенной, что понятіе единства и гармоніи міра вовсе не вытекаетъ ни изъ понятія о матеріи, ни изъ понятія каждой физической силы въ отдѣльности, то должны будемъ прійти къ заключенію, что причина этого явленія должна заключаться не въ самомъ мірѣ, а внѣ его, въ какой-либо единой и разумной Силѣ, все расположившей мѣрою, числомъ и вѣсомъ (Прем. 11, 21), по одному плану. Законы природы предполагаютъ Законодателя: ихъ цѣлесообразность и гармоническая связь—Художника и Творца міра. Между тѣмъ, по ученію матеріализма, отрицающаго этого Законодателя и Художника, но въ тоже время признающаго законосообразность міра, вопреки здравому смыслу выходитъ, что міръ есть какая-то фантастическая машина, находящаяся въ вѣчномъ движеніи безъ начала и конца, машина, которая къ тому же изобрѣла сама себя, привела въ движеніе, и сама же установила законы этого движенія.

II.

Дуалистическая и пантеистическая теоріи происхожденія міра.

1. Подвергая критикѣ ученіе матеріалистовъ о происхожденіи міра, мы видѣли, что независимо отъ теоретическихъ сооб-

раженій, безпристрастное эмпирическое наблюденіе надъ природою, опровергая матеріалистическій монизмъ, необходимо приводитъ насъ къ признанію двухъ, не выводимыхъ одно изъ другаго, самостоятельныхъ началъ природы, — матеріи, какъ начала пассивнаго, и организующей матерію невещественной силы. Такимъ образомъ, какъ мы и замѣтили, даже одно болѣе внимательное наблюденіе надъ природою предрасполагаетъ нашъ умъ къ дуалистическому міросозерцанію *). Вотъ почему вполнѣ естественно, что философская мысль прежде всего остановилась на немъ, какъ скоро разумъ человѣка, при болѣе тщательномъ изученіи природы, достаточно выяснилъ себѣ различіе этихъ двухъ дѣйствующихъ въ ней началъ. Какъ скоро оказались несостоятельными гилозоическія, полуматеріалистическія представленія о „началахъ“ бытія древнѣйшихъ до-сократовскихъ фисіологовъ, какъ скоро „трезвая философія“ въ лицѣ Анаксагора **) не только признала различіе двухъ началъ бытія—пассивнаго и активнаго, но это послѣднее поняла какъ Разумъ, самостоятельный и отличный отъ матеріи, дуалистическое пониманіе происхожденія міра явилось господствующимъ во всей почти древней философіи, за исключеніемъ матеріалистовъ (атомисты). При самостоятельной матеріи Богъ является не творцемъ міра, а только его устроителемъ, художникомъ, первымъ двигателемъ или имманентною веществу душею міра. Частныя различія между философскими системами въ объясненіи происхожденія міра съ этой точки зрѣнія опредѣляются только различіемъ воззрѣній на сущность и первоначальный видъ этой матеріи, чѣмъ опредѣлялась степень и форма участія Божества въ дѣлѣ мірообразованія. Тогда какъ одни, напр., представляли матерію съ нѣкоторыми уже данными первичными свойствами и качествами (оміомеріи Анаксагора, четыре стихіи Емпедокла), другіе лишали ее всѣхъ опредѣленныхъ свойствъ, утончали ее почти до отрицанія ея реальности. Такъ Платонъ называлъ ее чѣмъ-то

*) См. выше, стр. 235.

**) По словамъ Аристотеля, Анаксагоръ, который первый „высказалъ мысль, что въ природѣ, равно какъ и во всѣхъ живыхъ существахъ, обитаетъ разумъ, и что онъ есть причина всякой красоты и порядка, явился какъ бодрствующій и трезвый среди прежнихъ философовъ, высказывавшихъ необстоятельныя мнѣнія“. Metaph. 1. 3.

совершенно безформеннымъ (*ἄμορφον*) и не сущимъ (*μὴ ὄν*), хотя это не сущее не есть то же, что не существующее; при такой матеріи Богу въ дѣлѣ мірообразованія предоставляется почти все; онъ является почти Творцемъ міра и дуализмъ самою тонкою чертою отдѣляется отъ теизма.

Тогда какъ первоначальнымъ мотивомъ дуализма для греческихъ философовъ служило замѣчаемое во внѣшнемъ опытѣ различіе двухъ сторонъ міроваго бытія,—пассивной и активной, что при дальнѣйшей абстракціи мысли вело къ признанію двухъ самостоятельныхъ началъ, — организуемой матеріи и организующаго духа—Божества, восточная мысль обратила главное вниманіе на данное первоначально во внутреннемъ опытѣ качественное различіе совершенства и несовершенства, добра и зла. Перенося эти противоположности изъ внутренняго, субъективнаго міра въ міръ внѣшній, и будучи не въ силахъ вывести ихъ изъ какого-либо общаго имъ принципа, она (въ персидской ѳеософіи) пришла къ признанію двухъ, противоположныхъ по качеству, началъ бытія—добраго и злаго,— къ дуализму, который, въ отличіе отъ греческаго, метафизическаго, можно назвать иѳическимъ. Созданіе міра есть совокупное дѣйствіе того и другаго начала бытія, а такъ какъ эти начала радикально противоположны, то дѣйствительное образованіе міра есть не что иное, какъ процессъ постоянно продолжающейся борьбы между ними, съ надеждою, впрочемъ, окончательнаго торжества начала добра надъ началомъ зла.

Не смотря на различіе исходныхъ точекъ зрѣнія, ко времени упадка греческой философіи и сближенія ея съ восточными ученіями, встрѣчаются попытки объединить ту и другую форму дуализма, придавъ *матеріи* греческихъ философовъ качественную окраску, какъ начала морально несовершеннаго и служащаго источникомъ зла. Но эти попытки, въ манихействѣ и нѣкоторыхъ гностическихъ сектахъ, какъ лишенныя строго-философскаго характера, не имѣли успѣха. Дуализмъ, по преимуществу принадлежавшій древней философіи, надолго исчезаетъ съ появленіемъ новой, христіанской философіи. Но окончательно исчезнувшимъ его назвать нельзя. Не смотря на скептическій характеръ философіи Беля *),

*) Авторъ знаменитаго въ свое время: „Dictionnaire historique et critique“ (1702 ed. 2).

у него высказывается замѣтная симпатія къ дуалистическому міросозерцанію, которое принимаетъ довольно ясную и опредѣленную форму въ ученіи о религіи извѣстнаго Д. С. Милля. Довольно замѣчательно при этомъ, что по мотивамъ, склонявшимъ этихъ мыслителей къ дуалистическому міросозерцанію, они болѣе примыкаютъ къ восточному, чѣмъ къ западному дуализму. Ихъ вниманіе останавливается не столько на фактахъ кажущейся противоположности между активною и пассивною сторонами міроваго бытія, которая приводила греческихъ философовъ къ дуализму духа и матеріи, сколько на фактѣ замѣчаемаго въ мірѣ совершенства и несовершенства, добра и зла, объяснить который они считали невозможнымъ съ признаніемъ единой высочайше премудрой и всемогущей Причины міра. У Беля этотъ мотивъ ясно выступаетъ въ сочувствіи къ дуализму въ формѣ манихейства. По мнѣнію Милля, несовершенства міра не позволяютъ намъ считать Бога всемогущимъ творцемъ міра, а только образователемъ данной міровой матеріи, сила котораго ограничивается тѣми же условіями, которыя заключаются въ природѣ этой матеріи. Въ этой ограниченности Его силы и заключается причина разнообразныхъ несовершенствъ Его творенія, которое, при неоспоримыхъ слѣдахъ мудрости и благости своего устроителя, заключаетъ въ себѣ такъ много зла всякаго рода, что не можетъ быть мыслимо, какъ дѣло абсолютнаго всемогущества, премудрости и благости. Только съ признаніемъ метафизической ограниченности Божества можно удержать понятіе Его нравственной чистоты и возвышенности, потому что только такимъ образомъ причина недостатковъ и зла можетъ быть не относима на счетъ Бога. Допуская же общепринятое ученіе объ абсолютномъ всемогуществѣ Творца и о возможности поэтому созданія міра изъ ничего, мы необходимо будемъ вносить въ идею о Богѣ неразрѣшимыя противорѣчія, считать его виновникомъ всякаго зла и несовершенства. Но какъ скоро, съ отстраненіемъ предиката всемогущества, на Богѣ не будетъ тяготѣть отвѣтственность за теченіе дѣлъ въ мірѣ, мы въ состояніи будемъ составить болѣе чистое и соотвѣтственное понятіе о божественномъ идеалѣ.

Что дуалистическое воззрѣніе не совмѣстимо съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ, какъ существѣ абсолютномъ, какъ по бы-

тію, такъ и по совершенствамъ — понятно само собою. Допуская кромѣ Бога существованіе другаго самобытнаго начала (матеріи), мы ограничиваемъ Божество, такъ что оно не можетъ быть истинно абсолютнымъ. Его бытіе встрѣчаетъ границы тамъ, гдѣ начинается бытіе матеріи. Ограниченное по бытію, оно по тому самому окажется ограниченнымъ и по своимъ свойствамъ. Оно не будетъ абсолютно свободнымъ (всемогущимъ), такъ какъ Его дѣйствія будутъ условливаться матеріею; произведенія Его не могутъ быть такъ совершенны, какъ требовала бы того Его премудрость и благость и предотвратить ихъ несовершенства оно не въ силахъ. Его благости и разуму положены границы, точно такъ же, какъ и Его всемогуществу.

Нельзя сказать, чтобы это затрудненіе, — согласить бытіе матеріи, какъ самостоятельнаго начала съ идеею абсолютнаго, не чувствовалось уже древними, греческими дуалистами. Устранить это затрудненіе они думали тѣмъ, что старались какъ можно болѣе утончить, ограничить понятіе о матеріи, чтобы она по отношенію къ Божеству представляла какъ можно мсньше реальности, и потому какъ можно меньше ограничивающихъ свойствъ. Мы видѣли, что у Платона матерія опредѣляется какъ *μὴ ὄν*—не сущее, хотя это не сущее не есть то же, что не существующее: у Аристотеля она есть бытіе только въ возможности. Но съ одной стороны, подобныя представленія только маскировали затрудненіе, а не устраняли его; потому что, какъ бы мало мы ни придавали реальности матеріи, если она есть *что-нибудь*, а не чистое *ничто*, то она всегда окажется началомъ, ограничивающимъ абсолютное. Съ другой, подобнаго рода представленія послѣдовательно ведутъ къ уничтоженію и самаго понятія о матеріи, какъ о началѣ самостоятельномъ. Мы напрасно старались бы мыслить, вмѣстѣ напр. съ Платономъ, матерію какъ нѣчто совершенно безформенное (*ἄμορφον*), какъ нѣчто не сущее, но въ то же время и существующее. Мы не иначе можемъ представить себѣ матерію какъ бытіемъ, имѣющимъ какое-либо качество, какую либо форму, въ видѣ ли то атомовъ, сплошь протяженной субстанціи (continuum), смѣшенія элементовъ и т. п. Бытіе, не имѣющее никакой опредѣленности, никакихъ качествъ, не мыслимо. Но если мы представляемъ матерію

съ какими либо качествами, формою или свойствами, то рождается вопросъ: откуда же въ ней эти свойства, эта форма? По самому понятію о матеріи, какъ началѣ абсолютно пассивномъ, мы должны искать источника самыхъ свойствъ матеріи въ началѣ активномъ – въ Богѣ. Но въ такомъ случаѣ, за уничтоженіемъ въ матеріи всѣхъ опредѣленныхъ свойствъ и формъ, что же останется у насъ отъ самого понятія о матеріи и какая нужда въ предположеніи ея для объясненія происхожденія міра? Въ самомъ дѣлѣ, если все разнообразіе міровыхъ существъ и явленій, весь строй и порядокъ въ мірѣ, все, что дѣлаетъ его міромъ, какъ благоустроеннымъ цѣлымъ (*κόσμος*), есть дѣло высочайшей, разумной причины міра, то почему не можетъ быть ея же произведеніемъ и самая матерія, если она нужна для образованія вселенной? Та причина, которая произвела міръ изъ грубой и нестройной матеріи, могла произвести и самую матерію. Послѣднее не только не труднѣе перваго, но во столько разъ удобнѣе, во сколько легче произвести нѣчто болѣе простое (матерія), чѣмъ болѣе сложное и совершенное, каковъ міръ, устроенный изъ матеріи.

Но можетъ быть, не смотря на всѣ метафизическія затрудненія допустить существованіе самобытной матеріи, мы должны признать такое существованіе въ виду удобствъ разъяснить при ея помощи фактъ несовершенствъ и зла, замѣчаемыхъ нами въ мірѣ, — фактъ, который, по видимому, не поддается объясненію, какъ скоро мы допускаемъ только *одну*, абсолютно совершенную причину міра? Но не трудно замѣтить, что гипотеза самобытной матеріи нисколько не облегчаетъ для насъ рѣшенія этого, дѣйствительно труднаго вопроса.

По примѣру Лейбница мы можемъ отличить три формы или вида міроваго несовершенства, такъ называемаго, зла, принимая это выраженіе въ самомъ широкомъ значеніи слова: зло метафизическое,—ограниченность и условность міровыхъ существъ, зло физическое,—возмущающія наши чувства явленія въ физическомъ мірѣ, напр., болѣзни, бури, наводненія, истребительную войну органическихъ существъ между собою и т. п., и наконецъ, зло нравственное, зло въ собственномъ смыслѣ слова. Но ни одинъ изъ этихъ видовъ зла не можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ существованія матеріи, какъ производящей его причины. Ограниченность и несовершенство

всякаго условнаго бытія есть необходимое слѣдствіе самаго отличія его отъ безусловнаго, неограниченнаго и абсолютно совершеннаго. Матерія не можетъ быть причиною этого явленія, такъ какъ мы встрѣчаемъ его и въ области бытія нематеріальнаго, духовнаго. Такъ, напр., самый идеальный міръ у Платона, въ его отрѣшенности отъ чувственнаго проявленія, представляетъ однакоже множественность идей и относительность степени ихъ совершенства, по которымъ одна идея сравнительно съ другою можетъ быть названа менѣе совершенною. Что касается до зла физическаго, то подлежитъ еще сомнѣнію, можетъ ли оно быть названо зломъ, въ объективномъ значеніи этого слова, а не въ смыслѣ субъективнаго только впечатлѣнія, производимаго нѣкоторыми явленіями природы на человѣка. Тѣ явленія, которыя съ своей, человѣческой точки зрѣнія мы считаемъ зломъ (напр. бури, землятрясенія, борьба за существованіе и т. п.), на самомъ дѣлѣ имѣютъ важное и разумное значеніе въ общей экономіи природы и условливаютъ сохраненіе ея строя и законосообразности. При томъ же они составляютъ явленія, свойственныя не первобытной матеріи, какъ таковой, но факты, уже впослѣдствіи возникшіе, вслѣдствіе разнообразной комбинаціи силъ и законовъ природы, условливающей міровую жизнь. Но силы и законы природы не могутъ быть продуктомъ самой матеріи, а той высочайшей Причины, которая служитъ источникомъ этихъ силъ и законовъ. Остается зло нравственное. Но къ матеріи самой по себѣ никакъ не могутъ быть приложены предикаты нравственнаго совершенства и несовершенства,— добра и зла. Какъ матерія, такъ и матеріальные предметы сами по себѣ не могутъ быть названы ни добрыми, ни злыми. Добро и зло суть явленія міра духовнаго и предполагаютъ сознаніе и свободу. Чтобы выводить эти явленія изъ матеріи, какъ своей первой причины, нужно признать эту причину сознательною и самодѣйствующею въ извѣстномъ—*зломъ* направленіи. Поэтому восточный, иѳическій дуализмъ былъ вполнѣ послѣдователенъ, когда самостоятельное начало несовершенства въ мірѣ представлялъ въ видѣ личнаго злого начала (Ариманъ), а міръ понималъ какъ результатъ борьбы между нимъ и добрымъ началомъ (Ормуздъ). Но не трудно замѣтить всю несостоятельность подобнаго воззрѣнія. Не говоримъ о

капитальномъ метафизическомъ его недостаткѣ, — признаніи двухъ абсолютныхъ началъ бытія, ограничивающихъ другъ друга, при чемъ ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ имени абсолютнаго. Цѣлесообразный строй и единство вселенной, связь и гармонія ея явленій, рѣшительно указываютъ на единство творческаго начала вселенной и не могутъ быть явленіемъ борьбы двухъ началъ, въ результатѣ которой ничего не могло бы выйти кромѣ нестроенія и безпорядка. Дѣлить же предметы на совершенные и несовершенные, добрые и злые, могло только наивное міросозерцаніе древнихъ, при чемъ основаніемъ дѣленія служили не объективныя свойства вещей, а чисто субъективныя отношенія ихъ къ личной пользѣ или вреду человѣка. На самомъ дѣлѣ, въ примѣненіи къ природѣ, понятія совершенства и несовершенства суть понятія относительныя; одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть и совершеннымъ относительно другаго, ниже его лежащаго предмета, и несовершеннымъ въ сравненіи съ высшимъ, почему и нельзя возводить эти свойства къ двумъ противоположнымъ міровымъ принципамъ.

Изъ сказаннаго нами видно, что дуалистическое объясненіе происхожденія міра нисколько не достигаетъ той главной цѣли, къ которой стремится, — согласить существованіе несовершенствъ и зла въ мірѣ съ понятіемъ о всесовершенномъ его виновникѣ, такъ какъ въ матеріи самой по себѣ не можетъ заключаться источника зла. Но если даже мы и допустимъ послѣднее, то этимъ нисколько не спасемъ понятія о совершенствѣ и благости Творца, но скорѣе окончательно уничтожимъ это понятіе. По мнѣнію Милля, только съ признаніемъ самостоятельной матеріи и вслѣдствіе этого метафизической ограниченности Божества можно удержать понятіе Его нравственной чистоты и возвышенности, такъ какъ только такимъ образомъ причина недостатковъ и зла можетъ быть не относима на счетъ Бога. Но при этомъ невольно возникаетъ вопросъ: если все зло и несовершенство міра возникаетъ вслѣдствіе сопротивленія, которое встрѣчаетъ Божество въ организуемой имъ матеріи, то для чего Богу нужно было вызывать явленіе этого зла,—творить міръ? Милль на этотъ вопросъ не даетъ яснаго отвѣта. Хотя по его мнѣнію и можно допустить, что счастіе твореній лежало въ намѣреніяхъ Божества при

мірообразованіи, но согласно съ опытомъ мы должны признать также, что оно ни въ какомъ случаѣ не было его единственою и исключительною цѣлію; послѣдняя міровая цѣль для насъ закрыта. Болѣе опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Платонъ. Богъ, говоритъ онъ, по природѣ своей благъ и чуждъ всякой зависимости; по своей благости онъ не могъ терпѣть, чтобы внѣ его оставалось что-либо безпорядочное, неблагоустроенное,—матерія. Поэтому Онъ и восхотѣлъ, чтобы произошелъ міръ, въ которомъ все, сколько возможно, было бы подобно Ему*). Подобное объясненіе можно бы назвать удовлетворительнымъ, если бы цѣль предположенная Богомъ могла быть достигнута. Но этому препятствуетъ самое понятіе о самостоятельной матеріи и въ силу этого неуничтожимости ея существеннаго свойства—быть причиною несовершенства и зла въ мірѣ. Самъ Платонъ вынужденъ признать, что зло окончательно не можетъ быть истреблено, что оно необходимо сопряжено со смертною природою и что всегда должно быть нѣчто противоположное добру **). И опытъ вовсе не показываетъ, чтобы въ процессѣ міроваго бытія, вмѣстѣ съ большею и большею организаціей матеріи, уменьшалась сила зла; напротивъ, она какъ будто разрастается вмѣстѣ съ этимъ процессомъ. По крайней мѣрѣ мы видѣли, что вмѣстѣ съ развитіемъ міра, съ происхожденіемъ въ немъ свободно-разумныхъ существъ, возникаетъ самое сильное изъ золъ—нравственное, котораго прежде не было. Но въ такомъ случаѣ, не должны ли мы будемъ признать борьбу божественной міротворящей Силы съ матеріею, безплодною и безцѣльною? И не лучше ли бы было, если бы Богъ не обращалъ своей творческой дѣятельности на матерію и не вызывалъ къ бытію потенціально заключавшіяся въ ней сѣмена зла и несовершенства? Допуская послѣднее, мы, можетъ быть, и спасемъ вмѣстѣ съ Миллемъ и Платономъ понятіе нравственной чистоты и возвышенности Божества (желаніе и не стройное сдѣлать стройнымъ), но за то потеряемъ понятіе о Его высочайшей разумности. Не принуждены ли мы будемъ согласиться съ Гартманомъ, что небытіе міра лучше, чѣмъ его бытіе и что высочайшая причина міра совершила

*) Tim. 29. 30.
**) Theaet. 68.

величайшее неразуміе, создавъ міръ, такъ какъ предположенная ею при этомъ цѣль, не только не достигнута, но и не можетъ быть достигнута въ силу неодолимыхъ препятствій, заключающихся въ матеріи.

2. Мы видѣли, что предположеніемъ независимой отъ Бога матеріи нисколько не объясняется происхожденіе міра, какъ бытія ограниченнаго, заключающаго въ себѣ различнаго рода недостатки и зло. Итакъ, за устраненіемъ самобытной матеріи, у насъ остается одно истинно абсолютное существо—Богъ, какъ единая и исключительная причина міроваго бытія. Повидимому, мы должны искать теперь въ самомъ же Богѣ тотъ субстратъ мірообразованія, который дуалисты думали находить внѣ Бога, въ самостоятельной матеріи. Самъ Богъ и есть, такъ сказать, та матерія, изъ которой образовался міръ; міръ есть модификація, инобытіе, откровеніе во внѣ самой сущности Божества. Отъ дуалистическаго мы переходимъ къ пантеистическому объясненію происхожденія міра.

Пантеизмъ есть ученіе, можетъ быть, даже болѣе древнее, чѣмъ дуализмъ. Въ довольно развитой формѣ мы встрѣчаемъ его въ Индійской философіи. Абсолютное существо—Брама есть все и все есть Брама; все изъ него исходитъ и въ него же возвращается. „Какъ паутинныя нити изъ паука, какъ дерево изъ сѣмени, огонь изъ угля, какъ потокъ изъ источника, свѣтъ изъ солнца, волна изъ поверхности воды,—такъ міръ происходитъ изъ Брамы“. Міръ есть развившійся Брама; Брама—не развившійся міръ; въ сущности они одно и то же; только по формѣ, по способу бытія они различны; Брама — бытіе покоющееся и простое; міръ—движущееся и многоразличное *).

Въ западной, Греческой, по преимуществу дуалистической, философіи мы долго не встрѣчаемъ столь ясно и рѣзко проведеннаго пантеистическаго воззрѣнія на происхожденіе міра. Но ко времени упадка Греческой философіи и сближенія ея съ восточными идеями, это воззрѣніе мало по малу пролагаетъ себѣ путь и, хотя не въ строго выработанной систематической формѣ, встрѣчается у нѣкоторыхъ неоплатониковъ, гностиковъ,

*) Pfleiderer, Religionsphilosophie. 1878, p. 452.

іудейскихъ философовъ *) и даже нѣкоторыхъ средневѣковыхъ мистиковъ. Въ основѣ всѣхъ подобнаго рода воззрѣній, которымъ можно дать названіе *эманатизма*, лежатъ, какъ и въ Индійской философіи, аналогіи съ реальнымъ происхожденіемъ вещей, преимущественно аналогія распространенія свѣта. Какъ сила свѣта постепенно уменьшается и ослабѣваетъ съ распространеніемъ его въ пространствѣ и удаленіемъ отъ первоисточника свѣта—солнца; такъ точно и существа, истекающія отъ Бога, необходимо и естественно оскудѣваютъ въ своихъ совершенствахъ по мѣрѣ удаленія отъ высочайшей причины и источника своего бытія—Бога; крайній предѣлъ такого оскудѣнія божественной силы есть простая, безкачественная матерія. Впрочемъ, тогда какъ одни изъ эманатистовъ причину болѣе возрастающаго несовершенства существъ видѣли въ одномъ естественномъ оскудѣніи и уменьшеніи божественной силы съ расширеніемъ круга ея дѣйствія, подобномъ естественному уменьшенію силы свѣта съ разсѣяніемъ его въ пространствѣ, и крайнюю степень этого оскудѣнія—матерію понимали какъ „лишеніе“ (privatio) Божества; другіе средою распространенія божественнаго свѣта и вмѣстѣ причиною его постепеннаго ослабленія признавали матерію, какъ нѣкоторое положительное начало, ограничивающее дѣйствіе божественной силы.

Всѣ подобнаго рода объясненія происхожденія міра отъ Бога суть не болѣе какъ попытки не вполнѣ яснаго и отчетливаго философскаго мышленія, которое не различаетъ представленій отъ понятій и при помощи аналогій думаетъ сдѣлать удобопріемлемымъ совершенно немыслимое понятіе о Богѣ. Причину разнообразія и различныхъ степеней совершенства существъ эманатизмъ находитъ въ постепенномъ оскудѣніи ихъ источника — Божества и, какъ на возможность такого оскудѣнія, указываетъ на постепенное ослабленіе и затѣмъ исчезновеніе свѣта въ пространствѣ. Но, очевидно, такое представленіе рѣшительно не согласно съ идеею о Богѣ, какъ существѣ абсолютно простомъ и совершенномъ, въ которомъ

*) Пантеистическій характеръ носитъ философія Каббалы. Міръ явленій, по ея ученію, есть самооткровеніе Божества. Какъ все истекло изъ безконечнаго, такъ все должно и возвратиться въ него путемъ постепеннаго очищенія, чтобы, ставъ чистымъ свѣтомъ, соединиться тѣмъ самымъ съ первоначальнымъ божественнымъ свѣтомъ.

не мыслимо самоистощеніе. Допускать же, что причина такого истощенія зависитъ не отъ Бога, но отъ матеріи, распространяясь по области которой Божество теряетъ свою силу, какъ лучъ свѣта, встрѣчающій преграду въ туманѣ, его облегающемъ,—значитъ возвращаться къ дуализму со всѣми его недостатками. Не говоримъ о томъ, что эманатизмъ съ своимъ предположеніемъ, что первоначально происшедшія отъ Бога существа суть самыя совершенныя и что совершенство ихъ уменьшается по мѣрѣ дальнѣйшаго происхожденія ихъ, противорѣчитъ опыту, который показываетъ, что въ процессѣ мірообразованія господствовалъ обратный порядокъ постепеннаго восхожденія отъ болѣе простаго и несовершеннаго къ болѣе и болѣе сложному и совершенному.

Новѣйшій пантеизмъ не состоитъ въ родствѣ ни съ этими слабыми его начатками въ формѣ эманатизма, ни съ нѣкоторыми полупантеистическими системами времени возрожденія наукъ (напр. Джордано Бруно). Онъ возникаетъ самостоятельно, вскорѣ послѣ освобожденія философіи отъ узъ схоластики, какъ совершенно неожиданный, повидимому, выводъ изъ философіи Декарта. Декартъ, согласно съ стоявшею на христіанской точкѣ зрѣнія схоластическою философіею, происхожденіе міра отъ Бога понималъ, какъ актъ свободной, творческой воли Божества. Кромѣ высочайшей, самосущей субстанціи—Бога, онъ, какъ извѣстно, принималъ двѣ производныя *сотворенныя* субстанціи: духъ и матерію (мышленіе и протяженіе), лежащія въ основѣ духовнаго и физическаго бытія. Спиноза, строго державшійся Декартовскаго опредѣленія субстанціи, какъ бытія безусловно самостоятельнаго, нашелъ въ понятіи сотворенной субстанціи логическое противорѣчіе: происшедшее не можетъ быть въ то же время самостоятельнымъ. Субстанція въ точномъ смыслѣ можетъ быть только *одна*, - абсолютное начало и сущность бытія — Богъ; все остальное можетъ существовать только, какъ феноменъ или аттрибутъ этой субстанціи. Отсюда,—мышленіе и протяженіе, лежащія въ основѣ бытія духовнаго и физическаго, суть только модусы абсолютной субстанціи: Deus est res extensa, Deus est res cogitans. Единичные предметы—тѣла, какъ скоро мы ихъ разсматриваемъ подъ формою протяженія, и идеи, какъ скоро мы ихъ разсматриваемъ подъ

формою мышленія, суть видоизмѣненія этой субстанціи; они не имѣютъ никакой собственной самостоятельности и относятся къ субстанціи абсолютной, какъ волны къ морской водѣ.

Сѣмя пантеистическаго міросозерцанія, положенное Спинозою, развилось и принесло свой плодъ въ блестящихъ системахъ идеализма Гегеля и Шеллинга. Не касаясь здѣсь спеціальныхъ оттѣнковъ каждой изъ этихъ трехъ главныхъ пантеистическихъ системъ новой философіи *), остановимъ наше вниманіе лишь на общей мысли, характеризующей всѣ пантеистическія воззрѣнія, именно, что происхожденіе міра можетъ быть мыслимо только какъ раскрытіе или модификація единой абсолютной субстанціи—Бога.

Какъ ни послѣдовательно вытекаетъ такой выводъ изъ теоретическаго ученія о единствѣ абсолютной субстанціи, не допускающей ничего внѣ и кромѣ себя, но онъ оказывается рѣшительно противорѣчащимъ здравому непосредственному сознанію человѣка и его религіозному чувству. Съ понятіемъ объ абсолютномъ началѣ бытія — Богѣ существенно соединяется мысль объ Его абсолютномъ совершенствѣ; міръ фактически является намъ, какъ совокупность существъ множественныхъ, ограниченныхъ, измѣнчивыхъ и несовершенныхъ. Какимъ же образомъ онъ можетъ быть модификаціею или проявленіемъ существа абсолютно единаго, простаго, неизмѣннаго и всесовершеннаго? Еслибы міръ былъ раскрытіемъ самаго Божества, то онъ долженъ бы имѣть и всѣ свойства божеской природы, долженъ бы быть вѣчнымъ, неизмѣннымъ, всесовершеннымъ. Но таковы ли предметы и явленія міра? Не представляютъ ли они намъ постоянной смѣны возникновенія и исчезновенія, совершенствъ и недостатковъ? Какимъ образомъ могло развиться все это изъ природы всесовершенной?

Кромѣ несовершенствъ міра, зависящихъ отъ самой его ограниченности, есть въ немъ и другаго рода недостатки, не объясняемые одною только ограниченностью его, но составляющіе прямое противорѣчіе идеямъ разумности и блага. Въ духовномъ мірѣ на ряду съ добромъ мы встрѣчаемъ зло, на ряду съ истиною—заблужденіе, на ряду съ правдою и порядкомъ въ мірѣ общественномъ—нестроенія, безпорядки и стра-

*) О нихъ см. въ „Сочиненіяхъ В Д. Кудрявцева-Платонова“, т. II, вып. 3. стр. 45 105.

данія. Въ мірѣ физическомъ есть также отступленія отъ нормы, есть неудавшіяся произведенія природы, аномаліи, есть болѣзни и другіе виды физическаго зла. Неужели все злое и превратное, все, отъ чего отвращается человѣкъ, какъ противнаго разуму и добру, мы должны отнести къ Божеству, какъ проявленія Его жизни и такимъ образомъ внести въ понятіе о Немъ не только свойства ограниченности міра, но и самые его недостатки,—неразумность и зло?

Этихъ затрудненій, заключающихся въ ученіи о мірѣ, какъ саморазвитіи Божества, не могъ, конечно, не чувствовать пантеизмъ. Для устраненія ихъ представлялось только два способа: или признать самое абсолютное несовершеннымъ, при чемъ легко объяснялось бы и происхожденіе изъ него несовершеннаго; или признать его вполнѣ совершеннымъ, а представляющіеся намъ факты несовершенства понять, какъ случайные и несущественные феномены, не имѣющіе ни реальной истины бытія, ни реальнаго значенія, какъ чисто субъективныя воззрѣнія на нѣкоторыя свойства міровыхъ явленій.

Но перваго допустить пантеизмъ не можетъ. Не смотря на различіе оттѣнковъ, пантеистическія теоріи согласно удерживаютъ за абсолютнымъ предикатъ совершенства. Да и въ самомъ дѣлѣ, еслибы пантеизмъ допустилъ иное понятіе объ абсолютномъ, онъ въ объясненіи мірообразованія ничѣмъ не отличался бы отъ матеріализма, потому что абсолютно простая и несовершенная субстанція сама собою также не могла бы образовать разнообразнаго и совершеннаго, какъ и простая, безформенная матерія. То обстоятельство, что эта субстанція не матеріальная, а духовная, не даетъ само по себѣ никакихъ преимуществъ пантеизму, такъ какъ и духовная субстанція, какъ скоро она лишена существенныхъ свойствъ духа: сознанія, разума, свободы, также, не можетъ произвести разумнаго и разнообразнаго, какъ и первобытная матерія.

Поэтому пантеизмъ, чтобы устранить указанныя нами противорѣчія, удерживая понятія о совершенствѣ абсолютнаго, долженъ постараться сгладить тѣ понятія о несовершенствѣ міра, которыя кажутся такъ непримиримыми съ идеею совершенства абсолютнаго начала бытія. Такъ какъ главное метафизическое несовершенство и вмѣстѣ препятствіе конечнымъ и ограниченнымъ вещамъ быть проявленіемъ безконечной суб-

станціи состоитъ именно въ томъ, что онѣ конечны, то самый рѣшительный пріемъ пантеизма здѣсь состоитъ въ томъ, что онъ прямо отрицаетъ дѣйствительность этихъ, не согласующихся съ назначеніемъ абсолютнаго, конечныхъ вещей. Истинно и реально существуетъ бытіе единое, простое, абсолютное; частное и множественное, само по себѣ, не имѣетъ никакого истиннаго бытія. Оно есть призракъ, *Майя*, какъ говорили Индійскіе философы; обманъ чувствъ, какъ учили Елеаты; произведеніе низшей познавательной силы—воображенія, какъ думалъ Спиноза; бытіе кажущееся (Schein), какъ утверждали нѣкоторые послѣдующіе идеалисты. Къ такому рѣшительному пріему прибѣгали иногда пантеисты и для устраненія противорѣчащихъ понятію о совершенствѣ абсолютнаго представленій о добрѣ и злѣ, нормальности и ненормальности, красотѣ и безобразіи міровыхъ предметовъ и явленій. Всѣ подобнаго рода представленія не имѣютъ никакого реальнаго значенія, будучи чисто субъективными воззрѣніями *).

Такимъ образомъ, отрицаніемъ самаго существованія частныхъ, несовершенныхъ и потому не могущихъ быть проявленіемъ Божества, предметовъ прямо и легко разсѣкается Гордіевъ узелъ, котораго иначе распутать нельзя. Но такого рода идеалистическій пантеизмъ раздѣляетъ всѣ слабыя стороны идеализма вообще. Наша мысль никакъ не можетъ согласиться на такое безусловное принесеніе въ жертву абсолютному конечнаго бытія. Несмотря на какое насиліе абстракціи, конечное, какъ по самому своему понятію, такъ и по своей эмпирической дѣйствительности

---

*) Такъ Спиноза прямо признаетъ, что различеніе добра и зла, заслуги и вины основано только на предразсудкѣ. Такъ какъ люди вообразили себѣ, будто все, что ни происходитъ въ мірѣ, происходитъ для нихъ самихъ и для ихъ блага, то въ каждой вещи они стали считать преимуществомъ то, что доставляетъ имъ пользу или удовольствіе. Для обозначенія такихъ, чисто субъективныхъ отношеній своихъ къ свойствамъ вещей, они изобрѣли понятія такого, напримѣръ, рода, какъ добро, зло, порядокъ, безпорядокъ, красота, безобразіе и т. под.; а такъ какъ при этомъ они считали себя свободными, то отсюда возникли и такого рода понятія, какъ похвальное и заслуживающее порицанія, заслуга, виновность. Все, что считается полезнымъ для здоровья или важнымъ для богослуженія люди назвали добромъ, а противоположное тому—зломъ. Но все это не болѣе, какъ субъективныя представленія нашей низшей познавательной силы—воображенія. Spinoza's Ethik. Uebers. v. Kirchman. 1877, p. 46. 47.

не можетъ совершенно уничтожиться въ безконечномъ. Не смотря ни на какія требованія спекулятивнаго монизма, разумное сознаніе твердо держится за самостоятельность какъ конечнаго бытія вообще, такъ и конечныхъ вещей въ частности. Міръ живой, конкретной дѣйствительности, который столько затрудняетъ идеализмъ, не уничтожится отъ того, что въ виду этого затрудненія объявятъ его не истинно или вовсе не существующимъ. Правда, опытъ показываетъ намъ постоянное возникновеніе и исчезновеніе конечныхъ существъ и послѣдній результатъ ихъ можетъ назваться ничтожествомъ; но, тѣмъ не менѣе, самое конечное бытіе вообще, а не тѣ или другіе опредѣленные конечные предметы, всегда существуетъ и удерживается въ своей самостоятельности. Назвать конечное бытіе не истиннымъ, въ силу предписанія абстракціи, не значитъ еще уничтожить его.

Но пусть даже частное бытіе будетъ призрачнымъ и не истиннымъ, какъ хочетъ того идеализмъ; все же оно существуетъ въ какой бы то ни было формѣ бытія, положимъ, какъ призракъ, ложь, отрицаніе истины. Откуда же оно? Откуда возникла эта призрачность и неистина бытія, если она не могла произойти изъ абсолютнаго? Положимъ даже, что представленіе о призрачномъ бытіи съ его недостатками есть субъективное произведеніе нашего я, миражъ нашего конечнаго сознанія; откуда оно могло возникнуть въ самомъ нашемъ духѣ, если онъ есть проявленіе Божества?

Вотъ почему не всѣ пантеисты рѣшаются на такое полное пожертвованіе бытіемъ конечнымъ въ пользу абсолютнаго. Результатомъ такого пожертвованія было бы полное уничтоженіе міра; поэтому Гегель справедливо назвалъ систему Спинозы, въ которой съ такою силою выставляется истинное бытіе абсолютнаго въ противоположность ничтожеству бытія конечнаго, *акосмизмомъ*. Гегель не отрицаетъ совершенно истины бытія опредѣленнаго, частнаго; напротивъ, въ этого рода бытіи онъ усматриваетъ реальныя формы или моменты откровенія абсолютнаго. Но, въ такомъ случаѣ, какъ же примирить существованіе этого бытія съ совершенствомъ абсолютнаго? Вѣдь несовершество есть общій удѣлъ всего конечнаго, и, признавая послѣднее проявленіемъ абсолютнаго, мы допускаемъ, что оно необходимо должно открывать себя въ несовершенныхъ формахъ, становиться несовершеннымъ? Рѣшеніе этого вопроса

онъ находитъ въ томъ, что въ самомъ опредѣленномъ, міровомъ бытіи различаетъ двѣ стороны: бытіе истинное, разумное, дѣйствительное и бытіе съ противоположными качествами. Не все существующее есть истина и дѣйствительно существующее; такимъ можетъ быть только общее, постоянное, неизмѣнное, слѣдовательно, разумное и божественное въ бытіи, въ противоположность конкретному, случайному и преходящему.

Но такой выходъ изъ затрудненія такъ же неудаченъ, какъ и первый. Положимъ, не все существующее служитъ проявленіемъ абсолютнаго, но только то, что пантеизму угодно признать истинно существующимъ. Во всякомъ случаѣ и здѣсь подлѣ божественнаго и кромѣ него останется нѣчто небожественное, бытіе, называемое неистиннымъ и неразумнымъ, иначе бытіе конкретное и случайное. Какъ намъ понимать это конкретное бытіе, которое пантеизмъ выключаетъ изъ сферы бытія божественнаго? Существуетъ ли оно или нѣтъ? Если существуетъ, то вотъ мы подлѣ абсолютнаго имѣемъ бытіе ему противоположное, которымъ ограничиваемъ абсолютное; мы находимся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ принципомъ самаго пантеизма, который и возникъ изъ стремленія найти единое начало и единую сущность всего и освободиться отъ скрытаго дуализма, заключающагося будто бы въ обыкновенномъ представленіи о Богѣ, противоположномъ міру. Сказать, что бытіе конкретное не существуетъ, есть призрачное созданіе нашего ума? Но въ такомъ случаѣ мы снова приходимъ къ акосмизму, къ отрицанію міра, который въ сущности есть совокупность единичныхъ, конкретныхъ вещей. Такимъ образомъ пантеизмъ, утверждающій, что онъ признаетъ проявленіемъ Божества не все, а только истинно существующее, запутывается въ противорѣчіяхъ; онъ или долженъ признать кромѣ божественнаго нѣчто иное, неистинно и неразумно, но все таки существующее и тѣмъ ограничить абсолютное; или, что́ и послѣдовательнѣе, отвергнуть самое существованіе всего конкретнаго, что́ онъ признаетъ неистинно существующимъ.

Но положимъ, что проявленіемъ божественнаго служитъ только истинно существующее, или, по выраженію Гегеля, разумная дѣйствительность. Такъ называемая разумная дѣйствительность также представляетъ различныя опредѣленности (если и не опредѣленные предметы), слѣдовательно, разнооб-

разіе,—положимъ, общіе законы и формы бытія существъ, общія понятія предметовъ, которымъ какъ общему придается идеалистическая реальность, роды и виды существъ, пребывающіе неизмѣнно, тогда какъ преходящіе индивидуумы обладаютъ лишь случайнымъ, неистиннымъ бытіемъ. Если мы всмотримся ближе въ это разнообразіе общаго, то и здѣсь, не смотря на большую общность и отвлеченность понятій, мы встрѣтимъ тѣ же затрудненія для мышленія, какія встрѣтили бы и тогда, если бы, послѣдовательно проводя пантеистическій принципъ, стали считать проявленіями божества тѣ или другія конкретныя вещи и явленія. Положимъ, извѣстное животное, кусокъ этого камня, этого человѣка, это частное физическое явленіе, мы не станемъ считать проявленіями абсолютнаго, потому что *эти* предметы, какъ индивидуальные, *эти* явленія, какъ конкретныя, суть неистинная, неразумная, случайная дѣйствительность. Но мы должны признать выраженіемъ абсолютной жизни вѣчно пребывающіе роды и виды этихъ существъ, общіе законы этихъ явленій, какъ нѣчто разумное, постоянное и необходимое въ общей системѣ бытія. Но если такъ, то много ли выиграетъ пантеизмъ? Онъ только перенесетъ затрудненія изъ болѣе частной и наглядной сферы въ болѣе общую и отвлеченную, но самыя затрудненія останутся тѣ же. Для нравственнаго чувства одинаково противно, для нашего мышленія одинаково трудно признать проявленіемъ Божества тотъ или другой родъ животныхъ, какъ то или другое животное въ отдѣльности.

То же затрудненіе встрѣтимъ мы, если изъ области бытія физическаго перейдемъ въ сферу бытія духовнаго. И здѣсь пантеизмъ, въ желаніи удержать понятіе о совершенствѣ абсолютнаго, проявленіемъ его считаетъ только общее, разумное, постоянное въ нравственномъ мірѣ, признавая зло явленіемъ, частнымъ, индивидуальнымъ, случайнымъ. Но на самомъ дѣлѣ опытъ показываетъ, что противоположность общаго и частнаго вовсе не тожественна съ противоположностью добра и зла; общее такъ же, какъ и конкретное, само подлежитъ нравственной оцѣнкѣ, можетъ быть правымъ и неправымъ, добрымъ и злымъ. Общее, выраженіемъ котораго (у Гегеля) служитъ духъ времени, общіе интересы, цѣли и стремленія данной эпохи общечеловѣческаго развитія,— это общее само можетъ

быть подвержено заблужденію и быть противонравственнымъ и порочнымъ, что мы и дѣйствительно видимъ во времена упадка общественной нравственности. Наше моральное сознаніе не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ народамъ и эпохамъ приписываетъ различное нравственное достоинство и никогда не смѣшиваетъ нравственное и историческое значеніе извѣстнаго лица или эпохи. Съ другой стороны и наоборотъ, отдѣльное лицо можетъ значительно возвышаться надъ уровнемъ общественной нравственности и индивидуальное въ нравственномъ отношеніи можетъ быть выше общаго. Отдѣльное лицо можетъ быть далеко выше и нравственнѣе своего времени, какъ потому, что по своему духу и убѣжденіямъ можетъ принадлежать болѣе нравственнымъ прежнимъ временамъ, такъ и потому, что оно можетъ уйти впередъ, возвыситься надъ уровнемъ современныхъ понятій и принадлежать, такъ сказать, будущему. Отсюда видно, что почитая въ духовно-нравственной сферѣ проявленіемъ абсолютнаго только общее, мы не только не спасемъ понятія о его совершенствѣ (ибо и общее можетъ быть противонравственнымъ), но и вынуждены будемъ, вопреки нравственному чувству, смотрѣть какъ на нѣчто несовершенное, злое, на явленія высоконравственныя, какъ скоро они уклоняются отъ общаго духа и направленія времени, въ чемъ пантеизмъ находитъ подлинное выраженіе жизни абсолютнаго.

Изъ сказаннаго нами видна несостоятельность пантеистическаго пониманія происхожденія міра, какъ саморазвитія Божества. Допуская такое пониманіе, пантеизмъ одинаково противорѣчитъ и законамъ мышленія и ясному свидѣтельству сознанія. Вопреки коренному требованію мышленія, онъ заставляетъ насъ приписывать одной и той же субстанціи противорѣчащіе предикаты, совмѣщая въ Богѣ совершенство и несовершенство, простоту и сложность, единство и множественность, безконечность и конечность. Вопреки свидѣтельству сознанія, увѣряющаго насъ въ самостоятельности какъ насъ самихъ, такъ и предметовъ, насъ окружающихъ, пантеизмъ признаетъ все существующее проявленіемъ одного и того же абсолютнаго начала, все многоразличное по существу тожественнымъ. Однакоже мы ясно сознаемъ себя отдѣльными, самостоятельными существами, не составляющими части, свойства или

модификаціи кого или чего-либо иного; также самостоятельно существующими понимаемъ и всѣ конкретные предметы окружающаго насъ міра. Откуда можетъ произойти такое ясное и неискоренимое сознаніе самостоятельности какъ нашей, такъ и другихъ предметовъ міра? Его не должно бы быть, еслибы субстанція всѣхъ вещей была одна и та же. Какъ могли бы возникнуть въ ней противополагающія себя ей и отличающія себя отъ ней сознательныя существа? Объяснить этого пантеизмъ не можетъ.

III.

Рѣшеніе вопроса о происхожденіи міра съ точки зрѣнія теизма.

Не смотря на свою противоположность, дуализмъ и пантеизмъ имѣютъ между собою ту общую и отличающую ихъ отъ теизма черту, что какъ тотъ, такъ и другой для объясненія происхожденія міра считаютъ необходимымъ допустить нѣкоторый субстратъ божественной мірообразующей дѣятельности, нѣчто, *изъ чего* долженъ образоваться міръ Такой субстратъ дуализмъ видитъ въ самосущей матеріи, пантеизмъ въ самой субстанціи божества, которой міръ служитъ модификаціею. Но мы видѣли, что какъ то, такъ и другое предположеніе ни сколько не объясняютъ происхожденія міра. Существенный недостатокъ дуализма въ томъ, что онъ противорѣчитъ истинному понятію о Богѣ, ограничивая его и по бытію и по совершенствамъ самосущею матеріею; существенный недостатокъ пантеизма въ томъ, что онъ противорѣчитъ понятію о мірѣ, который, какъ совокупность предметовъ и существъ ограниченныхъ, измѣнчивыхъ и несовершенныхъ, не можетъ быть проявленіемъ или видоизмѣненіемъ существа безусловнаго и всесовершеннаго. Избѣжать этихъ противорѣчій мы можемъ не иначе, какъ уничтоживъ самое понятіе о какомъ либо субстратѣ божественной мірообразующей дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ показала критика дуализма и пантеизма, Богъ не могъ произвести міра *изъ чего нибудь*, будетъ ли это что нибудь независимая отъ Бога матерія, или его субстанція, то остается признать одно,—что для Бога не было

никакого ни внѣшняго, ни внутренняго *ничто*, какъ субстрата творенія, что Онъ сотворилъ міръ не изъ чего-либо, *а изъ ничего*, единственно свободнымъ актомъ своей воли. Такимъ образомъ діалектическая необходимость признать единственно возможное изъ двухъ мыслимыхъ предположеній о способѣ происхожденія міра отъ Бога даетъ намъ надежное, косвенное доказательство истины *творенія міра* *), составляющей особенность теизма, въ его отличіи отъ деизма и пантеизма.

Но мысль о твореніи міра, кромѣ косвеннаго или отрицательнаго доказательства, имѣетъ и положительное для себя основаніе въ самой идеѣ Божества, какъ существа неограниченнаго и абсолютно совершеннаго. Абсолютно неограниченное существо не можетъ испытывать никакихъ ограниченій или опредѣленій своей дѣятельности не только какимъ либо внѣ его лежащимъ бытіемъ (напр. самобытною матеріею дуалистовъ), но и какимъ либо внутреннимъ, тяготѣющимъ надъ нимъ закономъ саморазвитія (какъ учатъ пантеисты). Его дѣйствія могутъ быть только слѣдствіемъ самоопредѣленія Его къ нимъ. Слѣдовательно, если міръ имѣетъ начало отъ Бога, то онъ не иначе могъ произойти отъ него, какъ посредствомъ никакою ни внѣшнею, ни внутреннею необходимостію не обусловленнаго, совершенно свободнаго акта Его воли, опредѣлившимъ его къ бытію,—путемъ творенія.

Къ тому же заключенію приводитъ насъ и понятіе о Богѣ, какъ существѣ всесовершенномъ. Такому существу должна быть приписана и свобода всесовершенная, всемогущая. Но всесовершенная свобода и состоитъ въ возможности произвести что либо несуществовавшее прежде и обязанное своимъ существованіемъ единственно и исключительно этой свободѣ; абсолютно свободное дѣйствованіе есть творческое дѣйствованіе. И въ области бытія условнаго, міроваго мы замѣчаемъ, что чѣмъ совершеннѣе причина, тѣмъ менѣе она имѣетъ нужды для про-

---

*) Обычная прибавка къ термину: твореніе—„*изъ ничего*“, едвали необходима, такъ какъ она сама собою предполагается и подразумѣвается въ понятіи *творенія*, исключительно принадлежащемъ теизму; происхожденіе міра по теоріи дуализма собственно должно быть названо: *образованіемъ* міра, по теоріи пантеизма - *проявленіемъ* или раскрытіемъ абсолютнаго, но никакъ не твореніемъ его.

изведенія должнаго дѣйствія въ причинахъ содѣйствующихъ или матеріальныхъ. Такъ напр. въ мірѣ духовномъ наша свобода представляетъ собою причинность болѣе совершенную и высшую, чѣмъ причинная связь явленій физическихъ,—именно потому, что здѣсь открывается возможность дѣйствованія самостоятельнаго, нѣчто аналогичное произведенію изъ ничего, такъ какъ мы можемъ свободно начать и прекратить рядъ необусловленныхъ ни чѣмъ, кромѣ нашего разума и воли, дѣйствій. Правда, свобода человѣка есть свобода ограниченная въ исполненіи желаемаго и внѣшними предметами и волею другихъ существъ; она представляетъ собою причинность болѣе совершенную только въ сравненіи съ механическою причинностію, господствующею во внѣшней природѣ. Но вполнѣ совершенная причинность, истинно совершенная т. е. божественная свобода, поэтому, можетъ быть мыслима не иначе, какъ такая, которая не имѣетъ уже никакой нужды въ побочныхъ или постороннихъ причинахъ для осуществленія желаемаго и которая не можетъ быть стѣснена при этомъ осуществленіи ничѣмъ, внѣ ея находящимся. Итакъ, абсолютно совершенная воля необходимо предполагаетъ возможность творенія, то есть не только внутренняго самоопредѣленія и саморазвитія, но и созданія внѣ ея лежащаго и отъ нея независимаго бытія. Безъ этого абсолютная воля не могла бы быть ни всесовершенною, ни всемогущею; Богъ не могъ бы ни совершить, ни произвести ничего, кромѣ того, что дано или заключается въ его природѣ. Богъ былъ бы менѣе совершенъ, чѣмъ ограниченное духовное существо — человѣкъ, который, не ограничиваясь своимъ внутреннимъ саморазвитіемъ и субъективною жизнію представленій и мыслей, можетъ создавать или производить предметы отличные отъ себя и отдѣльные (напр. зданія, машины). Конечно, существенная разница здѣсь въ томъ, что человѣкъ производитъ изъ матеріала, даннаго отвнѣ и предполагаетъ этотъ матеріалъ. Но въ томъ-то и состоитъ превосходство абсолютной и всемогущей воли предъ ограниченною, что она можетъ произвести не только объекты, отличные отъ себя, но и самый, такъ сказать, матеріалъ, изъ котораго они должны быть произведены. Богъ есть Творецъ міра не только по формѣ, но и по самому существу.

Но возможность, могутъ сказать намъ, не есть еще дѣйстви-

тельность. Не отрицая для божественной свободы, какъ неограниченной, возможности произвести міръ изъ ничего, пантеизмъ можетъ сдѣлать попытку согласить и свое понятіе о происхожденіи міра съ мыслію объ абсолютности божественной свободы и сказать, что, въ силу самой этой неограниченности, Богу должна быть приписана возможность не только создать что либо изъ ничего, но и свободно развить себя самого въ иное, отличное отъ себя бытіе,—въ міръ. Но такое представленіе о свободномъ самоопредѣленіи Божества къ обнаруженію себя въ формахъ конечности, было бы рѣшительно не совмѣстимо съ понятіемъ о совершенствѣ Божества. Міръ конечности въ сравненіи съ абсолютнымъ есть бытіе несовершенное, а Богъ, не смотря на неограниченность своей свободы, не можетъ ни пожелать быть, ни стать бытіемъ несовершеннымъ. Онъ можетъ сотворить бытіе менѣе совершенное, чѣмъ онъ,—и въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія идеѣ абсолютнаго совершенства; но онъ не можетъ самъ стать несовершеннымъ раскрывая себя въ мірѣ; въ этомъ заключалось бы самое рѣзкое противорѣчіе его самому себѣ.

Если теперь отъ понятія о Богѣ мы перейдемъ къ понятію о мірѣ, то и здѣсь найдемъ указаніе на происхожденіе его отъ Бога не инымъ какимъ либо способомъ, какъ путемъ творенія изъ ничего. Міръ есть бытіе условное и ограниченное, а потому и несовершенное; Богъ есть существо безусловное, простое и всесовершенное. Эти понятія составляютъ прямую противоположность между собою; между ними нѣтъ никакихъ посредствующихъ ступеней, никакого постепеннаго перехода, который облегчилъ бы для нашей мысли пониманіе происхожденія отъ безконечнаго — конечнаго, отъ единаго и простаго — сложнаго и множественнаго. Но если, съ одной стороны, безконечное и конечное, какъ противоположныя, не могутъ быть соединены какою либо генетическою, внутреннею связью, если съ другой стороны, безусловное и безконечное (Богъ) должно быть признано въ тоже время производящею причиною конечнаго, то, очевидно, эта причина по отношенію къ міру можетъ быть только внѣшнею трансцедентною, а не имманентною причиною; міръ конечный могъ произойти только вслѣдствіе свободнаго акта божественной воли, какъ бытіе не существовавшее прежде, но явившееся по волѣ Творца; міръ не возникъ

изъ Бога, какъ необходимое проявленіе его сущности, но свободно созданъ имъ изъ ничего.

Указавъ теоретическія основанія мысли о твореніи міра, заключающіяся въ понятіяхъ о Богѣ и мірѣ, мы должны остановить наше вниманіе и на томъ доказательствѣ этой истины, которое можно назвать практическимъ и первая мысль о которомъ принадлежитъ Канту. Помимо другихъ недостатковъ существующихъ доказательствъ бытія Божія, Кантъ указываетъ и на тотъ, что ни одно изъ нихъ (не исключая лучшаго изъ нихъ — телеологическаго) не даетъ намъ вѣрнаго и полнаго понятія о Богѣ, какъ о Творцѣ міра, а не образователѣ только его изъ данной матеріи. Такое понятіе мы можемъ получить только тогда, когда на истину бытія Божія станемъ смотрѣть не какъ на теоретическій выводъ, а какъ на постулятъ нашего нравственнаго сознанія. Для осуществленія возможности высочайшаго блага, какъ цѣли нашихъ нравственныхъ стремленій, необходимо признать высочайшее Существо, которое по степени добродѣтели или заслугъ разумныхъ существъ распредѣляло бы имъ счастіе или блаженство; а такъ какъ такого распредѣленія мы часто не находимъ въ жизни настоящей, то оно должно имѣть мѣсто въ жизни будущей.

Кантъ спрашиваетъ затѣмъ, какія свойства должно имѣть это существо, чтобы быть въ состояніи осуществить требуемое практическимъ разумомъ соединеніе добродѣтели и счастія? Оно должно *хотѣть* этого соединенія и *мочь* совершить его. Изъ перваго предположенія онъ выводитъ моральныя совершенства божества: святость, благость, праведность; изъ втораго — такъ называемыя имъ динамическія: всемогущество, всевѣдѣніе, вездѣприсутствіе и др. Но динамическія свойства могутъ только тогда имѣть полное значеніе для нравственнаго сознанія, когда мы будемъ почитать Бога не только устроителемъ или образователемъ міра, но и Творцомъ его, виновникомъ не только формы, но и самой матеріи міра. Въ противномъ случаѣ насъ не можетъ оставить мысль, что независимая отъ Него матерія можетъ оказаться непокорною Его волѣ, не можетъ, по этому, оставить и сомнѣніе, можетъ ли Богъ вполнѣ осуществить свое намѣреніе соединить добродѣтель и счастіе въ будущей жизни такъ, какъ требуется то идеею высочайшаго блага. Такимъ образомъ требуемая прак-

тическимъ разумомъ увѣренность въ осуществимости цѣли нравственности необходимо предполагаетъ твореніе міра Богомъ.

Что касается собственно до Кантова вывода понятія творенія, то его нельзя назвать особенно сильнымъ; противъ него можно сказать, что чистая матерія, съ представленіемъ которой соединяется мысль объ абсолютной пассивности и инерціи, не можетъ полагать препятствій къ осуществленію божественныхъ намѣреній. Она могла бы служить такимъ препятствіемъ, если бы мы видѣли въ ней положительное начало нравственнаго зла, по самой природѣ своей противоборствующее добру. При такомъ взглядѣ на матерію, замѣчаніе Канта было бы дѣйствительно вѣрнымъ. Болѣе вѣрною остается, неразвитая впрочемъ у Канта, общая мысль, что только понятіе о Богѣ, какъ *Творцѣ* міра, можетъ удовлетворить нашему нравственному чувству. Что касается до пантеистическаго и дуалистическаго воззрѣнія на происхожденіе міра, то, будучи проведены послѣдовательно, то и другое, хотя не въ одинаковой степени, угрожаютъ опасностію для истинной нравственности. Всего гибельнѣе въ этомъ отношеніи пантеизмъ. Какъ бы ни истощался онъ въ своихъ усиліяхъ оправдать съ своей точки зрѣнія различіе добра и зла и обязательность нравственнаго стремленія къ первому, всѣ его усилія сокрушаются при столкновеніи съ основною мыслію этого направленія, что все есть проявленіе единой абсолютной субстанціи; отсюда прямо вытекаетъ равноправность добра и зла, какъ необходимыхъ моментовъ въ жизни абсолютнаго. Что касается до нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, то для нея нѣтъ мѣста при пантеистическомъ воззрѣніи на міръ. Нравственность имѣетъ смыслъ только при предположеніи личной самостоятельности и свободы. Я могу стремиться къ нравственному совершенству только тогда, когда я убѣжденъ, что могу поступать такъ и иначе, хорошо или худо; на этомъ убѣжденіи основывается и нравственная вмѣняемость себѣ и другимъ тѣхъ или иныхъ поступковъ. Но эта вмѣняемость будетъ пустымъ самообольщеніемъ, если всѣ дѣйствія, какія я приписываю себѣ, на самомъ дѣлѣ не мои, но только сознательное или безсознательное выраженіе стоящаго надо мною закона жизни абсолютнаго. Мы—жалкіе слѣпцы, когда воображаемъ, будто дѣлаемъ или можемъ дѣлать что нибудь сами; въ дѣйствитель-

ности всѣ явленія пантеистическаго міра, какъ въ царствѣ природы, такъ и духа, суть необходимыя проявленія абсолютнаго. Но при такомъ рѣшительномъ детерминизмѣ, при такомъ отрицаніи индивидуальной самостоятельности и свободы, что́ можетъ служить для человѣка побужденіемъ къ нравственности? Личная жизнь и дѣятельность человѣка—ничтожная капля въ безбрежномъ потокѣ абсолютнаго. Если она идетъ вопреки этому потоку (если только это возможно), то она можетъ назваться ничтожною, но никакъ не противонравственною въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Она то же, что какое-либо мимолетное явленіе въ природѣ (наприм. паденіе листка съ дерева) въ сравненіи съ общимъ ходомъ жизни вселенной. Это явленіе безъ слѣда погибнетъ въ пучинѣ абсолютнаго и ни личной отвѣтственности, ни личныхъ результатовъ для самаго человѣка оно имѣть не будетъ, потому что, уничтожая самостоятельность индивидуума, пантеизмъ, конечно, не можетъ допустить и личнаго существованія души за предѣлами жизни настоящей. Такимъ образомъ, пантеизмъ не представляетъ намъ никакихъ дѣйствительныхъ мотивовъ къ нравственному усовершенствованію. Напротивъ, послѣдовательное проведеніе пантеистическаго принципа ведетъ къ индифферентизму, къ сознанію роковой необходимости добра и зла и къ оправданію увлеченія послѣднимъ силою неизбѣжнаго, выше человѣка и его фиктивной свободы стоящаго, закона абсолютной жизни,—закона, который ни чѣмъ не лучше языческаго рока или судьбы.

Отъ такихъ крайнихъ выводовъ, конечно, свободенъ дуализмъ, потому что предполагаемая самостоятельность матеріи, даже въ смыслѣ начала противодѣйствующаго добру, не отнимаетъ у человѣка ни возможности, ни обязанности противодѣйствовать ему. Но, какъ показываетъ исторія религій, и здѣсь возможны уклоненія отъ чистоты нравственнаго идеала, какъ скоро преувеличивается объемъ, сила и значеніе этого противодѣйствующаго доброму міроваго принципа. Здѣсь подъ видомъ борьбы съ матеріею является часто ложный аскетизмъ, неправильное воззрѣніе на низшую, чувственную сторону человѣческой природы, какъ на нѣчто безусловно порочное и требующее уничтоженія, забвеніе въ борьбѣ съ чувственностію объ истинномъ источникѣ зла, который заключается въ ду-

ховной природѣ человѣка и пренебреженіе чисто моральнымъ усовершенствованіемъ; борьба съ мнимымъ врагомъ — чувственнымъ міромъ отвлекаетъ вниманіе человѣка отъ его дѣйствительнаго врага, заключающагося въ немъ самомъ и даетъ усиливаться ему.

Истина творенія міра, устанавливая правильный взглядъ на матеріальный и духовный міръ, какъ на низшее и высшее произведеніе одной и той же воли Творца, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прочное основаніе истинной нравственности, такъ какъ съ одной стороны, утверждая (вопреки пантеизму) относительную самостоятельность и свободу человѣка, дѣлаетъ и возможнымъ и обязательнымъ достиженіе нравственнаго совершенства; съ другой, отрицая самостоятельное бытіе міровой основы (вопреки дуализму), освобождаетъ нашу мысль отъ всякаго рода сомнѣній въ возможности достигнуть такого совершенства въ виду мнимой силы противостоящаго не только намъ, но и самому Божеству принципа несовершенства и зла.

Не смотря на то, что мысль о твореніи есть необходимый логическій результатъ несостоятельности другихъ возможныхъ предположеній о началѣ міра, она издавна возбуждала не мало возраженій и недоразумѣній.

а) Противъ ученія о твореніи обыкновенно выставляютъ идущее еще отъ древности и получившее видъ аксіомы положеніе: *изъ ничего не бываетъ ничего* *). Мысль о твореніи изъ ничего составляетъ самое рѣзкое логическое противорѣчіе этой аксіомѣ. Въ этомъ отношеніи всѣ другія теоріи происхожденія міра имѣютъ несомнѣнное преимущество предъ теоріею творенія, такъ какъ или въ первобытной матеріи (дуализмъ), или въ самой субстанціи абсолютнаго (пантеизмъ) онѣ указываютъ то *нѣчто*, изъ чего образовался міръ.

Прежде всего, возникаетъ сомнѣніе, составляетъ ли приведенное выше положеніе дѣйствительную аксіому, отрицаніе которой абсолютно не мыслимо безъ противорѣчія законамъ логики? Не есть ли это положеніе простое, индуктивнаго свойства обобщеніе, составленное на основаніи фактовъ, дѣйстви-

*) „Ἐξ οὐδενὸς γίνεται οὐδέν". Arist.

тельно наблюдаемыхъ нами способовъ происхожденія окружающихъ насъ предметовъ и явленій міра, въ которомъ, повидимому, все происходитъ изъ чего-нибудь? Но если такъ, то мы не имѣемъ никакого права возводить общее заключеніе отъ наблюдаемыхъ нами явленій въ непреложную аксіому и распространять ее на все мыслимое и возможное бытіе, не доступное нашему опыту. Индукція, какъ извѣстно, какъ бы сильна ни была, приводитъ только къ вѣроятнымъ, но не къ несомнѣннымъ истинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы широкъ ни былъ кругозоръ нашего опытнаго наблюденія, мы далеко не знаемъ и не можемъ знать всей вселенной въ безграничномъ протяженіи ея въ пространствѣ и времени, и потому не можемъ эмпирически доказать, чтобы гдѣ-либо и когда-либо невозможно было возникновеніе чего-либо изъ ничего, если только найдена будетъ сила, которая можетъ произвести такое явленіе. Для доказательства этой мысли мы должны бы ссылаться не на тотъ только фактъ, что въ кругу доступныхъ нашему наблюденію явленій ничто не возникаетъ изъ ничего, но на то, что самая абстрактная мысль о такомъ возникновеніи противорѣчитъ разуму и не можетъ быть допущена, не смотря на то, подтверждается ли она опытомъ или нѣтъ. Но этого сказать нельзя, такъ какъ подобнаго рода происхожденіе вещей вполнѣ мыслимо, хотя наглядно и не представимо. Нѣтъ ничего невозможнаго для мысли предполагать, напр., что въ той или другой, недоступной нашему наблюденію, части вселенной возникло новое небесное тѣло, котораго прежде не было, если только дано условіе для такого возникновенія въ волѣ всемогущаго Творца.

Противъ этого замѣчаютъ иногда, что абстрактная возможность появленія чего-либо новаго во вселенной, но условливаемаго предыдущимъ, не можетъ быть на дѣлѣ допущена потому, что при данныхъ законахъ природы каждое независимое отъ нихъ новое явленіе чего-либо разрушило бы весь существующій порядокъ природы, измѣнило бы его строго законосообразное теченіе. Но это замѣчаніе имѣло бы нѣкоторый смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы предварительно было доказано, что настоящій порядокъ вселенной абсолютно не разрушимъ, и не можетъ быть измѣненъ, даже творческою силою созданія чего-либо новаго. Если же этого утверждать

нельзя, то нельзя отрицать и возможности даже въ предѣлахъ даннаго состава вселенной возникновенія чего-либо изъ ничего творческою силою.

Но если происхожденіе чего-либо изъ ничего нельзя считать не мыслимымъ даже для настоящаго порядка вещей, то такое происхожденіе необходимо должно быть признано для объясненія абсолютнаго начала міра. Допустимъ, что въ существующей вселенной не возникаетъ и не можетъ возникнуть чего-либо изъ ничего, такъ какъ для появленія новыхъ предметовъ и явленій даны уже достаточныя условія въ прежде существовавшихъ предметахъ, съ которыми они должны быть связаны причинною связью. Но такъ какъ, по закону разума, цѣпь условливающихъ другъ друга причинъ не можетъ простираться въ безконечность, то раждается вопросъ: откуда и изъ чего произошли самыя первыя условія бытія міровыхъ предметовъ, напр. первоначальная матерія ихъ съ присущими ей основными силами? Какъ понимать происхожденіе не тѣхъ или иныхъ конкретныхъ предметовъ, но того первоначальнаго *ничто*, изъ чего они явились? Такъ какъ за самыми первыми условіями бытія міра нѣтъ уже ничего, то они могли и возникнуть только *изъ ничего* и, при томъ, одно изъ двухъ: или случайно, или творческою волею Существа всемогущаго. Но если первое предположеніе не мыслимо, то остается принять только второе.

Вообще, положеніе: „изъ ничего не бываетъ ничего“, можетъ имѣть значеніе, и то не раціональной аксіомы, а только эмпирическаго закона природы, лишь въ отношеніи къ происхожденію вещей условныхъ, какъ скоро даны первыя условія ихъ бытія. Но оно не можетъ быть приложено къ объясненію происхожденія самыхъ этихъ условій, — начала міра вообще. Если же этому положенію желаютъ придать характеръ дѣйствительной аксіомы, то оно должно быть формулировано такъ: „*само собою* изъ ничего не можетъ произойти ничего“, или проще: „безъ всякой причины не бываетъ ничего“. Но очевидно, что этой аксіомѣ противорѣчитъ не ученіе о твореніи міра изъ ничего, такъ какъ оно во всемогущей волѣ Божіей находитъ достаточную причину его происхожденія, но скорѣе всего матеріализмъ, такъ какъ его самобытная и вѣчная матерія не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго основанія къ образованію міра.

b) Мы сказали, что мысль о твореніи міра вполнѣ соотвѣтствуетъ истинному понятію о Богѣ и мірѣ. Противники идеи творенія думаютъ открыть въ ней противорѣчіе какъ тому, такъ и другому понятію.

Необходимый предикатъ каждой силы, будетъ ли то реальная міровая сила или трансцедентная (Богъ), есть дѣятельность; „сила, которая не дѣйствуетъ и существовать не можетъ“. Но допуская *актъ* творенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ, что до этого акта творческая сила не дѣйствовала или, что то же, не существовала, такъ какъ сила не мыслима безъ дѣйствія. Точно также мы должны допустить, что эта сила перестала существовать и послѣ акта творенія; значитъ, она явилась внезапно и безъ всякаго повода лишь на одинъ моментъ творенія и затѣмъ исчезла. „Но если творческая сила не могла существовать прежде возникновенія (творенія) вещей, если ея не могло быть и послѣ такого возникновенія, если, наконецъ, не мыслимо, чтобы она обладала только моментальнымъ существованіемъ... то для насъ не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что міръ не можетъ быть сотворенъ, но что онъ вѣченъ“ *).

Смыслъ этого возраженія, очевидно, тотъ, что допуская твореніе, какъ нѣкоторый временный актъ въ жизни трансцедентной силы, мы должны признать эту силу не дѣятельною до и послѣ этого акта, что равняется будто бы уничтоженію самой этой силы, такъ какъ не дѣятельная сила не существуетъ. Но очевидно и то, что это возраженіе могло бы быть разомъ устранено, еслибы мы признали Бога не моментально только, но вѣчно творящею силою. Оно собственно направлено не противъ мысли о возможности творенія вообще, но только противъ мысли о сотвореніи міра въ одинъ данный пунктъ безконечнаго времени. Но Богъ можетъ быть мыслимъ вѣчно творящею силою вѣчно творимаго міра. Затѣмъ, это выраженіе основывается на ложномъ предположеніи, будто каждая сила не можетъ существовать иначе, какъ въ своемъ дѣйствіи. Если наука даже въ области физическихъ силъ отличаетъ потенціальную и кинетическую ихъ энергію, если въ духовномъ мірѣ силы, способности, таланты

*) Büchner, Kraft und Stoff. 1864, p. 5 7.

могутъ существовать въ душѣ и не обнаруживаясь въ соотвѣтствующихъ себѣ дѣйствіяхъ, то почему нельзя допустить и существованія трансцедентной *творческой* Силы до и послѣ акта творенія, какъ силы, заключающей въ себѣ возможность и способность творенія, хотя и не обнаруживающей себя реальнымъ творчествомъ? Думать иначе, значило бы то же, что утверждать, будто способность, напримѣръ, поэтическаго творчества существуетъ у поэта только въ моментъ созданія поэтическаго произведенія, а до и послѣ этого созданія, ея вовсе не существуетъ. Наконецъ, представленное нами возраженіе исходитъ изъ той ложной мысли, будто актомъ творчества исчерпывается вся сущность и содержаніе высочайшей трансцедентной Силы и что за отсутствіемъ этого акта исчезаетъ и самая Сила. Но творчество не есть единственное проявленіе жизни высочайшей абсолютной причины. Какъ существо абсолютное, она заключаетъ въ себѣ абсолютную полноту внутренней жизни и дѣятельности, независимо отъ существованія акта воли, вызвавшей въ бытіе міръ. По отношенію къ абсолютной жизни и дѣятельности актъ творчества, будетъ ли онъ моментальнымъ, періодическимъ или вѣчнымъ, будетъ составлять только одинъ изъ моментовъ безконечной жизни, который не можетъ быть такимъ всецѣлымъ выраженіемъ жизни абсолютнаго, съ отсутствіемъ котораго исчезало бы и самое понятіе о немъ.

с) Что касается до понятія о мірѣ, то идея творенія изъ ничего, по мнѣнію противниковъ этой идеи, ведетъ къ уничтоженію его самостоятельности и законосообразности. По мнѣнію Фихте, ученіе о твореніи вноситъ въ понятіе о Богѣ абстрактную свободу или произволъ и тѣмъ самымъ существованіе міра понимаетъ какъ дѣло случая *). „Какъ бы мы ни пытались мыслить что-либо опредѣленное въ понятіи изъ ничего сотвореннаго міра, онъ навсегда останется нѣкотораго рода видоизмѣненнымъ *ничто*, обманчивымъ, волшебнымъ призракомъ, который также можетъ исчезнуть въ ничто, какъ и возникъ отсюда словомъ Творца“ **). „Какъ произведеніе міра изъ ничего дѣлаетъ спорнымъ вопросъ о самостоятель-

*) Anweis. zum sel. Leben. Werke, V, 479.
**) Snell, Schöpfung d. Menschen. 66.

ности міра, такъ точно и абстрактная свобода творческаго акта существенное отношеніе міра къ Богу дѣлаетъ случайнымъ и внутреннюю его законосообразность лишаетъ всякаго основанія, такъ какъ произвольно сдѣланный распорядокъ въ каждое мгновеніе можетъ быть снова уничтоженъ, что, по церковному ученію, и имѣетъ мѣсто въ чудесахъ. Въ этомъ отношеніи свободный актъ творенія есть только первое чудо (Urwunder), которое отворяетъ двери для всѣхъ другихъ чудесъ, такъ какъ оно въ принципѣ разрушаетъ мысль о самостоятельности и законосообразности міра" *).

Можетъ показаться удивительнымъ, что упрекъ теоріи творенія въ томъ, что она не обезпечиваетъ самостоятельности и законосообразности міра, чаще всего встрѣчается у философовъ болѣе или менѣе пантеистическаго направленія, тогда какъ именно это направленіе, будучи послѣдовательно проведено, уничтожаетъ его самостоятельность. Признавать міръ проявленіемъ единой, абсолютно и истинно сущей субстанціи, ея феноменомъ или моментомъ въ ея развитіи, отрицать истину бытія конкретнаго, ужели значитъ утверждать самостоятельность міра? Но дѣло становится понятнымъ, когда вспомнимъ, что теизмъ признаетъ міръ дѣломъ *свободной воли* Творца, понятіе о которой совершенно чуждо пантеизму и замѣняется понятіемъ *имманентной необходимости*. На первый взглядъ дѣйствительно кажется, что міръ больше обезпечивается въ своемъ существованіи, какъ скоро признается необходимымъ проявленіемъ абсолютнаго, а не актомъ свободной воли Творца, такъ какъ по отношенію къ ней онъ является чѣмъ-то случайнымъ, что могло бы быть и не быть, быть такъ и иначе. Но на самомъ дѣлѣ ошибка пантеизма здѣсь въ томъ, что онъ въ интересахъ своей системы постоянно смѣшиваетъ понятіе свободы съ понятіемъ произвола. Божественная воля не есть то же, что случайный и безосновный произволъ; она есть воля существа всесовершеннаго и находится въ тѣснѣйшей связи и единеніи со всѣми прочими свойствами и совершенствами Творца, —Его безконечнымъ разумомъ и благостію; она есть разумная и святая воля. Но если мы такъ станемъ смотрѣть на божественную волю, вызвавшую міръ изъ небы-

*) O. Pfleiderer, Religionsphilosophie. 1878. p. 489.

тія въ бытіе, то въ ней найдемъ самую полную и надежную гарантію самостоятельности и законосообразности міра. Вызванный въ бытіе изъ ничего, онъ не можетъ быть, поэтому, и самъ ничтожнымъ или призракомъ, такъ какъ основа и причина его бытія заключается не въ этомъ не существующемъ *ничто*, а въ положительномъ актѣ божественной воли, произведеніемъ которой можетъ быть только положительное, реальное бытіе. Какъ положенное разумною, и потому не измѣнчивою и не колеблющеюся въ своихъ рѣшеніяхъ волею Божества, міръ въ самомъ способѣ своего происхожденія находитъ ручательство и за свое дальнѣйшее существованіе и за неизмѣнность установленныхъ для него законовъ бытія. Ибо абсолютно совершенное существо можетъ ли произвести такое бытіе и такіе законы его, которые затѣмъ, по ихъ несовершенству и негодности, оказались бы подлежащими измѣненію или уничтоженію?

Какъ на возраженіе противъ этой мысли, намъ указываютъ на понятіе *чуда*, первое зерно котораго будто бы заключается въ понятіи творенія изъ ничего и которое, будучи допущено, грозитъ опасностью постояннаго нарушенія законовъ природы, а съ ними и самостоятельности міра. Но понятіе чуда въ обыкновенномъ, религіозномъ смыслѣ слова не состоитъ ни въ какой существенной связи съ такъ называемымъ чудомъ первоначальнаго творенія. Оно предполагаетъ уже существующій и, при томъ, не по волѣ Божества измѣнившійся къ худшему, и потому нуждающійся въ исправленіи сверхъестественною силою, порядокъ вещей *). Твореніе міра, конечно, можетъ быть названо чудомъ, въ смыслѣ его непостижимости; но эта непостижимость акта творенія для насъ не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о самостоятельности міра и его законовъ. Не въ этомъ смыслѣ называютъ твореніе чудомъ, когда

*) Оправдывать такое воззрѣніе на существующій строй міра и доказывать возможность чудесъ,—не входитъ здѣсь въ нашу задачу. Замѣтимъ только, что для того, чтобы понятіе чуда (въ точномъ смыслѣ слова) выставлять какъ возраженіе противъ самостоятельности и законосообразности міра, нужно предварительно доказать, что оно не возстановляетъ, но именно разрушаетъ строй природы. Но относительно истинныхъ и достовѣрныхъ исторически чудесъ пантеизмъ этого доказательства дать не можетъ. О возможности чудесъ см. „Начальныя основанія философіи“, 1891. стр. 188—191.

видятъ въ этомъ понятіи опасность для самостоятельности міра; этимъ хотятъ сказать лишь то, что міръ, не составляющій абсолютно необходимаго проявленія Божества, но вызванный въ бытіе единственно Его волею, точно также можетъ быть уничтоженъ этою волею, какъ и созданъ ею; точно также и законы міра, будучи установлены Его волею, могутъ быть свободно измѣнены ею,—а въ этомъ и состоитъ понятіе чуда. Правда, съ абстрактной, чисто метафизической точки зрѣнія, мы должны признать такую возможность и съ этой точки зрѣнія существованіе міра считать бытіемъ случайнымъ. Но такая возможность остается для насъ простою абстрактною возможностью какъ скоро вспомнимъ, что божественная свобода не есть безсмысленный произволъ, но въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляется разумомъ, благостію, неизмѣнностію и другими свойствами божеской природы и что въ этихъ свойствахъ заключается ручательство сохраненія разъ созданнаго Богомъ міра. Метафизической возможности уничтоженія міра или измѣненія его законовъ здѣсь противостоитъ моральная, какъ выражается Лейбницъ, невозможность подобнаго факта.

Такимъ образомъ, въ понятіи творенія, какъ акта божественной воли, заключается достаточная гарантія самостоятельности міра съ его законами. Такой гарантіи вовсе не даетъ намъ, какъ думаетъ, пантеизмъ своимъ ученіемъ о мірѣ, какъ *необходимомъ* моментѣ въ развитіи абсолютнаго; потому что этотъ необходимый моментъ въ большей части пантеистическихъ системъ есть только временное, преходящее и не истинное явленіе въ жизни абсолютнаго. Начиная съ Индійской философіи, которая признаетъ міръ призракомъ, временно помрачающимъ жизнь Брамы, и кончая философіей Гартмана, который видитъ въ мірѣ слѣпое, неразумное порожденіе стремящейся къ бытію воли, всѣ почти пантеистическія системы заканчиваютъ ученіемъ о возвращеніи абсолютнаго изъ своего странствованія по ступенямъ міроразвитія, изъ своего инобытія къ себѣ самому, къ чистому и нераздѣльному единству до-мірнаго бытія. Можно ли находить въ такомъ ученіи гарантію самостоятельности міра и не гораздо ли состоятельнѣе то ученіе, которое въ непреложности воли Творца, вызвавшаго міръ къ бытію, видитъ залогъ вѣчнаго его существованія?

d) Предшествующія возраженія противъ понятія творенія

принадлежали матеріализму и пантеизму. Теперь остановимъ наше вниманіе на тѣхъ возраженіяхъ, какія выставляетъ противъ этого ученія третье изъ господствующихъ современныхъ направленій—позитивизмъ, который по отношенію къ занимающему насъ вопросу наиболѣе философское свое выраженіе находитъ въ агностицизмѣ Спенсера.

Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ философіи, сущность которой состоитъ въ томъ, что она познаваемымъ признаетъ только міръ явленій съ его эмпирическими законами, а всѣ остальные, чисто метафизическіе вопросы относитъ въ область непостижимаго и никогда, поэтому, недоступнаго познанію, главное возраженіе ея противъ понятія творенія будетъ состоять въ указаніи непонятности и непостижимости этого понятія. И дѣйствительно, къ этой непонятности творенія и сводятся всѣ возраженія противъ него Спенсера. По его мнѣнію, можно сдѣлать только три мыслимыя предположенія о началѣ міра: или онъ существуетъ самъ собою, или онъ сотворилъ самъ себя, или онъ созданъ какою-либо внѣшнею ему силою; первое предположеніе принадлежитъ атеизму, второе—пантеизму, послѣднее — теизму. Не входя въ изслѣдованіе, какое изъ этихъ трехъ предположеній болѣе вѣроятно, Спенсеръ рѣшаетъ только вопросъ: какое изъ нихъ „болѣе понятно въ истинномъ смыслѣ слова“?

Разсматривая каждое изъ этихъ трехъ предположеній съ этой точки зрѣнія, онъ не даетъ никакого преимущества ни одному изъ нихъ; всѣ они одинаково непонятны и неудобопріемлемы для мышленія вслѣдствіе заключающихся въ нихъ противорѣчій.

Оставимъ въ сторонѣ Спенсерову критику атеистической (матеріалистической) и пантеистической теорій происхожденія міра. Сущность теистической теоріи, по мнѣнію Спенсера, состоитъ въ томъ предположеніи, „что небо и земля сотворены внѣшнею имъ силою подобнымъ же образомъ, какъ какая нибудь утварь дѣлается рукою ремесленника. Такая гипотеза не есть произведеніе однихъ только богослововъ, но принадлежитъ и большинству философовъ прошедшаго и настоящаго времени“. Главный недостатокъ этой гипотезы, конечно, тотъ, что она не имѣетъ ничего себѣ соотвѣтствующаго въ дѣйствительномъ опытѣ и не можетъ быть провѣрена опытомъ;

но и независимо отъ этого она заключаетъ въ себѣ много непонятнаго. 1. Ремесленникъ или художникъ производитъ вещи изъ даннаго матеріала; но откуда взялась матерія, изъ которой „великій Артистъ“, „Художникъ“ произвелъ міръ? Произведеніе такой матеріи изъ ничего составляетъ совершенную тайну. 2. Другое затрудненіе возникаетъ, какъ скоро мы перейдемъ отъ матеріальныхъ вещей къ тому, что ихъ содержитъ, — отъ матеріи — къ пространству. Откуда произошло пространство? Теорія творенія должна предположить, что пространство также сотворено Богомъ, какъ и матерія. „Но невозможность понять такое происхожденіе пространства такъ очевидна, что никто не осмѣлится утверждать ее“. Въ самомъ дѣлѣ, если пространство сотворено, то его не было прежде; но никакими усиліями ума мы не можемъ вообразить себѣ несуществованіе пространства, будетъ ли то въ прошедшемъ или будущемъ. Если же несуществованіе пространства абсолютно непонятно, то отсюда слѣдуетъ, что и сотвореніе пространства также не мыслимо. 3. Наконецъ, какъ скоро мы предполагаемъ внѣшнюю Силу или Дѣятеля, сотворившаго міръ, то необходимо возникаетъ вопросъ: откуда же взялся этотъ самый дѣятель? Такъ какъ онъ не могъ ни сотворить самъ себя, ни быть созданнымъ инымъ какимъ-либо дѣятелемъ, то теизмъ обыкновенно предполагаетъ, что этотъ дѣятель есть непроисшедшій, самосущій. Но понятіе о самосуществованіи совершенно для насъ непостижимо. Если мы отвергаемъ атеистическую гипотезу потому, что она признаетъ самосуществованіе міра, то на томъ же основаніи мы не можемъ допустить и теистической гипотезы, — допустить самосуществованіе какой-либо Силы внѣ міра, такъ какъ и здѣсь, какъ и тамъ, одинаково не мыслимо существованіе чего либо безъ начала и безъ всякой предшествующей причины *).

Въ представленной нами критикѣ теистическаго ученія о происхожденіи міра на первый взглядъ представляется удивительнымъ то, что такой, во всякомъ случаѣ, остроумный мыслитель, какъ Спенсеръ, прежде чѣмъ подвергать критикѣ это ученіе, не позаботился правильнѣе выяснить и опредѣлить какъ самое это ученіе, такъ и понятія съ нимъ соприкосновенныя.

*) H. Spencer. Premiers principes. Trad. p. Cazelles. 1888. p. 26—38

Такъ, уже въ первомъ своемъ возраженіи, онъ понимаетъ это ученіе такъ, какъ едвали понимало его то большинство теологовъ и философовъ, о которомъ онъ говоритъ. Въ томъ-то и состоитъ особенность теизма, признающаго міръ твореніемъ Божіимъ, что онъ вовсе не допускаетъ мысли, будто міръ созданъ Богомъ точно такъ же, какъ художникъ создаетъ свои произведенія, т. е. изъ предлежащей ему матеріи. Подобный образъ воззрѣнія принадлежитъ дуализму и, поэтому, то возраженіе, которое Спенсеръ направляетъ противъ теизма, вовсе не затрогиваетъ его и всецѣло касается лишь дуалистической гипотезы. Вопросъ: откуда взялась первобытная матерія, дѣйствительно можетъ быть предложенъ дуализму, потому что матерія, какъ начало инертное и пассивное, не можетъ ни создать сама себя, ни быть началомъ самостоятельнымъ; она, поэтому, предполагаетъ какую либо причину своего существованія. Такъ какъ дуализмъ не можетъ указать такой причины въ самой матеріи, то по необходимости долженъ предположить, что причина ея происхожденія заключается въ другомъ, противоположномъ ей, активномъ началѣ бытія — Богѣ. Матерія, какъ первичная форма или основа физическаго бытія, можетъ быть только происшедшею, сотворенною Богомъ, что и утверждаетъ теизмъ. Въ понятіи творенія матеріи міра Богомъ заключается такъ же мало противорѣчія, какъ и вообще въ понятіи происхожденія каждаго ограниченнаго, условнаго и имѣющаго начало бытія предмета отъ Существа безусловнаго. Если вообще мыслима и допустима высочайшая причина всякаго условнаго бытія, то вполнѣ мыслима и возможность происхожденія отъ нея матеріи, — и въ понятіи послѣдней не заключается ничего особеннаго, что возбуждало бы нерѣшимый будто-бы для теизма вопросъ объ ея происхожденіи.

Точно также, выставляя на видъ какъ возраженіе противъ теоріи творенія вопросъ, откуда взялось пространство, Спенсеръ долженъ бы сначала выяснить вопросъ, что онъ здѣсь понимаетъ подъ именемъ пространства, чтобы судить за тѣмъ, заключаетъ ли оно въ себѣ противорѣчіе идеѣ творенія. Ему не безъизвѣстно, конечно, что въ философіи существуетъ не одно мнѣніе относительно этого предмета и что не во всякомъ изъ этихъ мнѣній заключается противорѣчіе понятію творенія. Если пространство есть, какъ учатъ субъективисты

(Кантъ и др.), форма нашего чувственнаго воззрѣнія, то вопросъ о происхожденіи его не представляетъ затрудненій; оно произошло также и оттуда-же, откуда произошло и наше ощущающее *я* съ a priori данными ему формами познанія, къ числу которыхъ на ряду съ категоріями и идеями принадлежитъ и пространство съ временемъ, какъ формы чувственнаго познанія. Признакъ безконечности, заключающійся въ понятіи пространства, также, не можетъ возбудить затрудненій, такъ какъ эта безконечность не есть что-либо реальное, а только особенность извѣстной формы познанія существа конечнаго и ограниченнаго. — Если же пространство, какъ учатъ другіе философы, есть не субъективная только форма познанія, но реальное свойство вещей или форма ихъ существованія, то, очевидно, не можетъ быть пространства внѣ и независимо отъ вещей или прежде ихъ; не можетъ быть реально безконечнаго пространства. Форма или свойство не можетъ существовать внѣ тѣхъ вещей, свойства или форму которыхъ оно составляетъ. При такомъ воззрѣніи вопросъ о происхожденіи пространства не можетъ представить затрудненій; оно произошло также какъ и вещи, которыхъ форму оно составляетъ, какъ и весь міръ, — путемъ творенія. Дѣйствительное затрудненіе возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ реальное существованіе *безконечнаго* пространства, и на это затрудненіе давно уже указывали философы, хотя оно и не касается прямо и непосредственно ученія о твореніи міра. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ безконечное пространство, то для признающихъ абсолютное начало бытія—Существо безконечное, повидимому, возникаетъ неизбѣжная дилемма: или признать два безконечныхъ, что́ не мыслимо; или считать такое пространство свойствомъ единаго безконечнаго существа. Къ такому заключенію, какъ извѣстно, и пришелъ Спиноза, который протяженіе, такъ же какъ и мышленіе, считалъ модусами абсолютной субстанціи. Конечно, отъ этой дилеммы отдѣлаться было бы не трудно простымъ отрицаніемъ существованія безконечнаго пространства. Но здѣсь возникаетъ новое затрудненіе: идея безконечнаго пространства не есть какое-либо фиктивное произведеніе нашего воображенія; она *необходимо* и существенно принадлежитъ нашему разуму; мы не можемъ мыслить какого-либо ограниченнаго пространства не

предполагая, что за нимъ существуетъ новое пространство и т. д.; вообще, не можемъ мыслить пространства иначе какъ безконечнымъ. Самое отрицаніе такого пространства является немыслимымъ; въ концѣ концевъ оно повело бы къ отрицанію самой достовѣрности нашего познанія, еслибы мы стали отрицать самыя существенныя требованія нашего мышленія. Но при болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло оказывается, что это затрудненіе не такъ неразрѣшимо для теизма, какъ кажется. Разрѣшено оно можетъ быть съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, и признавая реальную безконечность пространства, мы вовсе не обязываемся, какъ думаютъ, или признавать два безконечныхъ, или считать пространство, вмѣстѣ съ Спинозою, модусомъ безконечной субстанціи и впадать въ пантеизмъ. И допуская отдѣльность Бога отъ міра, мы можемъ мыслить міръ, какъ безконечное обнаруженіе творческой воли божества, а Бога, какъ существо вѣчно дѣятельное и вѣчно творящее; при этомъ, безконечно творимомъ, мірѣ, очевидно, и формы его бытія (пространство и время) могутъ быть безконечными, не теряя своей условности и зависимости отъ Бога по происхожденію. Существованіе условно-безконечнаго (міра — въ формѣ цѣлаго, развивающагося въ безконечномъ пространствѣ и времени) не противорѣчитъ существованію единаго безусловно-безконечнаго. Но если существованіе такого міра, по основательнымъ причинамъ, не допустимо, то возможна другая точка зрѣнія, объясняющая признакъ безконечности въ понятіяхъ пространства (и времени). Пространство есть форма не только внѣ насъ лежащаго бытія, но и нашего познанія; она имѣетъ не только объективное, но и субъективное значеніе. Но въ послѣднемъ отношеніи она не можетъ быть абсолютно тожественною съ формою бытія вещей; иначе мы, вмѣстѣ съ идеалистами, должны бы признать тожество мышленія и бытія, субъективнаго и объективнаго. Поэтому вполнѣ мыслимо, что пространство можетъ быть конечнымъ реально, внѣ нашего *я*, и безконечнымъ, какъ наше понятіе, въ нашемъ умѣ. Такой признакъ безконечности въ субъективномъ понятіи о пространствѣ, не будучи фантомомъ воображенія, вполнѣ условливается организаціею нашей познавательной способности и имѣетъ существенное гносеологическое значеніе. Въ силу самаго строя нашей разумной природы

наше познаніе не стѣснено и не ограничено предѣлами бытія, даннаго въ наличной дѣйствительности внѣшняго и внутренняго опыта. Оно простирается не только на реальное, но и на мыслимое или *возможное* бытіе. Но область возможнаго бытія, очевидно, не ограничена; мы можемъ представить себѣ безконечное множество тѣлъ, которыя по самому свойству внѣшняго бытія должны быть мыслимы не иначе, какъ протяженными (что напр. имѣетъ мѣсто въ геометріи); но для осуществленія такихъ представленій необходима умственная идея безконечнаго пространства. Такимъ образомъ мы можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ философовъ, которые безконечное пространство (и время) признаютъ формою не реальнаго, а возможнаго бытія.

Но значеніе разсматриваемаго нами понятія безконечнаго пространства не ограничивается тѣмъ, что оно есть субъективная форма одного только возможнаго бытія. Такъ какъ пространство и время суть необходимыя формы не только бытія, но и познанія ограниченнаго, какимъ только и можетъ быть наше человѣческое познаніе, то очень естественно ожидать, что эту единственно возможную для насъ гносеологическую форму мы станемъ прилагать и къ познанію того бытія, которое по существу своему не ограничено этою формою,—бытія абсолютнаго, вѣчнаго, божественнаго. Мы должны будемъ прилагать ее необходимо, такъ какъ иной формы познанія, кромѣ ограниченной, у насъ нѣтъ и такъ какъ для существа ограниченнаго и условнаго не можетъ быть доступно полное воспріятіе или созерцаніе вѣчнаго и безконечнаго. Но такъ какъ эта форма въ то же время не адекватна воспринимаемому содержанію, ибо безусловное не можетъ быть бытіемъ, ограниченнымъ временемъ и пространствомъ, то единственный способъ по возможности уничтожить эту не-адекватность состоитъ въ томъ, что мы, прилагая эту форму къ абсолютному, расширяемъ ее до безконечности и сколько возможно уравниваемъ ее съ нимъ, т. е. вѣчное и безконечное мыслимъ въ формѣ безконечно текущихъ моментовъ времени и безпредѣльнаго пространства. Съ этой точки зрѣнія безконечное время есть не что иное, какъ движущійся образъ или символъ неподвижной вѣчности, а безграничное пространство—образъ истинной безконечности. Отсюда видно, что

глубочайшаго основанія того явленія, что пространству и времени мы приписываемъ признакъ безконечности, мы должны искать не въ чемъ иномъ, какъ въ принадлежащей нашему уму идеѣ безконечнаго. Эта идея, составляющая преимущество высшей духовно-разумной природы человѣка, простираетъ свое вліяніе на всѣ познавательныя его силы, въ томъ числѣ и на способность представленія. Мы не только созерцаемъ, мыслимъ, но и представляемъ безусловное, вѣчное, неизмѣнное. Но какъ скоро мы *представляемъ* его, то не иначе можемъ сдѣлать это, какъ въ формахъ свойственныхъ представленію и бытію, которое посредствомъ его познается, т. е. въ временно-пространственныхъ формахъ, расширенныхъ до безконечности. Поэтому, если-бы мы бытіе безусловное мыслили даже какъ существо личное, то и тогда, представляя это существо, нѣкоторыя свойства его, напр. вѣчность и вездѣприсутствіе, мы должны представить себѣ въ видѣ безконечно идущихъ моментовъ времени и въ видѣ наполненія или проникновенія безконечнаго пространства. Хотя нашъ разумъ въ своихъ *понятіяхъ* возвышается надъ этою ступенью представленія и сознаетъ его неадекватность, но такъ какъ человѣкъ есть въ то же время не только мыслящее, но и представляющее существо, то онъ и не можетъ никогда освободиться и отрѣшиться отъ этой гносеологической формы. Безконечное пространство есть необходимая субъективная форма представленія истинно безконечнаго *).

Что касается до третьяго возраженія Спенсера, то оно имѣетъ слишкомъ мало прямаго отношенія къ вопросу о происхожденіи міра, чтобы на немъ стоило долго останавливаться, — и вообще поражаетъ своею странностью. Твореніе міра, утверждаетъ Спенсеръ, предполагаетъ бытіе самосущей, независимой отъ міра Силы—Творца міра; но самосуществованіе такой Силы не мыслимо; слѣдовательно, не мыслимо и твореніе міра. Подобнаго рода заключеніе, конечно, было бы справедливо, если бы предварительно была доказана вѣрность предшествующей посылки, такъ какъ твореніе міра можетъ имѣть смыслъ

*) Болѣе подробное разъясненіе вопроса о безконечности пространства и времени см. въ нашемъ изслѣдованіи „Пространство и время“ (Сочиненія В. Д. Кудрявцева-Платонова, т. 1. в. 2. стр. 210 и слѣд.).

только при предположеніи, что существуетъ высочайшая причина міра. Но входить въ обсужденіе вопроса о мыслимости или немыслимости существованія абсолютной, высочайшей причины бытія, которая не можетъ быть мыслима иначе какъ самосущею, такъ какъ она есть причина абсолютная и первая, — значило-бъ уклоняться въ сторону отъ ближайшаго предмета нашего изслѣдованія. Обоснованіе мысли о существованіи высочайшей самосущей причины бытія и, притомъ, понимаемой въ смыслѣ теизма, — есть дѣло такъ называемыхъ доказательствъ бытія Божія *). Для насъ достаточно здѣсь отмѣтить только противорѣчіе, въ которое впадаетъ Спенсеръ. Доказывая не мыслимость какого бы то ни было самосуществованія, будетъ ли то самосуществованіе матеріи міра или отличной отъ міра Силы **), онъ въ то же время со всею рѣшительностію утверждаетъ *положительное* существованіе абсолютнаго (хотя и непознаваемаго нами) бытія, на ряду съ бытіемъ условнымъ, — и въ этомъ поставляетъ отличительную черту своей философіи отъ обыкновеннаго скептицизма и позитивизма, который, утверждая только фактическое существованіе условнаго, отказывается признать достовѣрность существованія безусловнаго, считая его однимъ простымъ отрицаніемъ условности ***). Но какъ скоро допущена не только

*) О доказательствахъ бытія Божія см. рядъ нашихъ изслѣдованій въ „Правосл. Обозр.“ за 1884—1889 г. (Сочиненія В Д. Кудрявцева-Платонова, т. II. в. 3. стр. 205—509); ср. „Начальныя основанія философіи“, 1891, стр. 117—154.

**) Premiers Principes. p. 26, 27.

***) Полемизируя противъ ученія Гамильтона и Манселя, считавшихъ понятіе абсолютнаго простымъ отрицаніемъ понятности или простымъ несуществованіемъ бытія условнаго и относительнаго, Спенсеръ говоритъ: „Замѣтимъ прежде всего то, что всѣ умозаключенія, посредствомъ которыхъ намъ доказываютъ относительность познанія, уже отчетливо предполагаютъ положительное существованіе нѣкотораго предмета по ту сторону относительнаго. Говорить, что мы не можемъ познать абсолютнаго, значитъ уже тѣмъ самымъ просто утверждать, что есть абсолютное. Когда мы отрицаемъ возможность познанія сущности абсолютнаго, мы уже молча допускаемъ *существованіе* его и уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что абсолютное было присуще нашему духу, не какъ ничто или отрицаніе, но какъ нѣкоторая вещь... Ноуменъ, который обыкновенно противополагается феномену, повсюду и неизбѣжно мыслится какъ реальность. Совершенно невозможно понять, какимъ образомъ наши познанія могли бы имѣть своимъ предметомъ только явленія, не допуская и не понимая въ тоже время реальности, которой эти явленія

мыслимость, но и положительное существованіе абсолютнаго, безусловнаго, безотносительнаго, то совершенно невозможно понять, какимъ образомъ можетъ оказаться немыслимымъ самосуществованіе этого безусловнаго. Вѣдь сущность относительнаго и условнаго бытія въ томъ и состоитъ, что оно можетъ существовать не само собою, но только въ отношеніи къ какому-либо другому бытію, условливается имъ, какъ причиною своего бытія. Сущность бытія безусловнаго и безотносительнаго въ томъ и состоитъ, что оно, въ противоположность первому, можетъ существовать независимо отъ какого-либо отношенія къ другому, независимо отъ какихъ-либо условій или причинъ своего существованія. Быть абсолютнымъ и быть самосущимъ—одно и то же; съ уничтоженіемъ самосуществованія уничтожается и абсолютность; абсолютное становится условнымъ, существующимъ отъ другаго и подъ условіемъ другаго. Итакъ, одно изъ двухъ,—Спенсеръ, въ рѣзкое противорѣчіе съ самимъ собою, долженъ отвергнуть самое существованіе абсолютнаго, какъ положительной реальности, или признать его самосуществованіе, какъ не только вполнѣ мыслимый, но и реальный фактъ; а съ такимъ признаніемъ, очевидно, исчезаетъ вся сила его возраженія противъ ученія о твореніи міра.

Итакъ, изъ трехъ возраженій Спенсера противъ ученія о твореніи ни одно не можетъ быть признано состоятельнымъ. Остается только одна общая исходная мысль этихъ возраженій,—мысль о непонятности для нашего разума самаго акта творенія, какъ возникновенія чего-либо изъ ничего; опытъ не представляетъ ничего подобнаго и такой способъ происхожденія невообразимъ и непостижимъ для насъ. Эта же самая мысль

служатъ отображеніемъ“ (Premiers Princip. 77. 78). Въ другомъ мѣстѣ самъ Спенсеръ резюмируетъ окончательный выводъ своего изслѣдованія объ относительномъ и безотносительномъ такимъ образомъ: „Самое утвержденіе, что всякое познаніе относительно, заключаетъ въ себѣ скрытое утвержденіе, что существуетъ безотносительное... Относительное само по себѣ непонятно, если оно не находится въ отношеніи къ *реальному* безотносительному. Не допустивъ реальности безотносительнаго, мы должны бы признать, что самое относительное и есть абсолютное, въ чемъ заключается противорѣчіе...Вообще, намъ невозможно отдѣлаться отъ сознанія реальности, скрытой за видимостью явленій и изъ этой невозможности вытекаетъ наша неразрушимая вѣра въ эту реальность“. (85).

неоднократно высказывалась и другими противниками идеи творенія. Твореніе изъ ничего, говорятъ, рѣшительно не представимо и не мыслимо для насъ. Идея творенія собственно есть не философская, а религіозная идея; впервые высказана она въ бытописаніи Моисея. Если философы иногда и принимаютъ ее, то съ нѣкоторымъ самоотверженіемъ, какъ послѣднюю попытку объяснить начало міра, вынужденную несостоятельностью другихъ теорій. Понятіе творенія въ сущности есть понятіе отрицательное и только какъ такое можетъ быть допущено въ философіи. Оно выражаетъ лишь ту мысль, что міръ не образовался самъ собою, не есть формированіе только Богомъ готовой матеріи, не есть развитіе самой природы божественной, но произошелъ отъ Бога какимъ-то особымъ актомъ его Существа. Но въ чемъ состоитъ этотъ актъ, какъ возможно происхожденіе отъ Бога новой субстанціи, которая однакоже не есть его субстанція,—это теорія творенія оставляетъ въ полной темнотѣ. Ничто т. е. твореніе изъ ничего, заключаетъ Шеллингъ, есть самый тяжелый крестъ для разума.

Не отрицая въ принципѣ основной мысли, заключающейся въ этомъ возраженіи, мы должны замѣтить прежде всего, что непонятность или непостижимость даннаго факта или понятія сама по себѣ не можетъ служить основаніемъ къ отрицанію истины даннаго факта или понятія, какъ скоро находятся другія уважительныя основанія принять его. Непонятность вообще можетъ быть двухъ родовъ: простая *непредставимость* извѣстнаго факта или явленія, при данномъ состояніи нашихъ познаній,—и отсюда кажущаяся его невозможность; и *непостижимость*, какъ невозможность согласить его съ законами нашего мышленія, или съ неоспоримыми фактами нашего сознанія. Перваго рода непонятность—дѣло условное, и ни какъ не можетъ служить доказательствомъ невозможности чего-либо для насъ непредставимаго. Напр., до открытія силы тяготѣнія къ центру земли, люди ни какъ не могли понять, какимъ образомъ при шарообразности земли люди или предметы могли бы держаться на противоположной намъ сторонѣ ея, не обладая свойствомъ липкости или не будучи чѣмъ-либо прикрѣплены къ ея поверхности. Очевидно, что подобнаго рода непонятность естественно должна заключаться въ ученіи о тво-

реніи міра изъ ничего, такъ какъ при настоящемъ порядкѣ вещей, гдѣ онѣ происходятъ изъ данныхъ прежде причинъ или условій, мы не видимъ ничего подобнаго, а не видя и представить себѣ не можемъ. Но это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ къ отрицанію возможности первоначальнаго происхожденія вещей изъ ничего. „Нельзя не удивляться“, справедливо замѣчаетъ Милль въ своей Логикѣ, „что такая важность иногда придается обстоятельству немыслимости, когда столько опытовъ показываютъ, что наша способность или неспособность представить себѣ вещь заключаетъ въ себѣ очень мало общаго съ возможностью вещи самой въ себѣ; что она есть собственно дѣло весьма случайное и зависитъ отъ минувшей исторіи и привычекъ нашего ума. Въ человѣческой природѣ нѣтъ болѣе общепризнаннаго факта, чѣмъ испытываемое сначала крайнее затрудненіе представить себѣ что либо возможнымъ, что противорѣчитъ давнишнему и привычному опыту или даже укоренившимся привычкамъ мысли. И это затрудненіе есть необходимый результатъ основныхъ законовъ человѣческаго ума; даже самый изощренный умъ не свободенъ отъ общихъ законовъ нашей способности представленія... Исторія науки представляетъ замѣчательные примѣры того, что наиболѣе образованные люди отвергали нѣкоторыя вещи, какъ невозможныя по своей немыслимости, тогда какъ потомство этихъ людей нашло ихъ совершенно легко мыслимыми. Было время, когда люди чрезвычайно развитаго ума и наиболѣе освободившіеся отъ предразсудковъ не могли вѣрить существованію антиподовъ, не могли представить себѣ, вопреки прежнему сочетанію идей, силу тяжести дѣйствующею не внизъ, а вверхъ“ и т. п. *)

*) Милль, „Система Логики“. Пер. Лаврова. 1865. Т. 1, стр. 282 – 284. „Если бы что нибудь, теперь непостижимое нами, было показано намъ какъ фактъ, то, пожалуй, мы и сами нашли бы себя способными постигнуть его. Мы подвергались бы даже опасности впасть въ противоположную ошибку и признать отрицаніе этого факта непостижимымъ. Въ исторіи науки встрѣчается много случаевъ, когда то, что считалось однажды непостижимымъ и что постигать люди научились съ большимъ трудомъ, до такой степени отвердѣло потомъ въ узахъ неразрывной ассоціаціи, что люди науки стали думать, что одно это только и постижимо, а непостижимы именно противорѣчащія ему гипотезы, въ которыя вѣрило все человѣчество и въ которыя, вѣроятно, и до сихъ поръ вѣрить огромное большинство... Итакъ, непостижимость есть чисто

Но положимъ, говорятъ, непредставимое не есть еще невозможное. Тѣмъ не менѣе, возможность наглядно представить данный фактъ или явленіе есть важное достоинство нашей мысли, которое дѣлаетъ ее болѣе удобопріемлемою для разума, чѣмъ мысль, которая совершенно лишена этого качества. Въ этомъ отношенія другія теоріи происхожденія міра имѣютъ несомнѣнныя преимущества предъ ученіемъ о твореніи изъ ничего.

Правда, какъ дуалистическая, такъ и пантеистическая теоріи имѣютъ въ свою пользу нѣкоторыя аналогіи дѣйствительнаго происхожденія вещей въ мірѣ,—первая произведеніе человѣкомъ различныхъ вещей изъ даннаго матеріала, послѣдняя,—органическое развитіе. Здѣсь мы имѣемъ точки сближенія съ опытомъ, съ тѣмъ, что мы видимъ и что, какъ кажется намъ, понимаемъ *). Но очевидно, что этого рода понятность низшаго сорта, если можно такъ выразиться; это ясность представленія, сравненія, а не философскаго понятія. Съ этою понятностію или лучше,—наглядностью, мы переносимся съ высшаго на низшій уровень познанія, изъ сферы понятія въ сферу представленія. Если же придаемъ этому сравненію больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ, принимаемъ эти аналогіи серьезно и строго, то неминуемо впадаемъ, какъ то и случилось съ дуализмомъ и пантеизмомъ, въ противорѣчія и безвыходныя затрудненія. Мы ограничиваемъ Божество, — смѣшиваемъ его съ міромъ. Что выигрывается въ ясности представленія, то теряется въ истинѣ понятія.

условная вещь, возникающая отъ умственныхъ антецедентовъ человѣческаго духа въ нѣкоторый отдѣльный періодъ и не можетъ просвѣтить насъ относительно возможности въ природѣ чего-либо". Милль. Обзоръ философіи Гамильтона, стр. 62.

*) Хотя въ сущности каждый естественный процессъ происхожденія вещей для насъ далеко непонятенъ. На опытѣ мы видимъ только процессъ во времени чередующихся отдѣльныхъ фактовъ, но не самый способъ перехода ихъ изъ одного въ другой. Такъ, напримѣръ, въ химіи два тѣла соединяясь образуютъ новое, непохожее на нихъ тѣло; мы видимъ факты, но *какъ* и *отчего* образовалось новое тѣло, не понимаемъ. Точно также для насъ въ сущности непонятенъ и процессъ образованія растенія изъ сѣмени, животнаго изъ зародыша. Мы напрасно думаемъ, будто уясняя болѣе и болѣе подробности этого процесса (напр. въ эмбріологіи человѣка) и сопровождающія его внѣшнія условія, сколько нибудь подвигаемся въ дѣйствительномъ пониманіи сущности этого процесса.

Впрочемъ, что касается до аналогіи и вытекающей отсюда своего рода понятности или лучше—представимости предмета, то и теорія творенія не совершенно лишена этого достоинства. Въ области реальнаго бытія найдутся нѣкоторыя аналогіи и тому происхожденію чего либо изъ ничего, понятіе о которомъ такъ затруднительно для мысли. Обратите вниманіе на область болѣе совершеннаго, и потому болѣе близкаго къ всесовершенному, духовнаго бытія и на акты нашей ограниченной свободы. Если эта свобода не пустое слово, то каждый истинно свободный актъ не есть ли положеніе чего-либо новаго, не вытекающаго необходимо изъ прежде данныхъ условій. Не начинаемъ ли мы этимъ актомъ, по крайней мѣрѣ въ психической жизни, новаго ряда явленій, не условленныхъ ничѣмъ, кромѣ нашей свободы? Далѣе, совершеннѣйшія произведенія нашего разума и воли въ области науки, искусства, общественной жизни, ужели суть необходимые только результаты прежде данныхъ условій, простая ихъ комбинація, въ которую не вошло ничего новаго, кромѣ бывшихъ прежде? Не создаетъ ли здѣсь духъ человѣка въ его высшемъ развитіи, такъ называемый геній, чего-либо совершенно новаго,—не происходитъ ли и здѣсь нѣчто изъ ничего? Не вводятся ли здѣсь въ жизнь, если не новыя какія либо матеріальныя существа, то новыя идеи, новыя комбинаціи матеріальныхъ элементовъ, напр. въ созданіяхъ искусства и техники. Не даромъ актъ созданія геніальныхъ произведеній называютъ *творчествомъ*, терминомъ, которымъ обозначается абсолютное созданіе вещей Богомъ. Въ этомъ духовномъ творчествѣ мы, поэтому, вправѣ видѣть нѣкоторую аналогію съ процессомъ созданія изъ ничего.

Конечно, эта аналогія не должна имѣть значенія больше, чѣмъ сколько нужно для нѣкотораго уясненія дѣла; искать въ ней ключа къ объясненію самаго процесса творенія міра изъ ничего, въ области философскаго мышленія, было бы напраснымъ трудомъ. Принимая ее во всей строгости, мы натолкнулись бы на затрудненія, не меньшія тѣхъ, въ какія впадаетъ дуализмъ и пантеизмъ.

Кромѣ непонятности даннаго факта, зависящей отъ невозможности представить его наглядно, вслѣдствіе отсутствія аналогичныхъ съ нимъ явленій въ опытѣ, есть, какъ мы замѣ-

тили, еще другаго рода дѣйствительная непонятность, происходящая или отъ противорѣчія какой-либо мысли законамъ нашего разума, или отъ естественной неспособности нашего ограниченнаго разума обнять умомъ какой-либо фактъ, превышающій его силы. Мы не можемъ напр. понять, какъ какая-либо вещь можетъ существовать и не существовать, данное понятіе быть истиннымъ и въ то же время ложнымъ, какое либо явленіе имѣть причину и въ то же время не имѣть ея и т. п. Мы не можемъ понять своимъ ограниченнымъ разумомъ бытія абсолютнаго и неограниченнаго, потому что здѣсь нѣтъ соотвѣтствія между познающимъ и познаваемымъ; вполнѣ понять безконечное можетъ только существо безконечное; въ силу этого высочайшему Существу мы приписываемъ предикатъ *непостижимости*. Въ какомъ изъ этихъ двухъ отношеній можетъ быть названъ непонятнымъ актъ творенія? Очевидно, не въ первомъ; мы старались доказать, что мысль о твореніи міра не только не представляетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго разуму, но вполнѣ оправдывается съ точки зрѣнія здравой философіи. Итакъ, она можетъ заключать въ себѣ элементъ непостижимости только въ томъ отношеніи, что выражаетъ собою фактъ, по существу своему превышающій силу ограниченнаго, человѣческаго разумѣнія. Такой элементъ мы охотно признаемъ въ ученіи о твореніи и онъ дѣйствительно долженъ существовать въ немъ, въ силу того, что актъ творенія есть актъ воли абсолютной и всемогущей. Для насъ совершенно непонятно, *какъ* не сущее прежде становится сущимъ, какъ вслѣдствіе простаго акта божественной воли можетъ явиться бытіе отличное и отдѣльное отъ Бога по существу? Нѣтъ, по выраженію Шеллинга, никакого моста, по которому мы могли бы перейти отъ небытія къ бытію; такой переходъ можетъ быть мыслимъ только какъ внезапный актъ, непостижимый скачекъ (Sprung).

Но такого рода непостижимость акта творенія никакъ не можетъ служить препятствіемъ для принятія понятія о твореніи въ область философіи. Задача философіи не въ томъ, чтобы отвергать все непостижимое и усиливаться дѣлать понятнымъ то, что по существу не доступно для человѣческаго пониманія, но въ томъ, чтобы изъ возможныхъ рѣшеній извѣстнаго вопроса избирать то, которое представляется наиболѣе удовле-

творительнымъ для разума, хотя бы это рѣшеніе и не было полнымъ и окончательнымъ. Съ этой точки зрѣнія, теистическое рѣшеніе вопроса о происхожденіи міра есть единственно обязательное для разума. Мы видѣли, что другія рѣшенія совершенно несостоятельны; противъ нихъ стоитъ единственно возможная теорія, которую, несмотря на ея достоинство, можно упрекнуть лишь въ томъ, что объясняя *многое*, она не объясняетъ *всего* въ данномъ вопросѣ. Но что разумнѣе и обязательнѣе для разума: принять ли теорію, которая, хотя имѣетъ нѣкоторую темную сторону, но не противорѣчитъ ни мышленію, ни опыту; или допустить теоріи, которыя хотя на первый взглядъ кажутся болѣе ясными, но при ближайшемъ разсмотрѣніи ничего не объясняютъ, напротивъ, запутываются въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ? Теорія творенія міра въ сравненіи съ другими имѣетъ по крайней мѣрѣ ту понятную сторону, что вполнѣ удовлетворительно объясняетъ отношеніе производящей причины къ ея произведенію. Въ свободномъ творческомъ актѣ божественной воли мы находимъ достаточную причину происхожденія міра; такой актъ вполнѣ согласенъ какъ съ идеею о Богѣ, какъ Существѣ всесовершенномъ, такъ и съ понятіемъ о мірѣ. Законосообразность и гармонія въ мірѣ, равно какъ и существованіе въ немъ духовныхъ существъ (чего не можетъ объяснить матеріализмъ) находятъ свое основаніе въ высочайшемъ совершенствѣ Творца; а ограниченность міра и его недостатки (чего не можетъ объяснить пантеизмъ) объясняются отдѣльностью міра отъ Бога, какъ Его творенія, а не проявленія Его собственной природы.

Ученіе о твореніи міра упрекаютъ иногда въ томъ, что, основываясь главнымъ образомъ на указаніи недостатковъ другихъ теорій происхожденія міра, само страдаетъ тѣми же недостатками. Такъ, защитники творенія въ вину пантеизму ставятъ то, что онъ не можетъ объяснить происхожденія ограниченности, несовершенствъ и зла въ мірѣ. Міръ такой, каковъ онъ есть, не можетъ быть съ своими недостатками развитіемъ абсолютно совершенной субстанціи—Бога, слѣдовательно, онъ можетъ быть только Его твореніемъ. Но, говорятъ, и допуская идею творенія, вы ничего не выигрываете противъ пантеизма. Раждается вопросъ: какимъ образомъ Богъ— Существо всесовершенное могъ *создать* бытіе несовер-

шенное, съ возможностью появленія въ немъ зла? Если изъ несовершенствъ міра вы заключаете, что онъ не можетъ быть модификаціей Божества, то отсюда же вы должны заключать, что онъ не можетъ быть и Его твореніемъ, потому что несовершенное твореніе не достойно совершеннаго Творца.

Правда, и теорія творенія сама по себѣ и внѣ связи съ другими философскими понятіями не рѣшаетъ окончательно вопроса о происхожденіи несовершенствъ и зла въ мірѣ. Но, очевидно, несправедливо то, будто затрудненія, касающіяся примиренія несовершенства міра съ совершенствомъ Творца, одни и тѣ же и для пантеизма и для теизма. Иное дѣло сказать, что самыя несовершенства міра суть видоизмѣненія или проявленія божественной природы, и иное дѣло признать, что они заключаются въ бытіи совершенно отличномъ и отдѣльномъ отъ Бога. Въ послѣднемъ случаѣ предполагается возможность объяснить ихъ изъ самихъ особенностей сотвореннаго бытія, какъ сотвореннаго; въ первомъ— такая возможность рѣшительно исключается. Въ самомъ дѣлѣ, теорія творенія устраняетъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ самыхъ важныхъ, неразрѣшимыхъ для пантеизма, вопросовъ,— о такъ называемой конечности или ограниченности міра. Трудно понять, какимъ образомъ абсолютное могло принять на себя формы ограниченія; но вполнѣ понятно, что міръ, какъ *твореніе*, долженъ не быть божествомъ, слѣдовательно, долженъ былъ явиться ограниченнымъ; иначе онъ долженъ бы быть тожественъ съ Богомъ. Такимъ образомъ уже въ самомъ понятіи творенія заключается рѣшеніе вопроса объ его ограниченности; а если съ понятіемъ ограниченности необходимо соединяется мысль и о его несовершенствѣ, въ сравненіи съ абсолютно совершенною природою Творца, то вотъ мы имѣемъ ключъ и къ объясненію несовершенствъ въ мірѣ, — ключъ, который совершенно затерянъ въ пантеизмѣ. Теорія творенія сама по себѣ не рѣшаетъ только вопроса о происхожденіи въ мірѣ такихъ несовершенствъ, которыя зависятъ не отъ одной только ограниченности его, но и отъ другихъ, не вытекающихъ прямо изъ понятія ограниченности, причинъ,—то есть теорія творенія не объясняетъ намъ происхожденія нравственнаго зла въ мірѣ. Но и здѣсь она подаетъ нѣкоторую надежду на объясненіе этого явленія, тогда какъ въ пантеизмѣ, отри-

цающемъ отдѣльное отъ абсолютнаго бытіе вещей, мы должны отъ нея отказаться. Эта надежда заключается въ понятіи относительной самостоятельности и свободы, которая составляетъ принадлежность разумныхъ существъ въ мірѣ; здѣсь мы можемъ найти независимый отъ Бога по своему происхожденію источникъ нравственнаго зла.

IV.

Опыты примиренія теистическаго ученія о твореніи съ другими теоріями происхожденія міра.

Въ предыдущемъ нашемъ изслѣдованіи о происхожденіи міра мы остановились на теистической теоріи творенія, какъ на единственной, вполнѣ соотвѣтствующей истинному понятію о Богѣ и мірѣ и свободной отъ тѣхъ противорѣчій, къ которымъ ведутъ другія теоріи. Но, съ одной стороны, мы не скрыли, что и теорія творенія заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя таинственныя стороны и сама по себѣ, внѣ связи съ другими философскими понятіями, не устраняетъ окончательно различныхъ, вытекающихъ изъ нея недоразумѣній. Съ другой, каждая изъ односторонихъ теорій мірообразованія выставляетъ въ свою пользу нѣкоторыя преимущества сравнительно съ идеею твòренія, чтò и служитъ причиною, что эти теоріи не исчезаютъ окончательно изъ исторіи философской мысли, но возникаютъ вновь при благопріятныхъ обстоятельствахъ, хотя въ измѣненномъ и болѣе соотвѣтствующемъ научнымъ требованіямъ данной эпохи видѣ. Отсюда естественно, среди мыслителей, въ общемъ принципѣ держащихся теистическаго міросозерцанія, возникали попытки примирить этотъ принципъ съ тѣмъ, что казалось удобопріемлемымъ и заслуживающимъ вниманія въ другихъ теоріяхъ. Эти попытки представлялись тѣмъ болѣе желательными, что нѣкоторыя односторонніе теоріи (напр. матеріализмъ и идеализмъ) выдавали себя за необходимый результатъ или эмпирической науки или послѣдовательной философіи. Согласить теистическую теорію съ другими, выдающими себя за истинно-научныя и истинно-философскія, — значило не только придать ей новую силу, но и

устранить тотъ часто выставляемый противъ нея упрекъ, что допускаемая ею идея творенія изъ ничего есть собственно не научная и не философская, а религіозная идея.

Мы указали на три главныя одностороннія теоріи происхожденія міра: матеріалистическую, дуалистическую и пантеистическую. Представимъ теперь опыты соглашенія теизма съ каждою изъ этихъ теорій.

I. Что между чистымъ матеріализмомъ, отрицающимъ самое существованіе Божества, и теизмомъ не можетъ быть никакой точки соприкосновенія и сближенія, это понятно само собою. Но мы замѣтили, что, въ виду крайней несостоятельности матеріализма въ объясненіи начала міра и въ виду сближенія съ требованіями религіознаго сознанія и здраваго философскаго мышленія, матеріализмъ, особенно въ настоящее время и въ кругу естествоиспытателей, принимаетъ часто ту форму, которую мы назвали *натурализмомъ* и который отличается отъ матеріализма тѣмъ, что соглашается допустить для объясненія начала міра нѣкоторое трансцедентное начало, отличное отъ физическихъ силъ и матеріи. Что касается до дальнѣйшаго за тѣмъ, дѣйствительнаго хода міробразованія, то и натурализмъ представляетъ его совершающимся по естественнымъ законамъ, ни чѣмъ уже не отличаясь здѣсь отъ матеріализма.

Начало такого примиренія между теизмомъ и матеріализмомъ, давшаго въ результатѣ натурализмъ, положено въ философіи такъ называемыми *деистами* прошлаго столѣтія *). Оставимъ въ сторонѣ вопросъ: были ли вполнѣ искренними деисты въ своемъ, повидимому, коренномъ разногласіи съ матеріалистами относительно абсолютной и первой причины бытія,—въ чемъ заставляетъ иногда сомнѣваться ихъ явное сочувствіе матеріализму, отсутствіе сколько-нибудь ясной полемики противъ него и ожесточенная вражда многихъ изъ нихъ противъ христіанства,—или признаніе Бога высочайшею причиною міра было лишь уступкою общественному мнѣнію и силѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для открытой проповѣди матеріализма. Предположимъ самый лучшій и

*) Къ числу ихъ принадлежатъ Англичане: Гербертъ, Болингброкъ, Толандъ, Коллинсъ, Тиндаль и др.; Французскіе энциклопедисты: Вольтеръ, Дидро, Руссо и др.

истинно философскій мотивъ деизма: съ одной стороны, убѣжденіе въ несостоятельности матеріализма и въ необходимости признать высочайшую, разумную причину міра, съ другой, вынуждаемую будтобы состояніемъ современнаго естествознанія необходимость допустить естественный ходъ мірообразованія безъ всякаго вмѣшательства какой-либо сверхъестественной силы. Какъ согласить эти требованія? Дѣло это казалось не труднымъ. Стоило только ограничить сколько возможно активную, творческую дѣятельность Бога, предоставить Ему лишь созданіе первоначальнаго вещества міра (матеріи) и коренныхъ ея законовъ и силъ, и отнести затѣмъ на долю „природы“ весь дальнѣйшій процессъ мірообразованія,—допустить minimum творенія и maximum естественнаго происхожденія вещей. Міръ образовался механически, самъ собою, по своимъ естественнымъ законамъ, какъ скоро въ веществѣ и его движеніи были даны условія для этого образованія. Богъ нуженъ былъ только какъ исходная точка мірообразованія и затѣмъ отстранялся, какъ совершенно ненужная гипотеза, при объясненіи дальнѣйшаго хода его. Хотя самое названіе деизмъ и деисты, повидимому, принадлежитъ уже исторіи философіи, но, по своей основной мысли, деистическое воззрѣніе на происхожденіе міра живо и до сихъ поръ, особенно въ кругу естествоиспытателей, чувствующихъ несостоятельность матеріализма и необходимость для объясненія факта существованія міра признать выходящую изъ ряда матеріальныхъ условій причину его происхожденія. Но, вѣрный основной мысли прежняго деизма, современный естествознательный натурализмъ, не только не имѣетъ предъ нимъ никакого преимущества, но напротивъ, что касается до сближенія съ теизмомъ, отстоитъ отъ него гораздо дальше, чѣмъ прежній. Прежній деизмъ, говоря о Богѣ, какъ Творцѣ матеріи и ея силъ, имѣлъ въ виду дѣйствительное понятіе о Богѣ, какъ оно дано было въ религіозномъ и философскомъ сознаніи того времени. Творческая причина міра есть существо личное, всесовершенное; оно такъ премудро и искусно заложило основы машины міра, что она затѣмъ и безъ его помощи сама собою организовалась въ настоящій міръ. Новѣйшій натурализмъ далекъ отъ такого понятія о Богѣ. Онъ соглашается допустить только совершенно неизвѣстную, туманную, неопредѣ-

ленную, трансцедентную причину міра, не входя въ дальнѣйшее разъясненіе сущности и свойствъ этой причины. Эта причина недоступна никакому „научному“ изслѣдованію, непознаваема и самая непознаваемость ея уже освобождаетъ нашъ умъ отъ всякой обязанности имѣть о ней какое-либо опредѣленное понятіе. И въ этой непознаваемости, къ удивленію, нѣкоторые (напр., Спенсеръ) думаютъ найти точку сближенія и соглашенія съ религіознымъ сознаніемъ, которое будто утверждаетъ тоже самое въ своемъ ученіи о непостижимости Божества!

Но самая существенная и характеристическая особенность теизма въ томъ и состоитъ, что началомъ и первопричиною всѣхъ вещей онъ ставитъ не неопредѣленное и непознаваемое нѣчто, но Существо живое, личное и всесовершенное, хотя и непостижимое въ его сущности. И если можетъ быть рѣчь о какомъ-либо примиреніи естествознательнаго натурализма съ теизмомъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ признанія такого именно Существа высочайшею причиною міра.

Но возможно ли такое примиреніе? На первый взглядъ оно кажется не только возможнымъ, но даже желательнымъ и необходимымъ въ виду существующаго антагонизма между современною наукою и религіею. Повидимому, въ понятіи о Богѣ, какъ Существѣ всесовершенномъ, не измѣнится ничего, если мы будемъ понимать твореніе какъ единственный и первоначальный только актъ созданія матеріи съ ея силами, предоставивъ затѣмъ дальнѣйшее мірообразованіе ходу естественныхъ законовъ природы. Между тѣмъ и наука будетъ вполнѣ удовлетворена, если мы въ область таинственнаго и сверхчувственнаго отнесемъ только происхожденіе первыхъ основъ міроваго бытія (матеріи и силы), о происхожденіи которыхъ она ничего не знаетъ и ничего сказать не можетъ, а затѣмъ все остальное предоставимъ чисто научному, свободному отъ всякаго сверхчувственнаго элемента, знанію.

Но при болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло оказывается, что эта надежда на примиреніе научнаго и теистическаго воззрѣнія на происхожденіе міра не осуществима. Прежде всего, для такого примиренія мы должны бы пожертвовать истиннымъ понятіемъ о Богѣ. Съ точки зрѣнія этого примиренія, твореніе мы должны понимать какъ единичный, моментальный,

такъ сказать, актъ жизни Божества, послѣ котораго, Богъ по отношенію къ міру оставался бы совершенно недѣятельнымъ, предоставившимъ образованіе міра естественному дѣйствію матеріи съ ея силами. Что такое понятіе о Богѣ недѣятельномъ, праздномъ зрителѣ естественнаго мірообразованія, несогласно съ понятіемъ о вѣчно живой и вѣчно дѣйствующей природѣ Божества, само собою понятно. Богъ проявляетъ свойство творчества не только на одинъ, опредѣленный и неповторяющійся послѣ моментъ своего бытія. Правда, во многихъ системахъ теизма допускается та мысль, что творческой дѣятельности Бога положенъ предѣлъ съ окончательнымъ созданіемъ настоящаго міра и что затѣмъ эта дѣятельность перешла въ промыслительную, состоящую въ сохраненіи созданнаго и управленіи имъ; отсюда Промыслъ называютъ иногда „продолжающимся твореніемъ“. Но эта мысль, очевидно, не можетъ говорить въ пользу деизма и натурализма, такъ какъ она имѣетъ въ виду лишь дѣятельность Бога *по окончаніи* творенія существующаго міра, а нисколько не предрасполагаетъ къ мысли, что самый процессъ мірообразованія можетъ быть ограничиваемъ созданіемъ только первыхъ основъ міроваго бытія,—матеріи и силы, безъ дальнѣйшаго участія Божества въ дѣлѣ міротворенія. Не говоримъ о томъ, что, ограничивая творческую, въ собственномъ смыслѣ, дѣятельность Божества созданіемъ настоящаго міра, деизмъ, въ виду понятія о Богѣ, какъ вѣчно живомъ и дѣятельномъ Существѣ, необходимо долженъ допустить продолженіе этой дѣятельности („продолжающееся твореніе“) въ формѣ Промысла. Но отъ такого представленія, какъ извѣстно, съ полною рѣшительностію отказываются деизмъ и натурализмъ, считая несовмѣстимымъ съ понятіемъ естественной законосообразности міра вліяніе на его жизнь какого-либо сверхчувственнаго начала. Такимъ образомъ Богъ, во всякомъ случаѣ, остается „праздднымъ зрителемъ“ сотвореннаго имъ міра,—точка зрѣнія, при которой невозможно соглашеніе между натурализмомъ и теизмомъ *).

*) Впрочемъ мысль о совершенномъ прекращеніи творческой (въ собственномъ смыслѣ) дѣятельности Божества съ созданіемъ настоящаго міра и о переходѣ ея въ промыслительную,—мысль,основанная преимущественно на богословскомъ ученіи о твореніи міра, требуетъ нѣкотораго разъясненія. Какъ

Но можетъ быть мы становимся на ложную точку зрѣнія, когда думаемъ рѣшать вопросъ о способѣ творенія міра Богомъ, исходя изъ апріорной идеи Божества и отсюда устраняя возможность вполнѣ естественнаго мірообразованія за ис-

---

извѣстно, основаніемъ для этой мысли служитъ свидѣтельство Бытописателя, что въ день седьмый Богъ почилъ *отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, которыя дѣлалъ* (Быт. 2, 2). На этомъ основаніи богословская мысль въ сотвореніи существующаго міра видитъ „послѣдній предѣлъ творенія". Впослѣдствіи же Богъ, хотя а) производитъ новыя твари, но не новые виды твореній; б) продолжаетъ твореніе сохраненіемъ законовъ естества, но не постановленіемъ новыхъ; в) новотворитъ въ царствѣ благодати (2 Кор. 5, 17), промышляетъ въ царствѣ природы (Митр. Филарета, Записки на книгу Бытія. 1819, стр. 43, 44). Эмпирическимъ доказательствомъ въ пользу прекращенія творческой дѣятельности Божества, въ точномъ смыслѣ, можетъ служить то, что по созданіи міра не появляется на землѣ никакихъ новыхъ существъ и твореній и даже возможность появленія ихъ въ будущемъ, при существующихъ законахъ природы, представляется невѣроятною. Но выраженіе въ прошедшемъ времени: отъ всѣхъ дѣлъ, которыя *дѣлалъ* (ст. 3, которыя Богъ *творилъ и созидалъ*), не дозволяетъ ли отнести понятіе о прекращеніи творческой дѣятельности Божества лишь къ созданному міру съ его существующими твореніями, не предрѣшая вопроса о возможности или невозможности проявленія творческой дѣятельности въ послѣдующее за тѣмъ и будущее время? При томъ же, Священное Писаніе, свидѣтельствуя о покоѣ Божіемъ по созданіи міра, въ то же время ясно учитъ о созданіи новаго неба и новой земли. *Прежнее небо и прежняя земля,* говоритъ Тайновидѣцъ, *миновали и моря уже нѣтъ... се творю все новое* (Апок. 21, 1. 4. 5). Трудно предположить, чтобы это явленіе новаго неба и земли было только естественнымъ видоизмѣненіемъ настоящаго строя природы съ теченіемъ времени, безъ участія особаго, *творческаго,* въ собственномъ смыслѣ, акта. Что касается до эмпирическаго доказательства невозможности возникновенія во вселенной новыхъ существъ, то оно далеко не имѣетъ рѣшающаго значенія. Оно, конечно, вѣроятно по отношенію къ нашей землѣ и къ данному состоянію земнаго шара. Но если согласиться съ астрономіей, что вселенная не представляетъ собою совершенно законченнаго цѣлаго, что въ необозримомъ множествѣ небесныхъ тѣлъ многія находятся въ процессѣ образованія и на различныхъ стадіяхъ его, если предположимъ далѣе, что для каждаго изъ этихъ образующихся небесныхъ тѣлъ можетъ настать моментъ, въ который сложатся благопріятныя условія для возникновенія какихъ либо новыхъ, можетъ быть, живыхъ и разумныхъ существъ, если за тѣмъ, далѣе, въ самомъ разнообразіи строенія небесныхъ тѣлъ мы можемъ предположить возможность появленія на нихъ не только подобныхъ земнымъ, но и совершенно новыхъ *видовъ* существъ, — то вмѣстѣ съ этимъ мы принуждены будемъ признать и возможность новаго проявленія творческой силы Божества, если не желаемъ допустить матеріалистической теоріи механическаго мірообразованія и самопроизвольнаго зарожденія (gen. aequivoca). Впрочемъ, согласить высказанную нами мысль о воз-

ключеніемъ основныхъ только и простыхъ элементовъ, служащихъ только исходными его началами? Не правильнѣе ли будетъ, если мы обратимъ вниманіе на дѣйствительное происхожденіе вещей въ мірѣ и наблюдаемый нами способъ этого происхожденія аналогически перенесемъ и къ происхожденію всего міра вообще? Что же говорятъ намъ факты дѣйствительнаго происхожденія вещей? Мы видимъ, что возникающія существа міра не творятся каждый разъ Богомъ непосредственно, но происходятъ или рождаются сами собою по установленнымъ законамъ природы. Конечно, такое происхожденіе вещей необходимо предполагаетъ данныя, существующія первоначально условія этого происхожденія — матерію, силы и законы природы. О происхожденіи этихъ коренныхъ и первичныхъ условій мы ничего не знаемъ и объяснить ихъ происхожденіе естественнымъ путемъ не можемъ; поэтому мы вправѣ предположить, что эти первичныя условія всякаго бытія о происхожденіи вещей обязаны своимъ возникновеніемъ какой-либо трансцедентной причинѣ, иначе,— созданы Богомъ. Но что касается до дальнѣйшаго происхожденія міра изъ этихъ условій, то допускать послѣдующее участіе творческой силы въ процессѣ мірообразованія представляется дѣломъ излишнимъ. Такой процессъ, по аналогіи съ дѣйствительнымъ процессомъ происхожденія вещей одной отъ другой, мы должны понимать какъ вполнѣ естественный процессъ,—допуская на-

---

можности новыхъ актовъ творческой дѣятельности Божества съ мыслію о невозможности появленія во вселенной *новыхъ видовъ* тварей не представится затруднительнымъ, если допускаемое и богословіемъ произведеніе *новыхъ тварей* будемъ понимать не въ узкомъ смыслѣ простаго повторенія существующихъ типовъ ихъ (напр. созданіе душъ по теоріи креаціонизма), но въ смыслѣ преобразованія и видоизмѣненія данныхъ типовъ творческою силою,— преобразованія, настолько значительнаго, что, по своему несходству съ настоящимъ, они въ несобственномъ смыслѣ могутъ назваться новыми твореніями; таково, напр. новое небо и новая земля грядущихъ временъ. Что же касается до мысли о возможности возникновенія новыхъ тварей во вновь организующихся астральныхъ мірахъ, то мысль о такого рода мірахъ есть не болѣе какъ гипотеза, которая не можетъ служить сильнымъ возраженіемъ противъ мысли о невозможности появленія во вселенной *новыхъ видовъ* тварей. Противъ этой гипотезы можетъ быть выставлена другая, что, при единствѣ законовъ природы, вновь возникающія на астральныхъ тѣлахъ существа будутъ не совершенно новые виды ихъ, но только видоизмѣненія тѣхъ же типовъ, какіе и нынѣ существуютъ во вселенной.

чало творенія міра, мы, какъ говорятъ, должны допустить послѣдующее самотвореніе его.

Подобнаго рода разсужденіе мы могли бы признать вѣрнымъ, еслибы въ немъ не смѣшивалось послѣдующее происхожденіе вещей—одной отъ другой съ первоначальнымъ ихъ возникновеніемъ; но здѣсь есть существенная разница, недозволяющая аналогіи между тѣмъ и другимъ. Въ обыкновенномъ естественномъ происхожденіи однѣхъ вещей изъ другихъ, каждая вновь возникающая вещь не есть какое либо абсолютно новое существо или новая вещь, возможность которой не была дана въ предыдущихъ; здѣсь въ сущности не появленіе новаго, но только повтореніе прежняго, совершающееся по законамъ. Для объясненія такого, разъ установившагося, теченія жизни природы нѣтъ нужды прибѣгать каждый разъ къ особому акту творческой дѣятельности. Растеніе, напр., образуется изъ сѣмени, повторяя типъ прежняго растенія; животное рождается отъ подобнаго себѣ; различныя явленія въ мірѣ неорганическомъ чередуются одно за другимъ, не представляя собой ничего новаго, чего бы и прежде не встрѣчалось въ жизни природы,—по крайней мѣрѣ ничего такого, что было бы абсолютно новымъ явленіемъ, а не новою комбинаціею только извѣстныхъ феноменовъ природы. Но какъ *первоначально* возникли тѣ существа природы, которыя затѣмъ продолжаютъ свое бытіе, повторяясь въ преемственности индивидуумовъ, по законамъ природы? Откуда появилось первое сѣмя, первое растеніе, первое животное даннаго типа? Откуда первоначально образовались тѣ законосообразныя взаимоотношенія силъ и законовъ природы, которыя сдѣлали возможнымъ повтореніе тѣхъ или иныхъ аналогичныхъ явленій природы, при тѣхъ же условіяхъ? Здѣсь, очевидно, неумѣстна смутная аналогія съ дѣйствительнымъ происхожденіемъ существъ въ настоящее время; мы не имѣемъ права сказать, что и первоначально существа произошли такъ же, какъ они происходятъ теперь, т. е. одно отъ другаго. Здѣсь нужно положительно *доказать*, что и первоначальное возникновеніе существъ происходило такимъ же или подобнымъ образомъ одно отъ другаго, какъ и теперь они происходятъ.

Но критика матеріализма ясно показала намъ всю невозможность объясненія происхожденія міра естественнымъ путемъ

даже при томъ предположеніи, что даны первоначальныя условія мірообразованія—матерія и сила. То обстоятельство, что эти условія не самобытно существуютъ (какъ допускаетъ матеріализмъ), но созданы Богомъ, нисколько не можетъ помочь дѣлу. Что бы изъ этихъ условій, самъ собою, естественно могъ образоваться міръ, нужно предположить, что въ самой матеріи и первоначальной силѣ механическаго движенія заключалась уже возможность дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія и преобразованія въ безконечно различныя существа и явленія природы, какія мы теперь видимъ. Но это немыслимо. Сила механическаго движенія не могла сама собою дифференцироваться въ различныя, нынѣ дѣйствующія, силы природы, постепенно выступавшія въ исторіи міра, въ силы, напримѣръ, свѣта, тепла, электричества и пр. Тѣмъ менѣе могла она дать себѣ тѣ разнообразные законы дѣйствія каждой изъ нихъ, какіе мы теперь видимъ. Мы не можемъ обойтись безъ того, чтобы въ первоначальномъ возникновеніи каждой изъ этихъ силъ съ спеціальными законами ея дѣйствія не видѣть творческаго акта высочайшаго Существа. Конечно, въ видахъ сближенія естествознательнаго натурализма съ теизмомъ мы могли бы допустить, что первоначально созданъ Богомъ не одинъ общій субстратъ міроваго бытія,— матерія и не одна какая-либо универсальная первичная сила, но множество качественно различныхъ элементовъ природы и разнообразныхъ силъ ея. Но на такую мирную уступку въ пользу теизма едвали согласится натурализмъ. При томъ же, допустивъ это, мы могли бы, и то не безъ труда, объяснить естественное происхожденіе неорганической природы. Говоримъ — не безъ труда, потому что одного простаго факта существованія различныхъ элементовъ, силъ и законовъ природы далеко недостаточно для объясненія того порядка вещей, какой мы теперь видимъ. Нужна нѣкоторая, высшая ихъ, *единая* и разумная сила, которая такъ скомбинировала и уравновѣсила эти элементы и силы, чтобы отсюда образовалось то стройное и цѣлесообразно устроенное цѣлое, которое мы называемъ міромъ. Безъ этого случайное взаимодѣйствіе и борьба силъ природы могла бы разрѣшиться нестройнымъ хаотическимъ движеніемъ, безъ всякой возможности законосообразнаго развитія. Но, кромѣ природы неорганической, существуетъ органическая и духовная,

заключая въ себѣ чрезвычайно разнообразные виды живыхъ и одушевленныхъ существъ. Такъ какъ эти существа не могли первоначально образоваться изъ однихъ элементовъ неорганической природы, то происхожденіе ихъ мы можемъ объяснить не иначе, какъ посредствомъ особаго акта творческой силы. А такъ какъ, по свидѣтельству естествознанія, эти существа появились не всѣ вдругъ, но постепенно и при томъ черезъ долгіе промежутки времени, то мы, очевидно, должны допустить не одинъ первоначальный, но нѣсколько послѣдовательныхъ творческихъ актовъ, по мѣрѣ появленія во вселенной живыхъ существъ, мы должны признать созданіе Богомъ не однихъ только первичныхъ элементовъ вселенной, но послѣдовательное твореніе опредѣленныхъ міровыхъ существъ.

Конечно, утверждая мысль о неоднократномъ послѣдовательномъ проявленіи творческой силы Божества въ созданіи міра, мы идемъ вопреки той широко распространенной естествознательной теоріи новѣйшаго времени, которая извѣстна подъ именемъ эволюціонизма и самымъ блестящимъ представителемъ которой служитъ Дарвинъ. По крайней мѣрѣ въ области органической природы она рѣшительно отвергаетъ необходимость допускать актъ сверхъестественнаго творенія для каждой вновь возникавшей на землѣ породы органическихъ существъ, объясняя ихъ происхожденіе крайне медленнымъ и постепеннымъ преобразованіемъ одной породы въ другую. Не входя здѣсь въ критическій разборъ этой теоріи *), что отклонило бы насъ отъ ближайшаго предмета нашего изслѣдованія, скажемъ лишь нѣсколько словъ о попыткѣ примиренія ея съ теистическимъ воззрѣніемъ на происхожденіе міра.

Начало этой попытки положено уже самимъ Дарвиномъ. Утверждая вполнѣ естественное образованіе органическихъ существъ онъ однакоже соглашается допустить, что „всѣ органическія существа, когда-либо жившія на землѣ, вѣроятно, произошли отъ одной первичной формы, въ которую первые вдохнулъ жизнь Творецъ“ **). Серьезно ли высказалъ эту мысль Дарвинъ или въ видѣ аккоммодаціи къ религіозному

*) Этотъ разборъ сдѣланъ нами въ нашемъ изслѣдованіи: „О происхожденіи органическихъ существъ. Теорія трансформаціи“ (см. выше, стр. 116 и слѣд.).

**) О происхожденіи видовъ. Пер. Рачинскаго. 382.

ученію о твореніи *), во всякомъ случаѣ можно представить, что эволюціонная теорія не до такой степени идетъ въ разрѣзъ съ этимъ ученіемъ, чтобы невозможно было примиреніе съ нимъ. Если мы допускаемъ, напр., вполнѣ естественное развитіе человѣческаго организма изъ простаго, безформеннаго, микроскопическаго зародыша, то почему не можемъ мы допустить подобнаго же естественнаго развитія и для всѣхъ органическихъ существъ въ совокупности, признавая, конечно, что первая сила такого развитія, первая органическая форма создана Богомъ. Но на самомъ дѣлѣ скоро оказывается, что подобное примиреніе теизма и эволюціонизма не можетъ удовлетворить ни защитниковъ перваго, ни приверженцевъ послѣдняго.

Дѣйствительно, для тѣхъ, кто признаетъ одно твореніе, самъ собою представляется вопросъ: если для объясненія происхожденія органическаго царства необходимо допустить сверхъестественный актъ творческой силы, почему мы должны ограничивать этотъ актъ созданіемъ только одной первичной органической формы? Почему не могли быть созданы изначала и многія органическія существа? Ограничивать творческую дѣятельность Божества созданіемъ одного или не многихъ простыхъ первоорганизмовъ и не признавать созданія многихъ, болѣе совершенныхъ, значитъ допускать логическую непослѣдовательность. Напротивъ, принимая первоначальное созданіе Богомъ многихъ органическихъ существъ,—родоначальниковъ извѣстныхъ породъ растеній и животныхъ, мы не только не повредимъ тому, что есть вѣрнаго въ дарвинизмѣ (объясненіе происхожденія разновидностей въ предѣлахъ данной породы), но и устранимъ тѣ неразрѣшимыя затрудненія, въ которыхъ запутывается эта теорія.

Еще менѣе представленный нами способъ примиренія теизма съ эволюціонизмомъ можетъ удовлетворить защитниковъ послѣдней теоріи. И они вправѣ съ своей точки зрѣнія видѣть въ этомъ примиреніи логическую непослѣдовательность. Дарвинъ, замѣчали они, былъ не вѣренъ себѣ, когда, признавая естественное образованіе всѣхъ породъ, допускалъ сверхъестественное происхожденіе одной, первоначальной. И эта

*) Говорятъ, что въ послѣднемъ изданіи своего сочиненія Дарвинъ выпустилъ слова: „въ которую вдохнулъ жизнь Творецъ“.

первоначальная форма произошла также естественнымъ путемъ, чрезъ самопроизвольное зарожденіе изъ неорганической матеріи. Хотя такое происхожденіе и не есть несомнѣнно удостовѣренный для настоящаго времени фактъ, но оно должно быть принято какъ необходимый постулятъ всей теоріи естественнаго образованія органическаго царства *).

Такимъ образомъ стоило сдѣлать въ теоріи Дарвина только ничтожную перемѣну, которую, вѣроятно, не сталъ бы оспаривать слишкомъ и самъ Дарвинъ, и которая вытекала сама собою послѣдовательно изъ его собственной теоріи, чтобы она потеряла то, слабое, впрочемъ, примирительное значеніе между теизмомъ и атеизмомъ въ объясненіи природы, какое оставляла за собою, допуская актъ творенія въ самомъ началѣ органической жизни, и оказалась чисто матеріалистическою гипотезою. Понятно, поэтому, отчего она съ такимъ торжествомъ и сочувствіемъ была встрѣчена при своемъ появленіи именно матеріалистами **).

Вообще, примиреніе теизма съ натурализмомъ, частнѣе, съ тою его формою, которая преобладаетъ въ настоящее время— съ эволюціонизмомъ, невозможно, пока онъ будетъ сохранять свой матеріалистическій характеръ, какой онъ принялъ въ ближайшее къ намъ время **). Для такого примиренія, кромѣ

---

*) Таково мнѣніе Негелли, Фохта, Геккеля и др. I. B. Meyer. Phil. Zeitfragen. 92, 93.

**) Такъ, напримѣръ, К. Фохтъ такъ оцѣниваетъ значеніе изслѣдованій Дарвина: „Слѣдствія этого ученія во всякомъ случаѣ страшны для извѣстнаго направленія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію: Дарвинова теорія совершенно изгоняетъ личнаго Творца и его повременное вторженіе въ ходъ творенія и въ происхожденіе породъ, такъ какъ она дѣйствію Творца не даетъ ни малѣйшаго мѣста. Какъ скоро дана первая исходная точка,—первый организмъ, то изъ нея посредствомъ естественнаго подбора сама собою развивается органическая жизнь чрезъ всѣ геологическіе періоды по простымъ законамъ наслѣдственности. Не возникаетъ никакой новой породы и не исчезаетъ старой вслѣдствіе творческаго вмѣшательства; естественное теченіе вещей достаточно для произведеній всѣхъ явленій". Vorles. üb. d. Menschen. 1863. См. Fabri, Briefe g. d. Materialismus, 245.

***) Хотя такой характеръ навязанъ ей матеріалистами, желавшими эксплуатировать ее въ свою пользу, но вовсе не вытекаетъ изъ сущности эволюціонной гипотезы. Въ своемъ изслѣдованіи „О происхожденіи органическихъ существъ" (М. 1883 г.) мы старались показать, что эволюціонная гипотеза, въ томъ видѣ, какъ она изложена у Дарвина, только по недоразумѣнію мо-

того, необходимо существенное видоизмѣненіе эволюціонной гипотезы происхожденія органическихъ породъ и ограниченія ея предѣлами естественнаго возникновенія лишь разновидностей данной природы. Такое видоизмѣненіе нисколько не противорѣчитъ ни теистическому воззрѣнію на происхожденіе міра, ни тому, что есть вѣрнаго и научно обоснованнаго въ этой гипотезѣ. Съ точки зрѣнія теизма вполнѣ допустимо, что первоначально созданы Богомъ, послѣдовательно, по мѣрѣ образованія земнаго шара и благопріятныхъ физическихъ условій для жизни той или другой органической породы, различные основные типы или породы растеній и животныхъ. Но за тѣмъ каждая порода, будучи неизмѣнною въ своихъ типическихъ особенностяхъ, можетъ претерпѣвать различныя несущественныя видоизмѣненія отчасти въ силу измѣняющихся внѣшнихъ вліяній,—климата, перемѣны мѣста жительства, пищи и пр., отчасти въ силу присущей организмамъ способности самостоятельно развиться до извѣстныхъ предѣловъ и примѣняться къ данной средѣ. Отсюда и могутъ возникать, безъ особаго каждый разъ творческаго акта, различныя видоизмѣненія одной и той же породы. Такъ, напр., единый по природѣ человѣческій родъ, первоначально созданный Богомъ, вслѣдствіе вліянія климатическихъ и другихъ условій, могъ образовать различныя расы, отличающіяся каждая особымъ цвѣтомъ кожи, строеніемъ черепа, формою волосъ и пр.

Что касается до эволюціонной гипотезы, то освободившись отъ явно несостоятельныхъ попытокъ во что бы то ни стало произвести всѣ роды животныхъ и растеній отъ одной органической первоформы, она сохранитъ свое научное значеніе въ гораздо болѣе скромной и тѣсной области, именно—въ области происхожденія разновидностей въ предѣлахъ данной породы. Въ этой органической области могутъ пригодиться, въ случаѣ подтвержденія наукою, и столь тщательно собранные Дарвиномъ и его послѣдователями факты и наблюденія надъ измѣнчивостію организмовъ, и его ученіе о естественномъ и половомъ подборѣ и о борьбѣ за существованіе.

жетъ быть названа матеріалистическою, такъ какъ она невозможна безъ скрытаго предположенія телеологически дѣйствующаго въ природѣ разума (Стр. 93—96).

Правда, противъ такой попытки ограничить гипотезу Дарвина и согласить ее съ теизмомъ указываютъ иногда на ея неосуществимость. Ссылаются на то обстоятельство, что понятія рода, вида, разновидности далеко не установлены наукою, что границы ихъ не могутъ быть опредѣлены съ точностью. Отсюда, съ одной стороны, никакъ нельзя научнымъ образомъ указать—какія породы принадлежатъ къ первоначальнымъ (слѣдовательно, созданнымъ Богомъ) и какія къ производнымъ; съ другой—при неустойчивости границъ между родомъ, видами, разновидностями невозможность перехода ихъ одного въ другой не можетъ быть доказана научно. Все это отчасти справедливо; въ этомъ отношеніи можно согласиться съ тѣми естествоиспытателями, которые одною изъ заслугъ Дарвина считаютъ ту, что онъ съ особенною тщательностью выяснилъ неудовлетворительность существующихъ понятій о родѣ, видѣ, разновидности. Очень можетъ быть и то, что именно вслѣдствіе изслѣдованій Дарвина и возбужденныхъ имъ сомнѣній многія породы или виды животныхъ и растеній будутъ признаны не болѣе, какъ разностями одного первоначальнаго вида. Но недостатокъ научной точности въ классификаціи родовъ и видовъ въ настоящее время можетъ говорить только о необходимости исправить его, но нисколько не опровергаетъ подтверждаемой несомнѣнными фактами мысли о существованіи неизмѣнныхъ, не производныхъ органическихъ типовъ, назовемъ ли мы ихъ породами, родами или видами. Опредѣлить точное число ихъ—дѣло естествознанія. Во всякомъ случаѣ, исправленіе частныхъ ошибокъ въ этомъ отношеніи, посредствомъ перенесенія нѣкоторыхъ родовъ или видовъ въ разрядъ разновидностей или наоборотъ, не можетъ поколебать того основнаго факта, что существующія неизмѣнныя породы растеній и животныхъ не могутъ сами собою произойти изъ одной, даже изъ нѣсколькихъ немногихъ, простѣйшихъ органическихъ формъ; для объясненія ихъ возникновенія мы должны допустить сверхъ-естественный творческій актъ.

---

2. Какъ не можетъ быть никакого прямаго примиренія между матеріализмомъ и теизмомъ, точно также не можетъ быть подобнаго примиренія между теизмомъ и второю изъ

подлежавшихъ нашему разсмотрѣнію ложныхъ теорій мірообразованія — дуалистическою. Богъ не можетъ быть истиннымъ Богомъ и Творцемъ міра, какъ скоро ему противополагается самосущее, отличное отъ него начало въ видѣ совѣчной ему матеріи. Но какъ въ первомъ случаѣ, какъ мы видѣли, нѣкоторымъ философамъ казалось возможнымъ такое примиреніе путемъ косвеннымъ, черезъ видоизмѣненіе чистаго матеріализма въ деистическій натурализмъ, допускавшій первоначальное созданіе Богомъ самостоятельно дѣйствующей за тѣмъ матеріи съ имманентными ей силами, такъ подобнаго же рода соглашеніе казалось нѣкоторымъ возможнымъ и по отношенію къ дуализму. Это соглашеніе могло быть достигнуто такимъ образомъ, что второе міровое начало, которое въ чистомъ дуализмѣ являлось, то какъ самобытная матерія, то какъ самостоятельное существо (Ариманъ—Зендавесты), лишалось своего самостоятельнаго значенія, признавалось бытіемъ, первоначально происшедшимъ отъ Бога; но затѣмъ оно являлось уже въ качествѣ самостоятельно дѣйствующаго принципа, втораго міротворящаго начала на ряду съ верховною первопричиною бытія; оно играло почти ту же роль, какъ созданная Богомъ матерія или природа въ натурализмѣ. Какъ самыя теоріи происхожденія міра, исходящія изъ такого воззрѣнія, такъ и мотивы появленія ихъ въ философіи довольно разнообразны; но такъ какъ въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ одна мысль,—о необходимости для объясненія процесса міробытія допустить, кромѣ высочайшей причины міра, нѣкоторое второе, посредствующее между нимъ и міромъ начало творенія, то всѣ подобнаго рода теоріи мы вообще можемъ назвать *теоріями посредствованнаго творенія*.

Первоначальный источникъ подобнаго рода теорій — ученіе Платона о душѣ міра, какъ посредствующей между верховнымъ божествомъ и міромъ мірообразующей сущности. По его ученію, Богъ (*ὁ δημιουργὸς*) прежде созданія міра имѣлъ передъ собою, съ одной стороны, міръ идей, съ другой— матерію; первый представлялъ собою бытіе неподвижное, неизмѣняемое, вѣчное; вторая — постоянно измѣнчивую, безпорядочную, неустроенную массу; изъ идей и матеріи долженъ былъ возникнуть видимый нами міръ. Но для такого возникновенія прежде всего нужно было нѣчто посредствующее, чрезъ

что возможно было бы общеніе и взаимопроникновеніе обоихъ элементовъ—идеальнаго и матеріальнаго. Такимъ посредствующимъ началомъ и служитъ для Платона *душа* (*ψυχή*) *міра*. Она есть не только мыслящее, но и организующее, оживляющее матерію начало. Безъ души не могъ бы возникнуть міръ, какъ упорядоченное и самодвижущееся органическое тѣло. Поэтому діміургъ прежде всего образовалъ душу міра, смѣшавъ идеальные и матеріальные элементы. Эта міровая душа есть основаніе и источникъ всякаго правильнаго и законосообразнаго движенія во вселенной, преимущественно выражающагося въ стройномъ теченіи астральныхъ тѣлъ; она есть все производящая міровая сила и вмѣстѣ идеальный принципъ единства міра,—его сознаніе, при помощи котораго и цѣлый міръ является не какъ механическое цѣлое, но какъ живое, одушевленное разумомъ существо (*ζῶον ἔμψυχον, ἔννουν*) *).

Платонова мысль о необходимости для объясненія происхожденія міра допустить посредствующее между Богомъ и матеріею начало, выразившаяся въ его, довольно впрочемъ неопредѣленномъ въ частностяхъ, ученіи о міровой душѣ, получило дальнѣйшее развитіе въ позднѣйшихъ, состоявшихъ подъ его вліяніемъ, системахъ. Съ особенною ясностію эта мысль выразилась въ ученіи Филона. Чтобы согласить абсолютную возвышенность Бога надъ міромъ съ ограниченностію міра, Филонъ считаетъ необходимымъ допустить существованіе между нимъ и міромъ нѣкоторыхъ посредствующихъ сущностей, которыя онъ называетъ силами (*δυνάμεις*), хотя при ближайшемъ опредѣленіи этихъ силъ у него не достаетъ устойчивости и ясности. То онъ описываетъ ихъ, какъ свойства божества, какъ идеи или мысли Бога, какъ части всеобщей, управляющей въ мірѣ силы и разума; то изображаетъ ихъ какъ служителей, посланниковъ и свиту Божества, какъ исполнителей Его воли, какъ души, какъ ангеловъ и демоновъ. Согласить другъ съ другомъ оба эти представленія, дать ясный отвѣтъ о личности этихъ силъ, невозможно. Кромѣ того, всѣ эти силы —существа у Филона объединяются еще въ одной— *логосѣ*. Логосъ—посредникъ между Богомъ и міромъ, всецѣло

*) Ученіе Платона о душѣ міра изложено въ Тимеѣ. Ср. также Федра, p. 105. 245, и Законы, X. 891.

обнимающій въ себѣ отношеніе между божествомъ и міромъ; онъ мудрость и разумъ Бога, идея, обнимающая всѣ идеи, сила, обнимающая всѣ силы; онъ намѣстникъ и посланникъ Бога, органъ міротворенія и міроправленія, высшій изъ ангеловъ, первородный сынъ Бога, второй Богъ (*δεύτερος θεὸς*, въ отличіе отъ *ὁ θεος*). Онъ первообразъ міра и сила, которая все созидаетъ въ немъ, душа, которая одѣвается тѣломъ міра, какъ одѣяніемъ. Но вопросъ о личности логоса остается у Филона въ томъ же неопредѣленномъ положеніи, какъ и вопросъ вообще о личности его силъ *). У Плотина вмѣсто одного посредствующаго между Богомъ и міромъ начала (душа—Платона, логосъ—Филона) является нѣсколько, нисходящихъ по ступенямъ совершенства, такихъ началъ. Первое произведеніе Первосущества есть *νοῦς*, источникъ и область идей, творецъ идеальной множественности формъ, какъ единое первосущество — творецъ бытія вообще; произведеніемъ ума является душа міра, которая въ свою очередь производитъ вторую душу, иначе называемую природою (*φύσις*); только послѣдняя соединена съ тѣломъ міра также, какъ наша душа съ нашимъ тѣломъ.

Особенное оживленіе неоплатоническія идеи о посредствующихъ между Богомъ и міромъ существахъ получили въ первый вѣкъ христіанства въ гностицизмѣ, подъ вліяніемъ отчасти дуалистическихъ восточныхъ воззрѣній, отчасти превратно истолкованнаго христіанскаго ученія о Словѣ Божіемъ. Въ большей части гностическихъ сектъ отъ высочайшаго божественнаго существа отличается *деміургъ*, какъ второстепенное божественное, творческое начало міра; это начало, то представляется въ видѣ добраго, хотя и ограниченнаго въ своихъ совершенствахъ, принципа міробытія, то изображается началомъ не только несовершеннымъ, но и злымъ, напоминая собою Персидское понятіе объ Ариманѣ и христіанское о діаволѣ. У другихъ гностиковъ, вмѣсто одного деміурга, вводятся цѣлые ряды посредствующихъ между верховнымъ Божествомъ и міромъ существъ, подъ различными наименованіями; иные— признаютъ міръ твореніемъ низшихъ духовныхъ существъ —

*) Целлеръ, Очеркъ исторіи Греч. философіи, 1886. 272, 273.

ангеловъ *). Нестройное смѣшеніе религіозныхъ языческихъ и христіанскихъ элементовъ съ неоплатоническими представленіями и преобладаніе фантазіи надъ строгимъ и здравымъ мышленіемъ дѣлаютъ малоцѣнными въ философскомъ отношеніи эти гностическія воззрѣнія; въ результатѣ остается лишь общая, объединяющая ихъ, мысль о необходимости для объясненія процесса мірообразованія допустить посредствующее между Богомъ и міромъ существо или нѣсколько такихъ существъ.

Въ новой философіи идеи, подобныя неоплатоническимъ и гностическимъ, также находятъ себѣ защитниковъ. Такъ извѣстный физикъ прошлаго столѣтія, Лихтенбергъ, сочувственно относится къ мысли о посредствованномъ твореніи. „Я не могу повѣрить“, говоритъ онъ, имѣя въ виду несовершенства и бѣдствія на землѣ, „чтобы можно было доказать, что мы созданы высочайшимъ существомъ, а не произведены, можетъ быть, для препровожденія времени, какимъ либо очень несовершеннымъ существомъ... Много уже лѣтъ тому назадъ я думаю, что міръ можетъ быть дѣломъ какого либо подчиненнаго существа и теперь не могу отказаться отъ подобной мысли. Было бы глупостью думать, будто такой міръ, въ которомъ не было бы никакой печали, ни болѣзни, ни смерти

*) Такъ напр., по ученію Керинѳа (ок. 115 г. по Р. Хр.) отъ высочайшаго истиннаго Бога должно отличать Іудеями почитаемаго Бога, который и сотворилъ міръ. Ученіе объ истинномъ Богѣ возвѣстилъ намъ Іисусъ Христосъ, одинъ изъ эоновъ, посланный въ міръ для освобожденія его отъ владычества Бога Іудеевъ. По ученію Маркіона (ок. 160 г.), отъ высочайшаго Бога должно отличать діміурга и космократора, — Бога Іудеевъ, сотворившаго міръ и правящаго имъ. Этотъ діміургъ, въ противоположность высочайшему Богу, есть существо, хотя и правосудное, но не благое, такъ какъ онъ виновникъ всякаго зла въ мірѣ, жестокъ и измѣнчивъ въ своемъ образѣ дѣйствій. Іисусъ Христосъ посланъ въ міръ верховнымъ Божествомъ, чтобы освободить міръ отъ этого космократора. У Василида (равно какъ и у Валентина) встрѣчаемъ цѣлые ряды посредствующихъ между высочайшимъ Богомъ и міромъ существъ; сначала нусъ, затѣмъ логосъ, фронисисъ и такъ далѣе до ангеловъ различныхъ степеней, которые и образовали міръ; глава послѣднихъ и есть Богъ Іудеевъ. По мнѣнію Сатурнина (равно какъ и Карпократа), міръ сотворенъ не самимъ Богомъ, но семью ангелами, принадлежащими къ низшимъ служебнымъ существамъ, по ихъ образу и подобію; Богъ Іудеевъ есть одинъ изъ этихъ ангеловъ. О гностикахъ см. Ueberweg, Grundriss d. Geschichte d. Philosophie. 1873. II, p. 26—35.

не возможенъ и что настоящій есть наилучшій и единственно возможный. Такъ мы представляемъ себѣ міръ небесный, и еслибы высочайшее существо было творцемъ нашего міра, то и онъ, конечно, былъ бы такимъ же. Говорить о времени испытанія и о постепенномъ образованіи человѣчества, какъ о цѣли настоящихъ несовершенствъ міра, значитъ мыслить о Богѣ очень по человѣчески и говорить пустыя слова. Почему не могутъ существовать различныя степени духовъ, восходя до Божества, и нашъ міръ не можетъ быть дѣломъ одного изъ нихъ? Почему онъ не можетъ быть попыткою, явившеюся вслѣдствіе не полнаго еще знанія истины и не полнаго могущества? Я имѣю въ виду какъ нашу землю, такъ и всю солнечную систему; туманныя пятна, которыя видѣлъ Гершель, суть можетъ быть не что иное, какъ такія же пробныя попытки, недоконченныя и не доработанныя произведенія“ *). Въ самомъ дѣлѣ, если у человѣка есть способность и сила производить различные предметы, напр. зданія, машины, соотвѣтствующіе его уму и силамъ, и недостатки этихъ произведеній не могутъ падать на Бога, то отчего же не быть такой же способности и силѣ, но, конечно, въ высшей степени, соотвѣтственно высшей природѣ, и у другихъ духовныхъ существъ,—и міры не суть ли ихъ произведенія, недостатки которыхъ свидѣтельствуютъ только объ ограниченности ихъ творцевъ, но не падаютъ на Бога, высочайшаго Творца міра?

Кромѣ прямыхъ и открытыхъ теорій посредствованнаго творенія существуютъ въ новой философіи и другаго рода, сходныя по основной идеѣ, попытки, для объясненія происхожденія міра ввести между Богомъ и реально существующимъ міромъ нѣкоторое посредствующее начало, при помощи котораго объяснялось бы возникновеніе въ мірѣ такихъ явленій, которыя, повидимому, трудно согласить съ признаніемъ непосредственнаго творенія. Такимъ посредствующимъ началомъ является самъ міръ, но, конечно, не въ его феноменальномъ эмпирическомъ существованіи, но въ предшествующей этому существованію идеальной формѣ, какъ міровая субстанція или идея міра. Главная уважительная причина, по которой, по мнѣ-

*) Лихтенбергъ у Дробиша въ его: Grundlehren der Religionsphilosophie. 1840. p. 141, 142.

нію философовъ, раздѣляющихъ это воззрѣніе *), необходимо допустить „содѣйствіе самой твари къ творенію“, какъ бы „самотвореніе конечнаго бытія“, заключается въ относительной, подтверждаемой и фактами исторіи мірообразованія, самостоятельности міроваго развитія. Къ этому присоединяется и другой, не менѣе важный мотивъ, — невозможность согласить съ признаніемъ непосредственнаго творенія существованіе свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зла, какъ одного изъ обнаруженій этой свободы. Если Богъ, говорятъ, есть абсолютный и единственный Творецъ міра, то все въ мірѣ вполнѣ не только по матеріи, но и по формѣ бытія должно происходить отъ Бога. Богъ долженъ не только опредѣлить къ бытію вещи, но и тѣ законы и формы, по которымъ и въ которыхъ обнаруживается ихъ жизнь. Но съ такимъ признаніемъ уничтожается понятіе свободы, потому что, такъ называемыя, свободныя дѣйствія вытекаютъ изъ самаго существа и законовъ человѣческой природы, которые опредѣлены къ бытію именно въ такой, а не иной формѣ Самимъ Богомъ.

Чтобы уклониться отъ этого вывода, необходимо допустить, что міръ имѣетъ свое бытіе съ его свойствами не исключительно отъ Бога, и только отъ него одного, но столько же изъ себя и чрезъ себя самого. Богъ есть только основаніе *возможности* существующаго конечнаго бытія, но свою *дѣйствительность* оно получаетъ само изъ себя, посредствомъ свободнаго саморазвитія. Такъ какъ условленное первоначально въ своей возможности Богомъ міровое бытіе принимаетъ такую или иную опредѣленную форму существованія само собою, между тѣмъ, какъ оно могло бы принять и иную,— то оно свободно и потому цѣлый, условливаемый черезъ этотъ актъ избранія, процессъ дѣйствительнаго бытія мы также должны признать свободнымъ. Отсюда, если въ этомъ процессѣ конечное бытіе явится съ несовершенствами и зломъ, то, очевидно, источникомъ этихъ несовершенствъ и зла будетъ самъ міръ; зло входитъ въ него безъ содѣйствія Божія. Такимъ образомъ коренной и глубочайшій источникъ зла бу-

*) Weisse, Idee d. Gott. Gottheit. s. 280 et sq. Marheineke, Dogm. § 230, 233. 234. K. Fischer, въ Zeitschrift f. d. Phil. 3 B. 1 Heft. Sengler, Idee Gottes. II Th. 357. Ramang, System. d. Religionslehre. 322. 323.

детъ заключаться не въ Богѣ, а въ премірномъ, предшествующемъ опредѣленному, временному бытію міра актѣ свободы конечнаго бытія,—иначе,—въ свободномъ избраніи и желаніи міровой субстанціи или идеи стать именно такимъ, а не инымъ реальнымъ міромъ. Точно также легко и удобно съ точки зрѣнія разсматриваемой нами теоріи происхожденія міра рѣшается и столь спорный и затруднительный вопросъ о свободѣ человѣка. Какъ извѣстно, въ этомъ вопросѣ нашъ умъ наталкивается на неразрѣшимое противорѣчіе между эмпирически дознанною несвободою человѣческихъ дѣйствій, подчиненныхъ закону причинной связи въ мірѣ явленій, по которой каждое дѣйствіе *необходимо* условливается предшествующимъ, и необходимо требуемымъ нравственными интересами признаніемъ свободы воли и самоопредѣляемости въ человѣкѣ. Но это противорѣчіе разрѣшается признаніемъ трансцедентной свободы и эмпирической несвободности конечнаго бытія, къ области котораго принадлежитъ человѣкъ. Дѣйствія человѣка, какъ индивидуума, какъ эмпирическаго явленія вполнѣ опредѣляются его умопостигаемымъ, трансцедентнымъ характеромъ, съ которымъ онъ является въ міръ, — и въ этомъ отношеніи онъ несвободенъ. Но почему человѣкъ является съ такимъ, а не инымъ нравственнымъ характеромъ, зависитъ отъ того направленія, какое онъ принялъ въ домірной, трансцедентной области бытія, актомъ свободнаго избранія. Такимъ образомъ человѣкъ долженъ быть названъ и свободнымъ, какъ ноуменъ, по своей трансцедентной натурѣ, и несвободнымъ, какъ феноменъ, по своей эмпирической сторонѣ, опредѣляемой въ своемъ существѣ актомъ его трансцедентной свободы.

Что же такое это трансцедентное, домірное „конечное бытіе“ вообще, обладающее свойствомъ самоопредѣленія, эта субстанція или саморазвивающаяся идея, стоящая между Богомъ и міромъ и условливающая дѣйствительное бытіе послѣдняго? Черты для болѣе конкретнаго опредѣленія этого посредствующаго между абсолютнымъ и реальнымъ бытіемъ начала дала абсолютная, діалектически развивающаяся идея Гегеля, послѣдователями котораго, такъ называемой *правой стороны*, старавшимися согласить его философію съ теизмомъ, и принадлежитъ разматриваемая нами теорія. Послѣдователи Ге-

геля этого направленія не могли не признать силы возраженій, направленныхъ противъ его ученія объ абсолютномъ, не могли не замѣтить, что его діалектически саморазвивающееся абсолютное не есть истинное абсолютное, не есть Богъ въ точномъ смыслѣ, но пантеистическое міровое начало. Но между тѣмъ, не отказываясь отъ излюбленной ими философіи, они не могли отказаться отъ этого, такъ стройно и логически саморазвивающагося, начала. Какъ поступить, чтобы сохранить это начало и въ то же время согласить его существованіе съ признаніемъ истинно абсолютнаго въ смыслѣ теизма, съ признаніемъ дѣйствительнаго, отличнаго отъ міра, а не пантеистическаго Бога? Оставалось одно, — выше Гегелевскаго мнимо-абсолютнаго и надъ нимъ поставить истинное абсолютное,—личнаго и живаго Бога. Гегелево абсолютное было разжаловано; его діалектически развивающаяся идея сошла на низшее мѣсто, явилась производною идеею, не абсолютнаго, а конечнаго бытія, происшедшею отъ Бога, хотя и сохранила всѣ тѣ преимущества саморазвитія, какія имѣла у Гегеля. Такимъ образомъ совершилось примиреніе его философіи съ теизмомъ, въ которомъ, по пословицѣ, остались и волки сыты и овцы цѣлы. Абсолютная идея Гегеля осталась со всѣми формами ея развитія, но оказалась идеею не абсолютнаго, а конечнаго, самоопредѣляющагося въ данныя формы бытія. Понятіе саморазвитія, которое у Гегеля есть столько же саморазвитіе, сколько имманентная идеѣ необходимость, видоизмѣнено и усилено привнесеніемъ понятія свободы и дѣйствительнаго самоопредѣленія къ такому именно, а не иному образу бытія.

Что касается до болѣе конкретныхъ представленій объ этомъ саморазвивающемъ бытіи и до терминовъ, которыми оно обозначается у различныхъ философовъ, то намъ нѣтъ нужды входить здѣсь въ подробности, такъ какъ основная мысль у всѣхъ ихъ одна и та же, — именно мысль о необходимости, кромѣ творенія міра Богомъ, признать его „самотвореніе“, въ формѣ свободно и независимо отъ него развивающейся міровой идеи или сущности. Такъ напр. Рейфъ называетъ эту міротворящую сущность *логосомъ*, подъ которымъ разумѣетъ абстрактную или идеальную сущность человѣка, самодѣятельно возникающую изъ божественнаго безразличнаго единства и стремящуюся къ

самосознанію. Описываемые Гегелевой философіею процессы развитія абсолютной идеи въ природѣ и духѣ становятся здѣсь процессами развитія этого идеальнаго существа человѣка или логоса. „Человѣкъ“, говоритъ Рейфъ, „долженъ взять на себя страданіе и дѣйствованіе въ міроразвитіи. Богъ самъ по себѣ есть вѣчное, неподвижное единство. Богъ не подлежитъ быванію, не развивается, какъ бы мы ни назвали это развитіе— вѣчнымъ ли (что будетъ прямымъ противорѣчіемъ) или временнымъ. Богъ есть настолько это вѣчное единство, что самъ по себѣ не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ абсолютному акту воли (такъ называетъ иначе Рейфъ логосъ, какъ сущность идеальнаго человѣка). Твореніе и развитіе міра есть дѣйствіе человѣческой свободы; въ мірѣ ничего нѣтъ и ничего не случается, что не вытекало бы изъ существа человѣка и въ чемъ мы не могли бы узнать самихъ себя. Это дѣйствіе— начало всѣхъ вещей, возвысилось изъ вѣчнаго Бога, построило изъ себя міръ, создало исторію нашего рода; мы видимъ его раскрытымъ предъ нами въ природѣ и оно же встрѣчается нами въ борьбѣ и дѣлахъ человѣчества“ *). „Идея творенія“, говоритъ Ноакъ, „тожественна съ понятіемъ логоса, то есть *я*, которое въ началѣ міроразвитія выступаетъ какъ реальный, полный по своимъ задаткамъ, принципъ, а въ заключеніе является какъ свободное, въ себѣ и для себя сущее самопознаніе, какъ индивидуальный духъ“ **).

Что сказать объ общей мысли, лежащей въ основаніи представленныхъ нами попытокъ, ввести, для объясненія міротворенія посредствующее между Богомъ и міромъ начало, какъ бы оно ни называлось различными философами,—душею міра, диміургомъ, міровою идеею, логосомъ и пр? Прежде всего должно замѣтить, что эмпирическое и раціональное наблюденіе надъ свойствами и явленіями самого міра не даетъ намъ никакихъ непосредственныхъ указаній на такое начало. Если бы это начало реально существовало, то мы вправѣ были бы ожидать, что оно выразитъ свое бытіе въ какой-либо особой, спеціальной формѣ, съ одной стороны отличной отъ творче-

*) System. d. Willensbest.

**) Specul. Religionsviss. 498. Цит. у Каринскаго въ его: „Критич. обзоръ посл. періода Германской философіи“, 1873, стр. 98.

скаго и промыслительнаго воздѣйствія высочайшей причины міра, съ другой—отъ эмпирическихъ причинъ, которыми опредѣляется происхожденіе и жизнь міровыхъ существъ. Но такого спеціальнаго воздѣйствія посредствующаго между Богомъ и міромъ начала опытъ указать не можетъ. Слѣдовательно, признаніе такого начала не есть результатъ наблюденія надъ ходомъ міровой жизни, но вынужлено чисто метафизическими требованіями объяснить какія-либо, трудно объяснимыя при признаніи непосредственнаго творенія, свойства и явленія міра. Итакъ, мы должны обратить вниманіе на эти требованія и посмотрѣть, на столько ли они настоятельны, чтобы вести къ предположенію какого-либо посредствующаго между Богомъ и міромъ міротворящаго принципа и удовлетворяются ли онѣ признаніемъ его.

Что касается до Платонова ученія о міровой душѣ, служащаго прототипомъ всѣхъ подобнаго рода воззрѣній, то оно слишкомъ тѣсно связано съ его ученіемъ объ идеяхъ и матеріи, чтобы имѣть какое-либо значеніе внѣ круга его философіи, тѣмъ болѣе, что оно представляетъ неудачную попытку устранить существенные недостатки этой философіи. У Платона собственно три принципа міробытія: Богъ, область самосущихъ идей, отношеніе которыхъ къ высочайшему существу крайне неопредѣленно, и матерія, понятіе о которой также не отличается ясностію. При рѣзкой противоположности между міромъ идей и матеріею, Платону казалось необходимымъ ввести между ними какое-либо посредствующее начало, которое онъ и думалъ найти въ міровой душѣ. Замѣтимъ при этомъ, что самая мысль о міровой душѣ, вынужденная недостатками его собственной философіи, недостаточно имъ выяснена и закрыта разными фантастическими образами, что и привело къ противорѣчащимъ взглядамъ на нее историковъ философіи. Такъ, одни изъ нихъ приписываютъ ей не только разумъ, но и сознаніе, другіе отожествляютъ ее съ математическимъ закономъ природы, преимущественно, астрономическимъ, а нѣкоторые (какъ Целлеръ), можетъ быть справедливѣе, замѣчаютъ, что самый вопросъ о личности міровой души для Платона еще не возникалъ *). Болѣе опредѣленные мотивы признанія посред-

*) Целлеръ, Очеркъ исторіи Греческой философіи. Пер. М. Некрасова, 1886, стр. 124.

ствующаго между Богомъ и міромъ творческаго начала выступаютъ въ ученіи о немъ гностиковъ и неоплатониковъ. Этихъ мотивовъ два: желаніе наполнить бездну, отдѣляющую высочайшее, премірное Существо отъ конечнаго и ограниченнаго матеріальнаго міра рядомъ посредствующихъ между ними существъ и, за тѣмъ, попытка объяснить при помощи этихъ существъ происхожденіе несовершенствъ и зла въ мірѣ. Для насъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ интересъ лишь второй мотивъ. Что касается до вопроса: должны ли мы лѣстницу восходящихъ по ступенямъ совершенства міровыхъ существъ ограничить человѣкомъ, какъ послѣднимъ проявленіемъ духовноразумнаго начала во вселенной, или имѣемъ право допустить ряды высшихъ, посредствующихъ между нимъ и Богомъ, существъ, то этотъ вопросъ имѣетъ самостоятельное, серьезное значеніе и смыслъ, хотя рѣшеніе его не имѣетъ ничего общаго съ тою странною и фантастическою амальгамою Іудейскихъ и христіанскихъ понятій, идей Греческой философіи и восточныхъ представленій, какую мы встрѣчаемъ у гностиковъ и неоплатониковъ. Что же касается до мысли, будто введеніемъ посредствующихъ между Богомъ и міромъ существъ выясняется для насъ происхожденіе несовершенства и зла въ мірѣ, то не трудно замѣтить ея несостоятельность. Она одинаково будетъ несостоятельною, станемъ ли мы считать эти существа пантеистическими эманаціями существа высочайшаго, къ чему склоняется большинство представленныхъ нами теорій, или самостоятельными, отдѣльными отъ Бога и созданными имъ, существами. Въ первомъ случаѣ пониманіе несовершенствъ міра ни сколько не облегчается тѣмъ, станемъ ли полагать ихъ источникъ ближе или дальше отъ существа высочайшаго, такъ какъ они одинаково будутъ *истеченіями изъ того же начала*, модификаціями единаго абсолютнаго. Въ послѣднемъ случаѣ происхожденіе несовершенствъ и зла въ мірѣ, повидимому, сбъясняется удобнѣе, такъ какъ созданное Богомъ существо въ силу самой своей ограниченности и не полнаго могущества и совершенства естественно должно произвести и міръ несовершенный. Но на самомъ дѣлѣ, съ метафизической точки зрѣнія, такимъ предположеніемъ ничего не выигрывается для объясненія причины несовершенствъ міроваго бытія. Въ самомъ дѣлѣ, если посредствующее между Богомъ и міромъ существо,

назовемъ ли его димiургомъ, ангеломъ, душей міра или иначе, *создано* Богомъ, то оно входитъ въ общее понятіе міра, какъ совокупности бытія сотвореннаго, ео ipso ограниченнаго; оно часть міра, одно изъ существъ его, первоначально произведенное Богомъ, какъ орудіе возникновенія другихъ существъ. Очевидно, и по отношенію къ этому первосуществу возникаетъ тотъ же вопросъ, какой имѣетъ мѣсто и относительно эмпирически даннаго міра: какимъ образомъ отъ абсолютно совершеннаго Творца могло явиться начало или существо несовершенное и ограниченное сравнительно съ нимъ? По отношенію къ понятію о Богѣ въ сущности все равно, представимъ ли мы его творящимъ прямо ограниченный и несовершенный міръ, или ограниченное существо, производящее въ свою очередь еще болѣе ограниченное и несовершенное произведеніе,—эмпирическій міръ. Вопросъ о причинѣ ограниченности міра нисколько не устраняется съ признаніемъ надмірнаго посредствующаго принципа, но только отодвигается отъ міра и переносится на этотъ принципъ.

Что касается до новѣйшихъ теорій творенія при помощи посредствующаго между эмпирическимъ міромъ и абсолютнымъ начала, какое именованіе оно ни носило бы, то оставивъ въ сторонѣ тотъ чисто историческаго свойства мотивъ, какимъ были вызваны эти теоріи,—желаніе сблизить пантеизмъ Гегеля (отчасти Шеллинга) съ теизмомъ, отмѣтимъ только тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ метафизическое значеніе. Эти мотивы, какъ мы видѣли: необходимость допустить, кромѣ творенія міра Богомъ, нѣкоторое его, какъ выражаются, „самотвореніе"; невозможность иначе объяснить несовершенство и зло въ мірѣ и примирить понятіе свободы съ фактомъ эмпирической необходимости нашихъ дѣйствій. Но дѣйствительно ли эти вопросы рѣшаются гипотезою посредственнаго творенія?

Что въ настоящемъ теченіи міровой жизни не каждая вновь возникающая вещь творится Богомъ непосредственно, но является вслѣдствіе первоначально данныхъ природою условій, естественнымъ путемъ, что въ мірѣ есть нѣкотораго рода процессъ самотворенія, въ смыслѣ произведенія вещей самою природою,—это, конечно, справедливо. Мы имѣемъ нѣкоторое право въ прямомъ, а не въ переносномъ только смыслѣ употреб-

лять обычныя выраженія: природа создала, природа произвела то и то. Но иное дѣло—произведеніе вещей изъ данныхъ первоначальныхъ условій бытія, по даннымъ и опредѣленнымъ законамъ, и иное дѣло—происхожденіе самыхъ этихъ первоначальныхъ условій, которыя для міра физическаго составляютъ вещества, силы и законы природы, для міра существъ живыхъ—первоначально созданные Богомъ родоначальники этихъ существъ. По отношенію къ этимъ условіямъ не можетъ быть никакого естественнаго самотворенія, такъ какъ возможность возникновенія ихъ вовсе не замѣчается въ природѣ первоначальнаго, созданнаго Богомъ, субстрата физическаго бытія, матеріи съ ея первичными силами. Отсюда необходимо заключить объ ихъ трансцедентномъ происхожденіи, иначе, непосредственномъ твореніи ихъ Богомъ. Такое заключеніе нисколько не подрываетъ ни самостоятельности міра, ни возможности дальнѣйшаго развитія его по законамъ природы, такъ какъ въ этихъ первоначально данныхъ Богомъ законахъ положены уже условія такого развитія. Напротивъ, вводя между Богомъ и міромъ какую-либо премірную сущность, почитая міръ развитіемъ этой сущности и въ этомъ смыслѣ признавая самотвореніе міра, мы наталкиваемся на цѣлый рядъ затруднительныхъ вопросовъ, главнѣйшій изъ которыхъ состоитъ въ томъ: сознательна или безсознательна эта сущность? Защитники разсматриваемой нами теоріи затрудняются дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ и въ туманѣ абстрактныхъ и не вездѣ понятныхъ разсужденій ихъ объ этомъ предметѣ не легко найти просвѣтъ, который бы могъ вывести насъ на путь прямаго отвѣта на этотъ вопросъ. Съ одной стороны, цѣлесообразный и стройный ходъ міровой жизни и свобода избрать то или иное направленіе міробытія, приписываемое домірному началу, ясно требуютъ признанія его сознательности и личности. Но, съ другой стороны, этому препятствуетъ Гегелевское понятіе объ абсолютной идеѣ, которая, будучи первоначально безсознательна и несвободна, достигаетъ сознанія о личности только продолжительнымъ процессомъ міроразвитія въ лицѣ единственныхъ самосознательныхъ существъ—людей. Абсолютная идея не изначала сознательна, но становится таковою. При томъ же, нужно обратить вниманіе и на то, что до-мірная сущность міра не творитъ міръ, какъ нѣчто

внѣшнее само и отъ себя отличное, но самотворитъ его, то-есть, сама развивается въ міръ. Міръ эмпирическій есть развивающаяся въ пространствѣ и времени идея міра. Но мы видимъ, что весь процессъ мірообразованія до появленія человѣка есть процессъ безсознательный; не можемъ же мы, напр. приписывать сознанія атомамъ, химическому сродству, силамъ природы и пр. Итакъ, очевидно, развитіе міровой идеи есть процессъ безсознательный и самая идея не можетъ искони обладать сознаніемъ.

Но если такъ, то какой смыслъ можетъ имѣть и приписываемый ей признакъ свободы, возможность избрать такое или иное направленіе міроваго бытія? Свобода избранія необходимо предполагаетъ сознательный выборъ и какъ скоро за отсутствіемъ сознанія такого выбора нѣтъ, то все дѣло міротворенія или, что тоже, самотворенія становится или случайнымъ, или принимаетъ видъ развитія міра по имманентной идеѣ необходимости. Такая необходимость, болѣе или менѣе соотвѣтствующая закону діалектическаго процесса развитія абсолютной идеи Гегеля, и дѣйствительно вездѣ предполагается у защитниковъ разсматриваемой нами теоріи. Но какъ скоро это допущено, то мысль,—объяснить при помощи посредствующей между богами и міромъ идеи несовершенство міра и зло въ мірѣ лучше, чѣмъ при помощи обыкновеннаго понятія о твореніи, оказывается пустою мечтою. Міровая идея или сущность, будучи безсознательною и развивающеюся по имманентному, діалектическому закону, не можетъ свободно дать такое или иное направленіе своему развитію, міръ не можетъ быть инымъ (напр. лучшимъ), чѣмъ тѣмъ, какимъ онъ является. Не говоримъ о другомъ метафизическомъ затрудненіи, которое возникаетъ даже съ признаніемъ свободы избранія міровою идеею того или другаго направленія бытія. Если міръ несовершенъ и заключаетъ въ себѣ зло, если онъ могъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть, то какимъ образомъ могло произойти это уклоненіе міровой идеи отъ нормальнаго пути? Происхожденіе несовершенствъ и зла въ мірѣ нисколько не дѣлается для насъ яснѣе отъ того, что источникъ его будетъ заключаться не въ самомъ мірѣ, непосредственно созданномъ Богомъ, а въ міровой идеѣ, получившей свое начало отъ того же Бога.

Что касается до примиренія, съ точки зрѣнія разсматриваемой нами теоріи, фактическаго детерминизма съ требуемымъ нравственными интересами ученіемъ о свободѣ воли,—примиренія, первый поводъ къ которому, какъ извѣстно, подалъ Кантъ своимъ различеніемъ эмпирической и трансцедентной свободы, то оно одинаково противорѣчитъ какъ опыту, такъ и требованіямъ нравственности и само по себѣ нисколько не достигаетъ той цѣли, какую имѣетъ въ виду. Оно противорѣчитъ опыту, представляющему ясные факты свободы воли въ человѣкѣ *). Оно рѣшительно противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ, проповѣдуя индивидуальный детерминизмъ, убивая всякую нравственную энергію, уничтожая личное самоопредѣленіе и вмѣненіе, возлагая нравственную отвѣтственность за наши поступки на какой-то премірный, независящій отъ человѣка, актъ свободы міровой идеи. Для нравственной жизни существенное значеніе имѣетъ увѣренность, что я лично свободенъ и могу быть таковымъ или инаковымъ и потому подлежу нравственному суду совѣсти за свои дѣйствія. Но какъ я могу отвѣчать за нихъ, если они безусловно опредѣлены моимъ „умопостигаемымъ характеромъ“, предопредѣленнымъ актомъ свободы какой-то домірной сущности? Въ уничтоженіи личной свободы сказалось все гибельное вліяніе идеалистическаго детерминизма Гегелевской философіи, которая служила историческою почвою для разсматриваемой нами теоріи происхожденія міра и это вліяніе нисколько не предотвращено тѣмъ, что вмѣсто нужной для нравственности личной (эмпирической) свободы вводится сомнительное понятіе трансцедентной свободы міровой идеи. Не говоримъ о томъ, что понятіемъ такой свободы происхожденіе нравственнаго зла не только не объясняется, но затрудняется еще болѣе, чѣмъ съ признаніемъ индивидуальной свободы. Вопросъ о происхожденіи нравственнаго зла одинаково остается вопросомъ,—станемъ ли мы искать его источникъ въ свободной волѣ человѣка или въ самоопредѣленіи какой-либо міровой сущности. Первое даже гораздо понятнѣе и вѣроятнѣе, такъ какъ воля низшаго, духовно-органическаго существа скорѣе можетъ укло-

*) Сжатое изложеніе доказательствъ личной свободы воли см. въ „Начальныхъ основаніяхъ философіи“. М. 1891, стр. 316—331.

ниться отъ нормы, чѣмъ свобода высшаго и болѣе совершеннаго существа,—диміурга, напр., логоса или самоопредѣляющейся міровой идеи.

---

3. Третья изъ подлежавшихъ нашему разсмотрѣнію односторонних теорій происхожденія міра есть пантеистическая. Но, не смотря на всю ея противоположность теизму, среди мыслителей этого направленія, особенно въ новое время, никогда не исчезала мысль о крайнемъ несоотвѣтствіи его религіозному сознанію, существенное требованіе котораго, безъ чего невозможна и самая религія,—полное отличіе Бога отъ міра, твари отъ Творца. Отсюда искреннія и многочисленныя попытки согласить это направленіе съ теизмомъ, — попытки, которыя въ отношеніи къ вопросу о происхожденіи міра выразились въ желаніи устранить постоянно указываемый недостатокъ пантеизма, будто въ немъ несовершенный и ограниченный міръ представляется не отдѣльнымъ отъ Бога произведеніемъ Его воли, а развитіемъ самой же природы абсолютнаго, слѣдовательно, въ сущности, отожествляется съ Богомъ.

Но какъ удовлетворить этому требованію, не пожертвовавъ основнымъ принципомъ пантеизма, что абсолютное—Богъ есть все (ἓν καὶ πᾶν) и что, помимо Его, не можетъ быть никакого инаго бытія, ему противоположнаго? Не можетъ ли послужить для этой цѣли самая широта и всеобъемлемость понятія объ абсолютномъ, по которому, можетъ быть, въ немъ найдется и нѣчто такое, что не есть Богъ въ узкомъ, теистическомъ смыслѣ слова и происхожденіе изъ него міра не можетъ быть уже названо развитіемъ или проявленіемъ самаго Божества? Нельзя ли найти въ самомъ абсолютномъ такой стороны или такого момента, который, не будучи положительнымъ выраженіемъ его природы, въ тоже время представлялъ бы собою такой субстратъ, такое *ничто,* изъ котораго могъ бы произойти и несовершенный міръ, безъ необходимости, съ одной стороны, прибѣгать къ ирраціональному понятію *ничто* теизма, а съ другой, утверждать столь ужасающую религіозное сознаніе мысль о мірѣ, какъ модификаціи Божества?

Задача довольно трудная и которая, повидимому, могла бы

быть рѣшена только въ такомъ случаѣ, еслибъ въ самомъ Богѣ нашлось *ничто,* что образовалось въ міръ независимо отъ его воли, которая можетъ производить только совершенное, что́, поэтому, *отпало* отъ Бога и раскрылось въ относительно самостоятельное цѣлое. Эту задачу и стараются рѣшить теоріи, которыя мы, пользуясь терминомъ, взятымъ у одного изъ защитниковъ подобнаго воззрѣнія (Шеллинга), можемъ назвать теоріями *отпаденія міра отъ абсолютнаго.*

На образованіе подобнаго рода теорій въ новѣйшей философіи имѣли несомнѣнное вліяніе идеи вызваннаго изъ забвенія и не въ мѣру возвеличеннаго Шеллингомъ и его послѣдователями средневѣковаго философа, — мистика Бема. По ученію Бема, когда мы говоримъ, что Богъ создалъ міръ изъ ничего, то подъ этимъ ничто не должны разумѣть ничтожество въ буквальномъ смыслѣ, но собственную сущность Божества, только въ ея особенной формѣ. Міръ, природа, по понятію Бема, есть тѣло Божіе, извлеченное имъ изъ себя самаго. Какая же теперь форма въ Божественной сущности можетъ быть причиною міра, въ какой мѣрѣ онъ есть бытіе несовершенное, даже съ примѣсью зла? Богъ, по ученію Бема, созерцая свое совершенство, чтобы имѣть понятіе о немъ именно какъ о совершенствѣ, необходимо производитъ въ себѣ различеніе свѣта и тьмы, а тьма есть зло, безъ котораго даже безконечному разуму нельзя созерцать и любить добра. Это зло не есть только простое, логическое отрицаніе добра, но заключаетъ въ себѣ положительную силу, энергію, желаніе, огонь гнѣва; безъ мудрости въ немъ содержится самый адъ, потому что нѣтъ большей муки, какъ желаніе, раздѣленное съ своимъ предметомъ и пылающее во мракѣ.

Этою идеею Бема о необходимости допустить въ самомъ Богѣ нѣкоторую темную сторону, какъ основу божественнаго сознанія и вмѣстѣ явленія міра, и воспользовался Шеллингъ, чтобы объяснить происхожденіе міра. Не впадая, какъ ему казалось, ни въ пантеизмъ, ни въ дуализмъ, онъ ясно признаетъ, вопреки пантеизму, что міръ не есть Богъ и Богъ не есть міръ. „Мы признаемъ“, говоритъ онъ, „что понятіе бываніе (Werden) есть единственное, согласное съ природою вещей; но вещи не могутъ происходить въ Богѣ (werden in Gott), такъ какъ онѣ toto genere, или, правильнѣе сказать,

безконечно отъ него отличны. Чтобы быть отличными отъ него, онѣ, очевидно, должны имѣть отличную отъ него основу". Къ тому же предположенію ведетъ и фактъ существованія зла въ мірѣ; чтобы показать, что зло вообще первоначально существуетъ не въ Богѣ, но въ тваряхъ, въ частности, нравственно злое—въ человѣкѣ, необходимо допустить независимость существованія міра отъ Бога, такъ чтобы существующее и происходящее въ мірѣ не было непосредственно связано съ бытіемъ божественнымъ, какъ съ своимъ началомъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, міръ не можетъ быть *внѣ* Бога, то это противорѣчіе можно разрѣшить только такимъ образомъ, что вещи имѣютъ свою основу въ томъ, что въ самомъ Богѣ *не есть онъ самъ*. Это и есть та первооснова (Grund), изъ которой произошло все существующее; она одинаково служитъ первоосновою какъ бытія міра, такъ и Бога и есть пунктъ соединенія обоихъ. Но, кромѣ этой первоосновы, въ Богѣ должно быть нѣчто другое, въ чемъ состоитъ самобытное, не связанное съ существованіемъ міра, бытіе Бога; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признать, что и міръ, имѣя въ себѣ туже первооснову и въ этомъ отношеніи будучи одно съ Богомъ, есть не только эта первооснова, но, при томъ, еще нѣчто другое. Находясь въ Богѣ, эта первооснова не есть въ собственномъ смыслѣ Богъ, иначе Богъ былъ бы основаніемъ міровой жизни; въ собственномъ смыслѣ Богъ есть то иное, что, отличаясь отъ этой первоосновы, образуетъ существо Божіе, не связанное съ существованіемъ міра, отличное отъ него.—Итакъ, въ самомъ Богѣ нужно отличать отъ Него то, что не можетъ быть названо божественнымъ, такъ что, если существа конечныя должны имѣть жизнь независимую отъ Бога и въ тоже время должны быть соединены съ нимъ, какъ основою своего бытія, то такою основою для нихъ служитъ то, что въ Богѣ не есть самъ Богъ. „Если міръ долженъ быть отличенъ отъ Бога, то необходимо допустить, что онъ происходитъ изъ отличной отъ Бога основы, а такъ какъ ничто не существуетъ внѣ абсолютнаго, то ничего болѣе не остается, какъ предположить, что міръ имѣетъ свое начало въ той первоосновѣ, которая пребываетъ въ Богѣ и есть только основа божественнаго существованія, а не самъ Богъ" *).

*) Phil. Unters. über das Wesen d. menschl. Freiheit. p. 419. 429. 431.

Какимъ образомъ мы должны мыслить теперь происхожденіе міра изъ этой общей первоосновы какъ божественнаго, такъ и міроваго бытія? Такъ какъ первооснова сама по себѣ есть не что иное какъ безсознательная, не управляемая разумомъ, воля или простое побужденіе (Sehnsucht) къ произведенію себя, то она, очевидно, не можетъ быть творческимъ началомъ въ смыслѣ теизма; но, съ другой стороны, міръ не можетъ быть и развитіемъ этого начала, такъ какъ онъ совершенно различенъ отъ него и допускать такое развитіе значило бы впадать въ пантеизмъ. Итакъ, происхожденіе конечнаго мы можемъ мыслить только какъ нѣкотораго рода *отдаленіе* или *отпаденіе* отъ абсолютнаго. „Однимъ словомъ отъ абсолютнаго къ дѣйствительному нѣтъ никакого постепеннаго перехода; происхожденіе чувственнаго міра мыслимо только какъ совершенный отрывъ (Abbrechen) отъ абсолютности, посредствомъ нѣкотораго скачка (Sprung)“ *).

Изложенный нами способъ примиренія пантеизма съ теизмомъ, состоящій въ томъ, чтобы въ самомъ Богѣ открыть нѣчто такое, что не есть самъ Богъ и что могло отпасть отъ Бога и образоваться въ самостоятельный міръ, не представляетъ собою ничего, кромѣ ряда странныхъ, ни чѣмъ недоказанныхъ и нисколько не достигающихъ своей цѣли, положеній. Прежде всего, какимъ образомъ въ Богѣ можетъ существовать нѣчто, что̀ не есть онъ Самъ? По обыкновенному пантеистическому представленію о Богѣ, онъ отожествляется съ абсолютнымъ; но во всеединомъ и всеобъемлющемъ абсолютномъ не можетъ ни быть, ни возникнуть ничего, что не было бы оно само, въ той или другой формѣ его обнаруженія. Чтобы избѣжать этого противорѣчія Шеллингъ, повиди-

*) Philosophie und Religion. 34. 35. Подобнаго рода воззрѣнія на происхожденіе міра находимъ и у другихъ философовъ. Такъ Ердманъ (въ своемъ сочиненіи „Natur oder Schöpfung?“) вполнѣ раздѣляетъ мысль Маргейнеке, что „міръ должно понимать какъ твореніе имъ себя самого и вмѣстѣ какъ твореніе Богомъ“, т. е. какъ природа или субстанція въ самомъ Богѣ онъ отторгся или отдѣлился самъ собою изъ нѣдръ Божества и въ этомъ состоитъ его самотвореніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бытіе, находящееся внѣ Бога, выдѣлившееся изъ него, онъ не сдерживается болѣе божественною субстанціею, не есть болѣе бытіе сосущественное (konsubstanziell) съ Богомъ, но отдѣленное отъ него, — его твореніе. Стр. 115. 116. Schenach—Metaphysik. 164.

мому *), отличаетъ абсолютное отъ Бога и дѣло представляетъ такъ, что изъ первоначальнаго, безсознательнаго абсолютнаго (основы) съ одинаковою необходимостью параллельно развиваются, съ одной стороны, Божество, съ другой — природа или міръ. Здѣсь дѣйствительно основою міра служитъ нѣчто, что не есть Богъ, но за то является чудовищная мысль, что выше Бога и міра мы должны поставить безсознательное абсолютное и что Богъ наряду съ міромъ есть продуктъ этого абсолютнаго. Что касается до міра, то онъ нисколько при этомъ не выигрываетъ въ своей самостоятельности, потому что въ основѣ его лежитъ тоже абсолютное и онъ составляетъ одинъ изъ моментовъ его развитія. Чтобы избѣгнуть этого, во всякомъ случаѣ, пантеистическаго объясненія происхожденія міра, не смотря на замѣну слова: Богъ, терминомъ: абсолютное или основа въ Богѣ, Шеллингъ вводитъ странное понятіе отпаденія или отторженія міра отъ абсолютнаго. Не абсолютное развивается въ мірѣ, но міръ отпадаетъ отъ него какимъ-то непонятнымъ, внезапнымъ актомъ, какъ бы „посредствомъ скачка“. Но рѣшительно непостижимо, какимъ образомъ что либо можетъ отпасть отъ абсолютнаго и при этомъ стать чѣмъ-то, по выраженію Шеллинга, toto genere отличнымъ отъ абсолютнаго, противоположнымъ ему? Шеллингъ, какъ и другіе философы пантеистическаго направленія упрекаютъ теизмъ въ томъ, что въ понятіи творенія онъ допускаетъ ирраціональное понятіе „ничто“ и непостижимый актъ превращенія этого ничто въ бытіе. Но не гораздо ли непостижимѣе и не противорѣчитъ ли законамъ логики ничѣмъ не вызываемое и не объясняемое внезапное превращеніе абсолютнаго (или точнѣе,—нѣкоторой части его) въ нѣчто совершенно ему противоположное и противорѣчащее,—превращеніе бытія единаго, неизмѣннаго въ бытіе измѣнчивое, міровое?

Существенные недостатки мнимо-примирительнаго между пантеизмомъ и теизмомъ ученія о происхожденіи міра Шеллинга, нисколько не устраненные и въ дальнѣйшемъ, болѣе конкретномъ и нѣсколько видоизмѣненномъ изложеніи этого ученія въ позднѣйшей, такъ называемой, „положительной“

*) Говоримъ: повидимому, потому что на самомъ дѣлѣ у Шеллинга отличіе абсолютнаго отъ Бога не выяснено опредѣленно и абсолютное постоянно смѣшивается съ божествомъ и носитъ его названіе.

философіи его *), повели къ дальнѣйшимъ попыткамъ такого примиренія у философовъ полупантеистическаго направленія. Основная мысль этихъ попытокъ осталась таже; за немыслимостію созданія міра изъ *ничего* нужно найти въ самомъ Богѣ *нѣчто*, что могло бы послужить субстанціальною основою міра. Но раскрытіе этой мысли, въ видахъ бо́льшаго склоненія къ теизму, представляется въ иной формѣ, чѣмъ у Шеллинга. Для характеристики этихъ попытокъ достаточно будетъ остановиться на двухъ изъ нихъ, принадлежащихъ Фихте младшему и Пфлейдереру, такъ какъ, не смотря на различіе оттѣнковъ, въ нихъ проводится одна и таже мысль, что основою міра должно служить что либо заключающееся въ самомъ Богѣ, а не ничто, изъ котораго будто бы производитъ міръ супранатуралистическій теизмъ.

Фихте, подвергая вполнѣ основательной критикѣ ученіе Шеллинга о безсознательности и безличности абсолютнаго, признаетъ Бога существомъ лично-сознательнымъ. Происхожденіе міра отъ Бога онъ объясняетъ такимъ образомъ: „Богъ, вѣчно сознательная сущность, есть единство безконечно многихъ силъ, которыя онъ объемлетъ въ себѣ и сдерживаетъ въ единствѣ; эти силы составляютъ его натуру, суть его реальныя, жизненныя силы. Каждая изъ этихъ силъ есть первоначальное положеніе (Urposition), но, какъ такое, дремлющая или сокровенная потенція, связанная единствомъ съ Богомъ...“ Въ каждомъ изъ этихъ первоположеній заключается особенный, свойственный ему принципъ воли, который дѣлаетъ его способнымъ стать конечнымъ и обнаруженіе котораго опредѣляетъ его къ бытію конечному, особому въ самомъ божественномъ единствѣ. Попущеніе такой отдѣльной воли и есть начало и происхожденіе конечности. Каждое существо только посредствомъ самотворческаго акта (selbstschöpferischen Act), проистекающаго изъ его собственнаго внутренняго побужденія (воли), становится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть. Оно творитъ само себя изъ собственнаго первоположенія; точнѣе — самотвореніе въ томъ и состоитъ, что свойственная существу воля сама дѣлаетъ себя самостоятельною, развивается собственными

*) О происхожденіи міра по ученію „положительной“ философіи Шеллинга, см. статью Линицкаго въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1887 г. №№ 2 и 3.

путями. Но, тѣмъ не менѣе, это самотвореніе есть въ то же время и твореніе Богомъ; потому что только универсальное начало воли, въ которомъ заключается вѣчная основа всего, есть дѣйствующее основаніе и во всѣхъ родахъ твореніе отдѣльныхъ существъ. Всеобщая воля Божія къ творенію конечнаго міра состоитъ только въ томъ, чтобы вызвать отдѣльную волю каждаго міроваго существа и уничтожить или сдержать по отношенію къ нему собственную преобладающую мощь и единство. Непосредственное дѣйствіе божественной, творческой воли состоитъ при этомъ въ томъ, чтобы объятое въ божественномъ единствѣ и имъ проникнутое, но потому еще не существующее само для себя (т. е. первоположенія, силы), чрезъ попущеніе его собственной воли сдѣлать сотвореннымъ, относительно самостоятельнымъ. Твореніе Богомъ — значитъ попущеніе дѣйствовать самимъ по себѣ (Fürsichwirken lassen) тѣхъ силъ въ Богѣ, которыя до тѣхъ поръ были подчиненными, только *частями* абсолютнаго единства, — дѣйствовать такъ, какъ будто онѣ были самостоятельными сами по себѣ, абсолютными... это дѣйствованіе подчиненныхъ силъ есть дѣйствованіе безъ ихъ единства и соприсущаго имъ принципа разума (Intelligenz). Отсюда онѣ выдѣляются не только изъ божественнаго единства, но и являются чѣмъ-то противостоящимъ Богу, въ какой мѣрѣ Онъ есть духъ и духовно дѣйствующій. Отдѣльныя воли въ конечномъ суть слѣпо самотворящія, безсознательно дѣйствующія изъ мрака своего собственнаго существа... Поэтому представленіе объ отпаденіи идей или „отпаденіи отъ божественнаго духа независимо дѣйствующей міровой основы не есть собственно ложное, но только неполное и недостаточное для объясненія міра“. Терминъ „отпаденіе“, поэтому, Фихте замѣняетъ терминомъ: „попущеніе“ (Zulassen) „предоставленіе мѣста (Platzlassen)“ дремлющимъ, сокровеннымъ въ божественномъ существѣ, силамъ дѣйствовать самостоятельно *). Твореніе не есть собственно произведеніе (Hervorbringung) чего либо Богомъ, а только выступленіе въ раздѣльныхъ моментахъ, во времени того, что въ полномъ Богѣ (vollem Gotte) существуетъ связанно **).

*) Im. Fichte, Speculative Theologie, 1847, §§ 172, 173, 176.

**) Fichte, Zeitschr. für d. Philos. Band. IX, p. 206.

Въ нѣсколько иной формѣ думаетъ достигнуть сближенія теизма съ пантеизмомъ извѣстный современный философъ и богословъ Пфлейдереръ. Онъ признаетъ ту несомнѣнную истину, что міръ единственное свое основаніе долженъ имѣть въ Богѣ, въ его волѣ и его разумѣ. Но эта истина, по его мнѣнію, „крайне неудачно формулирована въ ученіи о твореніи міра изъ ничего посредствомъ свободнаго и временнаго акта божественной воли; можно сказать, что каждое слово въ этомъ ученіи вводитъ въ заблужденіе (ist irreführend)". Повторяя затѣмъ извѣстное возраженіе, что понятіе творенія не обезпечиваетъ самостоятельности міра, дѣлаетъ его явленіемъ случайнымъ и не объясняетъ имманентной законосообразности міроваго развитія, онъ приходитъ къ заключенію, что субстанціальной основы міра должно искать не въ ничтожествѣ, чудеснымъ образомъ превратившемся въ бытіе, но въ самомъ существѣ (Wesen) Бога, такъ какъ въ Богѣ совершеннѣйшее хотѣніе и мышленіе одно и то же съ совершеннѣйшею сущностью. Итакъ, „вмѣсто того, чтобы говорить: міръ сотворенъ свободнымъ актомъ божественной воли, актомъ, котораго могло бы и не быть, безъ сомнѣнія, гораздо правильнѣе, вмѣстѣ съ однимъ древнимъ учителемъ Церкви *), выразиться такъ: воля Божія есть субстанція міра, а его разумъ — его форма". Только такимъ признаніемъ можно уничтожить всякое противорѣчіе между религіозною вѣрою въ твореніе и истинами науки. Самостоятельность міра здѣсь вполнѣ обезпечивается, „развитіе міра въ природѣ и исторіи есть не что иное, какъ въ пространствѣ и времени объективированное про-

*) Пфлейдереръ приводитъ здѣсь слова св. Иринея (Adv. haer. 11, 30, 9): Ipse (Deus) a semet ipso fecit libere omnia et *est substantia omnium voluntas ejus*... qui fecit ea per semet ipsum, т. е. per verbum et per sapientiam suam. Но Пфлейдереръ здѣсь, очевидно, перетолковываетъ слова св. Отца, влагая въ его понятіе о субстанціи такой смыслъ, какого оно у древнихъ и у него не имѣетъ, и какой получило оно въ позднѣйшей философіи. Называя волю Божію субстанціею вещей, Ириней хочетъ сказать этимъ только то, что основаніемъ вещей, причиною, отъ которой зависитъ ихъ бытіе, служитъ воля Божія (substantia—буквально то, что стоитъ *подъ чѣмъ*-либо, поддерживаетъ что-либо), а вовсе не то, что воля Божія составляетъ самую сущность вещей, что всѣ вещи суть только феномены этой сущности. Послѣднему пониманію противорѣчатъ предыдущія слова: a semet ipso *fecit libere omnia*, не говоря о всемъ ученіи св. Отца о происхожденіи міра.

явленіе и дѣйствіе того, что, будучи разсматриваемо изъ своего внутренняго основанія, есть вѣчно единое божественное дѣйствованіе. И это дѣйствованіе не преслѣдуетъ никакихъ иныхъ цѣлей кромѣ тѣхъ, кои сами собою слѣдуютъ изъ необходимости естественнаго теченія вещей, такъ какъ одинъ и тотъ же божественный разумъ образуетъ и форму своего дѣйствованія—законы міра и вмѣстѣ образуетъ цѣль міра, какъ продуктъ своего дѣйствія" *).

Намъ нѣтъ нужды долго останавливаться на разборѣ этихъ и подобныхъ попытокъ видоизмѣнить понятіе о твореніи съ цѣлью замѣнить ирраціональное будто бы и отрицательное понятіе о *ничто* болѣе положительнымъ понятіемъ божественныхъ силъ или свойствъ, какъ субстанціальной основы міра, такъ какъ въ нихъ довольно ясно просвѣчиваетъ склоненіе къ пантеизму. Въ самомъ дѣлѣ, что такое тѣ „жизненныя", „реальныя силы", тѣ „первоположенія" въ Богѣ, о которыхъ говоритъ Фихте, и которыя, отдѣлившись отъ Бога, стали самостоятельными основами міровыхъ вещей? Если онѣ принадлежатъ къ самому существу божеской природы, то и весь міръ, развившійся изъ нихъ, не есть ли также модификація божественной сущности? Не говоримъ о томъ, что остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ эти силы могутъ выдѣлиться изъ божественнаго единства и начать совершенно самосостоятельный и независимый отъ Бога образъ существованія и дѣйствія? Выраженія: „попущеніе со стороны Бога", „предоставленіе силамъ дѣйствовать самостоятельно", въ сущности ничего не объясняютъ, потому что мы не видимъ ни мотивовъ для такого дѣйствованія Божества, ни объясненія того, какъ и почему „силы" могли достигнуть такой обособленности отъ божественнаго единства, что стали не только самостоятельными, но даже „чѣмъ-то противостоящимъ Богу".

Подобнаго же рода недоумѣнія нисколько не устранятся тѣмъ, если мы, вмѣсто многихъ реальныхъ силъ или „первоположеній" Фихте, признаемъ субстанціальною основою міра одну какую либо силу, моментъ или свойство въ природѣ божества, напр. вмѣстѣ съ Пфлейдереромъ—волю. Что воля Божія есть основаніе существованія міра въ томъ смыслѣ, что безъ нея

*) Pfleiderer, Religionsphilosophie. 1878. p. 488—491.

онъ и существовать бы не могъ,—это, конечно, вѣрно. Но основаніе бытія міра вовсе не тоже, что субстанція міра; поэтому мы вправѣ сказать: міръ произошелъ *по* волѣ Божіей, но не имѣемъ ни малѣйшаго права сказать: міръ произошелъ *изъ* воли Божіей, есть имманентное развитіе его воли. Утверждая послѣднее, мы прямо идемъ къ пантеистическому отожествленію міра съ Богомъ, къ признанію его модификаціею Божества. Отъ такого отожествленія нисколько не предохранитъ насъ то, что субстанціальною основою міра мы станемъ признавать не всецѣлое существо Божіе, а одинъ изъ его моментовъ или свойствъ — волю. Такое мнимое ограниченіе пантеизма составляетъ явную непослѣдовательность. Воля въ Богѣ не можетъ быть представляема какъ нѣкоторая часть въ немъ, какъ отдѣльное свойство или моментъ въ его природѣ, который можетъ послужить субстанціею для міра внѣ связи съ прочими свойствами Божества. Божественная воля не мыслима внѣ связи съ его существомъ и прочими свойствами его природы. Признавая міръ имманентнымъ развитіемъ его воли, мы необходимо должны признать его и проявленіемъ божественнаго разума (что и дѣлаетъ Шфлейдереръ), а за тѣмъ и всей божественной природы. Мы не можемъ остановиться на полупантеизмѣ, по которому Богъ не весь безъ остатка переходитъ въ міръ, но только одинъ изъ моментовъ его бытія; мы необходимо должны придти къ полному пантеизму.

4. До сихъ поръ мы говорили о попыткахъ примиренія теистическаго воззрѣнія на происхожденіе міра съ натурализмомъ, дуализмомъ и пантеизмомъ. Мы видѣли несостоятельность этихъ попытокъ. Всѣ онѣ, будучи послѣдовательно проведены, въ концѣ концевъ приводятъ къ тѣмъ же одностороннимъ теоріямъ, которыя думали устранить, воспользовавшись тѣмъ, что въ нихъ есть болѣе цѣннаго, для разъясненія и улучшенія понятія о твореніи. Теперь мы должны остановиться еще на одной попыткѣ, которая, не имѣя ничего общаго съ представленными нами опытами примиренія непримиримыхъ въ сущности направленій, имѣетъ въ виду лишь разъяснить понятіе творенія, не выходя изъ области теизма. Разъясненіе касается того пункта, который представляется самымъ тяжелымъ и неудобопріемлемымъ для раціональной

мысли, — именно понятія творенія *изъ ничего*. Многимъ философамъ, стоящимъ на строго теистической точкѣ зрѣнія, казалось возможнымъ, если не устранить, то сгладить рѣзкость этого чисто отрицательнаго понятія о субстанціальной основѣ міра (ничтожество) предположеніемъ о существованіи въ Богѣ предшествующихъ міру идей какъ о мірѣ вообще, такъ и сотворенныхъ въ немъ вещахъ. Міръ, конечно, созданъ изъ ничего, но „это *изъ ничего*“, какъ выражается одинъ изъ защитниковъ подобнаго воззрѣнія, „должно быть однакоже понимаемо не въ совершенно буквальномъ смыслѣ, такъ какъ міръ имѣетъ и имѣлъ вѣчное предположеніе въ божественномъ мышленіи; собственно новаго въ твореніи есть только реализированіе этой божественной мысли о *не я*“ *).

Первоначальный источникъ представленія объ идеяхъ, предшествующихъ реальному бытію міра, какъ извѣстно, заключается въ философіи Платона. Мысль—воспользоваться этимъ представленіемъ для разъясненія понятія о твореніи, главнымъ образомъ, принадлежитъ бл. Августину. „Кто посмѣетъ сказать“, учитъ онъ, „что Богъ все создалъ неразумно (irrationabiliter)? **) Если этого по справедливости сказать нельзя, если это невѣроятно, то остается допустить, что все создано разумно, по мысли (ratione). Но по одной ли и той же мысли созданъ человѣкъ, по которой создана лошадь? Думать такъ было бы безразсудно. Итакъ, каждый предметъ созданъ по собственной себѣ мысли (propriis singula sunt creata rationibus). Но эти мысли гдѣ мы должны почитать существующими, какъ не въ самомъ умѣ Создателя? Ибо при твореніи онъ взиралъ не на что либо, внѣ себя положенное, чтобы согласно съ этимъ устроять то, что онъ устроялъ; думать такъ было бы нечестиво. Но если эти мысли (rationes) о вещахъ, которыя должно было сотворить и которыя сотворены, содержатся въ божественномъ умѣ, то онѣ должны быть вѣчны, потому что въ умѣ божественномъ все, что ни существуетъ, не можетъ быть инымъ, какъ только вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Эти-то основныя мысли (rationes principales) о вещахъ Платонъ называетъ идеями. Итакъ, идеи не только существуютъ, но обладаютъ истиннымъ

*) W. Kaulich, System der Metaphysik. 1874. 184. 185.

**) Раньше она встрѣчается у Діонисія Ареопагита.

существованіемъ, поелику онѣ вѣчны и при томъ пребываютъ таковыми неизмѣнно. Отъ причастія (participatione) идеямъ происходитъ то, что каждая вещь становится тѣмъ, чѣмъ она есть“ *) „Вещи“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „прежде чѣмъ явились, конечно, не существовали. Итакъ, какимъ образомъ Богу были извѣстны тѣ предметы, которые еще не существовали? И опять, какимъ образомъ онъ создалъ бы то, что ему не было извѣстно? Ибо не могъ онъ произвести чего-либо не зная; онъ сотворилъ извѣстное ему, а не позналъ только то, что уже создано. Отсюда вещи, прежде чѣмъ явились въ бытіе, и были и не были; онѣ были въ знаніи Божіемъ, не были по своей природѣ“ **).

Ученіе бл. Августина легло въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ подобнаго рода воззрѣній у многихъ средневѣковыхъ ***) и позднѣйшихъ католическихъ философовъ до новѣйшаго времени. Вотъ какъ раскрывается оно, согласно съ ученіемъ Ѳомы Аквината, у одного изъ новыхъ философовъ: „Богъ, какъ Существо безконечно разумное, совершенно познаетъ самого себя отъ вѣка и не только познаетъ такимъ, каковъ онъ есть, но и въ какой мѣрѣ онъ подражаемъ (imitabilis), то есть, въ какой мѣрѣ его безконечныя совершенства могутъ быть, хотя несовершенно, выражены или отражены ограниченными образами или отображеніями. Затѣмъ далѣе, какъ Существо безконечно всемогущее, эти образы, которые онъ носитъ въ своемъ умѣ, созерцая разумомъ самого себя и которые поэтому въ немъ живутъ вѣчно, какъ образцы или основы имѣющихъ быть созданными вещей,—онъ можетъ одарить существованіемъ, сущностью и самостоятельною жизнію. Чтобы открыть свои совершенства, Богъ тѣмъ изъ этихъ образовъ, которымъ хочетъ дать когда-либо бытіе, мановеніемъ своей воли, сообщаетъ собственную природу и существованіе; такую ихъ природу и сущность Онъ не заимствуетъ изъ собственнаго своего существа, но творитъ изъ ничего, по подобію заключающихся въ его существѣ, въ его умѣ, идей или мыс-

*) Lib. de quaestionibus, XLVI.

**) De genesi ad litteram. Lib. V. cap. 18.

***) Напр. у Беды, Анзельма, Абеляра, Ѳомы Аквината, Гуго С. Виктора и другихъ.

лей о вещахъ. Этотъ актъ, самъ по себѣ, по отношенію къ своей причинѣ вѣченъ, но исполненіе его или осуществленіе начинается и совершается во времени“ *).

Тогда какъ католическіе философы въ своемъ ученіи о идеяхъ, предшествующихъ міру, держатся строго теистической точки зрѣнія, въ частности, ученія бл. Августина, протестантскіе теисты часто излагаютъ это ученіе съ такими оттѣнками, въ которыхъ нельзя не замѣтить нѣкотораго вліянія полупантеистическихъ воззрѣній. Вотъ какъ изложено это ученіе у одного изъ извѣстныхъ представителей новѣйшаго теизма— Зенглера.

„По словамъ Апостола (Евр. 11, 3) видимое произошло изъ невидимаго (*μὴ ἐκ φαινομένων τὰ βλεπόμενα*); подъ невидимымъ же учители церкви, какъ Альбертъ Великій и др. разумѣли идею, подъ видимымъ — сотворенный міръ. Въ этомъ положительномъ смыслѣ, какъ идея міра должно быть каждый разъ понимаемо *ничто*, когда мы говоримъ, что Богъ сотворилъ міръ изъ ничего и когда отсюда должно произойти что-нибудь. Потому что совершенное ничто, которое не существуетъ никоимъ образомъ, есть не реальное, не дѣйствительное, но отрицаніе всего дѣйствительнаго. Итакъ, есть реальное ничто, *относительное* ничто, *относительно* не существующее. Какъ идея міра, оно не есть Богъ, идея и сущность (Wesenheit) Бога; оно не есть ни сотворенный міръ, ни начало (Princip), изъ котораго Богъ творитъ реальный міръ. Какъ идея, или мысль или дѣйствіе воли (Willensthath) Божіей, это начало не есть только формальное, но и реальное начало міра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало какъ матеріи, такъ и формы. Богъ творитъ изъ него міръ по матеріи и формѣ. Идея міра есть начало, *ἀρχὴ* и *στοιχεῖα* міра. Это ничто есть такимъ образомъ міровая идея, въ какой мѣрѣ она не есть Богъ и не есть дѣйствительный міръ, но *въ Богѣ заключающаяся возможность*, сила произвести дѣйствительный міръ... Идея міра не есть только какая-либо абстрактная возможность, не одна простая форма, простое понятіе или первообразъ

*) „Богъ“, какъ говоритъ Ѳома Аквинатъ, „voluit ab aeterno, ut mundus esset, sed non ab aeterno, sed quando ipse ab aeterno disposuit“. Summa. Lib. 11, 30. Ubachs, Theodiceae elementa. 1845. p. 274.

(Urbild), но реальная, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть субстанція міра. Какъ мысль божественная, она есть столько же принципъ содержанія, матеріи, какъ и формы, или она есть реальный и формальный принципъ. Знаніе Божіе есть, какъ говоритъ Августинъ, субстанція всѣхъ существъ (Wesen)... Идея міра, какъ возможность или сила дѣйствительнаго бытія, есть не сущее по отношенію къ этому бытію, но сама по себѣ она вполнѣ положительное бытіе“ *).

Что сказать о представленномъ нами воззрѣніи? Дѣйствительно ли представленіе объ идеяхъ вещей въ Богѣ, предшествующихъ реальному ихъ бытію, способствуетъ къ разъясненію непостижимаго въ актѣ созданія міра и сглаживаетъ рѣзкости того представленія о твореніи *изъ ничего*, которое не осуществимо для разума?

Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно точно опредѣлить тотъ смыслъ, который соединяется съ терминами: *идея* и *идеальный міръ*. Идеи могутъ быть понимаемы какъ мысли божественнаго разума о сотворенныхъ или имѣющихъ быть сотворенными вещахъ,—мысли по существу совершенно отличныя и отдѣльныя отъ существующихъ вещей. Идеи затѣмъ могутъ быть понимаемы какъ трансцендентныя, реальныя начала дѣйствительно существующихъ вещей,—феноменальнаго бытія ихъ; хотя онѣ находятся въ Богѣ, суть божественныя идеи или мысли, но въ тоже время онѣ составляютъ сверхчувственную основу самаго бытія вещей, ихъ внутреннюю идеальную сущность.

Въ первомъ смыслѣ понимаютъ идеи бл. Августина и слѣдующіе ему католическіе философы. Такое представленіе объ идеяхъ вполнѣ согласно съ истиннымъ ученіемъ о Богѣ и составляетъ необходимый выводъ изъ понятія о Его всевѣдѣніи, для котораго вполнѣ вѣдомо все реально существующее, не только въ прошедшемъ и настоящемъ, но и будущемъ, такъ что можно сказать, что въ Богѣ отъ вѣка и до явленія міра существовала идея, какъ о мірѣ вообще, такъ и о всемъ имѣющемъ совершиться во времени,—процессѣ міроваго развитія. Но должно замѣтить, что при такомъ пониманіи слова идея, мы ни сколько не подвигаемся въ разъясненіи непости-

*) Sengler. Die Idee Gottes. II. Th. Specul. Kosmologie, p. 349, 352.

жимаго въ происхожденіи міра, потому что реальный міръ и реальныя вещи, по своей сущности, вовсе не то же, что идеи о нихъ въ божественномъ разумѣ. Откуда же возникло именно то, что сдѣлало ихъ реальными, что дало имъ собственное существованіе,—самое *бытіе* ихъ, какъ условное, ограниченное и отличное отъ Бога? Основаніе этого явленія мы должны опять искать не въ идеѣ, а въ свободномъ актѣ воли Божіей,—актѣ, вызвавшемъ вещи изъ небытія въ бытіе, словомъ—въ твореніи несуществовавшаго прежде. Вообще, допуская существованіе идеи въ божественномъ разумѣ, мы можемъ сказать только то, что вещи сотворены *по* этимъ идеямъ, но не можемъ сказать, что эти идеи и составляютъ то искомое нѣчто, *изъ* чего сотворенъ міръ.

Это нѣчто нашлось бы лишь въ томъ случаѣ, если бы мы слово: *идея* стали понимать во второмъ указанномъ нами смыслѣ. Къ этому пониманію и склоняется Зенглеръ и другіе защитники ученія объ идеальномъ мірѣ, предшествующемъ настоящему. Но, очевидно, такое пониманіе, будучи проведено послѣдовательно, ведетъ къ тому полупантеистическому воззрѣнію на происхожденіе міра, о которомъ мы уже говорили. Божественныя идеи, какъ реальныя основы вещей, — это тѣ „первоположенія“, тѣ „дремлющія въ божествѣ силы“, о которыхъ говоритъ Фихте младшій; это та же отпавшая отъ Бога міровая идея, о которой учитъ Шеллингъ и его послѣдователи.

Уклониться отъ этого полупантеистическаго воззрѣнія, неизбѣжнаго при пониманіи идей, какъ положительныхъ началъ міробытія, можно бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы отъ идей, какъ божественныхъ мыслей о вещахъ, мы стали отличать идеи, какъ *сотворенныя* Богомъ сверхчувственныя, реальныя начала феноменальнаго, эмпирическаго бытія. Тогда бы мы имѣли право сказать, что этотъ реальный міръ произошелъ не изъ ничего, но *изъ* предшествующаго ему идеальнаго міра, что онъ служитъ раскрытіемъ этого трансцендентнаго міра въ пространствѣ и времени, что идеи суть реальные прототипы дѣйствительныхъ вещей. Но такое представленіе, съ одной стороны, не имѣло бы никакихъ преимуществъ предъ обыкновенною теоріею творенія; оно только замѣняло бы вопросъ о происхожденіи реально существующаго міра вопросомъ о происхожденіи міра идеальнаго. Происхожденіе послѣд-

няго, если допустимъ, что онъ не есть только совокупность божественныхъ мыслей о мірѣ, но созданный Богомъ міръ, можетъ быть опять мыслимо не иначе, какъ при помощи того же понятія о твореніи, какъ воззваніи несуществовавшаго прежде къ бытію волею Божіей. Затѣмъ, самое представленіе о такомъ идеальномъ мірѣ способно возбудить разнаго рода недоумѣнія относительно цѣлесообразности его для объясненія процесса мірообразованія. Въ самомъ дѣлѣ, идеальный міръ, предшествующій настоящему, долженъ быть или болѣе совершеннымъ чѣмъ существующій, или менѣе совершеннымъ, или равнымъ ему по цѣнности. Но при каждомъ изъ этихъ предположеній возникаютъ своего рода неразрѣшимыя затрудненія. Если идеальный міръ, предшествующій настоящему эмпирическому, есть болѣе совершенный, идеальный въ качественномъ значеніи слова, то спрашивается, для чего Богу нужно было реализовать этотъ міръ въ пространствѣ и времени, создавать міръ настоящій? Если же съ реализаціею этого міра привзошло къ нему нѣкоторое совершенство, котораго онъ прежде не имѣлъ, если цѣлостный и полный міръ можетъ быть только такой, въ которомъ идеальная сторона необходимо выражается въ феноменальномъ проявленіи, то непонятно почему идеальный міръ долженъ предшествовать настоящему и почему идеальная форма міра не дана вмѣстѣ съ эмпирическимъ содержаніемъ его? Въ человѣческихъ произведеніяхъ мы дѣйствительно находимъ, что замыселъ, планъ, идея предшествуютъ выполненію, напр. въ художественныхъ или техническихъ произведеніяхъ. Но можетъ ли это имѣть приложеніе къ творческому разуму и волѣ? Въ Богѣ мысль и ея осуществленіе не раздѣлены; было бы странно предполагать, что для него сначала нужно было создать типы или идею, какъ бы модели вещей, чтобы потомъ, взирая на нихъ, создавать самыя вещи. Если же идеальный и феноменальный міръ по цѣнности и по содержанію равны, то существованіе перваго изъ нихъ совершенно излишне. О содержаніи этого міра—идеяхъ можно сказать тоже, что Аристотель сказалъ объ идеяхъ Платона: онѣ суть совершенно не нужное удвоеніе дѣйствительныхъ вещей.

РЕГРЕССИВНАЯ И ПРОГРЕССИВНАЯ

ТЕОРІЯ ПРОИСХОЖДЕНІЯ МІРА *).

Рѣшеніе вопроса о процессѣ мірообразованія и о законахъ, по которымъ совершается этотъ процессъ, повидимому, вполнѣ принадлежитъ естествознанію. Оно болѣе или менѣе удачно и рѣшаетъ этотъ вопросъ въ различныхъ наукахъ, касающихся не только настоящаго состоянія вселенной, но и ея исторіи, начиная отъ предполагаемаго изначальнаго состоянія матеріи въ видѣ атомовъ и кончая настоящимъ положеніемъ нашей планеты. Въ числѣ этихъ наукъ астрономія, геологія, палеонтологія и біологія занимаютъ главное мѣсто. Естествознаніе изучаетъ, далѣе, не только спеціальные законы происхожденія тѣхъ или другихъ областей природы, но пытается, сколько возможно, обобщить эти законы и свести ихъ къ какому либо одному или нѣсколькимъ первоначальнымъ. Философіи на первый взглядъ здѣсь дѣлать нечего, да и по существу своему ничего она здѣсь не можетъ сказать, такъ какъ лишена необходимаго научнаго орудія для рѣшенія подобнаго вопроса — наблюденія, опыта и возможности дѣлать основанные на нихъ выводы, гипотезы и обобщенія. Но при болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло оказывается, что естествознательное ученіе объ образованіи вселенной далеко не исчерпываетъ этого вопроса во всей его широтѣ и со всѣхъ сторонъ и точекъ зрѣнія. Прежде всего, естествознаніе имѣетъ въ виду видимую нами вселенную, эмпирически данный міръ,

*) Статья эта помѣщена была въ „Богосл. Вѣстникѣ“ за 1892 годъ, послѣ смерти автора.

при изученіи котораго индуктивный методъ составляетъ, дѣйствительно, если не единственное, то во всякомъ случаѣ главное орудіе. Оно исходитъ изъ предположенія, что эмпирически данною дѣйствительностью объемлется вся совокупность реально сущаго бытія, что видимая нами вселенная есть единственная въ точномъ смыслѣ вселенная, обнимающая собою все существующее. Но возможно другое, и, какъ по крайней мѣрѣ показываетъ исторія религій и философскихъ ученій, вполнѣ мыслимое предположеніе, что видимымъ нами міромъ не ограничивается область существующаго, что на ряду съ этимъ міромъ можетъ существовать міръ невидимый, предметы и существа, о которыхъ ничего не говорятъ и не могутъ сказать внѣшнія чувства и основанное на показаніяхъ ихъ эмпирическое наблюденіе. Если же допустить это предположеніе, то рѣшеніе вопроса объ образованіи міра естествознательнымъ путемъ окажется уже узкимъ и одностороннимъ, такъ какъ оно будетъ касаться одной только эмпирической стороны міра, видимой вселенной. Оно потребуетъ дополненія, котораго и должно искать въ той области знанія, которая при помощи метода раціональнаго старается проникнуть туда, куда нѣтъ доступа непосредственному наблюденію. Далѣе,—естествознаніе, вполнѣ согласно съ своею задачею, смотритъ на міръ съ чисто фактической, эмпирической стороны. Оно изучаетъ его такъ и съ такими физическими свойствами, какъ воспринимаютъ его наши чувства. О какихъ либо другихъ свойствахъ и качествахъ, не данныхъ во внѣшнемъ опытѣ, оно не знаетъ. Но не только общее сознаніе, но и исторія философскаго мышленія показываетъ, что, помимо физическихъ свойствъ, человѣкъ всегда переносилъ на природу другаго рода свойства и качества, первоначальный источникъ которыхъ находилъ въ себѣ самомъ, въ присущихъ его уму идеяхъ истины, добра, изящнаго, которыя могутъ быть объединены въ одной общей идеѣ совершенства. Не ограничиваясь эмпирическимъ познаніемъ тѣхъ или иныхъ предметовъ и явленій природы, мыслящій человѣкъ старался разсматривать ихъ съ точки зрѣнія ихъ идеальной цѣнности, находилъ одни изъ нихъ болѣе, другіе менѣе совершенными. Переходя отъ частныхъ явленій міра ко всей ихъ совокупности, онъ предлагалъ себѣ вопросъ,—осуществляется ли и въ какой мѣрѣ въ области какъ физи-

ческаго, такъ и духовнаго бытія, та идея совершенства, какую находилъ онъ въ собственномъ духѣ, и рѣшалъ этотъ вопросъ различно, судя по различію философскихъ направленій, крайними полюсами которыхъ здѣсь служатъ оптимизмъ и пессимизмъ. Если приложеніе этихъ идеальныхъ понятій къ эмпирическому міру законно, если предметы этого міра и цѣлый міръ могутъ быть разсматриваемы не только по отношенію къ своимъ, даннымъ въ опытѣ, физическимъ свойствамъ, но и по отношенію къ неусматриваемымъ непосредственно свойствамъ идеальнымъ, то и съ этой точки зрѣнія рѣшеніе вопроса, выставленнаго нами, однимъ естествознательнымъ путемъ окажется опять недостаточнымъ и одностороннимъ.

Въ этой недостаточности заключается право философіи на рѣшеніе вопроса объ общемъ законѣ мірораздитія, которое отличается отъ естествознательнаго тѣмъ, что, съ одной стороны, захватываетъ этотъ вопросъ въ большей широтѣ и общности, чѣмъ естествознаніе, съ другой, обращаетъ вниманіе на тѣ идеальныя свойства міровой жизни, какихъ не касается положительная наука. Такъ какъ тотъ общій законъ мірораздитія, уяснить который стремится философія, не есть законъ физическій, подобный тѣмъ физическимъ законамъ, которые изучаются естествознаніемъ, то мы вправѣ назвать его закономъ идеальнымъ или метафизическимъ.

Разсматривая вопросъ о законѣ мірообразованія съ указанной нами точки зрѣнія, мы въ исторіи религіознаго и философскаго мышленія встрѣчаемъ два господствующія, противуположныя воззрѣнія, изъ которыхъ одно назовемъ регрессивнымъ, а по мѣсту происхожденія восточнымъ, другое — прогрессивнымъ или западнымъ. Коротко эти воззрѣнія можно формулировать такъ: по первому, процессъ міроваго бытія представляется нисхожденіемъ отъ лучшаго къ худшему, по второму—отъ худшаго къ лучшему.

1. Первое воззрѣніе есть общераспространенное въ религіозныхъ и философскихъ системахъ Востока. Первыя, происшедшія отъ верховнаго начала бытія, существа были наиболѣе совершенныя; это — боги, полубоги, болѣе или менѣе совершенные духи. Чѣмъ далѣе развивается міръ, тѣмъ не-

совершеннѣе и хуже онъ становится какъ по физическому, такъ и по нравственному строю. Настоящее состояніе міра, по всѣмъ почти восточнымъ космогоніямъ, представляется послѣднимъ и самымъ несовершеннымъ періодомъ міровой жизни. Самое происхожденіе физической природы часто является не начальнымъ актомъ творенія, но завершеніемъ его и приводится въ связь съ предшествующею, домірною исторіею бытія. Видимый міръ создается, какъ мѣсто наказанія и очищенія падшихъ духовъ. Такъ наприм. по Египетской космогоніи, которая есть вмѣстѣ и ѳеогонія, процессъ міроразвитія идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Изъ таинственныхъ нѣдръ перваго начала бытія (Аммунъ) являются верховные боги, олицетворяющіе собою основныя космическія силы: Кнефъ (духъ), Нейтъ (матерія), Севехъ и Паштъ, значеніе которыхъ не довольно ясно и которое ближе всего соотвѣтствуетъ понятіямъ пространства и времени. Отъ соединенія этихъ боговъ являются новые второстепенные боги, называемые сотворенными и явившимися въ отличіе отъ первыхъ, несотворенныхъ и сокрытыхъ. Эти боги (восемь Кабировъ) создаютъ міръ или лучше— сами раскрываются въ міръ, такъ какъ многіе изъ нихъ служатъ олицетвореніемъ міровыхъ предметовъ и явленій, напр. Ре (солнце), Іогъ (луна). Для того, чтобы населить созданную ими землю, восемь Кабировъ сходятъ на нее, именно въ Египетъ, и взаимнымъ соединеніемъ производятъ новую генерацію боговъ, отъ которой затѣмъ рождаются низшіе, имѣющіе вполнѣ антропоморфическій характеръ, боги и низшіе духи. Здѣсь только распадается этотъ міръ высшихъ существъ на добрыя и злыя, и выступаетъ нравственная противоположность и борьба. Сначала господствуютъ одни добрыя божества; затѣмъ наступаетъ преобладаніе злыхъ и открытая война противъ первыхъ. Озирисъ и Пиѳонъ являются предводителями двухъ враждебныхъ партій въ сонмѣ низшихъ боговъ. Въ борьбѣ боговъ принимаетъ участіе множество падшихъ духовъ (Анофи) и чудовищъ необыкновенной величины и силы, подобныхъ Греческимъ титанамъ и гигантамъ. Чтобы очистить землю отъ происшедшаго на ней, въ слѣдствіе преобладанія темныхъ силъ, неустройства, всемірный духъ Кнефъ посылаетъ на нее потопъ, посредствомъ котораго земля возвращается въ первобытное состояніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы очистить и са-

михъ возмутившихся противъ добра и порядка духовъ, высшіе боги образуютъ человѣческія и животныя тѣла, въ которыя и заключаютъ ниспадшихъ духовъ; такимъ образомъ происходитъ родъ человѣческій. Различныя степени очищенія выражаются различными степенями перехожденія душъ изъ однихъ органическихъ существъ въ другія; здѣсь лежитъ основаніе Египетскаго ученія о душепреселеніи.

По ученію Зендавесты, во главѣ мірозданія стоятъ два качественно противоположныя начала бытія, доброе и злое—Ормуздъ и Ариманъ. Твореніе міра начинается созданіемъ Ормуздомъ шести Амшаспандіевъ—верховныхъ духовъ или боговъ; затѣмъ слѣдуютъ Изеды—низшіе небесные духи и наконецъ Феруеры (Фраваши). Феруеры не суть чисто духовныя существа. Они имѣютъ внѣшнюю, призрачную форму тѣхъ существъ, которыя имѣютъ явиться въ міръ потомъ и которыя они должны оживлять. Такъ напр. феруеры человѣка имѣютъ человѣческій видъ, феруеры животныхъ—животный и пр., всѣ земныя созданія имѣютъ своихъ феруеровъ. Такимъ образомъ феруеры въ сущности не что иное, какъ прежде видимаго, дѣйствительнаго міра существующій невидимый, идеальный міръ, который служитъ прототипомъ перваго; такъ напр. еще прежде сотворенія міра, по Зендавестѣ, существовали солнце, луна и звѣзды изъ первоначальнаго свѣта, но только какъ феруеры. Міръ феруеровъ представляетъ, поэтому, нѣкоторое подобіе Платонова міра идей, только въ болѣе чувственной формѣ. Въ противоположность Ормузду, Ариманъ творитъ злыхъ духовъ; ихъ такое же множество, какъ и добрыхъ, и въ порядкѣ и значеніи они соотвѣтствуютъ первымъ. Такъ семи Амшаспандіямъ Ариманъ противопоставляетъ семь Дарвандовъ; семи феруерамъ планетъ—семь кометъ; Изедамъ — добрымъ духамъ противостоятъ Девы—духи злобы и лжи. Между обоими царствами добра и зла возникаетъ борьба; въ видахъ продолженія этой борьбы, съ цѣлью окончательнаго торжества надъ зломъ, Ормуздъ создаетъ видимый, вещественный міръ и въ немъ человѣка. Но въ паралель съ твореніемъ добрыхъ и прекрасныхъ земныхъ тварей идетъ дѣятельность Аримана, состоящая отчасти въ поврежденіи созданій Ормузда, отчасти въ произведеніи злыхъ и несовершенныхъ предметовъ; таковы напр. въ органическомъ царствѣ ядовитыя растенія, хищные звѣри.

Въ другихъ восточныхъ космогоніяхъ (Индійской, Вавилонской, Финикійской) мысль о томъ, что созданію видимаго міра предшествовало созданіе невидимаго, духовнаго, въ порядкѣ градаціи отъ совершенства къ несовершенству, не выражена съ такою ясностью, какъ въ Египетской и Персидской, такъ какъ въ слѣдствіе сильной антропоморфической окраски боговъ, они изначала представляются дѣйствующими въ этомъ мірѣ и предполагаютъ его существованіе. Но за то въ нихъ ясно проводится мысль о большемъ совершенствѣ предшествующаго періода міроразвитія сравнительно съ послѣдующимъ состояніемъ міра.

Общая восточнымъ космогоніямъ мысль о порядкѣ мірообразованія, какъ о процессѣ нисхожденія отъ болѣе совершеннаго къ менѣе совершенному не встрѣтила себѣ сочувствія у Греческихъ философовъ. Нѣкоторую аналогію съ нею можно находить только въ ученіи Платона объ идеяхъ, если понимать ихъ, какъ субстанціальныя начала, предшествовавшія бытію реальнаго міра, и если почитать ихъ не самосущими началами, а произведеніемъ Божества, какъ единаго абсолютнаго начала всего. Міръ идеальный, котораго дѣйствительный міръ служитъ только тусклымъ отображеніемъ, рѣшительно выставляется у Платона какъ міръ болѣе совершенный, болѣе прекрасный *) и болѣе реальный, чѣмъ настоящій феноменальный; въ сравненіи съ первымъ, подлинно сущимъ бытіемъ (τὸ ὄν) послѣдній можетъ быть названъ какъ бы не сущимъ (μὴ ὄν). На созданіе дѣйствительнаго міра Платонъ смотритъ какъ на актъ высочайшей благости Творца міра, который, будучи благъ и независтливъ, не могъ потерпѣть, чтобы, кромѣ него, оставалось что либо не благоустроенное, — хаотическая матерія; онъ восхотѣлъ дать и ей возможно совершенную форму, организовавъ ее по образцу вѣчныхъ и совершенныхъ идей. Но не прямо самъ онъ сотворилъ всѣ вещи, но какъ посредствующій органъ творенія создалъ первоначально міровую душу, какъ начало оживляющее и образующее матерію. Что касается до процесса матеріальнаго міра, то онъ изображается у Платона какъ рядъ послѣдовательныхъ воздѣйствій міровой души на матерію. Но въ области бытія духовнаго состоянію

*) Идеи у него τὸ καλὸν αὐτὸ, самое прекрасное. Rep. VI.

душъ въ земныхъ и смертныхъ тѣлахъ у него предшествуетъ жизнь ихъ въ болѣе совершенномъ состояніи, на звѣздахъ, число которыхъ соотвѣтствуетъ числу созданныхъ Творцемъ міра душъ. Облеченіе душъ въ смертныя тѣла является у него то актомъ творческой воли,—актомъ необходимымъ для осуществленія полноты и гармоніи міра, въ которомъ должны быть не только духовныя, но и духовно-чувственныя существа (въ Тимеѣ), то актомъ свободной воли самихъ душъ, — ихъ паденіемъ (въ Федрѣ). Не воля диміурга, но собственная вина душъ была причиною, что онѣ ниспали въ область чувственнаго бытія, на землю; приняли плотскую форму именно тѣ души, которыя по влеченію къ чувственному и матеріальному не могли слѣдовать за полетомъ болѣе совершенныхъ душъ, боговъ и демоновъ къ пренебесному мѣсту и области полной истины, гдѣ онѣ созерцали идеальный міръ въ его всецѣлой чистотѣ и красотѣ.

Кромѣ Платона, мысль о мірообразованіи какъ процессѣ нисхожденія отъ совершеннаго къ несовершенному мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ неоплатоническихъ и особенно гностическихъ системахъ. Рядами различныхъ субстанцій и существъ, то эоновъ, то духовъ, гностики стараются наполнить бездну, отдѣляющую Творца міра отъ настоящаго чувственнаго, исполненнаго золъ и несовершенствъ, міра. Міръ этотъ есть произведеніе не самого бога, но низшаго богоподобнаго существа (диміургъ, космократоръ, Богъ Іудеевъ). По мнѣнію Василида, Сатурнина, Карпократа, чувственный міръ созданъ не Богомъ, но ангелами, стоящими на самой низшей ступени въ градаціи духовныхъ существъ. Слѣды вліянія восточныхъ идей о порядкѣ мірообразованія мы находимъ затѣмъ въ философіи Каббалы, которая носитъ на себѣ замѣтный эманатическій характеръ *). Отъ Бога, единаго и непостижимаго

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, главный письменный источникъ каббалистической философіи, составляющей будто бы тайное преданіе ветхозавѣтной мудрости, не восходитъ далѣе 9-го вѣка по Р. Хр. (книга Jeziraĥ, приписываемая прежде Рабби Акибѣ, жившему во второмъ столѣтіи нашей эры). Но окончательная выработка этой философіи принадлежитъ 12-му, даже 13-му столѣтію. Каббалистическую философію съ интересомъ изучали многіе христіанскіе философы, напр. Помпонатъ, Фицинъ, Пикъ де Мирандола, Парацельсъ и др., и она имѣла на нихъ нѣкоторое вліяніе.

существа (Ensoph), первоначально произошло десять Зефиротовъ, которые повидимому составляютъ гипостазированіе различныхъ божественныхъ свойствъ. Въ области мірозданія Каббала, подобно Платону, кромѣ видимаго міра, признаетъ существованіе предшествующаго ему невидимаго, но не одного, а четырехъ, отличныхъ по совершенству, міровъ. Эти міры суть созданіе десяти Зефиротовъ. Самъ человѣкъ, прежде чѣмъ онъ явился на землѣ въ тѣлесной формѣ, существовалъ въ видѣ идеальнаго, небеснаго человѣка (Adam Kadmon), состоявшаго изъ трехъ частей: духа, души и болѣе грубаго духа (Nephesch), въ которомъ олицетворены инстинкты животной природы. Этотъ небесный Адамъ, въ которомъ соединены были мужеское и женское начало, по волѣ Божіей явился на землѣ въ видѣ мужа и жены съ тою цѣлію, чтобы созерцать міръ и черезъ познаніе его и самаго себя достигать соединенія съ божествомъ.

Въ новой философіи мысль о томъ, что настоящему реальному міру предшествовалъ міръ высшій, идеальный, встрѣчается иногда у философовъ теистовъ, на которыхъ имѣло болѣе или менѣе сильное вліяніе ученіе объ идеяхъ Платона. Такъ, по Зенглеру, кромѣ реальнаго міра, существуетъ міръ идей, которыя, будучи разсматриваемы въ ихъ единствѣ и связи, образуютъ общую идею міра. Этотъ идеальный міръ не есть только совокупность божественныхъ мыслей о мірѣ или образцовъ, по которымъ онъ творитъ вещи, но кромѣ того имѣетъ самостоятельное бытіе и значеніе. Міръ идей имѣетъ двойственное существованіе (ist zweimal vorhanden), сначала въ Богѣ, въ самомъ себѣ, какъ актъ божественнаго познанія и изволенія, затѣмъ внѣ Бога, реальнымъ, тварно-дѣйствительнымъ способомъ. Идеи суть сущности (Wesenheiten, Hypostasen) въ собственномъ смыслѣ слова, не покоющееся бытіе, но живые, движущіе, реальные и формальные принципы міра (naturae naturantes). Міръ происходитъ изъ идей, и нужно считать прямымъ заблужденіемъ то ученіе, будто высшее происходитъ изъ низшаго, многоразличное изъ простаго (напр. атомовъ), духъ изъ матеріи *).

Впрочемъ должно замѣтить, что, хотя у Платона и состоя-

*) Sengler, Die Idee Gottes. 1847. II Theil. p. 325, 328, 330, 335, 337.

щихъ подъ его вліяніемъ новѣйшихъ философовъ процессъ міроразвитія представляется какъ бы нѣкоторымъ переходомъ отъ лучшаго состоянія (міръ идеальный) къ худшему, но между ними и ученіемъ религіозно-философскихъ системъ Востока то существенное различіе, что у первыхъ идеи, не смотря на ихъ самостоятельное и субстанціональное значеніе, не суть опредѣленныя, живыя существа, но только общія зиждительныя начала чувственно являющихся конкретныхъ существъ; между тѣмъ, по восточнымъ космогоніямъ, первоначальныя, домірныя существа были живыя, реальныя, личныя существа—боги, духи, демоны. Причина этого отличія, конечно, могла замѣчаться въ поэтической, миѳологической и антропоморфической формѣ, въ которую были облечены древнѣйшіе философскія идеи; такъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, богахъ и духахъ подъ довольно прозрачною завѣсою скрываются понятія о силахъ и реальныхъ предметахъ природы. Но вообще на происхожденіе того воззрѣнія, что процессъ міровой жизни есть движеніе отъ болѣе совершеннаго къ менѣе совершенному, имѣли вліяніе и другія болѣе внутреннія причины. Прежде всего, онѣ заключались въ пантеистическомъ понятіи о Богѣ, скрывавшемся во глубинѣ древнихъ восточныхъ религій. По пантеистическому воззрѣнію, которое въ древности носитъ болѣе наивную форму эманатизма, происхожденіе отъ Бога существъ представляется въ видѣ истеченія изъ него, при чемъ уму неизбѣжно предносится аналогія распространенія свѣта. Какъ свѣтъ становится слабѣе и слабѣе по мѣрѣ распространенія въ пространствѣ, такъ и существа, истекающія отъ абсолютнаго начала бытія, какъ лучи свѣта, естественно должны болѣе и болѣе оскудѣвать въ совершенствахъ по мѣрѣ удаленія отъ этого начала. За тѣмъ, къ подобному же воззрѣнію велъ и практическій мотивъ—желаніе разрѣшить величайшую загадку жизни—существованіе зла и бѣдствій въ мірѣ. Человѣкъ глубоко чувствовалъ всю горечь своихъ и чужихъ страданій; коренной причины ихъ онъ не могъ найти въ своей личной дѣятельности, потому что видѣлъ, что мѣра страданій не соотвѣтствуетъ мѣрѣ нравственнаго совершенства; одинаково страдали и добрые и злые. Между тѣмъ онъ носилъ въ себѣ идею вѣчной правды, которая не допускала случайныхъ и безвинныхъ страданій. Естественно могла возникнуть

мысль: не суть ли эти, повидимому, безвинныя страданія — наказанія за грѣхи, совершенные кѣмъ-то и когда-то въ невѣдомомъ теперь, предшествующемъ появленію человѣка, періодѣ міровой жизни? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ давалъ почву для различнаго рода гаданій объ этомъ домірномъ періодѣ, о богоподобныхъ существахъ, боровшихся съ темными и злыми силами, о паденіи духовъ и душъ, о заключеніи ихъ въ темницы земнаго тѣла и т. п.

2. Восточныя идеи о процессѣ міроваго бытія, какъ постепенно нисходящей градаціи существъ, не получили дальнѣйшаго развитія въ Греческой философіи. Уже Аристотель вѣрно замѣтилъ ту характеристическую особенность, отличающую Греческую философію отъ восточной, что первая все въ мірѣ производитъ изъ худшаго, тогда какъ послѣдняя все выводитъ изъ лучшаго. Дѣйствительно, уже въ миѳическихъ космогоніяхъ Грековъ во главу всего мірозданія поставляется хаосъ; затѣмъ природа идетъ путемъ постепеннаго совершенствованія. Но не только природа, но и самые боги подчинены тому же закону; свѣтлые боги Олимпа являются на концѣ ѳеогоническаго процесса, имъ предшествуютъ темныя демоническія силы, стихійные боги генераціи Урана и Кроноса, побѣда надъ которыми послѣдней генераціи боговъ достигается только путемъ долговременной борьбы. Явившаяся на смѣну миѳологіи философская мысль, не смотря на разнообразіе направленій и на спеціальныя отличія въ объясненіи происхожденія міра, твердо держится того общаго воззрѣнія, что процессъ міровой жизни есть процессъ возникновенія болѣе совершеннаго изъ менѣе совершеннаго. Изъ стихійныхъ первоначалъ, напр. воды, воздуха, огня, хаотической смѣси элементовъ, атомовъ и пр. естественнымъ путемъ постепенно образуются всѣ предметы міра. Самъ человѣкъ есть такой же естественный продуктъ восходящей по ступенямъ развитія природы, какъ и другія существа; его появленіе на землѣ не вызывается какимъ либо особымъ актомъ сверхъестественной силы, не приводится въ связь съ какою либо высшею домірною исторіею вселенной *).

*) Такъ напр., по мнѣнію Анаксимандра, первыя животныя и въ числѣ ихъ человѣкъ образовались во влажной почвѣ; будучи извлечены оттуда солнеч-

Даже у тѣхъ философовъ, которые, подобно Платону, отличали міръ идеальный отъ феноменальнаго, происхожденіе послѣдняго подчиняется общему закону прогрессивнаго развитія.

Первоначальнаго источника такого рѣзкаго различія между восточнымъ и западнымъ воззрѣніемъ на ходъ міровой жизни, конечно, нельзя искать въ какихъ либо эмпирическихъ наблюденіяхъ, по совершенному отсутствію при тогдашнемъ состояніи естествознанія какихъ либо указаній на столь отдаленную эпоху міровой жизни, какъ эпоха первоначальнаго происхожденія вещей. И на Западѣ, какъ и на Востокѣ, подобнаго рода вопросы въ началѣ рѣшались одинаково теоретическимъ путемъ умозрѣнія. Но существенная разница, опредѣлившая способъ рѣшенія ихъ, заключалась въ томъ, что Греческая мысль изначала была свободна, по крайней мѣрѣ, менѣе зависима отъ религіозныхъ вліяній, чѣмъ на Востокѣ. При отсутствіи такихъ вліяній мысль Греческихъ философовъ, при объясненіи происхожденія вселенной, естественно должна была обращаться къ самому міру и въ немъ искать нѣкоторыхъ указаній для разрѣшенія даннаго вопроса. Такія указанія она могла находить только въ фактахъ дѣйствительнаго происхожденія доступныхъ наблюденію конкретныхъ вещей, по аналогіи съ которыми могла мыслить и происхожденіе совокупности всѣхъ вещей — міра. Но эмпирическіе факты прямо вели къ мысли о прогрессивномъ міроразвитіи. Въ мірѣ органическомъ растеніе, животное появляется не вдругъ во всей полнотѣ окончательнаго развитія, но достигаетъ его путемъ

нымъ жаромъ, они облеклись колючимъ покровомъ, за тѣмъ, достигнувъ извѣстнаго возраста, разорвали этотъ покровъ и вышли на сушу. Анаксагоръ училъ, что отецъ и мать всего живаго—солнце и земля; животныя произошли изъ грязнаго ила, согрѣтаго теплотою. Парменидъ думалъ, что сначала появились отдѣльные члены человѣка изъ земли, бременѣвшей ими, что эти члены въ послѣдствіи срослись и образовали человѣческое тѣло. По ученію Емпедокла, изъ влажной земляной смѣси, согрѣтой теплотою, сначала появились грубыя и нестройныя животныя формы (τύποι), недоконченные организмы и неразвитые отдѣльные органы. Соединеніе этихъ грубыхъ формъ и органовъ произвело чудовищныя существа полулюдей, полузвѣрей, полумущинъ, полуженщинъ; затѣмъ стали являться нормальныя существа и, сообразно съ законами природы, размножаться. Епикуръ думалъ, что земля прямо произвела первыхъ младенцевъ или, какъ говорилъ его послѣдователь Лукрецій, первые люди выросли изъ земли, какъ трава.

постепеннаго перехода отъ простаго сѣмени, зародыша до цѣльнаго организма. Въ мірѣ человѣческомъ, каждый предметъ, въ области ли то искуства, науки, техники или общественной жизни, создается не вдругъ и однимъ разомъ, но постепенно, рядомъ послѣдовательныхъ работъ, начиная отъ обработки грубаго матеріала и оканчивая тою его формою, которая является послѣднею и законченною; при этомъ, въ самомъ процессѣ работы возможны ошибки, поправки, неудачныя произведенія. Обобщая этотъ законъ эмпирическаго образованія вещей и примѣняя его къ цѣлому міру, Греческая мысль естественно приходила къ тому воззрѣнію, что природа или тотъ невидимый зодчій, который устроилъ міръ, въ своей мірообразующей дѣятельности долженъ былъ идти тѣмъ прогрессивнымъ путемъ, какимъ и въ настоящее время идетъ природа и разумъ человѣка при образованіи своихъ произведеній.

По направленію, указанному Греческою философіею, неуклонно шла западная философія. Возвращеніе къ мысли о регрессивномъ ходѣ мірообразованія становилось тѣмъ менѣе возможнымъ, чѣмъ болѣе въ движеніи философской мысли ограничивалось участіе сверхъестественнаго Начала въ дѣлѣ мірообразованія, потому что, очевидно, регрессивная теорія возможна только при предположеніи свободно дѣйствующаго и не стѣсненнаго данными на опытѣ законами происхожденія вещей Начала. Эмпирическая философія, родоначальникомъ которой мы должны считать Бакона, сначала ограничила міротворящую дѣятельность Божества minimum'омъ ея содержанія— первоначальнымъ созданіемъ матеріи съ основными ея силами (деизмъ), затѣмъ (въ матеріализмѣ) совершенно отвергла участіе въ образованіи вещей какого бы то ни было сверхчувственнаго агента и старалась представить весь процессъ мірообразованія какъ дѣйствіе матеріи съ имманентными ей отъ вѣка силами. При такомъ воззрѣніи, при рѣшеніи вопроса о порядкѣ послѣдованія міровыхъ существъ, она, понятно, должна была ограничиться однимъ обобщеніемъ наблюденій надъ происхожденіемъ эмпирически познаваемыхъ существъ и придти къ безусловно прогрессивной теоріи мірозвитія. Но подобнаго рода теорія могла имѣть значеніе только основанной на аналогіяхъ гипотезы до тѣхъ поръ, пока не получила твердой научной опоры въ эмпирическихъ данныхъ,

которыя представили явившіяся сравнительно недавно и имѣющія своимъ предметомъ не только современное состояніе, но и исторію міра науки—геологія и палеонтологія. Общій результатъ этихъ наукъ, къ которымъ должно присоединить и астрономическія теоріи образованія небесныхъ тѣлъ, тотъ, что существа вселенной являлись постепенно, путемъ восхожденія отъ простаго и несовершеннаго къ сложному и совершенному.

Такой законъ міроразвитія въ настоящее время безспорно признается не только естествознаніемъ, но и философіею, потому что и въ послѣдней, не смотря на различіе ея направленій, не смотря на разнообразіе воззрѣній на первую причину бытія и на степень ея вліянія на ходъ міровой жизни, повидимому, на всегда твердо установилась мысль, что законъ мірообразованія есть законъ градаціи отъ несовершеннаго къ совершенному. При этомъ безразлично, будемъ ли понимать этотъ законъ, какъ законъ дѣйствія самой матеріи съ ея силами (матеріализмъ), или какъ законъ, установленный свободною волею Творца міра (теизмъ), или какъ законъ саморазвитія самаго абсолютнаго начала (пантеизмъ). Потому что и въ идеалистическихъ системахъ, хотя абсолютное есть первое и самое совершенное, но оно таково только въ возможности (in potentia); (оно есть Deus implicitus). Процессъ же развитія абсолютнаго, реальное обнаруженіе его жизни совершается только путемъ міроразвитія (міръ есть deus explicitus). На первый взглядъ могло бы показаться, что состояніе абсолютнаго въ процессѣ міроразвитія есть состояніе менѣе совершенное, чѣмъ пребываніе его въ абсолютной полнотѣ и единствѣ, такъ какъ это послѣднее состояніе называется иногда у пантеистовъ чуждымъ подлиннаго бытія абсолютнаго инобытіемъ, отрицаніемъ истиннаго бытія и пр., такъ что, подвергаясь процессу міровой жизни, оно идетъ отъ лучшаго къ худшему. Но новѣйшій идеализмъ смотритъ на это дѣло иначе. Вообще, онъ отвергаетъ восточную идею о жизни міра, какъ не истинномъ состояніи абсолютнаго, не считаетъ міръ, подобно Индійскимъ пантеистамъ, обманомъ, сновидѣніемъ, постыднымъ вожделѣніемъ Брамы, но вполнѣ нормальнымъ откровеніемъ жизни абсолютнаго. Абсолютная идея, напр., по ученію Гегеля, хотя повидимому отрицаетъ себя въ „ино-

бытіи", въ мірѣ, но возвращается къ себѣ не просто такою же, какъ была прежде, но „обогащенная всѣмъ содержаніемъ, всею полнотою своего діалектическаго развитія" *). Что касается до ступеней этого развитія, то вообще идеалистическая философія не уклоняется здѣсь отъ эмпирическаго ученія о послѣдовательномъ ходѣ образованія вещей, мѣняя лишь подкладку его; то, что напр. въ матеріализмѣ понимается какъ дѣйствіе матеріи и ея силъ, въ идеализмѣ представляется какъ процессъ саморазвитія абсолютнаго. Изъ абсолютнаго въ идеализмѣ, также какъ изъ матеріи въ матеріализмѣ, существа міра возникаютъ и образуются путемъ прогрессивнымъ.

Вообще въ новой философіи мысль о прогрессивномъ мірообразованіи встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе только въ тѣхъ системахъ, которыя вообще отвергаютъ объективный характеръ идеи совершенства и понятіе о временномъ процессѣ. Такова напр. система Спинозы. Съ понятіемъ абсолютной субстанціи—Бога (или, что въ сущности тоже, — міровой субстанціи) рѣшительно не совмѣстимо понятіе развитія и во времени совершающагося усовершенствованія. Богъ, что̀ онъ есть, есть вмѣстѣ и однимъ разомъ. Только для человѣческаго, субъективнаго воззрѣнія возможно различеніе совершеннаго и несовершеннаго, точно также какъ различеніе временнаго

*) Исключеніе здѣсь повидимому составляетъ Гартманъ, въ философіи котораго не безъ основанія находятъ нѣкоторыя черты общія съ восточнымъ пантеизмомъ. По его ученію, міръ есть порожденіе слѣпой и неразумной воли абсолютнаго, страдающаго томленіемъ бытія. Съ этой точки зрѣнія можно бы предположить, что процессъ бѣдственной міровой жизни есть безусловно нисхожденіе отъ лучшаго къ худшему. Но не такъ на самомъ дѣлѣ. Въ абсолютномъ, кромѣ слѣпой воли, находится другой моментъ, — представленіе, идея, разумъ. Задача разума—исправить заблужденіе абсолютнаго, при помощи процесса міроразвитія возбудить въ немъ сознавіе, показать неразуміе бытія и заставить прекратить волю или желаніе жить, — слѣдствіемъ чего должно быть и прекращеніе бытія міра. Но что касается до самаго процесса, какимъ достигаетъ этого результата идея или разумъ, то онъ представлялъ процессъ несомнѣнно прогрессивный, совпадающій съ эмпирическимъ процессомъ мірообразованія, хотя совершенно непонятно, для чего именно, для вразумленія абсолютнаго, нуженъ былъ для разума этотъ именно, а не иной процессъ. Впрочемъ, и съ чисто метафизической точки зрѣнія процессъ мірообразованія можетъ быть названъ прогрессивнымъ, такъ какъ и онъ ведетъ къ тому, что, по мнѣнію Гартмана, есть наилучшее,—къ блаженству небытія·

прежде и послѣ. Въ дѣйствительности, въ абсолютномъ всѣ вещи одинаково совершенны и одинаково суть вмѣстѣ безъ всякаго различія. Истинная философія, поэтому, вопреки обычному воззрѣнію, должна отрѣшиться отъ представленія о временномъ развитіи міра и смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія неизмѣнности и вѣчности (sub specie aeternitatis).

3. Итакъ, предъ нами двѣ общія теоріи мірообразованія— регрессивная и прогрессивная, которыя мы назвали восточною и западною. На которой же изъ нихъ мы должны остановиться? На первый взглядъ относительно рѣшенія этого вопроса не можетъ быть никакого затрудненія. Восточная теорія не имѣетъ въ свою пользу никакихъ научныхъ данныхъ; теоретическій источникъ ея въ чисто метафизическихъ, — или, если это слово непримѣнимо къ древнѣйшимъ произведеніямъ человѣческой мысли,—ѳеософическихъ представленіяхъ о началѣ всѣхъ вещей; практическій—въ религіозной потребности уяснить себѣ происхожденіе зла и бѣдствій въ мірѣ. Какъ вышедшая изъ ложныхъ началъ, и сама по себѣ она не представляетъ ничего болѣе, какъ рядъ фантастическихъ образовъ и миѳологическихъ измышленій, и не можетъ дать никакой сколько нибудь стройной философской теоріи происхожденія міра. Иное дѣло теорія прогрессивная, созданная свѣтлою, не отуманенною мистицизмомъ, философскою мыслью запада и подтвержденная всѣмъ авторитетомъ положительной науки.

Что касается до упрека регрессивной теоріи въ томъ, что она носитъ метафизическій и религіозный характеръ, то этотъ упрекъ, вполнѣ понятный со стороны тѣхъ, кто единственнымъ методомъ познанія признаетъ опытъ и въ принципѣ отвергаетъ всякую религію и метафизику, для насъ, конечно, не можетъ имѣть значенія. Если созданныя на почвѣ этой теоріи гипотезы мірообразованія носили фантастическій и миѳологическій характеръ, то виною тому могла быть не сама теорія, а то первоначальное состояніе человѣческаго ума, когда онѣ возникали и когда метафизическія идеи проявлялись не иначе, какъ въ символахъ и образахъ съ религіознымъ характеромъ. И другаго рода, прогрессивныя теоріи мірообразованія, созданныя древнѣйшими Греческими философами, развѣ были свободны отъ фантастическихъ и миѳологическихъ примѣсей? Дѣло разума не преслѣдовать мысль изъ за ея не-

складнаго выраженія, но пытаться извлечь ее и освободить отъ постороннихъ ей наростовъ.

Регрессивная теорія окончательно могла бы быть устранена не ссылкою на метафизическую и религіозную ея форму, но лишь въ томъ случаѣ, если бы противуположная теорія могла дать окончательное рѣшеніе подлежащаго вопроса. Но мы уже замѣтили, что эмпирическая наука, на которой она главнымъ образомъ основана, можетъ дать здѣсь только одностороннее рѣшеніе. Предъ нею только эмпирическій міръ и лишь законы этого міра подлежатъ ея изслѣдованію. Ея рѣшеніе (предполагая его вполнѣ вѣрнымъ) можетъ быть полнымъ и окончательнымъ только при томъ предположеніи, что міръ видимый исчерпываетъ собою всю область существующаго и что, кромѣ этого міра, нѣтъ и не можетъ быть инаго. Но какъ скоро мы допустили, что кромѣ міра видимаго существуетъ иной, невидимый, то тотчасъ становится вопросомъ, примѣнимъ ли и къ этому міру тотъ законъ міроразвитія, который мы открываемъ на основаніи наблюденія надъ міромъ видимымъ? Утверждать это эмпирическая наука съ своей точки зрѣнія не имѣетъ ни малѣйшаго права. Если даже относительно физическихъ и химическихъ законовъ, дѣйствующихъ въ нашей солнечной системѣ, для естествознанія составляетъ еще не рѣшенный вопросъ, имѣютъ ли они (напр. законъ тяготѣнія) примѣненіе въ тѣхъ сферахъ вселенной, которыя лежатъ за границами нашей солнечной системы, то тѣмъ болѣе наука ничего не можетъ сказать о тожествѣ общаго закона мірообразованія въ двухъ мірахъ, по существу различныхъ между собою. Если же пытливая мысль человѣка старается рѣшить этотъ вопросъ не только въ примѣненіи къ міру чувственному, но и къ сверхчувственному, то она не можетъ уже ограничиться опытнымъ рѣшеніемъ его. Міръ идеальный закрытъ для нашихъ чувствъ; наблюденія здѣсь невозможны; мы должны перемѣнить точку зрѣнія и попытаться освѣтить этотъ міръ съ иной, философской, раціональной стороны.

Раціональная точка зрѣнія отъ эмпирической отличается тѣмъ, что тогда какъ съ послѣдней къ рѣшенію даннаго вопроса мы идемъ путемъ индукціи отъ частнаго къ общему, отъ наблюдаемыхъ нами фактовъ происхожденія вещей къ выводу общаго закона міроразвитія, въ области знанія раціональ-

наго мы стараемся рѣшить тотъ же вопросъ, исходя изъ какой либо общей идеи или принципа. Такою великою идеею для насъ въ настоящемъ случаѣ должна служить идея высочайшаго начала бытія и при томъ въ ея опредѣленной формѣ—какъ идея существа высочайше совершеннаго Бога *). По отношенію къ вопросу, насъ занимающему, мы должны обсудить теперь, какая изъ двухъ предложенныхъ нами теорій—регрессивная или прогрессивная наиболѣе соотвѣтствуютъ этой идеѣ и не могутъ ли быть объединены и соглашены обѣ эти теоріи съ указанной нами раціональной точки зрѣнія?

На первый взглядъ идея о Богѣ не даетъ намъ никакого пособія къ рѣшенію вопроса о порядкѣ послѣдованія міровыхъ существъ. Съ идеею о Богѣ, какъ всесовершенномъ и всемогущемъ Творцѣ міра, одинаково, повидимому, согласно какъ то воззрѣніе, что Онъ первоначально творитъ лучшія и совершеннѣйшія существа, затѣмъ постепенно худшія и менѣе совершенныя, такъ и то, что въ своей творческой дѣятельности Онъ идетъ путемъ обратнымъ. Первый способъ исхожденія вещей можетъ показаться несоотвѣтствующимъ истинному понятію о Богѣ лишь въ томъ случаѣ, если онъ понимается въ смыслѣ эманатизма, какъ то и было въ нѣкоторыхъ восточныхъ религіозно-философскихъ ученіяхъ, если будемъ представлять въ процессѣ міротворенія самое существо Божіе мало по малу истощающимся и оскудѣвающимъ въ своихъ совершенствахъ. Но между эманатизмомъ и регрессивною теоріею міротворенія нѣтъ никакой существенной связи и родства. Если міръ есть проявленіе или раскрытіе самой субстанціи божественной, то постепенное нисхожденіе его существъ отъ совершенства къ несовершенству можно, пожалуй, объяснить оскудѣніемъ или истощеніемъ этой субстанціи. Но, если міръ не отличное отъ Творца произведеніе Его воли, то ничто не препятствуетъ Ему творить въ началѣ и самыя совершенныя существа, нисколько не истощая своей силы для созданія послѣдующихъ, въ нисходящей ихъ градаціи.—Про-

*) Мы принимаемъ эту идею, какъ необходимое предположеніе. Оправдать эту теистическую точку зрѣнія на абсолютное начало бытія вопреки матеріализму, дуализму и пантеизму, выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія и составляетъ главную задачу естественнаго или раціональнаго богословія.

тивъ втораго, прогрессивнаго способа происхожденія вещей, съ точки зрѣнія идеи о Богѣ, повидимому, можетъ быть сдѣлано то замѣчаніе, что имъ какъ бы умаляется и ограничивается абсолютность божественнаго разума и воли, и въ понятіе о Богѣ вводится антропоморфическій элементъ. Съ прогрессивной точки зрѣнія Богъ представляется, подобно человѣку-художнику, сначала заготовляющимъ вещество міра (матерію), затѣмъ постепенно обработывающимъ его, восходя отъ болѣе простыхъ и грубыхъ формъ къ наиболѣе совершеннымъ и сложнымъ произведеніямъ. Какъ извѣстно въ богословскомъ мірѣ, эта мысль была для нѣкоторыхъ (напр. Оригена) поводомъ отвергать послѣдовательно идущее отъ несовершеннаго къ совершенному шестидневное твореніе міра. Такой способъ творенія казался имъ недостойнымъ Творца; они полагали, что Богу, какъ существу всесовершенному и всемогущему, приличнѣе всего творить все единымъ и нераздѣльнымъ актомъ своей воли; только для человѣческаго, ограниченнаго пониманія, не могущаго обнять этотъ актъ въ его всецѣлости, открывается онъ, какъ совершающееся въ извѣстномъ порядкѣ и въ извѣстной, временной постепенности твореніе міра. Но, не говоря о богословской несостоятельности подобнаго воззрѣнія, мысль лежащая въ его основѣ не можетъ быть допущена и съ философской точки зрѣнія, такъ какъ она противорѣчитъ опыту, показывающему постепенность возникновенія земныхъ существъ на землѣ; эти показанія опыта могли бы въ настоящемъ случаѣ быть устранены только ложнымъ предположеніемъ о чисто субъективномъ значеніи категорій времени, причемъ всякое понятіе дѣйствительнаго процесса происхожденія вещей (будетъ ли то процессъ регрессивный или прогрессивный) становится не изображеніемъ реальнаго процесса, а только субъективнымъ представленіемъ нашего ума. Тѣмъ не менѣе, въ представленномъ нами возраженіи противъ прогрессивной теоріи лежитъ мысль вѣрная и заслуживающая вниманія, именно, что, почитая законъ прогрессивнаго міротворенія *абсолютнымъ* закономъ происхожденія вещей, мы дѣйствительно ограничили бы Божество, наложивъ на него узы закона, расторгнуть которыя Оно не въ силахъ. Міровому закону восхожденія отъ худшаго къ лучшему мы подчинили бы Бога и впали бы въ опасность допу-

стить въ немъ, если не пантеистическую имманентную необходимость развивать себя въ мірѣ, то необходимость производить вещи въ томъ, а не другомъ порядкѣ. Такъ какъ тоже самое затрудненіе возникаетъ и въ томъ случаѣ, если бы мы ограничили дѣятельность Божества однимъ регрессивнымъ закономъ мірообразованія, то отсюда вытекаетъ единственное средство избѣжать затрудненій,—приписать Богу какъ тотъ, такъ и другой способъ творенія, чрезъ что открывается и возможность примиренія регрессивной и прогрессивной теорій мірораздитія.

Мы уже видѣли, что тотъ и другой способъ одинаково могутъ быть соглашены съ понятіемъ о Богѣ; но этого мало; тотъ и другой способъ одинаково необходимо предполагаются понятіемъ о Богѣ, какъ существѣ абсолютномъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ есть существо абсолютное и какъ такое по отношенію къ тварному бытію есть живая полнота всѣхъ (раціональныхъ) возможностей, то онъ въ своей творческой дѣятельности долженъ осуществить каждую изъ этихъ возможностей. Какъ мы не видимъ причины, почему бы Онъ привелъ въ бытіе только одну или только нѣкоторую часть изъ возможныхъ и согласныхъ съ идеями своего разума тварей, такъ не видимъ основанія и тому, почему бы онъ, что касается до способа произведенія этихъ тварей, ограничился однимъ какимъ либо изъ возможныхъ способовъ творенія. Какъ изъ понятія абсолютной полноты божественной жизни и разума вытекаетъ необходимость созданія не одной какой-либо и единичной твари, но многихъ и разнообразныхъ созданій, которыя сводятся къ двумъ главнымъ группамъ существъ матеріальныхъ и духовныхъ, также точно, на основаніи того же понятія, мы должны допустить и разнообразіе способовъ или законовъ произведенія этихъ созданій, — способовъ, которые также сводятся къ двумъ главнымъ; регрессивному и прогрессивному. И если послѣдній изъ этихъ способовъ, на основаніи показаній опыта, мы видимъ осуществившимся въ мірѣ чувственномъ, физическомъ, то первый (регрессивный) мы, на основаніи требованій разума, можемъ признать осуществившимся въ мірѣ сверхчувственномъ, духовномъ.

Какъ мы должны представлять теперь взаимоотношеніе этихъ двухъ способовъ происхожденія вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ услов-

ливаемый ими порядокъ возникновенія міровыхъ существъ? Здѣсь логически возможны два предположенія: или оба указанные нами процесса міроразвитія идутъ параллельно и одновременно, или послѣдовательно, такъ что первый — (регрессивный) предшествуетъ второму (прогрессивному). Разсмотримъ каждое изъ этихъ предположеній.

а) Въ пользу перваго говоритъ, повидимому, самая идея міроваго бытія, какъ отличнаго отъ бытія абсолютнаго. Такъ какъ міръ по самому существу своему, какъ бытіе тварное, долженъ заключать въ себѣ вмѣстѣ съ чертами уподобленія Божеству и противоположность Ему какъ по бытію, такъ и по кореннымъ своимъ свойствамъ, то эта противоположность должна простираться и на то его свойство, которое мы называемъ его абсолютнымъ единствомъ, простотою, несложностью. Тварное бытіе по самой своей сущности не можетъ быть абсолютно единымъ бытіемъ и, какъ простой и цѣльный объектъ, противостоять высочайшему существу. Оно должно въ самомъ себѣ заключать нѣкоторую множественность и различіе и въ самой простой и первоначальной формѣ это различіе должно выступить въ видѣ *двойственности* міроваго бытія, противоположной абсолютному единству перваго начала бытія. Такую двойственность мы и на опытѣ находимъ въ двухъ, хотя тѣсно соединенныхъ, но существенно различныхъ въ тоже время сторонахъ бытія—матеріальной и духовной, въ основѣ которыхъ лежатъ двѣ ограниченныя (сотворенныя, по ученію Декарта) субстанціи — матерія и духъ, которыя и служатъ метафизическимъ основаніемъ двухъ рядовъ существъ и явленій физическихъ и духовныхъ.

Такъ какъ духъ и матерія суть одинаково существенно входящіе элементы въ понятіе сотвореннаго бытія, то понятно, что въ процессѣ міротворенія тотъ и другой должны были явиться одновременно и изначально въ формѣ полярной ихъ противуположности. Въ той же формѣ должно совершаться и дальнѣйшее ихъ развитіе, состоящее въ произведеніи конкретныхъ вещественныхъ и духовныхъ существъ. Процессы регрессивный и прогрессивный должны идти паралельно,—каждый для соотвѣтственнаго себѣ ряда существъ. Безформенная, хаотическая матерія подъ воздѣйствіемъ творческой силы, послѣдовательно проходитъ всѣ фазисы развитія, указываемые

наукою, начиная отъ первоначальнаго концентрированія ея въ видѣ атомовъ и простыхъ химическихъ тѣлъ, и оканчивая образованіемъ на землѣ человѣка,—совершеннѣйшаго изъ органическихъ существъ природы. Но параллельно съ этимъ видимымъ, эмпирическимъ процессомъ мірозданія и одновременно съ нимъ, идетъ другой, невидимый, въ обратномъ направленіи въ области бытія духовнаго. Здѣсь творческимъ актомъ вызываются къ бытію сначала самыя совершенныя существа, за ними, въ нисходящей градаціи, менѣе и менѣе совершенныя. Оба процесса—нисходящій и восходящій оканчиваются и замыкаются въ человѣкѣ, который по одной сторонѣ своего существа представляетъ совершеннѣйшій организмъ—предѣлъ развитія природы физической, по другой—послѣднюю, низшую ступень духовнаго царства—душу человѣка, ступень, на которой только и возможно соприкосновеніе и соединеніе духовнаго съ матеріальнымъ, какое мы находили въ духовно-органической природѣ человѣка. Такимъ образомъ исторія мірозданія представляетъ собою смыкающійся кругъ или циклъ, гдѣ человѣкъ составляетъ естественное завершеніе и конецъ творенія, кульминаціонный пунктъ, гдѣ соединяются восходящій физическій и нисходящій духовный путь мірозданія (*ἄνω ὁδὸς καὶ κάτω ὁδὸς* Гераклита).

б) По второму изъ указанныхъ нами предположеній процессъ мірообразованія представляется въ такомъ видѣ, что созданію міра видимаго предшествовало сòзданіе міра невидимаго. Порядокъ послѣдованія существъ этого послѣдняго міра есть регрессивный, начиная отъ самыхъ совершенныхъ существъ и оканчивая такими, которыя представляютъ собою, такъ сказать, minimum духовности и духовныхъ совершенствъ. Какъ скоро закончена была полнота возможныхъ духовныхъ существъ, творческая дѣятельность Божества полагаетъ начало иному міру — чувственному и матеріальному, предметы и существа котораго возникаютъ постепенно, путемъ прогрессивнымъ, восходя отъ менѣе къ болѣе совершенному, до человѣка, наиболѣе совершеннаго существа видимаго міра. Хотя въ пользу этого предположенія не можетъ быть, повидимому, приведено никакого метафизическаго основанія, подобно тому, какъ для перваго мы нашли его въ идеѣ міра, необходимо включающей въ себя два элемента — духъ и матерію: но оно не

встрѣчаетъ себѣ и противорѣчія въ этой идеѣ и можетъ быть соглашено съ нею. Потому что для Бога, какъ существа абсолютнаго и неограниченнаго временемъ, двухсоставная, такъ сказать, идея міра предносится и существуетъ отъ вѣка, а что касается до реализаціи ея во времени, то она столько же можетъ быть одновременною для того и другаго момента міровой идеи, какъ и послѣдовательною, безъ нарушенія единства и полноты міробытія.

Указаніемъ двухъ возможныхъ мыслимыхъ теорій мірораз-витія ограничивается дѣло философіи въ рѣшеніи предложеннаго нами вопроса. Окончательнаго отвѣта она здѣсь дать не можетъ, потому что для научнаго и философскаго познанія доступна только та сторона міра, которая въ своемъ развитіи представляетъ процессъ восходящій,—природа, со включеніемъ человѣка. Что касается до той стороны, которая представляетъ процессъ нисходящій, до міра чистыхъ духовъ и вообще существъ лежащихъ выше человѣка, то, какъ самое существованіе этого міра, такъ и особенно порядокъ происхожденія его существъ, для философіи имѣетъ только гипотетическое значеніе, отчего и представленныя нами теоріи мірораз-витія могутъ быть названы не болѣе, какъ философскими гипотезами. Что существованіе сверхчувственнаго, невидимаго міра не только возможно, но и вѣроятно, съ этимъ вполнѣ можетъ согласиться философія, хотя для насъ въ настоящемъ случаѣ, было бы неумѣстно подробное разъясненіе основаній этой вѣроятности. Что касается до болѣе точныхъ и отдѣльныхъ познаній объ этомъ невидимомъ мірѣ, то они могутъ быть сообщены человѣку только путемъ сверхъестественнаго откровенія. Философіи же, еслибъ она захотѣла взяться за это дѣло, какъ показываетъ опытъ, предстоитъ опасность увлечься, если и не фантастическими измышленіями восточныхъ религіозно-философскихъ системъ, то не менѣе произвольными, хотя имѣющими философскую окраску, представленіями гностиковъ и неоплатониковъ.

При такомъ значеніи Откровенія для рѣшенія вопросовъ, касающихся міра сверхчувственнаго, не излишнимъ будетъ оцѣнить представленныя нами теоріи,—регрессивную и прогрессивную съ религіозной точки зрѣнія.

На первый взглядъ, Моисеево бытописаніе, повидимому,

рѣшительно и исключительно благопріятствуетъ прогрессивной теоріи мірообразованія. Здѣсь очевидный процессъ восхожденія отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному, отъ неустроеннаго, хаотическаго состоянія матеріи до человѣка-вѣнца творенія. Но на основаніи другихъ свидѣтельствъ Свящ. Писанія христіанскіе богословы справедливо пришли къ убѣжденію, что созданію видимаго міра, которое изображается бытописателемъ, предшествовало созданіе міра невидимаго, духовнаго. Прикровенное указаніе на это созданіе они находятъ, какъ извѣстно, въ самомъ же Моисеевомъ бытописаніи, въ словахъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю,* гдѣ подъ именемъ неба и разумѣютъ царство безплотныхъ духовъ *).

Отсюда видно, что богословское ученіе о твореніи міра соединяетъ въ себѣ какъ регрессивную, такъ и прогрессивную теоріи мірообразованія такимъ образомъ, что, изображая процессъ творческой дѣятельности, какъ нисхожденіе отъ болѣе совершеннаго (міръ духовъ) къ менѣе совершенному (міръ видимый), дальнѣйшій за тѣмъ ходъ творенія въ этомъ послѣднемъ мірѣ представляетъ, какъ процессъ восхожденія отъ менѣе къ болѣе совершенному. Съ этой точки зрѣнія изъ двухъ предложенныхъ нами гипотезъ мірозвитія оно, очевидно, болѣе благопріятствуетъ послѣдней, чѣмъ первой, потому что нигдѣ въ ученіи Отцевъ и Учителей Церкви не дается ясныхъ указаній на то, чтобы твореніе міра духовнаго и міра чувственнаго шло параллельно и одновременно; напротивъ, твореніе міра духовнаго представляется скорѣе законченнымъ въ то время, когда началось созданіе міра чувственнаго.

Что касается до примѣненія прогрессивной и регрессивной теорій въ области того и другаго міра въ отдѣльности, то относительно міра духовнаго въ ученіи церковномъ мы не встрѣчаемъ никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ указаній на то, совершалось ли твореніе существъ духовныхъ путемъ нисхожденія отъ болѣе совершенныхъ къ менѣе совершеннымъ, или обратно. Противъ того и другаго мнѣнія, предполагающаго послѣдовательность и временный процессъ, стоитъ ученіе св. Василія Великаго, что міръ ангельскій въ противопо-

*) Догм. богословіе Арх. Макарія. 1851, т. II, стр. 47–55. Опытъ прав. догм. богословія. Арх. Сильвестра. 1885. т. III, стр. 154—159.

ложность міру видимому, произошелъ не во времени. Относя слова бытописателя: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* къ видимому небу и землѣ, такъ какъ Моисей „повѣствуетъ только о вещахъ, получившихъ бытіе во времени", св. Василій говоритъ: „было нѣчто, какъ вѣроятно, и прежде сего міра; но сіе, хотя и постижимо для нашего разумѣнія, однакоже не введено въ повѣствованіе (Моисеево), какъ не соотвѣтствующее силамъ новообучаемыхъ и младенцевъ разумомъ. Еще ранѣе бытія міра было нѣкоторое состояніе, приличное премірнымъ силамъ, превышее времени, вѣчно, присно продолжающееся. Въ немъ-то Творецъ и Зиждитель всяческихъ совершилъ созданіе—мысленный свѣтъ, приличный блаженству любящихъ Господа, разумныя и невидимыя природы и все украшеніе умосозерцаемыхъ тварей, превосходящихъ наше разумѣніе, такъ что нельзя изобрѣсти для нихъ и наименованій... А когда уже стало нужно присоединить къ существующему и сей міръ... тогда произведено сродное міру и находящимся въ немъ животнымъ и растеніямъ преемство времени, всегда поспѣшающее и протекающее и нигдѣ не прерывающее своего теченія.... По сей-то причинѣ премудро изъясняющій намъ бытіе міра, разсуждая о мірѣ, весьма кстати присовокупилъ: *въ началѣ сотвори*, то есть, въ семъ началѣ, временномъ" *).

Отрицаніе временнаго процесса происхожденія вещей, которое у св. Василія имѣетъ примѣненіе къ міру невидимому, у нѣкоторыхъ Учителей Церкви встрѣчается и въ примѣненіи къ міру видимому. Такъ Климентъ Александрійскій и Оригенъ, слѣдуя Филону, на повѣствованіе Моисея о міротвореніи смотрятъ только какъ на аллегорическое изображеніе той общей истины, что Богъ есть Творецъ всѣхъ вещей. Бл. Августинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій также высказываетъ ту мысль, что Богъ сразу, безъ всякихъ промежутковъ, создалъ все, и что, поэтому, дни бытописанія Моисеева обозначаютъ собою не болѣе какъ одни только мысленные, послѣдовательные моменты или промежутки по отношенію къ

*) Бесѣды на шестодневъ. Творенія св. Василія Вел. 1891. Т. I. стр. 10—11.

болѣе или менѣе ясному познаванію сотвореннаго ангелами *).

Въ заключеніе нашего изслѣдованія не излишнимъ считаемъ замѣтить, что, говоря о метафизическомъ законѣ мірообразованія, мы имѣли въ виду только порядокъ появленія существъ въ мірѣ, не касаясь вопроса о качественной сторонѣ міроваго развитія. Идетъ ли міръ къ лучшему или къ худшему, какъ вообще, такъ и въ области жизни тѣхъ или другихъ существъ его въ частности, рѣшеніе этого вопроса нисколько не связывается съ тѣми, — регрессивною и прогрессивною, теоріями мірообразованія, о которыхъ мы говорили, потому что, какъ существамъ самымъ совершеннымъ, такъ и менѣе совершеннымъ, какъ прежде, такъ и послѣ явившимся, одинаково предлежитъ безконечное усовершенствованіе и приближеніе къ Всесовершенному, какъ идеальная цѣль ихъ бытія. Въ чемъ именно должно состоять это усовершенствованіе, какъ цѣль міра, вполнѣ ли достигается эта цѣль въ силу самостоятельности міра (особенно сознательно свободныхъ его существъ), по какимъ законамъ и какими средствами достигается осуществленіе міровой цѣли,—эти вопросы должны составить предметъ особаго изслѣдованія.

*) Впрочемъ въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій бл. Августинъ приписываетъ днямъ творенія дѣйствительное значеніе, хотя понимаетъ ихъ не въ смыслѣ обыкновенныхъ дней, но періодовъ неопредѣленнаго времени. Догм. Богословіе Арх. Сильвестра. 1885. Т. III, стр. 100.